Монах Варлаам (Карабашев)

НИТЬ АРИАДНЫ ОТ ВРЕМЕНИ СВЯТОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Санкт-Петербург
Общество памяти игумении Таисии
2014

Господи, благослови!
Святой благоверный князь
Александр Невский,
моли Бога о нас!

Моей маме и дочери
посвящается.

История в некотором смысле есть священная книга народов:
главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности;
скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству;
дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.
Н. М. Карамзин
«История государства Российского»

Входящий 215
«10» 10 2013

Издание книги «Нить Ариадны от времени Невского» благословляю.
† Архиепископ Мстислав.

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Мстиславу,
Епископу Тихвинскому и
Лодейнопольскому
От монаха храма Рождества Христова
(в пос. Надкопанье)
Варлаама (Карабашева)

Прошение

Прошу Вашего благословения на издание написанной мною книги «Нить Ариадны от времени Невского». Это работа по истории древней Руси до 13 века, центральной фигурой которой является святой Благоверный Великий князь Александр Невский.

3 октября 2013 г. _____ Монах Варлаам (Карабашев).

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ МОНАХА ВАРЛААМА (КАРАБАШЕВА) «НИТЬ АРИАДНЫ ОТ ВРЕМЕНИ СВЯТОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО»

К сожалению, многие сведения о выдающихся личностях русской истории остаются пассивными в нашем сознании. Их имена по большей части ограничены страницами учебников истории и, если и попадают порой на экраны современных фильмов, то становятся достоянием поверхностных «блокбастеров» лишь для того, чтобы пощекотать нервы публики. А ведь, по слову Уинстона Черчиля, народ, не помнящий своего прошлого, не имеет и будущего!

Книга, которую читатель держит в руках, является оригинальной и глубокой исторической работой, посвященной великому деятелю российской истории - святому князю Александру Невскому. Автору удалось сделать текст не сухим научным исследованием, но живым повествованием, обогащенным личным отношением. Вместе с отцом Варлаамом мы словно прикасаемся к живой ткани нашей истории. Перед взором читателя встают живые образы наших одновременно далеких и близких предков, тех, кто жил и трудился, радовался и страдал, молился и умирал на родной земле.

Нить, связующая времена, не прерывается по милости Бога, вопреки нашему бытовому забвению! Однако распознать ее след, отыскать посреди информационного бума истоки этой живой связи времен не так-то и просто. Монах Варлаам с искренней заинтересованностью и ответствен-

ным отношением к фактам прошлого, творчески пытается посильно решить эту задачу для нас. И, надо сказать, во многом ему это удалось. Образ святого князя Русской земли станет намного ближе и яснее в сознании ознакомившегося с данным трудом читателя. Опыт святых наших предков — вот могущественный потенциал, который может помочь всем нам выйти из опасного лабиринта и смуты, посеянной и проросшей в сознании современного человечества.

Иером. Кирилл (Зинковский), иером. Мефодий (Зинковский),
к.т.н., к.б.н., клирики Казанского храма пос. Вырица
Гатчинской епархии РПЦ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой духовный отец дал мне, недостойному монаху, послушание написать статью о святом Александре Невском. Казалось бы, ничего сложного, всё известно, бери да пиши, но не тут-то было. Источников много, однако, простое описание жизни святого, без сопоставления с событиями, тогда происходившими в мире, скрывает причины поступков и побуждения князя, то есть, мало того, что не освещает образ благоверного князя, а просто затушевывает его. При этом обилие эпитетов вместо разъяснения самих событий ещё более затрудняет дело. Знаете, когда человека просто хвалят, не объясняя толком за что, это бывает похуже очернения. Обосновать достойную похвалу, сделать её понятной для людей намного сложней. И этот святой в отношении России, как никто другой, заслуживает нашего внимательнейшего отношения к нему.

Величие же и глубина изменений, им произведённых в мире, стали открываться только после написания первого черновика. Стало ясно, что должно рассмотреть весь срез времени, в которое жил святой. Попробовать буквально проникнуть туда, а попав в то время, увидеть его изнутри, не просто как череду событий, но механизм, где в неотъемлемой и жёсткой связи события прошлого, наслаиваясь веками, создают нужное нам время. И видоизменяясь от деяний людей, преобразуя их самих, в свою очередь, становятся механизмом, создающим будущее. И в этом едином мановении Творца разглядеть фигуру святого Александра как часть Божественного промысла, вполне, впрочем, монолитную со своей эпохой.

Подобное рассмотрение, естественно, ни в какую статью уместиться не могло, статья переросла в курсовую работу, курсовая в мой семинарский диплом, который превратился в «Нить Ариадны». Теперь это не рассмотрение, но целое путешествие во времени. А чтобы не заблудиться в этом путешествии, будем использовать только научно-исторические источники. Пусть никого не удивляет краткость изложения многих интереснейших исторических моментов, просто при том обилии источников, которые нам необходимо будет рассмотреть, более подробное изложение повлечёт потерю общей обозримости событий.

Как инструментом будем пользоваться эмпирическим методом. Что это за метод — лучше профессора Савицкого не скажешь. Вот его слова: «Эмпирическая же наука, с религиозной точки зрения, есть раскрытие картины Божиего мира, по мере успехов знания, все более совершенное и полное и всё ясней обнаруживающее Премудрость Творца»[1]. Все используемые сведения подтверждены официальной наукой, хотя многие из них, на удивление, традиционной историей почти не рассматриваются.

При этом факт канонизации Александра Невского в лике святых одни учёные, не рассматривая толком достоверность его деятельности, воспринимают как право просто придать святому князю легендарность и оставить на обсуждение истории Церкви. Другие же ринулись опровергать либо искажать если не сами исторические события, то участие и значение в них князя Александра. Ситуация эта возникла «не вчера», не первый век с разной интенсивностью разными учёными умаляется значение святых в истории, а то и предпринимаются попытки прямого их очернения. При всём нашем уважении к официальной науке, хочется спросить — с чего бы это вдруг?!

Поэтому жизнь Александра Невского решено было рассмотреть внимательно и попытаться понятным для

[1] Савицкий П. Статьи в сборнике «Евразийство». 1925. С. 9.

большинства людей и нас самих образом раскрыть влияние этого святого на ход исторических событий. Удалось ли нам это? Не зря ли было потеряно столько лет жизни и трудов в монастырской келии? Смогли мы хоть чуть по-новому раскрыть ту эпоху? Хочется надеяться на это, однако, вряд ли. Ключ к пониманию истории — это, прежде всего, личный взгляд каждого, его собственная точка зрения, которая, тем не менее, формируется на основании исторических фактов. Вот и мы, не претендуя на истину в последней инстанции (так как истина всецело и вне всякого сомнения находится в ведении Творца), представим свой взгляд на ту эпоху на основании конкретных исторических событий.

ЧАСТЬ 1

КРАТКИЙ ОБЗОР
или
ПРОДОЛЖЕНИЕ ВВЕДЕНИЯ

Сначала — краткий обзор предшествующих эпох. Попытаемся, насколько возможно, ясно разглядеть, как и «из чего» сложился XIII век — время Александрово. События общеизвестные и много описанные, будем только кратко обозначать. Повторюсь, более подробное изложение многих, пусть интереснейших, исторических моментов, при том обилии источников, которые нам необходимо будет рассмотреть, неизбежно повлечёт потерю общей обозримости событий, что погубит любой труд.

Но перед тем, как приступить к началу, для него должно положить прочное основание. Основанием является Древняя Русь. Что это за страна? В современном представлении это некоторое объединение полудиких, полунищих славянских племён, которые и безграмотными, в отличие от Западной Европы, оставались как минимум до средних веков. За небольшим исключением, которое составляла правящая верхушка, если и обученная грамоте, то только Западом же. Конечно, мы горестно утрируем, но любой скажет, что есть и всячески поддерживается подобная точка зрения. Посмотрим, так ли это.

Хотим мы или не хотим, но мы являемся детьми своей страны, никогда мы не были бы тем, кто мы есть, живи мы в пустыне, джунглях, на острове или, скажем, высоко в горах. Человек прочно связан со своим месторазвитием, именно окружающая среда во многом диктует людям условия и образ жизни, формирует само человеческое мироощущение.

Мы неотделимы от своей страны и своих предков, все, кто жил здесь с любой древности — наши соотечественники, а мы — их потомки, соответственно — приемники их культуры, быта и остальных этнических качеств. Речь в данном случае о том, что культура и быт Древней Руси, безусловно, идёт, в доступном нам историческом обозрении, от скифов. Сказать, что Скифия — это не Русь, всё равно, что сказать: СССР — это не Россия. Хотя люди поколения социализма помнят, что так тогда коммунисты и пытались говорить. Однако пытались, пытались, да сами и сгинули; возможно, такова плата за искажение истории; тем более осторожными должны быть мы.

В наше время сделан ряд фундаментальных открытий в этой области. Ситуация в общих чертах такова — в раскопках древних курганов, могильников, селений и городищ на территории Древней Руси обнаружено множество предметов, указывающих на существование ремесел и налаженного быта в самые древние времена, задолго до Рождества Христова. А, скажем, в Среднем Приднепровье земледельческие племена жили уже за четыре тысячи лет до князя Владимира[2]. Установлена преемственность и связь этих культур между собой. Причем, как в современных раскопках, например, древних поселений того же Приднепровья в Киевской Руси, так же в раскопках Поволжья, Алтая и средних районов России.

Древние авторы Иордан, Прокопий, Маврикий и другие упоминают о множестве небольших городов, насчитывая их сотнями[3]. Наверное, это небольшие в большинстве своём поселения, но думается, что и готский историк III века Иордан, и в большей степени византийцы, особенно Прокопий, на которого чаще указывает Тихомиров, говорят «города», хотя они хорошо должны были знать разницу между селением и городом. И не они одни. В древних скандинавских сагах и надписях на древних камнях,

[2] Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М.: Изд. «Наука». 1964. С. 1.

[3] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Изд. «Наука», 2008. С. 27-28.

рассказывающих о походах скандинавов на Русь, её называли страной Гардаринской, что значит «страной городов». В летописях — часто Гардарики или просто Гарды (т. е. города)[4].

Кто же строитель древних русских городов? Кто вообще населял издревле наши земли? Обращаемся к «отцу истории» Геродоту (V век до Р. Х.) в 4 книге его «Истории» — «Мельпомене» — об этом. Нам показалась самой серьезной в отношении анализа Геродотовских трудов о скифах работа историка-археолога, академика с мировым именем Бориса Александровича Рыбакова «Геродотова Скифия»[5]. Всех, кто желает, отправим к источнику, а для нашей работы достаточно следующего.

В V веке при Геродоте территорию нашей родины уже несколько веков населяли народы индоевропейской расы — скифы, сарматы и союзные либо родственные им народы. Нужно сразу отметить, что скифов, как и родственных им сарматов, относят к иранской группе — это языковая группа, т.е. разделение по лингвистическим признакам, так что, к современным этническим иранцам они никакого отношения не имеют и, например, в XIX веке скифы считались арийцами. Есть описания их внешности современниками, найдены так же прекрасные изображения скифов; так вот, внешность у них вполне славянская, или если хотите, европейская. Речь здесь не об этнической принадлежности, а о том, что внешне они не отличались от руссов, внешность которых так же была описана современниками, и мы это увидим в своём месте. Однако вернёмся к «отцу истории». Нашими учёными была составлена карта, на которую они нанесли места нахождений археологических культур скифского типа[6], сопоставление которой с картой Геродота, под-

[4] Там же. С. 27.

[5] Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ (далее — Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия). М.: Изд. «Наука», 1979. С. 242.

[6] Там же. С. 64.

твердило данные Геродота. Так что реабилитировали наши археологи «отца истории».

Территория Скифского царства от северо-восточного побережья Черного и Азовского морей уходит на северо-восток и восток. Особенно густые скопления археологических находок, связанных со скифами, в Приднепровье, в бассейнах рек Дона, Днестра и Северного Донца, от современных городов — Днепропетровска и Харькова до Ужгорода, Львова и Луцка, уходят далее на северо-восток. На западе — от Придунавья на восток, захватывая Черновицкую, Киевскую, Черниговскую и Воронежскую области. Там же дана карта[7]. На этой карте преимущественно кочевые скифы, однако, при Геродоте была уже «древняя исконная Скифия»[8], были скифы царские, были кочевники, а также скифы-пахари и скифы-земледельцы, доходившие на юго-востоке до Северного Донца. Далее жили союзники скифов — сарматы (савроматы), занимая степные территории от Северного Кавказа до Прикаспия и Волги[9]. В союз со скифами входили, кроме сарматов, также соседние народы — будины, гелоны и прочие, дальше на северо-восток обитали финно-угорские племена, есть свидетельства о расселении скифов на Восток за Дон, далее обитал народ меланхлены, известны были народы, живущие при Уральских горах[10].

Держава скифов занимала, безусловно, господствующее положение по отношению к окружающим народам, имела сильное войско, свои давние боевые и государственные традиции, свидетельство сему — «древние гробницы царей». О том, как жили их цари, современные Геродоту, свидетельствует описание дворца одного скифского царя Скила, где, кроме прочего, — мраморные колонны, грифы

---

[7] Там же. С. 64, карта.

[8] Там же. С. 53.

[9] Там же. С. 30, 71 и подробно в разделе «Реки Скифии».

[10] Там же. С. 67, 71.

и сфинксы из белого мрамора[11]. На границе скифов-кочевников и скифов-земледельцев был построен огромный деревянный город Гелон. Нашли его наши археологи и идентифицировали. Это — Вельское городище (недалеко от Полтавы). Так вот, это самое большое городище в Западной Европе той эпохи, а размерами оно немного уступает Москве начала XX века. Там же описана и внешность будинов: «У них у всех светло-голубые глаза и рыжие волосы»[12].

В землях скифов-пахарей — вдоль Днепра от нынешнего Киева до устья и далее по границе со степью — ряд огромных городищ, некоторые до 12 км в окружности[13]. На территории современной Белоруссии примерно с VI в. до Р. Х. возникает множество укрепленных поселений. «Количество городищ очень велико, под городище занимался буквально каждый удобный мыс»[14]. Были в Скифском союзе хорошо развиты ремёсла, такие как литье, кузнечное, гончарное дело и другие, на высоком уровне охота и рыбный промысел, издревле преемственно развитое земледелие и хлебопашество, хорошо налаженная торговля с развитыми торговыми путями. Скифы были поставщики хлеба для Греции и всей Малой Азии, потом будут для Рима. Существует карта основных скоплений греческого импорта по водным артериям Днепровского бассейна[15].

Таким образом, мы имеем все основания считать Скифию V века страной богатой и развитой для своего времени. Осталось добавить, что все лесостепные и земледельческие

---

[11] Там же. С. 58.

[12] Там же. С. 88. «Геродотовский Гелон давно уже отождествили с грандиозным Вельским городищем на Ворскле в 35 км выше Полтавы. Во всей Скифии и окрестных землях Геродот называет только один город — Гелон. Это неудивительно, т. к. «Вельское городище VII — III вв. до н.э. является самым большим в Восточной Европе городищем скифского времени». Площадь городища — 4000 га; Вельское городище лишь немного уступало площади Москвы начала XX в.».

[13] Там же. С. 79.

[14] Там же. С. 85.

[15] Там же. С. 91.

поселения скифов объединены общим ареалом до Скифской Киммерийской эпохи IX-VII вв. до Р. Х. Установлено полное территориальное совпадение, а соответственно и безусловная преемственность этих культур[16], что говорит о многовековой самобытности и прочно сложившейся оригинальной культуре. Этим, кстати, объясняется, кроме прочего, «загадочно» высокий художественный уровень скифских изделий.

«Скифская держава в VII-V веках до н. э. была крупной и могущественной: скифам удалось разгромить персидскую агрессию царей Ксеркса и Дария, а также македонский набег полководцев Зопириона»[17]. Имеется в виду поход Дария I — Гистаспа (повелителя Востока), когда персы, столкнувшись в Скифии с необычной тактикой ведения войны, мужественными войнами и умными полководцами, потерпели поражение и еле ушли, преследуемые по пятам скифами. Кроме Геродота об этом походе свидетельствовал Ктесий Книдский, который жил у персов с 414 по 398 г. до Р. Х. и был придворным врачом Артаксеркса II[18]. Всё это происходило на нашей земле, это были наши предки. Так что можно в тон летописцу сказать: «Оттуду есть пошла Русская земля», а вернее — с более ранних времён, о которых пока нет достаточных для рассмотрения данных.

Что касается владычества с III века сарматов, так это касается в большей степени скифов-кочевников, то есть скифы оказались разрезанными надвое потоком сарматских кочевников: часть их ушла на юг, в Крым, а часть отодвинулась к северу, в лесостепь, где была, предположительно, ассимилирована со славянами[19]. Причём очень предположительно. Нужно понимать, что это версия современного нам академика, а вот кем те народы были на самом деле и

---

[16] Там же. С. 82.

[17] Гумилёв Л. Ритмы Евразии. С. 296.

[18] Рыбаков Б. А. Геродотва Скифия. С. 99, карта.

[19] Рыбаков Б. А. Рождение Руси. Раздел «Откуду есть пошла Русская земля», глава «Происхождение и древнейшие судьбы славян».

кем себя считали, мы пока, во всяком случае, не знаем. Тем не менее, в начале I тысячелетия н.э. современники (в частности греки) всё пространство на Восток и Северо-Восток от Чёрного моря, называли по-прежнему Скифией.

Итак, к концу I тыс. до н. э. в Причерноморских степях полностью господствуют кочевники сарматы. Да, к сожалению, они более примитивны, но это был родственный скифам народ, они с древности были соседи и союзники. Это скажем, как одни славяне сменили бы других, при этом сменили только в степях, в остальных же местах кардинальных изменений в образе жизни скифов не происходило. Просто, быть может, кочевые скифы стали постепенно переходить на оседлый образ жизни, а оставшиеся в меньшинстве кочевники скифы уступили степь, сами же частью ушли в Крым, остальные перебрались в лесостепные районы. Однако в этой лесостепи в ту эпоху жили, мягко говоря, не одни славяне, хотя вполне отрицать присутствие последних так же будет необоснованно, а вот «установленные научно» восточные славяне приходят в начале I тысячелетия по Р.Х., то есть н. э.

Причём: «Расселяясь по русским равнинам, восточные славяне встречались, таким образом, повсюду у своих соседей с привычным им общественным укладом и всем соответствующим строем понятий»[20]. Это ни в коем случае не говорит об этническом единстве, но об одном уровне развития и похожем образе жизни. И все эти народы, точнее всё пространство на восток и северо-восток от Чёрного моря, в начале I тысячелетия современники (уж точно греки, римляне, персы) называли по-прежнему Скифией. Так что, не удивительно, что в конце I тысячелетия по Р.Х. русов будут отождествлять со скифами, а в некоторых византийских документах наша княгиня Ольга будет называться царицей скифов. Однако всё это относится только к скифам именно этого месторазвития, так как сейчас исто-

[20] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Звенья русской культуры. М., 2005. С. 154-155.

рики различают несколько видов скифов, мы это увидим в дальнейшем.

Это что касается происхождения. Другой немаловажный вопрос — когда проникло христианство на Русь? В I веке до Р. Х. апостол Андрей Первозванный прошёл с проповедью Скифию (будущую территорию Руси), его это был удел, и это документально подтвержденный факт, что и было общеизвестно, однако, и здесь были внесены различные сомнения. По этому поводу достаточное обоснование находим у историка Церкви митрополита Макария. Кратко приведём некоторые данные: «Андрей, после того как проповедовал скифам и фракийцам, претерпел крестную смерть в Патрасе Ахейском, будучи распят на древе масличном, где и погребен». Это свидетельство принадлежит св. Ипполиту, еп. Портуенскому (около 222 г.)[21]. Теперь видим у Оригена: «Апостолы и ученики Господа и Спасителя нашего, рассеявшись по вселенной, проповедали Евангелие, и именно Фома, как сохранилось до нас предание, получил в удел Парфию, Андрей — Скифию... и проч.». Неоспоримая важность этих двух документов в том что, Ориген учился у Климента Александрийского, который был учеником Пантена и общался с мужами апостольскими (то есть учениками самих апостолов). Св. Ипполит — ученик св. Иринея, который долго был в близких отношениях со св. Поликарпом Смирнским (учеником и близким другом св. Игнатия Богоносца, современника и очевидца Самого Христа). Так же важно то, что становится ясно, о каких именно скифах речь, они (скифы) тоже были разные (были, например, азиатские)[22].

Далее у св. Дорофея, еп. Тирского (307-322 гг.), находим уже более обстоятельное описание, причем современ-

---

[21] Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви (далее — Митр. Макарий. История Русской Церкви). Т. 1. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 91-92.

[22] Там же. С. 92.

ники и лица, читавшие его в подлиннике, утверждали что св. отец списывал их с древнейших греческих и еврейских документов, вследствие чего это же сказание повторил учитель Кипрской церкви еп. Епифаний († 403 г.) и друг блаженного Иеронима — Софроний († 390 г.). Есть свидетельство еп. Лионского Евхерия 449 г. и Исидора Испалийского (570-636 гг.), и далее в веках повторяется у многих неизменно. Из более поздних и известных авторов можно еще привести Никиту Пафлагона († 873 г.)[23]. А, например, в древних месяцесловах или синаксарах под 20 января есть краткие сведения о мучениках Енене, Нирине и Пине: «Эти святые были из Скифии, из северной страны, ученики святого апостола Андрея…»[24]. Есть там и другие интересные факты, интересующимся очень рекомендуем.

Скифия, как мы выше говорили, была достаточно для своего времени обустроенная страна, где передвижение особых трудностей для апостола представлять не могло. И ещё как аргумент приводят «Слово о Законе и Благодати», написанное в XI веке митр. Иларионом Киевским. Спрашивают — почему там не упомянут первоапостол, а другие упомянуты? В «Слове» упоминаются только 5 апостолов, именно те, Церкви которых сохранились до того времени (11 века), а начали своё существование с апостольских времён. Однако, при всём желании к этой категории никак не отнести ни Скифию (скифской христианской Церкви давно не существовало), ни Русь, так как основание Русской христианской Церкви полагают с правления равноапостольного князя Владимира, которому и писалась «похвала» в произведении митр. Илариона. В приложении есть отдельная статья на эту тему, здесь же сказанного достаточно.

Но главное — шли апостолы не своей, но Божией Волей, и от жребия своего не уклонился ни один. Не мог уклониться и Андрей Первозванный. Спокойно идущего на

---

[23] Митр. Макарий. История Русской Церкви. Т. 1. С. 92.

[24] Там же. С. 103.

мучения и казнь на кресте — что может испугать?! Даже начало епархии Скифской относят уже едва ли не к апостольскому времени, а епископов скифских было не менее 12-ти. Епархия эта называлась так же Томитанской, по названию города Томь на берегу Дуная, который был епархиальным центром Скифии[25]. Вышеприведённые данные важны для обоснования того факта, что христианство присуще было для Руси с самого начала. Даже при том господстве язычества, которое века длилось в Древней Руси, само присутствие на нашей территории христианства, пусть какое-то время очень немногочисленного, обязательно оказывало влияние на формирование общего духовного устроения народа[26]. В этом отношении Русь не могла отличаться от любой страны, где были христиане.

Нужно так же иметь в виду, что земли, на которых суждено было сформироваться Древней Руси, находятся в самом центре Евразии, в силу одного этого история Руси принципиально отличается от истории любой другой страны. «История Евразии есть история сообщества различных народов на почве Евразийского месторазвития, их взаимных между собою притягиваний и отталкиваний и их отношения вместе и порознь к внешним (внеевразийским) народам и культурам»[27]. Расположение Руси между Востоком и Западом, окружённость тремя морями разных акваторий

---

[25] Митр. Макарий. История Русской Церкви. Т. 1. С. 106. «Начало Скифской епархии, или, по крайней мере, начало христианства в этой стране едва ли не должно отнести ко времени самого апостола Андрея. Ибо кроме того, что еще Тертуллиан свидетельствует о скифах и гетах как о христианах, в древних актах мученических нередко говорится, что в Томи, равно как и в других соседственных ему фракийских городах Маркеанополе и Гераклее, происходили гонения на христиан не только в III веке, но и во II и даже в I столетии… С того самого времени до половины VI столетия известен целый ряд епископов Скифских или Томитанских числом до двенадцати…».

[26] Более подробно этот вопрос рассмотрен нами в отдельной статье, которая размещена в приложении.

[27] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. §1 «С половины VI века до настоящего времени». Введение. С. 3.

с выходом к северным морям и океану, прямой выход в Азию и на Дальний Восток, пересечённость крупнейшими водными артериями, при этом — укрытость в излишних пространствах богатейшими горными массивами, плюс все остальные неперечислимые природные ресурсы — согласитесь, это, в самом деле, особое месторазвитие. Подобным местоположением обуславливается, кроме более высокого личного благосостояния и всего прочего, значительно большая, чем на окраине материка, включенность, пусть даже невольная, в общие исторические процессы. Что в свою очередь неизбежно влечёт большую, чем на окраинах, развитость населения и будет сказываться во всём, в том числе, конечно, отразится на распространении грамотности, о чём мы также поговорим в своё время и о чем подготовили статью (она также размещена в приложении).

Далее, начиная с Новозаветных времён, мы кратко отметим исторические вехи ради соблюдения неразрывности общего восприятия исторических событий, ведь любое время — это неотрывная и закономерная часть всех предыдущих времён, поэтому рассматривать любой временной отрывок вне связи с прошлым бессмысленно. Кроме этого, коснёмся основных правителей Руси, прослеживая родословную Александра Невского, как бы сложение его наследственных качеств, его генетической структуры, как сказали бы сейчас. Авторов будем подбирать соответственно эпохам и темам. То есть, где война — обратимся к военным, где кочевники — обратимся к кочевникам, монгольские походы — там были участники и современники — обратимся к ним, где необходимы сведения летописцев — прочтём летописи и так далее. Малоупоминаемых в традиционной истории учёных будем кратко характеризовать, каждого в своём месте, указывая и учёную степень как некую гарантию достоверности. Стараясь не повторять общих ошибок, к документам постараемся относиться корректно и критически, так же используя работы учёных, исследовавших эти документы.

Мы надеемся, что каждый автор будет соответствовать рассматриваемому периоду. Исключение составляет Лев Николаевич Гумилёв. Все данные, которые мы взяли у Гумилёва, мы могли взять из других источников, единственная причина ссылок на этого автора, это наше желание упомянуть в своей работе его имя. Мы ни в коей мере и ни в каком контексте не касаемся его теории этногенеза или рассмотрения мировой истории в соответствии с этой теорией. Прежде всего потому, что не согласны, с подобным отношением к истории, которая является процессом таинственным, далеко не всегда поддающимся человеческому пониманию, удивительным и захватывающим свидетельством Божиего смотрения за родом человеческим, процессом, дающим возможность увидеть Премудрость Творца. Однако именно работы Гумилёва заставили нас так долго рыться в различных исторических работах и источниках, перепроверяя одни за другими данные. Его владение своим предметом, знание и отношение этого учёного к истории вызывает уважение. Лев Гумилёв, при всей своей противоречивости, посвятил всю свою жизнь всецело, без остатка только этой науке. Понимаете, он был рыцарем истории. Упоминание имени этого историка — наша маленькая и незначительная дань именно такому высокому отношению, такой любви к истории, к науке, к своему служению.

ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ

Рассматривая предыдущие вопросы мы, тем не менее, добрались до времени Новозаветного, которое весь мир единодушно признал новой эрой. Характерно, что после I же века Евангельской проповеди карта нашего материка становится похожей на удивительную мозаику, где, подчиняясь как бы одному мановению, всем почти без исключения народам сообщается импульс, если можно так выразиться, принуждающий их к движению.

Государства, в частности Римская империя (единственное стабильное государство в Европе, на тот момент), резко усиливают завоевания, другие — наоборот, разрушаются, повсеместно к власти приходят люди, склонные к войне, хоть бы и ко гражданской, границы вдруг ожили и начали двигаться. В это же время народы, не имеющие таких держав (а таких было подавляющее большинство), просто снялись со своих, иногда веками обжитых, мест, не имея возможности противиться захватившей всех силе «центробежности». Пошло великое переселение народов.

Никто, кроме Творца, не знает, что это было такое, но это было... И моя родина находилась на перекрестке многих путей, впрочем «проходным двором» все же не стала. История Руси принципиально отличается от истории любой другой страны. Она зарождалась как результат процессов, происходящих в Евразии от Рождества Христова, являясь вначале сердцевиной, а в дальнейшем — олицетворением ее всей (Евразии). Иногда возникает мистическое чувство, что все народы были приведены Господом в движение с начала «новой эры» для того только, чтобы могла сложиться

Русь, ведь на других материках в это время ничего подобного не было... Да, русский человек всегда евразист: «История Евразии есть история сообщества различных народов на почве Евразийского месторазвития, их взаимных между собою притягиваний и отталкиваний и их отношения вместе и порознь к внешним (внеевразийским) народам и культурам»[28].

К этому времени земли Древней Руси были издревле заселены от юго-восточного побережья Балтийского моря до верховьев Оки народами балтской языковой группы, к северу от них в лесах финно-угорские народы (совершенно отличные от балтов, германцев, славян, скифов и сарматов), такие как — черемисы, марийцы, мордва, с северо-востока от Балтики — это весь, чудь и другие финно-карельские народы. Естественно, оставались также другие народы, обитавшие в скифских пределах, которых, как мы помним, некоторые, например, Будинов относят к праславянам.

Все эти народы занимали огромный ареал, его ядром был древний культурный центр Восточной Европы — Среднее Приднепровье, а «…его окраины упирались на юге в тысячеверстные просторы степей, доходя местами до «Русского» — Черного моря, а на севере — до Балтики и непроходимых таежных массивов Заволжья»[29].

Во II веке одно из германских племен — готы, сбившись в крупное и устойчивое образование, захватили земли от Балтики до Северного Причерноморья, вытесняя живших там прежде славян, одни из которых — венеды —ушли на юго-запад, другие — анты—на Восток, вливаясь в состав восточно-европейских народов.

Готы в III веке добираются до Приазовья и утверждаются в Крыму. Немного (по историческим меркам) раньше начинается движение в «нашей» степи, там прежних кочев-

---

[28] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. §1 «С половины VI века до настоящего времени». Введение. С. 3.

[29] Рыбаков Б. А. Рождение Руси. Издательство «АиФ Принт» (далее — Рыбаков Б. А. Рождение Руси). С. 1.

ников сменяют гунны (это вытесненные со своих, исконных азиатских, земель остатки древних хуннов). По словам профессора Бартольда, «уже во II веке, при географе Птолемее, хунны находились в небольшом расстоянии от Волги»[30]. Приднепровье вело уже вполне развитую жизнь, и есть убедительные факты (основанные на археологических открытиях), доказывающие, что в IV веке Днепровский торговый путь функционировал, причём был причиной конфликтов между славянами и готами[31].

На Западе основные, то есть судьбоносные события до этого времени — это история Римской империи, там (мы можем только очень кратко коснуться Рима) первые три века после Р. Х. — века военной диктатуры, с постоянным учащением военных же переворотов и время мучеников-христиан. Однако, чем чаще и лютее христиан казнили, тем больше их становилось. Наконец, к IV веку их становится столько, что сын Констанция Хлора Константин в 324 году сокрушил правительственные войска и стал императором, опираясь только на христиан. Столица Римской империи переносится в Византию и ее называют Константинополь, религия с IV века — христианство. В конце IV века (в 395 г.) внуки Константина Великого разделили империю между собой на Восток со столицей Константинополем и Запад (столица Рим)[32].

Общая ситуация там была такова, что в восточной части Римской империи — Византии — теперь самые прогрессивные и верные новому государственному устроению

---

[30] Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов (далее — Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5), лекция 2. М.: Вост. лит., 2002. С. 37.

[31] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 43-44.

[32] Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов 1081 г. Глава 2, раздел «Императоры и общество от Константина Великого до начала VI века». На Востоке — Аркадий, на Западе — Гонорий. Историк V века Орозий запишет: «Аркадий и Гонорий начали сообща владеть империей, имея только различные резиденции».

граждане. В Западной же, со старой столицей Римом, — в большинстве своём, народ, находящийся в той или иной степени ностальгии по прежним великоримским временам. Дух совершенно разный, соответственно, различны и векторы духовного развития, государство разделено, но Церковь пока едина. Общие границы — от Северной Африки до Дуная и Рейна (нынешней Франции), от Месопотамии до Апеннин (Испания). А весь север Западной Европы до V века, если обобщённо, — это история постоянной резни племён германских варваров между собой, кроме этого, яростные, почти всегда неудачные, однако, постоянные нападения по всей северной границе империи. Попытки германских племён алеманов всё-таки увенчались успехом, и Рим в 410 году был ими захвачен во главе с вождём Аларихом, но можно сказать, что это ещё оставалась Римская империя.

В это же время готы начинают захватывать причерноморские степи. Они уже создали прочную державу во главе со своим вождем — долгожителем Гермонарихом, однако, другого пути, как в Причерноморье, не видят. На юго-запад за Дунай им напрочь перекрыл путь разделённый и содрогающийся, но ещё железный Рим, а на северо-западном пространстве Европы — сплошное клокочущее море таких же германских варваров, у которых кроме неприятностей ничего не было. В последних (в неприятностях) Гермонарих как раз нужды не имел. И готы решили пойти по «легкому пути», они стали шаг за шагом занимать Причерноморье, подавляя местное население. Но лёгкий путь очередной раз привёл идущих по нему к катастрофе.

Между тем гунны в 370 году, сломив сопротивление сарматов, вышли к Дону. Соответственно их как кочевников интересовали также причерноморские степи. Таким образом, готы стали нарушителями интересов и спокойствия всех народов того региона. Наконец, в середине V века у гуннов лопнуло терпение, и они в союзе с другими народами, которые страдали от готов, пошли войной на послед-

них. Однако, бросившись в битву, кочевники разбудили в себе «дух воинской доблести древних хуннов» и, уже не желая себя сдерживать, разметав державу готов, на крыльях побед ворвались в Европу. Совершив в 451 году сокрушительный поход в Галлию, после кровопролитнейшей битвы на Каталаунской равнине (под Орлеаном), не останавливаясь, дошли до Рима[33]. Вот уж, воистину, «не буди лиха…». Однако у Вечного Города навстречу грозному гунну вышел римский папа Лев. Беззащитный и бесстрашный первосвященник попросил взять дань и не разрушать города. Атила был тогда поражен смелостью первоиерарха, послушался его, взял дань и ушёл. Через год погиб Атила и его держава.

Но Великой империи от этого не легче, она переживала последний акт трагедии, там, корчась от страстей, с железным скрежетом погибал прекрасный Рим. Вначале — сбитый с ног яростной и неотвратимой, как «девятый вал», гуннской ордой, затем — уже разрываемый по живому ненасытными и дикими стаями германских варваров, которые, как бурлящая и грязная пена, заполняли собою все уголки. Поток этот хлынул вниз с севера, докатившись до Испании. С одной стороны затопил всю Северную Италию, с другой — Западную Римскую империю. Устояла только восточная часть империи, со столицей в Константинополе, хранимая Богом Византия.

Вандалы, в отличие от гуннов, Рима не пощадили, он был разрушен германским варваром Гензерихом. Часть германских племён — алеманы — захватили северную Италию, часть готов дошла до Испании, а остальные варвары предались грабежу везде, где только возможно, в Европе. А в 476 году, когда будет низложен последний римский соимператор Август Ромул, низложивший его вождь одного из германских племен Адакр признает императором и Запада, и Востока восточно-византийского императора Зено-

[33] Есть у всех, но кратко здесь — Гумилёв Л. Ритмы Евразии. С. 299.

на — ему будут отосланы знаки царской власти[34]. С этим итогом Запад вступает в VI век.

Так что гунны, по существу своему, — небольшая орда, разрушив все границы, все там, на Западе, перемешав, придали новое ускорение процессу всеобщего переселения. Процесс этот стал было приостанавливаться. Теперь пора и в родные пределы, мы отвлеклись, но необходимо держать в поле зрения основные события в окружающих странах. Так мы будем двигаться медленно, но вполне отдавая отчёт в происходящем.

В это время по степным районам древней территории нашей родины, от Приволжья до Приазовья, продолжали меняться, вытесняя друг друга, волны кочевников. Далее в середине VI-VII вв. в степях кочевали булгары, дошли они до Дуная, хан Аспарух основал там государство Болгария, после них (конец VII в.) обры (авары) — эти были хуже всех, зато исчезли быстро. Следует добавить к этому, что с начала VI века в этих же степях начали хозяйничать хазары — орда, созданная последним тюркским ханом — Ашиной[35].

То есть можно представить себе, что там происходило — это постоянные территориальные конфликты, взаимные набеги, откочевки, перекочевки и тому подобное. При этом все упомянутые кочевые народы были, в свою очередь, вытеснены из Средней Азии. Здесь же они, сменяя друг друга, тоже не бесследно исчезали, частью растворяясь в местных народах, изменяясь сами и изменяя их в соответствии с человеческой природой, в своем движении принуждая и остальные народы передвигаться, расселяясь по территории Древней Руси.

---

[34] Васильев А. А. История Византийской империи. Время до крестовых походов 1081 г. Глава 2, раздел «Зенон (474-491), Одоакр и Теодорих Остготский» (первый и второй абзацы).

[35] Гумилёв Л. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2007. С. 224.

НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

Славяне к этому времени на наших территориях — народ доминирующий. Внешне они схожи со скифами и большей частью пришли, как мы говорили, с районов Дуная. С. М. Соловьёв говорит, что это «факт, не подлежащий никакому сомнению: древнее пребывание славян в Придунайских странах оставило ясные следы в местных названиях. Сильных врагов у славян на Дунае было много: с запада — кельты, с севера — германцы, с юга — римляне, с востока — азиатские орды; только на северо-восток открыт был свободный путь»[36]. О наружности древних славян этот же историк отмечает в своей работе: «…Современники говорят, что они все похожи друг на друга: высоки ростом, статны, кожа у них не совершенно бела, волосы длинные, темно-русые, лицо красноватое (розовое)…»[37].

По поводу быта их профессор Вернадский говорит, что хозяйственная деятельность восточных славян шла, вероятно, отчасти по налаженным еще в иранскую и финскую эпоху образцам. Частью же русские славяне явились пионерами — зачинателями новых промыслов и трудов[38]. Ни о каких войнах или захватах историки не говорят. Расселялись они между местными народами мирно. «Жили тогда родами (в ту эпоху это самая безопасная форма сосуществования), членом рода мог стать человек, которому

---

[36] Соловьев С. М. История России с древнейших времен: сочинение в 18 кн. Т. 1 (далее — Соловьев С. М. История России с древнейших времён). М.: Изд. «Голос», 1993. С. 48.

[37] Соловьев С. М. История России с древнейших времён. Т. 1. С. 69.

[38] Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. С. 124.

род верил. Родовой быт не являлся характерным только для славянских народов. Через стадию родового быта прошли и другие арийские народы, например, германцы, а также иранцы, в том числе скифы, сарматы, аланы. Расселяясь по русским равнинам, восточные славяне встречались, таким образом, повсюду у своих соседей с привычным им общественным укладом и всем соответствующим строем понятий»[39].

Народы древнейшей Руси, жившие в отдалении от степей, благоустраивались мало-помалу, и это хорошо можно увидеть по археологическим свидетельствам об устройстве городов. Вопрос о древних городах Руси тщательно изучал проф. М. Н. Тихомиров. Обратимся к его монографии, откуда следует, что с первых веков до VII века — это просто поселения, огражденные рвом и стеной, с VII-VIII веков меняется и облик древнерусских городов, начинается новая волна развития и укрепления городов. Например, лепную керамику заменяет гончарное ремесло, то же в кузнечном деле и других ремеслах, которые возникают и зависят теперь от местоположения городов. Сами же города начинают принимать тот вид, который характеризуется как собственно город, т. е. детинец — укрепленный Кремль, вокруг посад. Приняв вид укрепленного города в VII-VIII веке, только с IX-X веков они начинают обрастать торговыми и ремесленными сторонами, или подолами[40]. До сих пор города были княжескими, где жили князь с дружиной, а также вспомогательные и ремесленные службы для их обеспечения.

Строго говоря, начался новый этап развития. Каковы причины? Ряд историков считают, что это обры своей свирепостью заставили славян и другие народы переселяться дальше на восток и север, вот одновременно появляются и города-крепости. По времени возможно усмотреть совпадение, похоже.

---

[39] Там же. С. 154-155.

[40] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 39.

Но как-то удивительно, чтобы «благодаря» одним обрам — и такие глубинные, повсеместные изменения в образе жизни. Да, обры были очень злобные и коварные, это факт общеизвестный, но названные качества в принципе есть отличительная черта слабых людей. Скажем, предшествующие им булгары были серьезней на порядок, намного ступеней выше хунны, а в ранние века господствовали сарматы, и что-то ничего резко не менялось. При этом, были обры очень короткий отрезок времени, за который не то что из-за них ничего не могло измениться, но и о них самих никто ничего толком узнать не успел. Они исторически промелькнули. Кто они и откуда — по сию пору является предметом спора разных ученых. Это спорный народ — авары, обрами же называли их в древнерусской традиции.

Основная причина такого коренного изменения образа жизни крылась в том, что Рим рухнул, и в мире всё стало меняться, новые народы налаживали новые связи и пути взаимодействия между собой. «В VII веке н. э. на Ближнем и Среднем Востоке создалась арабская торговая империя (халифат), захватившая господство над путями как Южного и Восточного Средиземноморья, так и закаспийского Востока (Хорезм). Ожесточенные войны, которые велись арабами против византийцев и франков в VII-VIII веках, временно нарушили установленную со времен Римской империи мирную торговую жизнь Западного Средиземноморья. Европейская торговля с Востоком пошла кружным путем — через Балтийское море и систему русских речных путей в Прикаспий»[41].

Войны, которые начались между халифатом и Византией, — это не только религиозные и территориальные во-

[41] Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. С. 146. «Огромное количество кладов арабских монет VIII-IX веков, находимых в Северной России и Северной Европе, служит свидетельством интенсивности торговых сношений на этих путях. На этой торговле возросли поволжские государства — хазар и болгар, на гребне этой же торговли явились на Русь варяги. Быстрый подъем Новгорода объясняется именно тем, что Новгород был «окном в Европу» для восточной торговли и окном на Восток для доброй половины Европы».

йны, это претензии на имперскость, так как, по мысли и тех, и других, император в мире мог быть только один. Тем не менее, исламская империя прочно перекрыла Восток.

Далее, раз торговля (а это вообще все основные связи и сообщения в то время) проложила себе новый путь через Балтийское (Варяжское) море и систему водных путей Древней Руси, — это необходимо повлекло за собой появление и самих варягов (народы жившие по берегам Варяжского (Балтийского) моря). Таким образом, появление в Древней Руси варягов тоже нужно отнести ко времени не позже VII-VIII веков.

Во-первых, исторические события располагались именно так, во-вторых, следствием такого поворота событий в тех местах, через которые будут проходить новые торговые пути, будет действительно начало нового образа жизни, что, в свою очередь, должно повлечь самые глубокие бытовые изменения (именно такие, как описал Тихомиров), что и произошло. А в-третьих, теперь мы лицом к лицу становимся перед событиями, в связи с которыми наша родина стала собственно Русью.

ВАРЯГИ

Народами, давшими Руси язык, имя и определившими его этническую структуру, были славяне и русы (варяги). И это тоже тема, которую нужно внимательно рассмотреть, так как, не имея твёрдости в основополагающих вопросах, нам трудно будет с уверенностью судить о дальнейших событиях.

Для того чтобы торговать с Ближним Востоком, Византией, и Западом, древним русичам нужно было теперь от Балтики и далее по водным (были и сухопутные) путям попасть в Каспийское море, а затем в Азию и на Восток. Это по одному пути. А по-другому также через речную систему, — в Черное (Сурожское) море, далее в Малую Азию и Византию. Славяне были мужественными воинами, но они земледельцы и никогда не были мореходами, а варяги как раз были народом как воинов, так и мореходов, и без них невозможно было пускаться в морские путешествия. Пришедшие на наши земли варяги были, вероятнее всего, какой-то ветвью ругов, норманнского происхождения. Св. Ольгу, например, называли то царицей скифов, то царицей ругов.

О славянах, например, в Византии, знали давно, ещё со времён великого переселения. У ряда византийских историков есть сведения о славянах. Например, хронограф Феофан пишет под 6156 годом (это 664 год, есть более ранние свидетельства) о переселении славян, и через 27 лет — о другом массовом переселении славян из Византии в Сирию. По характеру повествования очевидно, что там славян хорошо знали, и жили они там давно. У арабских авторов о славянах упоминает впервые в VII веке арабский писатель,

христианин из Месопотамии Аль-Ахталь в своём стихотворении, однако, по тону чувствуется, что читающим будет понятно, о ком речь[42]. С этого времени и другие арабские писатели, такие как Аль-Фазари, писавший в 772-773 годах, или Аль-Кальби, который также писал в конце VIII[43] века, и прочие, пишут пока только о славянах, про руссов же не упоминают. То есть это VII-VIII века — время создания халифата и его войн с Византией. Как раз тот исторический момент, когда арабы закупорили древние торговые пути, и «европейская торговля с Востоком пошла кружным путем — через Балтийское море и систему русских речных путей в Прикаспий»[44].

Буквально с событий первой половины IX века на Рейне уже услышали о руссах «…18 мая 838 г., когда в Ингельгейм прибыло византийское посольство от Феофила к Людовику Благочестивому, а вместе с этим посольством через Германию возвращались на родину какие-то руссы, конечно, люди знатные»[45]. Интересен тот факт, что русичей там перепутали со шведами, значит, схожи были с норманнами и языком, и внешне. Но главное то, что тогда уже в Византии были известны руссы, и то, что это было до призвания Рюрика.

Примерно в это же время учёный араб Ибн-Хордадбе, живший в IX веке, пишет в своей «Книге путей» ни много ни мало, что русские купцы возят товары из отдалённых краёв в греческие города по Чёрному морю. И они же по Дону и Волге спускаются к хазарской столице, выходят в Каспий и далее на верблюдах провозят свои товары до Багдада, при всём этом добавлено замечание, которое де-

---

[42] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X века по Р. Х. СПб., 1870. С. 2-4.

[43] Там же. С. 9.

[44] Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. С. 146.

[45] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси М., 1968. С. 72. «Император, до той поры не слышавший о руси, велел узнать, кто они, и оказалось, что шведы…».

лает невозможным спутать русичей с кем бы то ни было: «Что же касается купцов — русских — они же суть племя из славян…»[46]. Такие же отождествления бывали и в отношении славян, живущих на Руси. Существует, например, такой документ — Раффельштеттенский таможенный устав. Так вот, в 906 году в этом уставе было постановление, регламентирующее сбор пошлин на Верхнем Дунае. Там читаем: «Что касается славян, которые приходят из ругов или из богемов ради торговли...» и проч. То есть сразу понятно, какие славяне, при этом руссы названы ругами, это обычно[47].

Но вернёмся к рассказу Хордадбе: «Это известие тем важнее, что его относят еще к первой половине IX в., не позднее 846 г., т. е. десятилетия на два раньше предположенного летописцем времени призвания Рюрика с братьями. Сколько поколений нужно было, чтобы проложить такие далекие и разносторонние торговые пути с берегов Днепра или Волхова?»[48]

И археологи наши доблестные это подтверждают. Ими найдены старинные арабские монеты дергемы на местах старых поселений в Полоцке и Пскове, а в смоленских древних курганах — «арабские и среднеазиатские дергемы с их обрезками, заменявшими мелкую монету …были единственной ходячей монетой для Гнездова», и это к IX веку[49]. Там же, кстати, найдены вещи как византийские, так и скандинавские. В поволжских кладах в прошлые века во множестве были арабские и среднеазиатские монеты, то же на юге в Поднепровье и Киевщине. То есть налицо наличие и распространение по всей территории Древней Руси

---

[46] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. по Р. Х. С. 49.

[47] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 170.

[48] Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах (далее — Ключевский В. О. Русская история). Т. 1. М., 1993. С. 107.

[49] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 42. Гнездово — это предместье Смоленска, древний погост, там старинные курганы, в которых и производили раскопки.

арабских и среднеазиатских денег, что могло быть только, если они имели хождение на Руси, что, в свою очередь, могло быть только следствием регулярных торговых экспедиций на Восток.

Это предприятия, во многом зависимые от искусства мореходов. Хоть что делай, но на море нужны мореходы, иначе все начинания погибнут. И, вернувшись к арабским авторам, увидим, что в середине IX века Аль-Якуби пишет о нападении русов в 843-844 году с моря на арабский город, а ниже пишет о руссах как об опытных мореходах: «… этот народ есть русъ, о которых мы говорили выше в этом сочинении, ибо никто кроме них не путешествовал по этому морю…»[50]. Также Масуди описывает морские военные походы русов, при этом последние были известны арабам и как опытные воины. Так их описывал Ат-Табари, автор книги «История царей», в самом начале X века: «А воевать с ними (руссами) никто, кроме здешних людей (арабов), не умеет»[51].

Осуществление дальних торговых путешествий и распространения затем товаров по всей территории Древней Руси (что установлено археологами) возможно только при развитой централизованной координации, при надёжной и постоянной охране купцов. На что были способны только варяги. Они одни в состоянии были обеспечить и морское плавание, и охрану судов. Причем все говорят о руссах, как арабы, так византийцы и германцы, не о славянах или комто еще, к тому же арабы и византийцы, да и германцы, вовсю воевали со славянами и уж точно ни с кем перепутать их не могли.

Сопоставляя грандиозность этих путешествий с тем «техническим уровнем» (а речь идёт о противоположных частях крупнейшего на земле континента), должно признать — это дело многих поколений. Что также вполне со-

---

[50] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. по Р. Х. С. 63-67.

[51] Там же. С. 74.

гласуется с принятым нами временем появления варягов, примерно VII-VIII вв., так как в IX в. уже полнокровно используются русичами оба торговых пути, что документально подтверждено.

Везде, говоря о варягах в контексте с русью, имеем в виду «варягов русь», так записали их в летописи: «…Послы от славянских и финских племен пошли за море к варягам руси, эти варяги зовутся русь, точно также как другие варяги зовутся шведами, иные норвежцами, иные англичанами, иные готами»[52]. О самом же слове «русь» прилично будет привести слова другого великого историка В. О. Ключевского: «Но о руси среди восточных славян в VIII веке совсем не слышно, а (только) в IX и X веках. Русь среди восточных славян еще не славяне, отличались от них как пришлый и господствующий класс от туземного и подвластного населения»[53].

Что вполне согласуется с исследованием Тихомирова: «…только с IX-X веков они (города) начинают обрастать торговыми и ремесленными сторонами, или подолами. До сих пор города были княжескими». Следовательно, с VII-VIII и до IX-X вв. древние города — это, в большинстве своем, княжеские форпосты, города-крепости. В вопросе о том, кто были эти князья, мы согласны с Ключевским. Не одни варяги были князьями, однако властеобразующим народом были варяги, и были задолго до Рюрика, которого призвали (обратно?), когда были уже и города, и функционировали торговые пути. Причем Варяжский путь к тому времени стал более значимым.

Снова обратимся к Ключевскому. Вот его анализ летописного предания о том, что было до призвания Рюрика: «По этому сказанию, еще до Рюрика варяги как-то водвори-

---

[52] ПСРЛ. Т. 1. Летопись по списку Лаврентия. Т. 1. Древний текст летописи Нестора. Повесть временных лет (далее — ПСРЛ. Лавр. Т. 1. ПВЛ) под «В лето 6368. В лето 6369. В лето 6370».

[53] Ключевский В. О. Курс русской истории в 9 томах. Т. 1, часть 1. М., 1987. С. 142.

лись среди новгородцев и соседних с ними племен славянских и финских, кривичей, чуди, мери, веси, и брали с них дань. Потом данники отказались ее платить и прогнали варягов назад за море. Оставшись без пришлых властителей, туземцы перессорились между собою, не было между ними правды, один род восстал на другой, и пошли между ними усобицы. Утомленные этими ссорами, туземцы собрались и сказали: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил нас по праву "»[54].

Если учесть те заботы, которые лежали на варягах, то дань, которую они брали, превращается в законную плату. Кроме того, что пройти надо было и морем, и реками, были места, где суда перетаскивали по суше, так называемые волоки, с ними одними хлопот не оберёшься. Теперь учтем колоссальную протяженность путей и вспомним о том, какое количество очень разных народов на этом пространстве проживало. Попробуй-ка со всеми договориться? (А если у сопредельных народов конфликт?) И так на всем протяжении, а заграницей и того хуже.

Здесь немаловажным фактором было то, что варяги были именно отдельным «пришлым» народом (как бы независимая сторона). В таком случае, если не вмешиваться в межродовые отношения, то такие договоры вполне возможны. Безусловно, народ, который все это смог осуществлять, рано или поздно должен будет занять руководящее положение, более того — это необходимое условие для функционирования торговых путей, что, естественно, не сможет нравиться местным вождям. А как только последние решили справиться без варягов, то «выгнавши оных, Гостомысл, от славян происходящий, правил владением, и из-за от междоусобных мятежей ослабления, и от силы варяг утеснения, по его совету рутены дом владык от варяг опять возвратили, то есть Рюрика и братьев»[55].

---

[54] ПСРЛ. Лавр. Т. 1. ПВЛ под «В лето 6368. В лето 6369. В лето 6370».

[55] Татищев В. История Российская: в 3 т. Т. 1. М., 2005. С. 363.

Вполне естественно, нет же ни опыта, ни навыков руссов, ни их «международного авторитета» — такие качества воспитываются многими поколениями и часто (как в данном случае) — этническая особенность народа.

И при количественном несомненном меньшинстве, в правлении этот народ долго ещё будет доминировать. Например, в договоре князя Игоря с греками в 945 году, читаем: «…мы от рода русского слы и гостье», все это были варяги. «В перечне 25 послов нет ни одного славянского имени, из 25 или 26 купцов только одного или двоих можно признать славянами»[56] и пусть будет хоть сколько противников «норманнской теории», но это единственная, документами подтвержденная теория, которая без противоречий соответствует историческим событиям.

Во множестве иностранных летописей до X века и позже современники Русь называют Русью, а славян славянами. Вот слова учёного: «…О тех же связях говорит и Ибрагим Ибн-Якуб (965 или 973 гг.), который пишет, что «город Фрага (Прага) — значительнейший из торговых городов» и «приходят к нему из города Кракова русы и славяне с товарами»[57]. Или у другого историка, который приводит слова арабского автора: «Среди рабов мы видим славян, руссов, булгар, буртасов, печенегов и других…»[58]. В середине X века Аль-Фарси пишет, что русы состоят из трёх племён, царь первого живёт в Киеве, а два других племени — это Славия и Арта (Арза). То есть добавляет к руссам славян и племя арта (Арза), которое учёные отождествляют с Мордвинской Эрзой (отсюда город Арзамас)[59]. О тех же трёх племенах на нашей территории пишет в то же время Ибн-Хаукаль[60].

---

[56] Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 1, часть 1. С. 176.

[57] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 170.

[58] Греков Б., Якубовский. Золотая Орда. М., 1941. С. 15.

[59] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. С. 193-201.

[60] Там же. С. 218-228.

Причем славян в иных документах очень точно разделяют по племенам, не путая, например, антов с венедами или дулебами, но и этих, и прочих славян именуют славянами. Русов же называют — то русы, то росы, то руги либо просто варяги, у готов — росомоны, нередко (в византийских документах особенно) скифы или ставроскифы. Например — у византийца Льва Диакона, «где Икмор (Игорь) именуется вторым, а Сфенкел (Свинельд) третьим предводителем "скифов"»[61]. И если в начале IX века араб Аль-Кальби, перечисляя сынов Иафета (народы, живущие севернее Передней Азии и Ближнего Востока), упоминая славян, не называет руссов[62], просто тогда не слышал про них, то египетский учёный конца IX— начала X века Ибн-аль-Батрик (ставший впоследствии христианским патриархом Евтихием Александрийским), перечисляя потомков Иафета, уже ставит народ — «русъ», однако и славяне остаются[63].

«На приведенных местах летописи (Нестора) основывается мнение о скандинавском происхождении варягов Руси и основывается крепко; вот почему это мнение древнейшее в науке, древнейшее в народе»[64], — это академик Соловьёв. А вот С. Ф. Платонов приводит в подтверждение своих же выводов слова Шахматова: «Русь — это те же норманны, те же скандинавы; Русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном лесистом и болотистом славянском севере»[65].

---

[61] Ибн Фадлан о «двоевластии» у руссов в 20-е гг. X века в работе: Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 13-15 апреля 1992. Тезисы докладов. С. 4-5.

[62] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. С. 15.

[63] Там же. С. 179.

[64] Соловьев С. М. История России с древнейших времён. Т. 1. С. 86.

[65] Платонов С. Ф. Лекции по русскй истории СПб., 2000. С. 61-62.

Варяги русь были началом и основой княжеской власти на Руси, гарантией безопасности всех торговых экспедиций и были задолго до Рюрика. Представляется несомненным, что никогда в древности славяне себя руссами не называли и современники в своих записях их между собой не путали. Не путали современники, не будем путать и мы.

Соответственно, в таком случае у них должны быть свои дружины (состоящие преимущественно из варягов же), а также места, где они могут в безопасности находиться и хранить свое имущество. То есть — укрепленные города, приспособленные для жизни князя и дружины крепости. Варяги — это был один народ, раздельно живший по разным местам Древней Руси, в зависимости от того, какой князь в каком городе смог утвердиться. В тех городах поэтому жили только семья князя, его дружина и прислуга, окружали же их другие народы — славяне, финны, мордва и прочие. В случае конфликта рассчитывать на скорую помощь рода было нереально, а при их образе жизни — всем не угодишь, так что без крепостей было невозможно.

То есть: «Приняв вид укрепленного города в VII-VIII веке, только с IX-X веков они начинают обрастать торговыми и ремесленными сторонами или подолами»[66]. До сих пор города были княжескими, например, «град Олегов» и проч.[67] В дальнейшем города так или иначе становились местами более прогрессивными, потому что туда после каждого торгового или любого другого похода, помимо новостей, стекалась информация о последних новшествах и достижениях, как в ремеслах, так и во всех отраслях хозяйства и быта. Что, в свою очередь, неизбежно способствовало развитию окружающих народов.

Без знания о существовании и развитии древних русских городов невозможно объяснить высокий уровень развития культуры народов, живущих на территории

---

[66] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 28-29 и далее.

[67] Там же. С. 64-65.

Древней Руси: «…ведь русские города были новыми поселениями, возникшими вне связи с римскими или какими-либо другими древними городами. История их проходит, можно сказать, перед нашими глазами. Их экономический и общественный строй сложился на Руси самостоятельно, самобытно и всецело принадлежит древнерусской народности»[68]. Ну что ж, мы с самого начала можем честно гордиться своей Родиной.

Руссы же, тем не менее, жили так, что все им подвластные славянские племена приняли их имя и стали называть себя русью, что невозможно было бы при взаимном неуважении. Итак, русь стала Русью. Название страны оставлено за доблесть руссов, а язык взят славянский. При доминирующих в этническом отношении и фрагментарном расселении славян по всей территории Древней Руси это был единственный, во всех отношениях, коммуникабельный язык. И, честно говоря, славянский — это приятный, очень глубокий, толковый и мелодичный язык, безусловно, он был, да и остался самым красивым языком.

[68] Тихомиров М. Н. Древнерусские города, СПб., 2008. С. 58.

ВРЕМЕНА ЛЕТОПИСНЫЕ

С трудом выбравшись из покрова мглы, покрывающего древность, оказываемся в более освещенном месте истории, в наиболее удобном в нашем случае IX веке. Посмотрим на границы Древней Руси. Начнем с севера. От Финского залива (район нынешней Ленинградской области) граница идет до Ладожского озера, проходя по нижнему его краю, доходит до Онежского озера, оттуда — на юго-восток, захватывая Белое озеро. Далее вниз, чуть восточнее Ростова Великого, до излучины Оки, по Оке уже на юго-запад. Проходит восточнее Рязани, захватывая кусочек Дона, поворачивает еще на юго-запад, примерно под углом 45 градусов, и идет к Днепру. Не доходя до Азовского моря, проходит по Причерноморским степям, пересекая реку Южный Буг, тоже в самом верху, потом чуть ниже к югу, пересекает реку Днестр и по западной его стороне, не доходя до р. Вислы, уходит вверх на север. У города Бреста пересекает реку Припять, поворачивает на северо-восток и по Прибалтике, не доходя до самого моря, смыкается у Финского залива[69].

В этих границах не учтены все Новгородские земли, невозможно выяснить пока время образования даже самого Новгорода. Оно уходит в глубокую древность. Новгород со своими владениями — это целое государство, своеобразно возникшее и жившее своеобразно, как бы полуреспублика, своей оригинальностью отличавшаяся от всех других городов. В «Повести временных лет» есть известие о том,

---

[69] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. С. 375. Такая карта есть во многих источниках.

что Новгород стоял во главе племён, признавших варягов, следовательно, в IX веке он уже достиг большой влиятельности и силы. Существует мнение, что Новгород вырос из старых отдельных поселений, которые потом получили названия «концов»[70]. «Концы» эти имели отдельное друг от друга самоуправление, бывало и враждовали, это следствие того, что они создавались из разных слобод, впоследствии соединившихся, но оставшихся независимыми. Может быть, в этом причина навыка новгородцев ко внутренним конфликтам.

Город на две стороны разделяла река Волхов. На одной стороне — рынок, это «Торговая сторона», на другой — храм во имя Св. Софии, это, соответственно, сторона «Софийская». Здесь была и Новгородская крепость, так называемый «детинец», или кремль. Новгороду принадлежали огромные пространства, лежащие вокруг, которые назывались «земля Святой Софии». Эти земли тоже по числу концов делились на пять частей, так называемые «Пятины». Были пятины: «Обонежская», что вокруг озера Онега; от Луги до Волхова — «Водьская»; между Мстой и Ловатью — пятина «Деревская»; у реки Шелони — «Шелонская», на юго-восток простиралась «Бежецкая» пятина. За пятинами находились новгородские «земли», или «волости», имевшие отличное от пятин устройство; число их в разное время было различно. Земли эти простирались от Западной Двины и Прионежья до Белого моря, к востоку — до Перми, к северу — до Печоры, заходили Новгородские земли и за Уральский хребет земли «Югра»[71]. Такова была новгородская земля в XI-XII веках и позже. Хотя и невозможно утверждать что-то определённое по поводу его ранних территорий, но, вероятно, тогда они уже были ими освоены.

Это торговый город, стоящий на перекрёстке важнейших торговых путей, «из Новгорода вниз по Волхову через

[70] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2000. С. 105 и далее.
[71] Там же. С. 105-106.

Ладожское озеро и Неву легко было попасть в Швецию, на Готланд или в земли балтийских славян. Из Новгорода через Ильмень и Мсту попадали на Волгу и шли в Болгарию, Хазарию и далёкие земли Востока. А третий путь — «из варяг в греки» — пролегал из Византии и Киева вверх по Днепру, через волоки, затем Ловатью в Ильмень и неизбежно вёл в Волхов через Новгород»[72].

Если смотреть в общем на границы Руси, то в древности это был такой неправильный четырехугольник, растянутый от Ладоги до Днепра и Киева, в дальнейшем доходя до Черного моря. Центральной нитью в дальнейшем станет торговый путь «из варяг в греки» (Варяжский), который либо естественно возник внутри Руси, либо сформировал Русь вокруг себя. А вернее — оба фактора взаимно дополняли друг друга.

Сейчас точно подсчитано, сколько городов и в какое время упомянуты в наших летописях. Это, естественно, не может соответствовать реальному количеству городов, т. к. летописи рассказывают о событиях, а города упоминаются только тогда, когда оказываются в связи с этими событиями. Реальное количество городов, само собой, было гораздо больше. Так вот, бесспорно на Руси зафиксировано в летописях к IX-X векам, по крайней мере, двадцать три города[73]. При этом ряд городов, таких как Новгород, Ладога, Белоозеро, Псков, Любеч, Муром, Полоцк, Ростов, Смоленск, Чернигов, Киев, безусловно, уже в IX веке были городами крупными, располагавшимися в большинстве своём по Варяжскому торговому пути. Торговля была к этому времени достаточно интенсивной.

Даже монеты могут послужить здесь некоторым историческим указателем, например: «Территория Восточной Европы — древней Киевской Руси и других славянских государств, острова и побережье Балтийского моря усея-

[72] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские кн. XII-XIII вв. С. 294 и выше о торговых путях.

[73] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 29-30.

ны кладами восточных монет VIII-X веков, отчеканенных в далеких городах мусульманского Востока»[74]. Известны пудовые клады из многих тысяч монет. Богато представлены превратившиеся в украшения дирхемы и в славянском погребальном инвентаре IX-XI веков[75].

Кратко говоря, в IX веке мы застаём Русь страной с сетью городов, освоившей 3 серьёзнейших торговых пути в совершенно разных направлениях, при этом полностью контролирующей один из них. А, кроме торговли, это — обмен информацией, знанием, культурой, наконец, даже простое взаимодействие с другими странами есть международные отношения, дело само по себе очень значительное.

К IX веку только славянских племён на Руси было 8. В летописи записаны ильменские славяне, кривичи, радимичи, вятичи, северяне, древляне, поляне. Местные народы, до них жившие на землях Древней Руси, — мордва, черемиса, чудь, мурома, остальные — карело-финские и финно-угорские народы, все на своих местах. Там же, в летописи, пишется, что в то же самое время (имеется в виду время призвания руссов, т. е. IX век), поляне (т. е. славяне, жившие вокруг Киева) платили дань хазарам.

Пока не представляется возможным (хоть сколько-нибудь обоснованно) сопоставить время изгнания варягов со временем захвата хазарами Киева и обложения ими славян данью. Во всяком случае, имеет право на существование та версия, что если бы варягов не изгнали, а, наоборот, дали им получше укрепиться, то они Киев не отдали бы хазарам (серьезнейший узел на важнейшей торговой артерии, и отдать его — значит потерять контроль над Варяжским путем), а тогда и дани бы не было. Многое тогда пошло бы по-другому. Общая причина разлада вероятнее всего — усиление Хазарии. Они богатеют на шёлковых и других караванных путях, под их контролем — Волжский торговый

[74] Спасский И. Г. Русская монетная система. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. С. 12.

[75] Там же. С. 26.

путь, и, конечно, они рвались любым путём к контролю над русскими торговыми путями. В прямом бою против варягов хазарские иудеи не имели шансов на победу, и очень похоже, что сработали интриги, как-то был внесён раздор.

Хазары пользовались финансовой поддержкой рассеянных тогда по всему Средиземноморью иудейских общин[76]. Поэтому усилие было общеиудейское и сработало. Был раздор, и варяги, обидевшись, ушли. Это то, что на поверхности. Но вполне возможна и другая историческая реалия, а вернее — совокупность многих причин. Далее — известные события и призывают варягов обратно, при этом, глядя на поведение и новгородцев, и Рюрика, создается стойкое ощущение, что и он был одним из изгнанников. В самом деле, призвали его в зрелом возрасте, меньше чем за 20 лет до смерти, и очень похоже, что он вырос в Древней Руси. Во всяком случае, для тех действий, которые им будут предприниматься, необходимо владеть языком местных жителей, хорошо знать страну и её обычаи и совершенно чётко понимать причину происшедшего развала, это как минимум. А другое — это то, что новгородцы известны как смелые первопроходцы и предприимчивые купцы, труженики и романтики, ремесленники и мужественные воины, авантюристы и добрые земледельцы. Они были много кем, но никогда не были глупцами, и позвать к себе могли только того, кого знали хорошо.

Но знал их и Рюрик. «Идёт он не сразу и не с большой охотой, а с раздумьем и с неохотой принимает предложение славянских и финских послов, "…едва избрашася…" — как записано в одном из летописных сводов»[77]. А вот далее действует он далеко не как новичок в чужой стране, но как человек, прекрасно знающий не только обстановку, но и причины происходящего. Сразу не идёт в Новгород (раз уже предали, второй раз он им не позволит), а строит крепость

[76] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отд. 2. § 4. С. 29.

[77] Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 1. Ч. 1. С. 153 и далее.

в Ладоге, укрепляя начало Варяжского пути — основного, на тот момент, нерва Древней Руси. Чуть укрепившись в начале и в центре, князь посылает своих воевод, Аскольда и Дира, отбивать у хазаров Киев, контролирующий южную часть торгового пути. Киев отбили наши воеводы, а хазар прогнали напрочь. Отвоевал торговый путь Рюрик и изменников наказал, как следует. Через два года после призвания, говорит летопись, новгородцы «…оскорбились, говоря: быть нам рабами и много зла потерпеть от Рюрика и земляков его»[78]. Но теперь утвердился Рюрик прочно и после смерти братьев стал единовластным правителем — основателем рода Рюрикова.

[78] Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 1. Ч. 1. С. 152 и далее.

РЮРИК И ОЛЕГ — ДОБЛЕСТЬ И ВЕРНОСТЬ

Сказано, через два года после призвания Рюрика умерли его братья. В самом ли деле были имена у братьев Трувор и Синеус или просто похожи по звучанию — неизвестно, быть может, но известно, что в переводе с древнешведского фраза: «Рюрик сине хус трувор» означает: «Рюрик с домом и дружиной». Тем не менее, братья были и умерли. А Рюриковы воеводы Аскольд и Дир, отвоевав у хазар Киев, получили доступ к Чёрному морю и с огромным войском на двухстах кораблях были уже под стенами Константинополя. В Византию они пошли не самовольно, но с разрешения Рюрика, «…в летописи следует и доказательство этого утверждения: "…у новгородского князя Рюрика были два боярина, Аскольд и Дир", которые у него "испросистася [итти] ко Царюгороду с родом своим"[79]. Естественно, служить они не шли, это было прямое военное нападение.

Поход к Царьграду не был просто грабительским, основания для похода у руссов были и самые серьёзные. Долг Аскольда и Дира состоял в освобождении Киева и значительных территорий Руси от власти хазар. Византия же была давним союзником последних; ещё за полтора века до этого их император Лев III Исавр скрепил этот союз династическим браком своего сына Константина с дочерью хазарского кагана[80]. Вполне понятен в то время поступок Исавра — у них с Хазарией общий враг — халифат. А то, что это союз с иудеями, — так что было взять с иконобор-

[79] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 58.

[80] Острогорский Г. А. История Византийского государства (перевод с немецкого). М., 2011. С. 216.

ца? Однако союз этот сохранялся, а Византия была самым серьёзным для Руси союзником хазар. Теперь же русичам для устранения власти хазар необходимо было убедить основных союзников иудейского каганата в серьёзности своих намерений. Им это удалось.

Тогда гибель Константинополя была предотвращена только заступлением Божией Матери. После крестного хода с иконами и ризой Богородицы поднялась буря, множество кораблей погибло, но русы не ушли, а, вразумлённые чудом, потребовали крещения. Не впервые услышали Аскольд и Дир о Христе, были христиане у нас и ранее, а за несколько лет до этого крестились дунайские болгары. Источники говорят о принятии христианства в самом начале IX века некоторыми из русских вождей[81]. Археологами найдены в раскопках крестики и другие предметы, свидетельствующие о распространении христианства и связях с Византией на Руси в ещё более древние времена[82].

А пока византийский патриарх Фотий пишет: «… не только болгарский народ переменил прежнее нечестие, но и тот народ… глаголемый Россъ… ныне переменил языческое и безбожное учение… на чистую и правую христианскую веру»[83], при этом признавая, что «Константинополь едва не погиб от русских мечей»[84]. А венецианский хронист Иоанн Дьякон (начало XI в.) даже утверждает, что руссы (он их именует норманами) имели 360 судов и ушли «с триумфом»[85]. Как-то странно, погибло множество кораблей, а ушли с триумфом, однако, и Константин

---

[81] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т.1. С. 100. «В самом начале IX века таковы известия в житии святого Стефана Сурожского о нападении на Сурож русского князя Бравлина и о крещении его там; …подобное же известие находим в жизнеописании святого Георгия, епископа Амастрийского».

[82] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 36.

[83] Есть у многих, здесь взято у Нечволодова. Нечволодов А. Сказания о Русской земле в 4 книгах. М., 1992. Кн. 1. С. 96.

[84] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 59.

[85] Там же.

Багрянородный в биографии своего деда Василия I пишет: «Богатыми дарами, золотом, серебром и шёлковыми одеждами он привёл народ россов (заметьте, не славян), воинственный и безбожный, к переговорам, и, заключив с ними мирный договор, он их убедил принять Святое крещение и устроил (это дело) таким образом, что они приняли архиепископа…»[86].

Факт тот, что в 867 г. в Византии была утверждена епископия для славян и россов, причем отмечается, что патриарх Фотий сразу же и крестил какую-то часть россов[87]. Теперь Русь и Византия имеют церковное общение и канонические узы, которые будут нерушимы при жизни этих стран. Политические разногласия и конфликты будут, но Русь православию будет верна всегда. Разногласие также не заставило себя ждать. После Константинопольского похода руссов киевское войско потеряло множество воинов и кораблей, что резко снизило его боеспособность, в результате — частичная потеря контроля над окрестными территориями, то есть ослабление военно-политических позиций Киева. Это сразу заметили, и в Хазарию из Царьграда было послано пышное посольство, между ними восстановлен мир и скреплён договором[88]. То есть Русь оказалась ослаблена, а Хазария усилила свои позиции.

Но вернёмся ещё раз к Рюрику. В 879 году умер этот удивительный князь и воин. За такой короткий срок, утвердив и укрепив власть своего рода, он подчинил себе народы Древней Руси. Новичку в чужой стране такое не по силам. Даже если бы и совершил подобное, то оно бы не прижилось — как чужеродное и кратковременное. Однако стоит Русь-матушка поныне и стоять будет, а имя Рюрика навсегда осталось олицетворением мужества, чести и доблести.

Перед смертью Рюрик малолетнего своего сына Игоря отдаёт на руки родичу своему Олегу (Вещему), в летописи

[86] Там же.

[87] Макарий Булгаков, митр. История Русской Церкви. Т. 1. С. 201.

[88] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 59.

стоит — «отъ рода ему суща»[89]. Олег честно исполнил волю своего князя и родственника. Игоря, сказано, «любил как сына». Надо сказать, Олег сразу оказался в очень трудном положении, основная причина та, что он всё же не Рюрик, а все почитали и подчинялись последнему, причём почитали за совершенно конкретные заслуги, которых Олег не имел. И ему, если он хотел исполнить свой долг, нужно было утвердить свою власть.

Вначале прошёл Вещий Олег по Варяжскому пути до Киева и утвердился среди окружающих племён как старший из Рюриковичей. Что он не сразу, но блестяще и делает. По пути в земле днепровской у кривичей «закрепляет себе город Смоленск… Из Смоленска Олег пошёл вниз по Днепру в землю северян, взял город их Любич»[90]. Как верховный правитель, оставлял везде дружины, какие были необходимы, и так подошёл к владениям Киевским, хоть времени это и заняло около трёх лет. При этом, ни о каких боях нигде не говорится, из чего заключаем, что утверждение его на местах как князя проходило достаточно мирно, малолетний Игорь был с ним — это придавало его действиям правомерность.

Однако в Киеве всё было по-другому. Аскольд и Дир были воеводами Рюрика, и, может быть, лучшими. После освобождения Киевских земель от хазар и византийского похода их слава ещё более возросла. Вполне понятно, что по смерти Рюрика прославленные воеводы не считали себя подчинёнными Олегу. Ведь клятву на верность они давали Рюрику, который был для них непререкаемым авторитетом и их законным князем. А вот к Олегу у них, в любом случае, другое отношение, он для них просто один из родственников князя, и если тот доверял и видел в Олеге достойного правителя и надёжного опекуна сыну, то киевские правители могли считать иначе. У них не было ни-

---

[89] ПСРЛ Лавр. Т. 1. Под «въ лето 6387». «Умершу Рюрикови, предасть княжение свое Олгови, отъ рода ему суща въдав ему сынъ свой на руце Игоря».

[90] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 101.

каких обязательств перед Олегом, тем более что три года прошло со смерти Рюрика, а за это время Киев обособился, и киевские князья восстановили потери войска новыми, пришлыми варягами, которые шли уже лично к Аскольду и Диру. Теперь это было киевское войско, независимое от Новгорода. Аскольд же с Диром не видели больше причин подчиняться кому бы то ни было.

Так, хорошо, но что теперь делать Олегу? Он старший в роду, и Рюрик передал ему всю полноту власти, кроме того, у него на руках наследник Рюрика — Игорь. Олег, мы знаем, будет до конца честен перед своим родом и наследником, а Киев — его (Игоря) наследство, и Олег за это в ответе перед всем родом. В таком случае, здесь со стороны Аскольда и Дира, по мнению Олега, прямая измена как наследнику, так и всему делу Рюрика. Строго говоря, понять можно и одних, и других, но, выражаясь современным языком, юридические права были на стороне князя Игоря и его опекуна князя Олега.

И вот Олег с войском у Киева, воинов прячет на берегу Днепра, вызывает обманом Аскольда и Дира, те выходят безоружными и тут же погибают от рук воинов Олега. Последний, отправляя послов в Киев, велел передать, что они будто бы просто купцы, идущие в Грецию от Олега и Игоря (или что Игорь с ними). Вряд ли возможно, чтобы киевляне не заметили войско, это не одна и не две сотни, плюс корабли. Очень вероятно, что увидели всё Аскольд и Дир, но услышав про Игоря, сына Рюрикова, не посмели пойти к нему с оружием, что делает честь киевским воеводам.

Но и Олег на своём месте в безвыходном положении. Киев — крупнейший узловой город, и стратегически имел жизненно важное общерусское значение. Потом Олег — законный князь, и его позиция такова: «Вы не князья, не роду княжеского, а я роду княжеского». И, указывая на вынесенного в это время Игоря, сказал: «Вот сын Рюриков»[91]. Ситуация трагическая, однако, первые не потеряли чести,

[91] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 101.

а второй остался верен своему долгу. Правомерность действий Олега признали киевские варяги и, считая его законным правителем, не стали воевать. А жители Киева воздали честь Аскольду и Диру по-своему, похоронили на горе, а над могилами поставили церковь Святителя Николая. Такое в истории бывает.

Утвердившись в Киеве, Олег этот город сделал столицей, причем, Новгород тоже оставил за собой, наложив на него дань в триста гривен, держа в руках как бы начало и конец торгового пути. Так и останется, почти всегда великому князю принадлежат и Киев, и Новгород. Что стратегически, безусловно, верно. Он укрепляет Киевские земли, накладывая на подвластные народы посильную дань, при этом позиция князя такова: «Я враг козарам, а вовсе не вам». Присоединяет дулебов, хорватов и тиверцев, непокорёнными остались только угличи[92].

На этом Олег не останавливается, в 907 году идет на Константинополь, с ним идут и многие присоединённые народы[93]. В результате этого похода Олег заключает новый договор с греками, более выгодный, чем старый Аскольдов. «Договор был скреплен «писанием и клятвою», а русских послов (ими были 13 варягов) император Лев VI почтил богатыми дарами (золотом и драгоценными тканями); специальные придворные познакомили их с церковными достопримечательностями Константинополя»[94]. Договор был о мире и взаимопомощи, и уже в 911-912 годах (т. е. перед смертью Олега) отряд из 700 русичей участвовал вазантийском походе на Крит против арабов[95].

Удивительно, что при Олеге уже пользовались славянской грамотой, задолго до её появления на Родине. Ещё

---

[92] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 104.

[93] Там же. С. 104. «Он (Олег) пошёл со множеством варягов, славян (новгородских), чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, дулебов и тиверцев…».

[94] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 61.

[95] Там же. С. 62. Руссы были в войске византийского флотоводца Имерия.

в середине XIX века И. И. Срезневский доказал, что договоры Олега с греками в 907 и в 911 годах были написаны по-славянски. Кроме этого, во втором Олеговом договоре ясно говорится о писании: «Аще ли сотворитъ образенье, таковый възьметъ уряженое, кому будетъ писать наследити именье». В договоре Игоря упоминается о грамоте послам и гостям русским: «Ныне же увидел же увидал есть князь ваш посылати грамоту к цесарьству нашему. Иже посылаемы бывают от них послы (по др. списку слы) и гостье, да приносят грамоту. Пишюче сице»[96].

Закончим страничку жизни этого князя тем, что его Византийский поход утвердил традицию военной взаимопомощи наших стран. А тогда, вернувшись из похода, Олег отбивает от Киева уже появившихся печенегов. Летописец, подводя итоги княжения Олега, отмечает, что он правил «мир имея ко всем странам»[97]. Как и должно, укрепив и умножив владения Руси, Олег вырастил и воспитал Игоря Рюриковича, женил его на прекрасной псковской княжне Ольге и погиб легендарно. Одно слово — «Вещий».

---

[96] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X века по Р. Х. С. 242-243. Автор даёт ссылку на Известия 2 Отдела Имперской Академии Наук, т. 1, с. 309-314; т. 3, с. 257 и след.; ср. его же: Древние памятники русского письма и языка. 1863.

[97] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 61-62. «Факты позволяют думать, что договор применялся обеими сторонами к взаимной выгоде и оставлял им свободу рук относительно других стран. В годы княжения Игоря (913-945) договор сохранялся, как можно судить по позднейшей записи в новгородской летописи о том, что возложенную на греков Олегом дань они «дають доселе княземь рускым»… Время императора Романа Лакапина (919-944)… В 934 г. 7 судов с русскими (415 человек) находились в эскадре из 18 судов патрикия Косьмы, которого император Роман послал в Лангобардию; в 935 г., может быть, они же в составе эскадры протоспафария Епифания ходили к берегам Южной Франции».

МАТЬ И СЫН — МУДРОСТЬ И ЧЕСТЬ

В 912 году великим князем Киевским становится Игорь Рюрикович. В житии святой Ольги записано, что в это время вера Христова распространилась настолько, что христиане занимали в Киеве значительную часть. В правление Игоря очевидны усиление хазарского влияния и попытки Игоря примиряться с ними, которые оканчивались хазарским предательством и новыми военными конфликтами. Мнение, что Русь при Игоре была «под хазарами», не выдерживает критики. Ничего подобного у Нестора не сказано относительно конкретного времени правления Игоря. Обсуждение же мифологем оставим в стороне. Что, Новгородские земли были под хазарами? Ничуть не бывало, как и весь Варяжский путь был наш. И это прямые летописные данные, перечисляющие, между прочим, основные народы Руси, и мы их ниже назовём вместе с рассказом о походе Игоря на Константинополь. Византия — союзница хазар, и чтоб данники последних пошли против самого серьёзного хазарского союзника? Это несерьёзно. Если бы Киев, в самом деле, платил дань хазарам, то после смерти Игоря у Ольги обязательно возникли бы из-за этого проблемы, потому что со смертью правителя дань со страны ещё никогда не снималась. Однако ничего подобного при Ольге нет и в помине. То, что давили хазары, — это ясно, Волжский путь и Великий Булгар они контролировали, — это тоже общеизвестные летописные факты. А отношения с Хазарией складывались в таком ключе: в 913 или 914 годах (то есть через год-два после смерти Олега) отряды руссов «пустошили берега Каспийского моря…». Далее происходят события,

когда хазары пропустили наших воинов на западное побережье Каспия, в набег на мусульманские территории. Пропустили за часть немалую добычи от набега. А когда наши после боёв шли обратно, хазары навели на них 15-тысячное войско тех же мусульман. Последние в неравном бою уничтожили русичей[98]. Однако это мусульманское войско три дня не могло справиться с небольшим и уставшим в боях отрядом русичей. При этом все вместе с арабами чернят руссов.

Однако нападали русичи на союзников халифата, соответственно, враждебных Византии и хазарам, то есть оказывали последним военную помощь, при этом на хазар надеялись как на союзников[99]. Немало воевать Игорю пришлось и с печенегами, которых хазары также могли пропускать умышленно для ослабления Руси. Безусловно, хазары накладывали дань, где могли, например, на вятичей, но только вятичи тогда не входили в состав Руси. Хазарам также к этому времени подвластны были причерноморские территории и Крым, но и это ещё долго будут спорные территории. Да, близко они подобрались и душили, где могли, — это факт. И два других десятилетия были наполнены мелкими конфликтами хазар с Киевским княжеством.

Наконец, в 939 году Игорь идёт на хазар и захватывает город Самкерц (ныне Тамань), принадлежащий Хазарии. Что тоже не совместимо с поведением зависимого князя. Тогда хазары призвали мусульман и под командованием некоего еврейского полководца Песаха город отбили, а часть наших земель разорили[100]. Здесь они, вероятно, подошли к Киеву и какую-то дань могли взять. Но, как мы видим, уже в 941 году Игорь идёт войной на Константинополь, «презрев клятвенные договоры» с ним, а по нашему мнению, считая, что это они как союзники наших врагов

---

[98] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 115.

[99] Гумилёв Л. Н. От Руси до России. М., 2006. С. 62-63.

[100] Там же. С. 63 и далее.

хазар нарушают договор о взаимопомощи. Этот поход был неудачен, русские ладьи пожгли греческим огнём.

Однако Игорь не останавливается и через три года снова идёт войной на Царьград. Этот поход 944 года Игорь собрал по образцу своего дяди, Олега. В поход, сказано, пошли варяги русь, поляне, славяне, кривичи, тиверцы, да ещё печенегов наняли, так что войска шли и пешие, и конные, и на ладьях. Греки испугались и на Нижнем Дунае встречают русичей, предлагая выкуп. Игорь согласился, «взял золото и ткани на всех воинов»[101]. Были присланы послы, и составлен новый договор. Этот договор уже утверждался в Киеве двумя общинами: языческой, у себя в Капище, и христианской, в церкви Святого Ильи, так как многие варяги были крещёными[102]. Как-то не похоже, согласитесь, такое поведение на данников Хазарии. Наоборот, наш князь снова заставил самые сильные державы отнестись к Руси с уважением. Потом князь отправил своих мужей в Константинополь: это были государственные представители от «рода русского», различные послы и купцы, все почти поголовно норманны…[103] При ратификации договора императором и русскими князьями давалась взаимная клятва о вечном мире, взаимопомощи и свободе торговли. При этом христианская часть наших послов давала церковную клятву, а часть клялась по языческому обычаю, слагая оружие, щиты и доспехи». Кроме прочего, был прекращён бесконтроль-

---

[101] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 62-63.

[102] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 112. Также все эти события есть в летописях, скажем, в Троицкой летописи, с. 73 и далее.

[103] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 64. «От рода рускаго съльı и гостье»; среди них Ивор, посол Игоря, общие послы (от князей, чьи земли — Словенская, Полянская, Кривичская, Тиверская — особенно активно участвовали в походе и, видимо, имели давние связи с империей) — от Святослава Игоревича, от Ольги, жены Игоря, от его племянников Игоря и Акуна, от князя Володислава (судя по имени, из земель, пограничных западнославянским), от княгини Предславы и других, а также представители «от всякого княжья и от всих людий Рускиа земля».

ный переход воинов, как русских, так и греков, за границей, поэтому в договоре 944 года статья о добровольцах из договора 911 года отсутствует[104]. Служба русских подданных в других странах была взята под контроль, чего раньше не было и что было значимо.

Через год после Византийского похода в 945 году Игорь погибает при сборе у древлян дани. После него остается малолетний Святослав, а правительницей становится его жена. Она смиряет и подчиняет себе древлян, «възложиша на ня дань тяжьку»[105]. А весь общеизвестный рассказ «о трёх местях» Ольги является поздней вставкой, что сейчас экспертно доказано[106].

Правление Ольги — это прекрасная страница русской истории, которая заслуживает отдельного и серьезного описания. Мы же вынуждены быть краткими. Это время утверждения Руси, накопление сил, начало расцвета. Ольга не вышла замуж, сохраняя престол для сына. Через два года после гибели мужа, продержав должный траур и смирив древлян, она с головой окунается в государственные дела. Сама объезжала русские земли, разделила Русь на волости, оставляя на местах погосты — административные и судебные центры. Преодолевая громадные расстояния, ездила в Новгород собирать дань и наводить порядок, по пути решая все организационные вопросы, улаживая возникающие между подданными конфликты и раздоры[107].

---

[104] Там же. С. 64. «Аще просить вой у нас князь Руский, да воюеть, дамы ему, елико ему будеть требе» и «Аще ли хотети начнеть наше цесарьство от вас вой на противящаяся нам, да пишють к великому князю вашему и послет к нам, елико же хочем».

[105] ПСРЛ Лавр. Т. 1. ПВЛ. С. 25 под «в лето 6454…».

[106] Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. Глава 1. М., 2001. С. 17.

[107] ПСРЛ Т. 6. Вып. 1. Софийская перв. лет. Л. 40, с. 50 «В лето 6455 (947 год). Иде Волга къ Новугороду и устави по Месте погосты и дани, и по Лузе дани и оброкы. И ловища ея суть по всей земли, знамения и места, и погосты. И сани ея стоят въ Пскове. И по Днепру перевесища и села, и по Десне… Изрядивши, взвратишися къ сыну своему в Киев и пребываше с ним въ любви».

Да, мудра была Ольга и в основу своего правления положила установление порядка.

Но именно порядка, а не подавления, и во все время ее правления на Руси были мир и согласие, ее уважали, любили и слушались. Политиком она была мудрым, а правителем аккуратным, рачительным, справедливым и добродетельным. Вошла Ольга в историю того времени как великая созидательница культуры Киевской Руси и покровительница христианства.

Наконец, в 957 году Ольга сама находит возможность поехать в Константинополь и принимает там Святое крещение с именем Елена. Вот об этом несколько документальных «иллюстраций»: Во время поездки в Константинополь в 957 г. княгини-христианки Ольги император «нарек ю дъщерью собе», а патриарх «благослови ю»... «Во время визита Ольги был, вероятно, подтвержден и расширен договор 944 г., и она получила дары…» Император «дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя»[108]. По случайно уцелевшему отрывку денежной сметы на содержание посольства узнаём как о самом посольстве, так и об уровне приёма. «Ольга имела свиту, включавшую кого-то из ее родичей (анепсий), 8 более отдаленных родственников, 6 родственниц, 20 послов русских князей, 43 купца, священника Григория, 3 переводчиков (из них один — личный княгинин), “людей Святослава”, 6 “людей послов” и, наконец, 18 служанок. Всего, следовательно, больше ста человек[109]. Содержание полагалось согласно договору 944 г., и оно было вполне достаточное.

А вот пишет сам император Константин: «Первый прием состоялся 9 сентября в 4 часа дня. Княгиня вошла в сопровождении своих родственниц, также княгинь, и наиболее почетных служанок. Она шла впереди всех женщин, которые шли позади одна за другой по рангу и останови-

[108] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 67.

[109] Там же.

лись на том месте, где логофет предлагает [послам] свои обычные вопросы…» (о доме, о здравии, о родных и т. д.). «Вслед за ней вошли послы русских князей и купцы и стали позади у завесы». Ольгу принимали в роскошном зале дворца Мангавры, где, по сообщению продолжателя хроники Феофана, ромейские императоры устраивают встречи тогда, «когда они хотят принять кого-либо из знаменитых и великих людей по гегемонии». Ольга относилась к их числу, ибо из оглавления к «Уставу о церемониях» узнаем, что она имела титул «игемона и архонтиссы (начальницы) руссов». Император сидел на «Соломоновом золотом троне, усыпанном драгоценными камнями, в окружении золотых поющих птиц и золотых рычащих львов; играл орган; сам трон по желанию императора мог вознестись с ним к потолку. После беседы с логофетом внесли привезенные княгиней дары, и музыка стихла. С поклоном, под звуки возобновившейся музыки Ольга удалилась». Далее — приём и беседы в покоях императрицы в присутствии ее двора и беседа с императором и императрицей в их внутренних покоях. «На званом обеде у императрицы в тот же день Ольге накрыли особый стол, где она сидела между двумя высшими придворными дамами; обедавших развлекали шуты, эквилибристы; выступали певчие из храмов Св. Софии и Св. апостолов. В то же время в золотой палате император давал почетный пир мужской части посольства — послам, их людям, родственникам Ольги и купцам. Здесь они получили уже упомянутые дары. За десертом, устроенным императорской четой для Ольги, ей вручили золотое блюдо, украшенное драгоценными камнями, и золото, а также одарили ее родственниц и служанок, которые, входя, падали ниц, а Ольга наклонением головы как бы представляла их императору»[110].

Наконец, прощальный приём у императорской семьи — «18 октября в Золотой палате, где в отклонение от

[110] Там же. С. 68.

установленного порядка Ольга сидела за одним столом с императором. Летопись знает, что, принимая Ольгу, "удививъся царь разуму ея, беседова к ней". Здесь были вручены новые дары»[111]. И, конечно, ряд источников говорит о её удивительной красоте и уме. Вот какова была Ольга. И поездка её была серьёзным дипломатическим визитом, последствия которого скажут сами за себя.

Теперь вся жизнь святой Ольги дома — это апостольское служение, она разоряла языческие капища и обращала язычников в православие[112]. Однако в беседах с византийским императором она поняла, что такое православная держава и каким путём должно следовать Руси далее. Здесь, словно бы из-за спины Ольги, выступил ее сын, пришёл его черёд. Святослав — личность в высшей степени интереснейшая, он давно вырос и возмужал под опекой отцова боярина Асмуда и воеводы Свенельда[113], стал суровым воином и образом русского витязя. Отношения матери с сыном летопись характеризует кратко: «Взвратишися къ сыну своему в Киев и пребываше с ним въ любви»[114]. Сыновней любовью и взаимным доверием с матерью во многом объясняется дальнейшее поведение Святослава, именно с этого времени совершенно меняется образ внешней политики Древней Руси.

Итак, Ольга с сыном начали грандиозное преобразование своей державы, всё управление внутри страны мать брала на себя, а основная тяжесть теперь легла на сына. Вначале ему предстояло уничтожить главный мировой очаг иудейства, этого извечного врага христианства — Хазарию, которая «занимала ключевую позицию в Западной Евразии в смысле своего географического положения и традиций

---

[111] Там же.

[112] Минея — Июнь. День 11-й. Житие святой равноапостольной Ольги.

[113] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1, соф. перв. лет. Л. 36. С. 46.

[114] Там же. Л. 40. С. 50.

международного торгового обмена»[115]. Далее нужно было устранить влияние ислама со стороны Великого Булгара, освободив от них верховья Волги. Этим освобождалась система торговых путей Причерноморья, а также Волжского торгового пути и Прикаспия, этих действительно исконных по условиям «месторазвития» владений русичей. Таким образом, создавался прочный остов мощной военно-торговой державы, в которой свободный вход открыт был только влиянию христианства.

Святослав тщательно готовился, годы собирая «вои многи и храбры»[116]. Сам князь «...был храбр и лёгок, как барс, во время военных походов он не возил за собою обоз, мясо в походах не варил в котлах, но порезав тонко конину, зверину или говядину, пёк её на углях, шатра тоже не возил, а подстилал под себя конский потник, под голову клал седло»[117]. Под стать ему и дружина, воевал князь не числом, а умением, никогда не нападал тайком, а открыто заранее посылал сказать знаменитое: «Иду на вы». Последнее качество говорит о многом, ведь у него не было сотен тысяч воинов. Воеводой с ним шёл уже тогда овеянный воинской славой его наставник Свенельд.

Не сразу бросился наш князь в бой, но вначале тщательно исследовал военную задачу и положение внутри страны. Дошёл до Приволжья (от Киева путь не близкий), где жил славянский народ вятичи, единственный не присоединённый к Руси, на который успела уже наложить дань Хазария[118]. После чего, на месте разъяснив до конца общее положение, начинает военную кампанию. Вначале Ярослав сокрушает Хазарию, подчиняет Причерноморье, Крым и Северный Кавказ[119].

---

[115] Вернадский Г. В. Опыт Евразии. Отд. 2, § 6. С. 33.

[116] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 84. То же и в Лаврентьевской.

[117] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. § 24. М., 2008. С. 49-50.

[118] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 84.

[119] Вернадский Г. В. Опыт Евразии. Отд. 2, § 6. С. 33. «В 965 году русские взяли приступом сперва хазарскую крепость Саркел на Дону, затем их

Греки реагируют сразу и увлекают Святослава в губительное русло мировой политики, предлагая совместный поход на Дунайскую Болгарию[120]. Ольга со Святославом соглашаются: всё-таки просьба Византии. Тем не менее, вначале русский князь возвращается на Волгу, присоединяет к Руси вятичей и покоряет Великий Булгар, победоносно заканчивая военную кампанию на родине[121]. После чего сразу же «с 60-тысячным войском Святослав… пробрался на Нижний Дунай...», «одоле» болгар и «взя город 80 по Дунаеви и седе княжа ту в Переяславци [Малый Преслав на болгарском берегу], емля дань на грьцех». Переяславец — важный торговый пункт. «…Заняв Малый Преслав и утвердив тут свою власть»[122]. Тут началась мировая политика как таковая.

Византийский император Никифор Фока считал поход на Болгарию частью своей военной кампании, Святослава просто использовали для своих целей, и настолько усилившаяся Русь теперь его страшила. Он сразу же направляет на Русь печенегов[123]. Печенеги осадили в Киеве Ольгу, такого Святослав им не простит, он бросил всё и успел примчаться на помощь матери. Печенегов он разогнал мгновенно, однако мать была больна. В 969 году с миром отошла ко Господу Святая. Последний год её жизни

столицу Итиль на нижней Волге. Хазарское владычество было сокрушено этими двумя ударами. Остатки хазар ушли на Северный Кавказ и в Крым, но русские шли по пятам... В течение года или двух после взятия Саркела и Итиля Святослав покоряет других данников Хазарии — народы Северного Кавказа — ясов (осетинов) и касогов (черкесов). Тмутаракань и Таврида (Крым) также признали его власть».

[120] Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. С. 69 и далее. Около 967 г. в Киев прибывает византийский посол патрикий Калокир с большим количеством золота (1500 фунтов), предлагая поход на Болгарию.

[121] Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 126. «К 968 году относят восточные писатели поход руссов на волжских болгар, разграбление главного города их (болгар)»… «На возвратном пути с востока Святослав, по слову летописца, победил вятичей и наложил на них дань».

[122] Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. С. 69.

[123] Там же. С. 70.

сын был при ней и не отходил от матери до ее кончины. Упрашивала его Святая принять крещение, и он не смог пересилить себя, оправдываясь тем, что стесняется дружины. Но в большей мере это некоторая горькая сыновняя строптивость, труднообъяснимая, но так знакомая всем родителям, впрочем, любви одних к другим не умаляющая. А воевал он самозабвенно и не оглядываясь только потому, что в тылу управлял самый надежный в мире союзник — родная мама. Все действия Святослава указывают на его безграничное доверие матери.

Все достижения Руси того времени смогли произойти только благодаря этой «величайшей из русских женщин». Такой союз — милость Божия, и по Его же непостижимой воле этот союз был смертью матери прерван. Любима равноапостольная Ольга всей Русью во все времена. Похоронив мать, Святослав распределяет власть на Руси между сыновьями, определяет им наставников и воспитателей, в общем, отдаёт все необходимые распоряжения «на все случаи» и уходит в свой последний поход.

Святослав идёт в Болгарию, приступом берёт Великий Преслав и, оставив Болгарию за собой, идёт, невольно подражая отцам и дедам, на Константинополь (рассчитаться за «услуги» императора Никифора). Там теперь император Иоанн Цимисхий, он предлагает русичам дань, наши соглашаются, но хитрый грек послал вместо дани войско, Святослав его разгромил, после чего переходит через Балканы. По пути воюет во Фракии, в общем, «поиде Святослав ко [Царъ] граду, воюя и грады разбивая»[124]. Дальше общеизвестные события, наполненные битвами и изменами, в результате которых империя не смогла сломить русского князя, даже вызвав для этого прославленных византийских полководцев Варда Склира и патрикия Петра. Однако те, владея намного превосходящим войском, предпочли отступить, заплатив дань.

[124] Там же.

Характерно для Святослава то, что, будучи в подавляющем меньшинстве и не все битвы выигрывая, он был близок от победы. Лев Диакон говорит, что Святослав потребовал выкуп за взятие города, пригрозив ни много ни мало изгнанием ромеев из Европы, греки сразу дали дань, а Святослав берёт дань «и на живых, и на убитых воинов» (для передачи семьям), «и машет же и за убьеныя, глаголя, яко род его возьмёт». С большими потерями, но с дарами, и с данью русское войско уходит за Балканы[125]. И таков он был во всём, вся жизнь Святослава — как бы единый воинский триумф. Он был паладин битвы.

Эта жизнь прошла в походах и была олицетворением мужества и храбрости. Однажды, говорит летопись, когда он с десятью тысячами воинов оказался против ста тысяч греков, сказал дружине: «Нам некуда деться, волею и неволею пришлось стать против греков. Так не посрамим Русской земли, но ляжем костьми, мертвым не стыдно; станем же крепко, я пойду перед вами, и если голова моя ляжет, тогда помышляйте о себе». Дружина отвечала: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои головы сложим…». «И бысть сеча велика. И одоле Святослав, и бежаша Греци»[126].

Эти слова являются образом его жизни и мыслей. И если летописец, скажем, округлил цифры (греки их тоже округлили, но наоборот), то его свидетельство нисколько не теряет своего значения, ибо он мог высказать только свидетельство о правде, которое тогда преобладало, а просто лгать тогда могли намного менее, чем сейчас.

В конечном итоге, после цепи измен и предательств, Святослав оказывается в 971году заперт в городе Доростоле в безвыходном положении[127]. Он отправляет седого Свенельда в Киев за подмогой (вероятнее, просто спасает своего опекуна). Сам же остаётся окружённый со всех сторон

---

[125] Там же. С. 71.

[126] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 77-78. Под «В лето 6479» (971 г.).

[127] Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. С. 71-73.

врагами и, не дожидаясь помощи, бросается в заведомо неравную схватку[128]. Красивая, как баллада, жизнь Святослава прерывается в единственно возможном для этого месте — неравном бою, а прервавшись, она не окончилась, продолжая звучать голосами гусляров в вереницах странников по всей Руси.

Святослав раздвинул границы от Волги до Каспия и Чёрного моря, объединил и возвеличил Русь, установив её в уровень самых сильных держав мира. Седой Свенельд, отцов воевода, опора с детства и верный помощник во всех боевых походах, лишившись своего любимца, остался при его старшем сыне Ярополке.

[128] Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 132-134. По свидетельству Иоакимовой летописи.

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

Сыновей после Святослава осталось трое, именно с них впервые начались на Руси усобицы. Старший (совсем юный) — Ярополк, князь киевский, Олег (почти отрок) — князь древлянский. А младший, Владимир, просто ещё мальчик, с дядей Добрыней отправлен в Новгород. Матери у них были разные. Владимир от Малуши, «ключницы», но при многоженстве это серьезного различия не вносило.

Далее возникла следующая ситуация. В своих охотничьих угодьях Олег застал охотившегося там браконьера, который оказался боярином Лютом, что вызвало гнев князя и послужило началом ряда трагических событий. И сейчас браконьерство наказуемо, а тогда охота была отдельной, неприкосновенной сферой, личным достоянием князя, охотой заведовали только высшие сословия, на охоте одновременно научались искусству боя, оттачивалось мастерство наездников, стрельба из лука, метание копья и вообще различные формы военного взаимодействия. Кроме всего, это была желанная и уместная добыча и, конечно, любимое развлечение, откровенная страсть. А у язычников охоте придавался достаточно глубокий мистический оттенок, здесь многое связывалось с различного рода суевериями, предзнаменованиями, плохими приметами и прочим. Нарушение охотничьих угодий (кроме того, что это было серьезным преступлением закона) являлось прямым оскорблением владельца угодий.

Как к примеру скажем, пусть сейчас, в XXI веке, кто-нибудь попробует без разрешения проникнуть в частные охотхозяйства наших магнатов?! Поверьте, это легко может

закончиться трагически. Тогда же подобное означало слабую власть князя и дружины, то есть инцидент становился кроме того, что называется «делом чести», ещё и делом политики.

Тогда уже утвердился закон — «за преступления князь лишался волости, а боярин жизни». И, строго говоря, по закону князь мог убить нарушителя, если он был боярин, а не князь. Трагичность ситуации в том, что Лют — не кто иной, как сын прославленного Свенельда. Безусловно, он знал о том, что нарушает, это было заведомым оскорблением и нарушением княжеских прав. Он просто, прикрываясь славой отца, не считался ни с кем. Здесь если бы и пожелал князь отрока простить, то взрослые бояре не допустили бы, уж слишком велика огласка, а позор в большей степени падал на них, и никто из взрослых не удержал отрока, который в гневе (либо доведённый до гнева нарушителем) убивает Люта[129].

Однако Свенельд был народный герой, «отцов и дедов воевода», к тому же наставник старшего из сыновей Святослава — Ярополка. Конечно, уважая славу седого воеводы, надо было пощадить его сына, но Лют был взрослым боярином и повёл себя так оскорбительно, а Олегу не более 13 лет[130]. Просто мальчик, имеющий княжескую власть, подражающий взрослым, при этом с оружием в руках. Возможно, объяснил бы Олег всё старшему брату, и тот бы понял, но не допустили их встречи.

Зато Свенельд сам пришёл к Ярополку и сказал: «Пойди на брата и возьми волость его»[131], т. е. тоже «накажи по закону». Свенельд стар, но это народный герой, он всю свою жизнь честно провоевал плечом к плечу со всеми Рюриковичами, он не раз спасал в боях их отцов и детей, а теперь

---

[129] Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 136. «Олег осведомился, кто такой позволяет себе охотиться на его угодьях и, узнав, что имел дело с сыном Свенельда, убил его».

[130] Там же.

[131] Там же. С. 137.

его сына не пощадили. Свенельд имел, как никто другой, право на справедливость. Однако только через два года, когда стало Ярополку 16 лет, пошёл он войной на брата, то есть опекуны не отвечают, сам уже не ребёнок. Но решали взрослые, Ярополк и Олег — юнцы 16 и 15 лет, а Владимир еще в детском возрасте[132]. Дальше цепная реакция. Ярослав идет войной на Олега, тот во время битвы случайно падает с моста и погибает. Ярополк узнал об этом только на другой день. А когда выловили труп брата, то заплакал 16-летний князь и сказал с горечью Свенельду: «Порадуйся теперь, твоё желание исполнилось»[133]. Однако ситуация стала необратимой, а опекуны Владимира, испугавшись, увозят его в Швецию.

Между тем, Новгород остался пустым, и Ярополк туда отправляет своих посадников. По существу дела, с одной стороны, он, как старший, не мог оставить такой город без князя, а с другой — если это и не лишение удела, то, по меньшей мере, выглядело таковым. Новгород — законный удел Владимира, и его-то не за что было лишать княжения. То есть совершенно невинно страдал младший князь и обязательно всё его окружение, вина которых в том, что они беззащитного отрока не бросили.

В Швеции вокруг Владимира собралась большая дружина из сочувствующих варягов, они возвращаются в Новгород и выгоняют посадников Ярослава с наказом для брата: «Владимир идет на тебя, приготовляйся к войне», а самому 12 лет, ну что возьмешь с мальчишки? Далее общеизвестные события, когда окружение Владимира предлагает брачный союз полоцкому князю, но тот выбирает старшего брата и следует обидный отказ, после чего нападение на Полоцк, пленение полоцкой княжны и поход на Киев.

В конечном итоге князь-отрок захватывает престол, а Ярополк погибает в результате предательства и после цело-

---

[132] Там же.

[133] Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 37.

го ряда интриг, которые ведут взрослые, преследуя свои цели. Владимир же говорит: «…не азъ бо почалъ братью бити, но он; азъ же того убоявъся приидохъ на нь»[134]. То есть — он начал братоубийство, а я из страха напал на него.

Стал Владимир великим князем, провел буйную языческую молодость. Подвиг двух христиан варягов — отца и сына, геройски погибших, но не предавших христианства, поразил его и сказал более, чем многие проповеди. Далее князь ищет истинную веру; испытав разные вероисповедания, выбирает православие.

Достаточно «своеобразно» добивается наш князь от византийцев крещения, то есть захватывает их город Корсунь и требует руку принцессы Анны; по закону брак возможен только с христианином. Василий II, византийский император, становится крёстным Владимира. Имя в крещении у них одно. Господь вразумляет и укрепляет русского князя неожиданным испытанием. Тот, ослепнув незадолго перед крещением, прозревает в крещальной купели. Так он становится Владимиром Красное Солнышко, всю жизнь свою изменив согласно заповедям Христовым.

Много и тщательно описана по-язычески неуемная его жизнь до крещения и как-то вяло и с неохотой то, что было после. Православие становится государственной религией, а крещение, начавшись на Днепре, принимает массовый и повсеместный характер. Везде начинается строительство церквей, кроме прямого значения — это подъём зодчества и искусства вообще. А в Киеве знаменитая Десятинная церковь воздвигается над могилой мучеников Феодора и Иоанна, тех самых варягов — отца с сыном.

Из Византии с князем приехал митрополит Михаил, с епископами и священством. Они крестят людей везде, где могут, в городах ставятся епископы, в новых церквях — священники. Но Русь велика, и прислать столько священников в каждую церковь было невозможно, нужно рукополагать

---

[134] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 91. Под «В лето 6488…» (980 г.).

своих, русских — для этого нужно образование. Немедленно после крещения Владимиром было положено начало просвещению — как единственному средству утвердить веру, решения князем принимались теперь в совете с епископами. Начали с главного — с детей; «стали брать детей у лучших граждан и отдавать их в книжное учение …детей роздали, учиться к священникам и причту»[135].

Крещение Руси стало всеобщим просветлением и духовным взлётом всей русской народности. Множество было ещё язычников, но инерцию просвещения остановить было невозможно. Приуготованная за сотни лет Древняя Русь превращается в мощное полноводное русло веры Христовой, как от ила и сора, избавляясь от язычества, с годами становясь все более прозрачным. Современники говорили, что Россия пошла путем Христа. Они даже не представляли, насколько окажутся правы. Возник второй мощный центр православия на материке с патриархией в Константинополе. Византия становится теперь родственной страной для всего русского населения независимо от политики. Отныне мы — одна Церковь. Примерно с этого времени в Константинополе существует постоянный отряд гвардии из руссов, в который пополнение присылалось только из Киева. Добавим, что при Владимире начали чеканить монеты, из которых золотые и серебряные есть в собрании Эрмитажа, некоторых других музеев, да и в частных коллекциях[136].

В 991 году умирает митрополит Михаил, его сменяет митрополит Леон, а в Новгороде в это время епископ Иоаким. Всё первосвященство утверждается из Византии — нашей патриархии, это постоянное представительство всех митрополий и епархий, а значит регулярные поездки священства, послов, нескончаемая вереница неизбежных гостей и купцов. Уверенно привёл Родину к рассвету Владимир и в 1015 году с честью и миром отошёл ко Господу,

---

[135] Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 1. С. 156.

[136] Спасский И. Г. Русская монетная система. С. 31.

святой великий князь, вот уж воистину Красное Солнышко.

Детей после святого великого князя Владимира осталось двенадцать, четыре года делили детки отцово наследство. Святыми мучениками стали Борис и Глеб, а Святополк на века стал окаянным. Окаянный сей открывает целую череду новых междоусобиц, усобицы эти всегда будут истинным, настоящим врагом Древней Руси. Затеяв кровавую вражду и погубив братьев, он будет приводить на Русь и печенегов, и поляков. Наконец, после жестокой битвы в 1019 году на реке Альте, месте убиения святого Бориса, убийцу настигает Божия кара. Великим князем утверждается новгородский Ярослав. Трудное достаётся ему княжение, наконец, последняя усобица с племянником Мстиславом. Тот, подученный иудейскими хазарами, нападает и выигрывает битву у города Листвена, но престол киевский уступает дяде, говорит: «Садись в своём Киеве, ты старший, и мне будет та сторона», то есть отбил для себя лучший, чем был, удел и подчинился брату. С 1025 г. — «начали жить мирно, в братолюбстве, — говорит летописец, — престало усобица и мятеж, и была тишина великая на земле»[137]. Много повоевал ещё Ярослав с печенегами, с поляками, ходил на Литву, в Мазовию, подчинил западную сторону Чудского озера, основал город Юрьев (Тарту). В 1036 г. наголову разбивает соединённое войско печенегов, и они надолго замолкают[138]. За год до этого умирает Мстислав, и Ярослав остаётся править один.

[137] Соловьев. История России с древнейших времён. Т. 1. С. 185-186.

[138] Там же. С. 191.

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ И РУСЬ НЕЗНАЕМАЯ

Итак, Ярослав становится полноправным правителем Руси. Князь был представителем нового грамотного населения Древней Руси, «при нём начали также умножаться монахи». Ярослав, говорит летопись, «любил церковные уставы, очень любил попов, но больше всего монахов; книги читал часто, ночью и днём, собрал много писцов; они переводили книги с греческого на славянский и переписывали много книг, много он купил их».

По киевскому образцу создал училище в Новгороде: «Князь велел собрать у старост и священников детей (300 человек) и учить их книгам»[139]. Создаёт библиотеки, пишет свод законов «Правду Ярослава», первую часть «Русской правды». При нем заложены Софийский собор в Киеве в 1037году, Софийский собор в Новгороде в 1045 году. София означает «Премудрость Божия», почитал великий князь премудрость, не оттого ли и прозван был? Только в Киеве им построены монастыри Святого Георгия, Святой Ирины и монастырь Святой Софии. Везде строятся церкви, мосты и возводятся города. В XI в. прибавляется в летописях ещё 64 города[140]. Много было достигнуто в искусстве, а зодчество расцвело так, что вызывало удивление у иностранцев: «Внешность Киева вызывала панегирики писателей XI века, жителям Запада Киев казался соперником Константинополя. Впечатление, которое он на них производил, вело к невольным гиперболам с их стороны, они считали в Ки-

---

[139] Соловьев С. М. История России с древнейших времён. Т. 1. С. 193.

[140] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 45.

еве 400 церквей»[141]. Удивительно, но не очень, — в Санкт-Петербурге в XIX веке было более 300 церквей, не считая домовых, а, например, на острове Корфу сейчас 800 церквей.

Но вернёмся в Русь Ярослава. Для тех времён характерен также расцвет международных связей, и, кстати, здесь невредно поинтересоваться нумизматикой, а находили древнейшие русские монеты X-XI веков, помимо территории Киевской Руси, далеко за ее пределами — в Польше, Прибалтике, Швеции и Германии. Так что монеты способны дополнить некоторое, пусть небезусловное, представление об уровне международной торговли.

«Монеты далёких городов средневековой Европы X-XI веков десятками тысяч собирались в кладах, зарытых в XI и начале XII века в Северной Руси. …Если на карте соединить место находки клада денариев с местами их чеканки, то десятки линий протянутся к городам Британских островов, Скандинавии, Дании, Германии, Франции, Испании, Италии, Чехии. Точно так же от места находки клада арабских дирхемов сеть линий убежит в сторону Средней Азии, Закавказья, Ирана, Месопотамии, средиземноморского побережья Африки и даже Испании»[142]. Конечно, это не были прямые пути монет, они проделывали самые невероятные путешествия, где-то скапливаясь и вновь продолжая движение, и, тем не менее, Русь была в сфере этих денежных передвижений.

Гораздо же более, удивляет уровень образованности русичей XI века. Показателем служит речь митрополита Илариона в кафедральном соборе «Слово о законе и благодати», удивительное произведение искусства. «Это совершеннейшее произведение и по глубине своего содержания, и по той блестящей форме, в которую оно облечено: последовательность, логичность, легкость переходов от темы к теме, ритмичность организации речи, разнообразие об-

[141] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2000. С. 90.

[142] Спасский И. Г. Русская монетная система. С. 12.

разов, художественный лаконизм делают «Слово» Илариона одним из лучших произведений мирового ораторского искусства. И произведение это — не перепев византийских образцов, ибо это не просто богословская проповедь того типа, который был распространен в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и при этом на национально-русскую тему»[143]. И это всего через 70 лет после крещения Руси и принятия славянской грамоты, удивительно, да и только.

По манере и характеру изложения совершенно очевидно, что митрополит говорит людям, бесспорно и в совершенстве владеющим предметом его рассуждения. А это достаточно сложная богословская тема, сейчас ни один не рискнет войти в подобное рассуждение в церковной проповеди, в мирском храме просто не поймут, а в Древней Руси понимали. И по тону, который звучит в произведении, понятно, что оно является естественным и вполне уместным. Нужно прочесть «Слово», чтоб почувствовать уровень. Это официальный документ, который разрушает все попытки умаления древних русичей. Русь была и образованней, и культурно намного превосходила всех соседей. И тогда это не была заслуга Византии.

Славянской грамотой пользовалась русичи, как мы говорили, ещё при Вещем Олеге. Однако использовали на Руси письменность и в более древние времена. Кроме свидетельства равноапостольных Мефодия и Кирилла, которые нашли Евангелие, написанное русскими письменами, есть рассказ «отца истории литературы у арабов» Ибн-ан-Надима. Учёный араб сам видел в середине X века «кусок белого дерева» с письменами древних русичей[144]. Есть более

---

[143] Лихачёв Д. С. Библиотека литературы Древней Руси. Т. XI-XII вв. СПб., 1997. С. 20.

[144] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины седьмого до конца десятого века по Р. Х. С. 240. Приведены слова Ибн-ан-Надима: «Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк (Кавказских гор) послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезы-

ранний рассказ другого араба — Ибн-Фадлана, где он был очевидцем и свидетельствует, что на памятнике, поставленном русами одному покойнику, «они написали имя умершего человека и имя русского царя»[145]. Надо понимать, что русичи тогда это делали не впервые. Неизвестно, что это были за письмена, но факт — что пользовались ими на Руси задолго до кириллицы. Во многом благодаря предварительному навыку к письму как таковому, получила в дальнейшем такое быстрое распространение славянская грамота.

Однако наши учёные считали, что при всём желании говорить о серьёзном распространении грамотности в Древней Руси оснований у них не было. Справедливости ради мы должны назвать ещё один, достаточно очевидный источник, указывающий также на общее состояние грамотности на Руси. Это монеты, причём: «Древнейшие русские монеты X-XI вв., помимо территории Киевской Руси, находили далеко за ее пределами — в Польше, Прибалтике, Швеции и Германии»[146]. Монеты сами по себе — отражение целого круга различных понятий, то есть кроме цифры, отражающей номинал, это ещё даты, имена, надписи и изображения, их художественное оформление — всё это свидетельства как разностороннего развития, так и духовной культуры. Но деньги, видимо, как таковые учёными не отождествлялись с письменными источниками, другие письменные документы, известные науке, мы не нашли. Подобное положение привело к тому, что люди решили в своей безграмотности обвинить прошлое, вот тогда, обличая будущее, заговорили сами древние русичи. Удивительно? Да, и поэтому объяснимся.

Был такой известный профессор истории и археологии А. В. Арциховский, в 1951 году он являлся членом-

---

ваемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, не знаю, были ли они слова или отдельные буквы, подобно этому (рядом автор нарисовал, как пример, какие-то знаки)».

[145] Там же. С. 243.

[146] Спасский И. Г. Русская монетная система. С. 12.

корреспондентом АН СССР. И тогда же при раскопках в Новгороде им было обнаружено 10 кусочков бересты, исписанных кириллицей, из них три были в слоях XII и XI веков и являлись частными письмами[147]. Так был буквально переведён из небытия в бытие совершенно новый, никогда раннее не известный, соответственно, никогда исследователями не учитываемый, новый исторический источник. Впоследствии эти письма на бересте получили название берестяных грамот, однако, при кажущейся «легковесности» названия, источник этот имеет редкое и важнейшее в научном отношении качество, это чистота, бесспорность. Найдены грамоты не в хранилищах, а в земле, соответственно, в каком временном слое найдены — та же и датировка, либо более ранняя. Тут не поспоришь, если и захочешь, потому что раскопки вскрывали древнюю улицу («Холопья улица»), и несколько грамот были найдены прямо между настилами, которые набивались через каждые 25 лет, таким образом, с датировкой этих документов особых загадок возникнуть не могло.

После следующих за названными нами раскопок и новых находок учёные говорят: «Содержание берестяных грамот настолько разнообразно, что невозможно даже приблизительно представить себе, с какими новыми сторонами жизни и быта Новгорода нам ещё предстоит ознакомиться… 73 грамоты, найденные в 1952 году, в большинстве своём являются частными письмами или их отрывками… Тем не менее целых или почти целых писем довольно много. Самое существование древнерусских частных писем не было до сих пор известно, а они, оказывается, встречаются буквально на каждом шагу…»[148].

---

[147] Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М.: АН СССР, Ин-т истории материальной культуры, 1953. С. 8.

[148] Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М.: АН СССР, Ин-т истории материальной культуры, 1954. С. 3-4.

К настоящему времени вышло более 20-ти томов, посвящённых исследованию берестяных грамот[149]. Мы в нашей работе рассматривали источники, исследующие берестяные грамоты, найденные до 2003 года, просто этого для нас достаточно, так что, сколько теперь найдено грамот, нам не известно. Однако давно стало научным фактом наличие берестяных грамот, а соответственно и грамотности в совершенно разных городах Древней Руси. Это, в частности, — Городище, Старая Русса, Псков, Смоленск, Витебск, Киев, Звенигород Галицкий, Тверь, Великие Луки, Суздаль, Волок, Торжок и, конечно, Новгород. Названия городов прямо указаны в грамотах, либо некоторые обоснованы лингвистами, суть в том, что это не наши домыслы, а научные данные, которые мы приводим. Всё здесь указанное в отношении берестяных грамот есть в приложениях в специальной работе. Проблема в том, что грамоты сохраняются либо в очень сухом, либо в очень влажном грунте.

В результате крайне незначительных, сравнительно важности источника, археологических раскопок к концу 2003 года корпус берестяных грамот насчитывал уже 1043 экземпляра. «**При этом подавляющее большинство новонайденных берестяных грамот относится к раннедревнерусскому периоду**; таким образом, массив ранних грамот вырос чрезвычайно резко: эти грамоты ныне составляют половину всего корпуса»[150]. Раннедревнерусский период — это время до первой четверти XII века, а вообще, во всех затронутых нами научных работах исследуются берестяные грамоты по XV век включительно, что достаточно показательно само по себе.

Есть грамоты с алфавитом, причём есть с ошибками, это школьное упражнение и свидетельствует о действую-

[149] Нами написана небольшая работа о берестяных грамотах «Встреча», размещенная в приложении к данной книге.

[150] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учётом материала находок 1995-2003 г. М.: Языки славянской культуры, 2004. Предисловие ко второму изданию.

щем тогда процессе обучения, датировка такой грамоты около 1030 года[151]. А удивившие всех частные письма, которых больше всего среди грамот, это письма друзей друг другу, просьбы о помощи, долговые списки, наказы начальства подчинённым, различные семейные проблемы, письма родителей детям и наоборот, любовные послания, заботы об урожае и прочее, прочее. Пишут воеводы семьям, пишут бояре, купцы и множество, повторимся, — множество грамот на бересте, написаны простыми людьми, либо откровенными бедняками. Как пример, там же приведена грамота, в которой кто-то просит своего друга дать ему векшу: «От Якима к Нестеру. Дай векшу». Векша самая меньшая из всех денежная единица, она равна 1/6 куны, 1/150 гривны. И это всё в XI веке[152].

Есть грамота, где одна женщина пишет другой, вспоминая вчерашний разговор, и видно, с какой удивительной лёгкостью женщины той эпохи прибегали к письменной форме общения[153], это при том, что на бересте не писали чернилами, а вырезали ножом либо специальным инструментом. То есть не просто писали, но любили писать. В другом месте, согласно заключению экспертов, пишет молодая девушка, это любовное послание. Повторяю, всё есть в приложениях, нам интересно сейчас мнение об этом филолога: «Письмо написано человеком, несомненно, знакомым с литературным языком. **Можно лишь поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI века возлюбленному, не пришедшему на свидание**»[154]. Вообще, даже просто чтение берестяных грамот — это ув-

---

[151] Там же. № 591 (30-е гг. XI в.). С. 275.

[152] Там же. Разд. А 18, грамота, № 120 (стратигр. кон. XI в. — сер. 10-х гг. XII в., Нерев. А.). С. 261-262.

[153] Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 года. Грамота № 955 (Троицкий раскоп. Середина XII века). 2006. С. 8-12.

[154] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 249-251. Раздел А 11, грамота № 752 (стратигр. 1080-е — 1100-е гг. [предпочт. 1080-е]).

лекательнейшее занятие, слышишь чистый, без изменений, язык древних русичей. При этом, кроме названных нами характеристик, есть и литературные произведения, читая которые, приходишь в совершенное единодушие с мнением академика Лихачёва о древнерусской литературе в общем: «**Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни**»[155].

Очень много церковных документов, имеется в виду именно бытовой аспект, то есть записанные для памяти церковные праздники, тексты различных церковных песнопений, молитвы, иконки, поминальные записки, переписка между монахами, как мужских, так и женских обителей, кроме этого, во всех официальных документах обязательно упоминаются различные представители Церкви. Очень наглядно такое обилие берестяных грамот, связанных с Церковью, в свете этих научных фактов однозначно, что именно Русская Православная Церковь была движущим и руководящим органом просвещения.

Освоение славянской грамоты было важнейшим фактором, и вместе инструментом, отторжения русичей от язычества, буквально переходом на новый уровень мышления. Именно «кириллица» образовала глубокую пропасть между сутью древних рунических знаков, которыми пользовались с самых отдалённых времён, и буквами нового славянского алфавита, давая возможность русским людям нормального письменного общения, безо всякой магической подоплёки. Произошло важнейшее событие в жизни Древней Руси — Церковь заговорила языком народа и заговорила с самого начала.

И как раз берестяные грамоты являются научным фактом и яркой иллюстрацией того, как единодушно принято было Православие на Руси, и роли в этом собственно Рус-

---

[155] Лихачёв Д. С. История русской литературы XII-XVII веков. М., 1981. С. 36.

ской Православной Церкви. И «Слово» блаженного митрополита, как похвала великому князю, должно было читаться во всех храмах, и митр. Иларион, обращаясь к своим современникам, русичам XI века, говорит: «Ведь излагать здесь то, что в иных книгах написано и вам ведомо, есть признак дерзости и славолюбия. Ибо не несведущим мы пишем, но с преизбытком насытившимся книжной сладости, не враждующим с Богом иноверным, но истинным сынам Его, не чуждым, но наследникам царства небесного...»[156]. Кто из пастырей ныне скажет такое своей пастве?

Если раньше это были слова из литературного произведения, о которых можно хотя бы умолчать, то после обнаружения такого исторического источника, как берестяные грамоты, очень широкое, по тем временам, распространение грамотности и церковная образованность древних русичей стали строгим научным фактом. Так что прекрасно понимала митрополита современная ему паства, а «похвала» обнаруживает дух того времени. И это понимание делает честь современникам «Слова», жителям XI века, для нас же отчетливый призыв — быть поскромнее, значительно скромнее.

Но вернемся к князю Ярославу, осталось сказать, что кроме митрополии епархии были размещены в Новгороде, Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире-Волынском и, вероятно, в некоторых других городах. Взаимодействие с патриархией (Византией) становится все более полнокровным, несмотря на конфликты политиков. И если заговорили о политике, то князь Ярослав в этом отношении был в высшей степени активным, о чём можно судить по брачным союзам. Сестру отдал за Казимира — польского короля, сына Изяслава — женил на сестре Казимира, дочь Елизавету отдал за Гарольда норвежского, дочь Анастасию за венгерского короля Андрея, за Генриха I, французско-

---

[156] Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Лихачёв Д. С. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI-XII века. СПб., 1997. С. 29.

го короля отдал дочь Анну. Владимира, старшего сына, женил на Гиде, дочери английского короля Гаральда, Всеволод Ярославович женился на царевне греческой, дочери Константина Мономаха. О других, еще двух сыновьях Вячеславе и Игоре, Карамзин говорит, на основании немецких источников, что, вероятно, Ода, дочь Леопольда, графа Штадского была супругою Вячеслава, а Кунигунда Орламиндская графиня, Игоревою, и первая от российского князя имела одного сына, воспитанного ею в Саксонии, предполагает, что это Борис Вячеславич. Учтём так же, что сам Ярослав был женат на Ингигерде, или Анне, дочери шведского короля Олофа[157].

Что тут скажешь? С какой стороны не посмотри, честно заслужил звание «Мудрого» князь Ярослав. В 1054 он умирает, разделив удел между пятью сыновьями, оставляя им в завещании строгий наказ жить в мире и любви. Великим князем остаётся старший Изяслав.

[157] Карамзин. Н. М. История государства Российского. Глава 2. Великий князь Ярослав или Георгий. Годы 1019-1054.

ПЕРЕЕЗД НА СЕВЕР (ОТ МОНОМАХА ДО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО)

В самом деле, первые 10 лет братья жили в мире, дополнили Ярославову «Правду», успешно и согласно воевали по границам, били печенегов. Но к 60-м годам XI века печенегов разгоняют, и занимают их место половцы, более сильная орда. Сразу начинаются их нападения, а в 1068 году серьёзный и опустошительный набег, но пока особой междуусобной вражды нет, князья отбиваются. Источники сообщают, как Святослав Черниговский с 3 тыс. воинов разогнал 12 тыс. половцев. Но вражда между князьями уже началась, и сам Изяслав приводит на Русь поляков.

Как хорошо отлаженный механизм может дать сбой в работе после ударов снаружи, подобное происходит и здесь, конфликты, вспыхнув с новой силой, принимают вид лесного пожара, все летописи пестрят описанием кровавых усобиц. Под ударами, теперь уже снаружи и изнутри, Русь начинает разрушаться, народ теряет веру в княжескую честь — это ведёт к разложению всех слоёв населения.

Великий князь Всеволод, и так державшийся с помощью своего сына Владимира Мономаха, ничего исправить не сумевший, умирает в 1093 году, оставляя власть сыну. Но по лествичному праву великим князем должен быть Святополк II. Мономах не пошел на нарушение и уступает ему. Усобицы продолжаются, ослабление Руси усиливается, все историки отмечают общее падение нравов.

Ситуация критическая — грозит полный развал. Инстинкт самосохранения толкает князей на съезд в Любеч,

в 1097 году. Вырабатывается новая форма правления, говоря коротко — «каждый да держит свою отчину», князья целуют крест, обещая соблюдать права друг друга. При внешней положительности съезда результат сомнительный. Русь становится похожей на конфедерацию отдельных княжеств. И естественно порядка на Руси не наступает. Усобицы продолжаются.

В 1113 умирает Святополк, в Киеве вспыхивают беспорядки, и митрополит отправляет делегацию к Владимиру Мономаху, он был единственной по праву достойной фигурой. Великим князем становится Мономах. Единая сильная центральная власть делает больше, чем любые съезды. Владимир Мономах собрал снова всех воедино и как-то примирил. Половцев разгромил, а на остальных страху нагнал такого, что притихли все надолго.

К сожалению, коротко было правление Мономаха, в 1125 году он умирает. Как жил Мономах? Ему слово и предоставим: «Всех походов моих было 83 больших, а меньших и не упомню. 19 раз заключал я мир с половцами при отце и после его смерти. Более 100 вождей их выпустил из оков, а избито было этих вождей в разное время около двух сот… Что можно было поручить слуге, то я сам делал — на войне и на ловах, ночью и днём, в летний зной и зимнюю стужу. Не давал я себе покою, не полагаясь ни на посадников, ни на управителей, сам всё делал, что надо; сам смотрел за порядком в доме… За церковным порядком и службой сам присматривал…»[158]. Это слова из поучения Мономаха детям. Сам же Мономах был очень образован, а про отца своего, между прочим, говорил: «Сидя дома, мой отец знал 5 языков»[159].

В своем шествии ко «времени Александрову» мы вглядываемся в события, что бы ощущать дух слагавшегося постепенно времени, а личности, о которых говорим, — пря-

[158] Нечволодов А. Сказания о Русской земле: в 4 кн. Кн. 2. М., 1992. С. 34-35.

[159] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 8.

мая родословная Александра Невского. Пока закончил свой жизненный путь великий князь Владимир Мономах — потомок Рюрика и византийских императоров, образ его жизни делал честь и одним, и другим. Детям своим он строго завещал — творить добро, не лениться, быть прилежными к Церкви и главное — жить в мире и любви. Да… так хотят отцы, да не так делают дети.

Великим князем становится старший сын Мономаха — Мстислав, продолжатель дела отца, но в 1132 году он умирает, и все княжества Руси начинают выходить из повиновения Киеву. Забыли дети наказ отца. «И разъдрася вся Русская земля», — записал в своей хронике один из летописцев под 1132 г.[160]. Усобицы вспыхивают с новой силой, заново ослабляя Древнюю Русь, еще с XI века страна начинает уменьшаться, теряя территории, но войны внутри и снаружи не прекращаются — «из 170 лет (с 1055 по 1224 гг.) 80 лет прошло в усобицах и 90 лет мирных… при этом половцы в течение двух столетий 40 раз опустошали Русскую землю значительными набегами, а мелких набегов не перечесть»[161]. Однако, несмотря на рознь русских князей, половецкие набеги коснулись лишь 1/15 территории Руси, тогда как русские походы достигали Дона и Дуная, приводя половецкие становища к покорности[162]. И хотя у власти в Древней Руси укрепились потомки Мономаха, раздела страны они всё равно остановить не могли. А когда великим князем стал сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий и заложил некий малюсенький городок Москва, Русь Древняя уже не являлась единым государством.

Следуя древнему «лествичному праву», русские князья по очереди занимают Великий стол, что влечет за собой передвижение (на освободившиеся места) следующих князей. Веками неизбежно (если не в прогрессии) увеличиваю-

---

[160] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 469.

[161] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории СПб., 2000. С. 91.

[162] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 462.

щееся потомство Рюриковичей стало вести подобие полуоседлого образа жизни. Тогда город, в котором жил князь, по существу дела, являлся просто временным (переходным) этапом на пути извечного лествичного восхождения. Отсюда неизбежное равнодушие князей к судьбам горожан, и те начали заботиться о себе сами — города (под управлением «бесхозного», но окрепшего боярства) становятся еще одной силой, начинают выбирать себе князей. Даже Киев — Великий стол, пытается подражать Новгороду, что, конечно, провоцирует новые усобицы, которые его же и разоряют, при этом сила разорения зависит от глубины нанесенной горожанами князю обиды.

Очень похоже, что князь Юрий осознал необходимость вырваться из этого круга и начинает укрепляться на севере, строит новые города, которые уже целиком княжеские (чего не было в древности) и преданы князю, как правителю и строителю, который о них заботится. Сын Мономаха, как и все, добивается Великого стола и добьется его, хотя сам был князем Ростовским (издалека тянулся к столице, почему и «Долгорукий»), но обосновался князь в земле Суздальской прочно, выводя на новый путь своих потомков. Старший сын Долгорукого Андрей Боголюбский утверждается в Суздале, а, добиваясь, как и все, великого княжения, о Киеве, как месте жительства, похоже, и не помышляет.

РОК КИЕВА И АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Нужно чуть повнимательней взглянуть на боголюбского князя, его имя всегда упоминают в связи с разорением Киева в 1169 году, или просто говорят, что это год разорения или сожжения (у кого как) Киева Андреем Боголюбским. Следует повторить, что этот грабеж, красочно описанный современником-киевлянином, не привел ни к экономическому, ни к политическому упадку бывшей столицы, где вскоре закрепились княжеские линии, не подвластные северо-восточному князю[163].

Теперь о разорении Киева войсками Андрея Боголюбского. Ну, город не сжигали, на Днепре подожгли двор тысяцкого, и сгорело ещё 7 дворов, для войны допустимо[164]. Потом, сам князь Андрей в походе не участвовал, он-то как раз не допустил бы погрома и пожара; войсками командовал его сын Мстислав, а Андрей был в это время во Владимире. Разгром Киева — это трагедия, которая началась во время сражения, а уж на исход боя повлиять очень сложно, там действуют страшные законы войны, которую начал не князь Андрей. Всё это результат междуусобицы, от которой Андрею Боголюбскому уклониться было невозможно. Этому походу предшествовали, и сыграли немалую роль, очень скорбные события, а произошло именно следующее.

---

[163] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 550.

[164] Ипатьевская летопись. Стлб. 534. «У Днепра зажгоша дворъ тысячкого… а инехъ дворов 7 сгоре».

В 1165 г. князь Андрей попытался создать отдельную митрополию для Северо-Восточной Руси, с этим в Византию был отправлен суздальский архимандрит Феодор, но патриарх Лука Хризоверг рукоположил того только во епископа Владимирского, но чтобы не портить отношений с самым могущественным князем, дал епископу широкие полномочия и даже право ношения белого клобука. В данном случае сей клобук являлся просто знаком особой патриаршей милости, не более того, однако, был использован как разрешение на самостоятельность, почти на автокефалию, что — прямое нарушение церковных канонов и иерархии. Естественно стали нарушаться внутрицерковные отношения. Пока в Киеве правил двоюродный брат князя Андрея Ростислав, Церковь находила возможности для сохранения мира.

Но вот в 1167 г. Ростислав умирает, и политические отношения мгновенно ухудшаются. В Киев тут же, в соответствии с новой политикой, был прислан новый митрополит Константин II, тот сразу требует к себе епископа Владимирского для разбирательства, патриарх так же требует подчинения последнего киевскому митрополиту. Ситуация накалена до предела, епископ понимает, что неправ, и боится ехать, но князь Андрей уговорил его поехать на покаяние, дабы восстановить мир в Церкви.

Далее происходит следующее. «Без соборного разбирательства митр. Константин осудил его на страшную казнь: Феодору отрезали язык, отрубили правую руку, выкололи глаза. После этого он, по одним источникам, скончался в темнице, по другим — был утоплен слугами митрополита»[165]. Что это? На Руси такого не бывало. Такое деяние ошеломило северян и могло послужить решающим толчком для мести киевлянам за такое безбожное деяние. Мосты, связующие юг Руси с севером, были сожжены. И 8 марта 1169 г. союзные войска во главе с Мстиславом, сыном Андрея, за-

[165] Макарий Булгаков митр. История Русской Церкви. Т. 3. Отдел 3 (1147-1240 гг.), глава 1 «Иерархия и паства». М., 1994.

владели Киевом. В источнике приведены слова из русской летописи: «Се же здеяся за грехи их (киевлян), паче же за митрополичью неправду»[166].

Притязания князя Андрея на автокефалию — это понятное желание оградить северные земли от постороннего вмешательства со всех сторон, жалко стольких трудов. Родившись в 1110 г., князь 35 лет прожил в Ростово - Суздальской земле, в уделе отца, в молодые годы жил в Киеве. Вместе с отцом в 1147 г. строил Москву, в 1152 г. — Юрьев Польский, в 1154 г. — Дмитров, и украшал храмами Ростов, Суздаль, Владимир. Это было время массового переселения народа на север из южных пределов Руси, где люди были измучены непрекращающимися усобицами, набегами печенегов и произволом княжеских дружин, совершенно бесконтрольном при таком укладе.

На Ростово-Суздальской земле люди стали заниматься земледелием, пчеловодством, рыболовством, охотой. Огромные реки Волга и Ока с притоками открывали водные пути. Устраивались дороги, мосты, развивались ремесла, процветала торговля. Возникали города[167].

В 1154 году великий князь Киевский Юрий Долгорукий, отец Андрея, и он уехал с ним, но ставший родным север влечет назад, а чудеса от иконы Матери Божией укрепляют его в этом решении. В 1155 г. кн. Андрей с иконой Божией Матери и с несколькими семьями, в числе которых семья священника и дьякона, выехали в Ростово-Суздальские пределы. Чудеса, вновь исходящие от иконы, принудили князя остановиться недалеко от Владимира, там князю было явление Богородицы, и на этом месте отстроили город Боголюбово, своим же городом князь выбрал Владимир. В 1157 г. после смерти отца был избран на Ростово-Суздальский стол. За первые 6 лет им было отстроено 8 каменных храмов, один Покрова на Нерли чего стоит, но

---

[166] Там же.

[167] Жития русских святых. Том 1. М.: Изд. «Сибирская благозвонница», 2004. С. 127-736.

всего построено князем 30 храмов, ряд монастырей, городов и множество сел. На съезде князей говорит о себе Андрей Боголюбский: «Я Белую Русь городами и селами застроил и многолюдною соделал»[168].

И это не просто слова, но факт, подтверждённый учёными, и, конечно, наши дорогие археологи и здесь значительно прояснили ситуацию: «Культура русских княжеств этой поры (XII-XIII вв.), по словам исследователя, «предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью», совершенствующей свою технику. Письменные источники дают для этого времени упоминание 22 видов ремесленной специальности; археологический материал позволяет расширить, отнюдь не исчерпав, их число до 60»[169]. К чести наших предков уточним, что это не является, единственно заслугой какого-то одного князя, но общий уровень развития для Руси XII-XIII веков.

А «Стольный град» к этому времени неумолимо терял свое значение, от набегов и усобиц Киев несчастный пострадал за последнюю сотню нет более других — в 1017 г. нападают печенеги и сжигают город, в 1018-м разоряют поляки[170], в 1036-м — разорялся печенегами[171]. В 1068-м — половцами, в 1069-м Изяслав приводит туда поляков, и в этом же году опять полное разграбление половцами, в 1096-м — набеги половцев. Множество раз свои брали

---

[168] Тамже. С. 732.

[169] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 161. Даже в небольших городских центрах имелись сложные домницы для варки железа, несколько систем гончарных горнов; усиливалось стремление к массовости производства, ремесленники переходили к работе на рынок. Княжеские, купно боярские и монастырские дворы — средоточие княжеской челяди, арсеналы оружия, склады различных изделий, изготовленных ремесленниками и принесенных крестьянами, были, как свидетельствует археология, вполне обеспечены собственными ремесленниками разных специальностей — кузнецами, гончарами, бондарями, косторезами, ювелирами, литейщиками, древоделами, кожевниками и др.

[170] Ипатьевская летопись. Стлб 130.

[171] Там же. Стлб 138 и далее.

приступом, при этом приводили то половцев, то поляков с уграми[172]. Кроме всего, при каждом новом правителе в городе жизнь колебалась, от простого естественного беспокойства до серьезных разорений, а переходил «Великий стол» из рук в руки непрестанно. Наконец, после стольких бед, в 1196 году — не что-нибудь, а землетрясение[173]. Разрушений особых не было, это больше был моральный удар, тем не менее — ну как тут устоишь?! В упадок пришло хозяйство, торговля и ремёсла. Всё, прежняя мощь Киева подорвана, больше он единой столицей Руси быть не мог. А Великий стол утверждается теперь ещё и во Владимире Залесском.

Однако вернёмся к нашему князю. Воином князь был мужественным и неустрашимым, но без дела меча из ножен не вынимал. В 1164 г. им была разгромлена Волжская Булгария, контролировавшая Волжский торговый путь. К концу 1170 г. св. Андрей Боголюбский закончил объединение всей Руси, а в 1172 г. снова победоносный поход его войск на волжских булгар. Волга оказалась в нашей власти, но в битве погиб сын Мстислав, чуть позже погибает (при странных обстоятельствах) младший сын Глеб.

Андрей Боголюбский явился первым объединителем Руси с центром во Владимире Залесском; радикально поменяв образ правления, он направил по этому руслу последующие поколения. Погиб князь Андрей в мучениях от рук предателей; те, украв у него меч, напали на него в спальне ночью и в темноте пронзали его мечами и копьями, долго не могли справиться с безоружным князем. Когда решили, что он мертв, ушли вниз, но Андрей был жив и пошел вслед за ними, те услышали его стоны, вернулись и добили еле

---

[172] Например, Юрий Долгорукий привёл половцев, а Изяслав — угров с поляками. Там же, под 1149 годом.

[173] Карамзин. Т. 3, гл. 3. «В 1196 году вся область Киевская чувствовала землетрясение: домы, церкви колебались, и жители, не приученные к сему обыкновенному в жарких климатах явлению, трепетали и падали ниц от страха».

живого и безоружного своего благодетеля[174]. Не удалось князю добраться до меча, а жаль. Кто были убийцы? Те, кого приютил и обогрел Андрей[175].

Владимирцы восстали и перебили убийц, а князя с честью похоронили в церкви Богоматери[176]. Любили владимирцы князя, потому что тот возвысил и укрепил Владимиро-Суздальскую землю, строг был, да справедлив, а последнее для русского человека «дорогого стоит». Далее историк пишет: «Так погиб Андрей Боголюбский, но дух его перешел к остальным Юрьевичам, преимущественно ко Всеволоду»[177].

---

[174] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 552.

[175] Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 2003. С. 115. «В числе последних находился один яс именем Анбал; этот Анбал пришел к Андрею в самом жалком виде; князь принял его в свою службу и дал место ключника, в числе приближенных к Андрею находился так же другой человек, именем Ефрем Моизич,которого отчество Моизич, или Моисеевич, указывает на жидовское происхождение. Эти-то восточные рабы, разумеется, не имевшие характера доблественных дружинников, умевших великодушно умирать за вождей своих, а не умерщвлять их, совершили до сих пор на Руси не слыханное злодейство, убили своего князя и благодетеля… К этим двоим присоединился брат казненного за провинность боярина Яким Кучкович».

[176] ПСРЛ Т. 2. Ипатьеская летопись. 1845. С. 115 (г. 6683).

[177] Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 2003. С. 116.

К ВЕКУ ТРИНАДЦАТОМУ

Итак, утверждается ещё один Великий стол, на севере во Владимире. С этого начинается уже действительное отчуждение южной части Руси от северной. На юге — Киевское княжество, Волынское и Галиция, далее — мощное Черниговское княжество (так наз. Северское), на севере — Владимиро-Суздальское, вокруг него с юго-востока — Рязанское, на западе и северо-западе — Смоленское, Турово-Пинское и Полоцкое княжества, особняком Новгород, «вольный город». На юге Великий стол в Киеве, на севере — во Владимире. Но местоположение и харизма Киева принуждает великих князей завладевать этим столом как необходимым условием великого княжения.

Летописи заполняются данными о внешних войнах и походах, на всём почти протяжении границ внутри полыхают усобицы. Документов теперь множество, и всплывают ранее не известные названия городов. В XII веке к известным ранее городам прибавляется ещё 135, всего теперь 224 бесспорно существующих городов[178]. Это не все вновь построенные города, многие из них ранее были и только теперь упомянуты в документах.

Городов много, да мира нет. Разделившись, Древняя Русь не распалась, как магнитом, сдерживаемая Православием. В церкви крестились, венчались, исповедовались, причащались, плакали и молились, взывая ко Господу. И Господь Русь сохранял. Церковные иерархи часто были арбитрами между князьями, советчиками и примирителями.

---

[178] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 48-49.

«Церковь играла вообще крупную роль в общественном строительстве Древней Руси. Церковь освятила не только профессиональные организации, подобные купеческим и ремесленным братствам и цехам, но и другие виды общественных союзов, начиная с основной социальной ячейки — семейно-родовой общины…

Известна купеческая организация при церкви Св. Иоанна Предтечи на Опаках (в Новгороде)… Эта купеческая организация или братство должна была также заботиться о благолепии своей церкви и церковных служб и справлять торжественно («почесть створити») храмовой праздник. Подобного рода купеческие братства или артели были, конечно, и при других церквах в различных городах Древней Руси… Церковный храм сделался также средоточием равно и волостной, и городской общины. В больших городах кроме соборов, имевших общегородское значение, каждый «конец» или улица имели свои приходские храмы, вокруг которых сосредоточивалась кончанская или уличная жизнь. Церковь образовала особые организации верующих — приходы, которые в средневековой Руси часто сливались с другими общинными организациями.

Далее Церковь взяла на себя попечение обо всех лицах, потерявших связь с общественным союзом или лишившихся своего общественного положения. Такие лица в широком смысле назывались «изгоями»… Кроме изгоев, церковными или богадельными людьми считались нищие и убогие («слепец, хромец, вдовица»). Принимая на себя попечение о людях, вышедших из рамок общественного союза, Церковь вместе с тем создавала свой новый тип общественного союза: союза людей, объединенных церковно-религиозной идеей… Основным типом идеократического общественного союза, введенного на Русь Церковью, было, конечно, монашество. В идеале монашество прежде всего было братством, основанным на духовной связи и духовном делании. Фактически монастыри сделались быстро

также и важным фактором материальной, экономической жизни»[179].

Невозможно переоценить роль Церкви в такое трудное время. Канонически Церковь князьям не подчинялась, но патриарху, а тот находится в Византии. «Но, по византийским понятиям, Церковь и государство были между собою неразрывно связаны. Царь и патриарх рассматривались как священная двоица, поставленная свыше для управления всем миром («икумени», вселенная). Власть царя и патриарха дополняла друг друга. Одна без другой была немыслима.

Приняв крещение, Русь делалась не только митрополичьим округом Константинопольского патриархата, но и в более широком смысле провинцией, подчиненною царско-патриаршему экуменическому управлению»[180]. Таким образом, Церковь даже в мирской жизни была как бы независимым судьёй. К ней в равной степени обращались все слои населения, так как все были частью Церкви, например, в 1127 году Мстислав (старший сын Мономаха) воевал с полоцкими потомками Всеслава, «окончательно победил их и затем отправил на трех ладьях в Царьград, где они были подвергнуты заточению… а полоцких князей после проявления ими непокорства Мстислав лишил их столов, и отправил в ссылку в Византию»[181]. Правда, в случае с Россией, у наших царей подчинения Базилевсам не было, наоборот, бывали государственные конфликты, но патриаршая власть признавалась всегда твёрдо, что содействовало скорым решениям государственных недоразумений.

Чтобы представить активность Церкви в то время, обратимся к митрополиту Макарию. Там такие сведения: к

---

[179] Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. § 3. Дружинное начало в Древней Руси. Артели и братства. Церковь в общественном строительстве. С. 161.

[180] Там же. С. 182.

[181] Горский А. А. История России с древнейших времен до 1914 г. М., 2008. С. 53.

началу XIII века только одних митрополитов сменилось 27 человек; кроме этого, почти 80 архиереев епархии были в Киеве, в Белгороде, во Владимире-Волынском и Владимире Суздальском, в Галиче и Новгороде, Переяславле и Полоцке, в Ростове, Рязани, Смоленске, Турове, Чернигове и Юрьеве[182]. Из приведённых данных очень хорошо видно, что повсеместно и полнокровно действует Церковь на всей территории Древней Руси, только она теперь сдерживает Русь от разрыва и, судя по количеству епархий, взаимодействие с патриархией в это время самое тесное и активное. Только вот сама Византия под ударами мусульман и давлением крестоносцев с трудом держится, вступая в роковой XIII век.

Однако и мы, влекомые течением нашего скромного исследования, также вступаем в эту удивительную эпоху, этот век, он предел нашего путешествия, сюда мы стремились, и здесь самое время оглядеться по сторонам. Посмотрим, что окружало Древнюю Русь к XIII веку, для этого как бы отодвигаем боковые завесы и оглядываемся по сторонам. Начнём с севера. К концу XII века по берегам Балтики жили племена балтов, пруссов, эстов, литва, карело-фины и другие. Пока это просто племена, городов там ещё нет, но литовские племена уже объединились и в XII веке участвуют в междоусобицах полоцких князей, а к концу XII века почувствовав ослабление Руси, начинают предпринимать походы и с целью захвата[183].

Карело-финские племена — это территория Новгорода; там пока спокойно, там у нас проход до Белого моря Обонежская Пятина. По восточной границе значительным было только государство на Каме — Великий Булгар. Осколок тюркского каганата (может быть, потомки древних хуннов), они мусульмане, там бывали нападения, но наши контрудары надолго их успокаивали. Тут тоже терпимо,

---

[182] Макарий Булгаков митр. История Русской Церкви. Т. 1. С. 663-667.

[183] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2000.

далее по Волге на юг тянутся степи, там хозяйничают кочевники кипчаки, естественно неизбежные конфликты, если небольшие, то уж регулярные, друзьями их тоже не назовешь. Восточная часть материка за Уральским хребтом для нас пока чужая и малоизведанная, хотя новгородская земля «Югра» всё-таки заходит за хребет до Печоры.

Китай со своей стеной был далеко и к тому же плотно закупорен Великой Степью. На Руси он был известен шёлком, благовониями, фарфором и другим караванным товаром и караванными же рассказами.

На крайнем юге материка хоть далекое, но серьёзное движение, начавшись, предвещает будущие и постоянные проблемы. Там с середины VII века секта магометан с маленькой точки в Медине расползлась зелёным чернильным пятном по нижней части карты Евразии. Захватила Аравию, Сирию, Месопотамию, Иран и достигла Средней Азии, а на западе начала серьёзно теснить Византию. Везде создавая жестокую экспансию ислама, к началу XIII века распалась на три халифата, но менее опасной не стала.

Зато в Великой Степи происходить стало что-то необычайное. Племена кочевников монголов пришли, точнее, вернулись обратно в X веке на родину из Забайкалья. В XII веке, объединившись, окрепли и начали вдруг мгновенное, по историческим меркам, распространение. Просто словно гигантский зонт раскрылся и мощно перекрыл всё пространство Великой Степи, причём все окружающие государства, включая Китай, Тибет, Индию и страны исламского халифата, отчаянно сопротивляясь, тем не менее под этот зонт ползут. Это империя Чингисхана бесцеремонно шагнула в историю, навсегда меняя карту мира. Никуда от неё ни денется и Русь-Матушка. Хотя — как посмотреть, ещё неизвестно — кто от кого.

Далее к западу от Прикаспия была территория нашей бывшей Тьмутаракани. Завоевание Святослава, уже нами потерянное, там кочуют половцы, монголы, их как раз из Великой Степи и выжили. Здесь сложные, но устоявшиеся

многоописанные русско-половецкие отношения. К началу XIII века они были союзниками русичей и постоянными участниками всех свар, врастая в Русь, как корнями, родственными связями. Единственная польза от них та, что они служат буфером от Западной Европы. А вот за половцев в сам этот запад Европы даже заглядывать страшно, с ним мы не расстанемся теперь до конца, хотя всегда будем этого желать.

Последний раз мы вспоминали про Европу в связи с нашествием гуннов и захватом Рима варварами — самым переломным моментом. Поселившись на развалинах древних римских городов, варвары продолжали вести свой образ жизни. За это время во владениях племён, называющих себя франками, области Тюрингии, Франконии, Швабии и Баварии, постепенно соединившись, создают основу будущего государства. Наконец, в 800 году, выходец из германцев, вождь одного из самых влиятельных племен франков — Карл, получивший впоследствии прозвище «Великий», становится лидером франков. Власть над германцами Карлу досталась от его отца Пипина Короткого, тот убил своего покровителя (при котором состоял мажердомом), последнего из рода Мировингов, убил — пока последний спал, и захватил власть. Однако удержать власть среди франков один Карл не способен, он желает объединения с Римом. В Италии в это время правят потомки таких же варваров, и Карл легко находит с ними общий язык. Папой Римским франк был тогда же и коронован. Папа в прямой зависимости от новых правителей, а новообразование стало называться «Римская империя германской нации». Естественно, что подобная коронация не могла и не была принята на Востоке. Тем не менее варварский мир, не изменившись по сути, стал называть себя империей.

Соотечественники нарекут Карла «Великим» за его военные победы, но если кому-то интересно, то пусть внимательно посмотрит, сверяясь с картой, масштабы этих побед и причины войн. В основном это победы над соотечествен-

никами, где «немцы бьют немцев»[184]. На Руси, например, такое называлось междуусобицей и чести никому не делало. А те исключения, когда Карл воевал с иноплеменниками, победами не кончались, в лучшем случае франки отбивались, что значение имело для очень небольших территорий. Но даже эти завоевания стало возможным удержать только после покровительства Рима. Главное же в этом то, что германское желание имперскости натолкнулось на удивлённое возмущение византийского императора и всегда будет теперь истинной причиной вражды, а также серьёзным сопутствием будущему расколу Церкви.

[184] Исключение составлял Карл Мартел, отбивший набег арабов.

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ – ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Религия в империи Карла соответственно принимается христианская, но местным населением она не понимается. Если в Церкви язык чужой (латинский), то и Церковь для людей будет чужая. Вот что говорит профессор Тальберг: «Христианская жизнь в Западной Церкви в IX-XI веке представляет явление безотрадное. Новые народы Запада, едва вышедшие из состояния дикости, приняв христианство и выполняя, хотя небрежно и не всегда, его обрядовую сторону, остались, как и прежде, со своими языческими понятиями о нравственности и обычаями. Разного рода злодеяния — грабежи, убийства и т. п. — у всех, особенно у средневековых феодалов, были самым обыкновенным делом. Языческие суеверия остались в силе и теперь — только приняли христианскую форму»[185].

Но с обязательной необходимостью должно сказать, что сама Римская Церковь держалась долго, со времён Миланского эдикта (провозглашение православия государственной религией в Римской империи при Константине Великом) и до конца IX века. В то время как восточная богословская мысль начала бурное развитие, в борении различных богословских школ и течений отстраивая православную догматику, Рим оставался твёрд в православии, если и не развивался особо, но и не впадал в ереси. Более того, во всю эпоху Вселенских соборов именно Рим являлся сдерживающим фактором, удерживающим от ересей хри-

[185] Тальберг Н. История христианской Церкви. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. С. 301-302.

стианскую Церковь. Однако, оказавшись под господством варваров, Западная Римская империя стала неотвратимо разлагаться, её стала поглощать безграмотность, как следствие, заблуждения, а в результате — ереси.

Следствием подобного положения и отступлений, возникших в результате ересей, стало то, что в конечном итоге Римская империя не могла составлять одно тело с Византией. В 1051 году после длительной духовной болезни наступил разрыв Церквей. Трагедия вселенского масштаба, а основной причиной деградации Рима было именно — влияние Западной Европы. Для сравнения скажем, что тот же 1051 год — год создания на Руси такого произведения, как «Слово о законе и благодати» митр. Илариона, мы говорили про это произведение, глядя на которое, мы оказываемся перед свидетельством высокого уровня образованности русичей того времени вообще (причем для историков не ожидаемо высокого). И это всецело была заслуга Церкви, ее служителей, именно их образ жизни был примером благочестия для всей Руси во все времена.

К счастью (иначе не скажешь), кроме ссылки на «Слово о законе и благодати», мы знакомы с источником, представляющим несомненное основание для того, чтобы мы могли с чистой совестью «обвинить» Древнюю Русь в высоком уровне грамотности. Это теперь известные нам берестяные грамоты, по которым мы с большой приятностию можем прочитывать сотни и сотни (а найденные грамоты это крупица их реально существовавших в древности) интереснейших писем, написанных древними русичами.

И факт этот, кроме сказанного, говорит о краеугольном моменте в развитии древних русичей — о значении православия в жизни наших предков. Потому что кириллица была, в первую очередь, языком Церкви и создана служителями православия, и именно для того, чтобы народ говорил языком Церкви. А судя по распространению грамотности в Древней Руси, очевидно, что язык Церкви и был тогда языком народа.

При этом в Западной Европе, в те же XI, XII века, для населявших её народов не было принято подобной письменности. Первосвященство же там придерживалось взглядов, которые были названы «ересью триязычества», то есть Церковь признавала пригодными для службы только латынь, греческий и еврейский языки, язык же собственно Западной Церкви был латынь. То есть у германцев Церковь говорила чужим и непонятным для своего народа языком, при этом все так называемые «центры просвещения» в Западной Европе ещё долго будут церковными образованиями. Пример тому те же Оксфорд и Гарвард, которые изначально были монастырями, до сего времени сохранив в своей традиции монашеское облачение — мантию и восьмиугольный клобук. И обучение там велось так же на латыни, чужой и непонятной местному населению. Таким образом народ отдалялся от самих церковнослужителей и ещё более отталкивался от Церкви, закосневая в безграмотности. А грамотность — основной показатель уровня развития.

Здесь становятся более понятны слова нашего профессора (мы их приводили выше) о том, насколько «явление безотрадное» являли собой народы Запада древних веков. Однако такое понятие как развитие имеет жёсткую обратную связь, обязательное взаимовлияние, то есть, если народ необразован, он тянет за собой остальные слои общества, в том числе и служителей Церкви, где так же работает та же связь. Соответственно, характерным для той эпохи стало то, что: «Западное духовенство в большинстве, начиная от пап и кончая низшими клириками, не только не имело нравственного влияния на массы, но своею безнравственною жизнью действовало на неё даже развращающим образом»[186]. Так же не полезно было общение с Западом и для Руси.

«Но что представлял собою Запад этого времени? (Имеются в виду древние времена.) Превосходство Запада

[186] Тальберг Н. История христианской Церкви. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. С. 302.

над Востоком в смысле науки и техники — дело гораздо более позднего времени. …В более раннее время не всякий мог бы разглядеть в Европе ростки будущей культурной гегемонии... до XII века мусульманский Восток, бесспорно, превосходил Европу в культурном отношении. Лишь восприняв научные достижения арабского Востока, могла позже подняться европейская наука. (А выходить стала в первые ряды и только в некоторых отраслях лишь в XVI-XVII веках (там же).) Можно согласиться (с оговорками), что Русь была в киевскую эпоху в более тесном общении с Западом, чем в московскую. Но, как видно из только что сказанного, культурные выгоды такого общения именно в киевскую эпоху были невелики.

Характерно, что для этой эпохи нет у нас данных, которые бы свидетельствовали о преклонении перед Европой русских, в эту Европу попавших. Наоборот, европейские путешественники, попадая в Киев, дивились его роскоши и культурному размаху. Все это указывает на то, что не общение с Западом лежало в основе культурного расцвета, который заметен был на Руси в киевскую эпоху. Наоборот, влияние Запада было в это время разлагающим и ослабляющим во многих отношениях»[187].

Это слова профессора Вернадского, и они исполнены деликатности, но мы должны отдавать себе отчет в том, что Русь имела древние торговые связи как с Востоком, так и с Западом, всегда будучи в курсе происходящих событий. Византия была средоточием культуры и просвещения, центром научной и философской мысли, с ней была теснейшая связь. Византийское влияние легко влилось в русскую жизнь, послужило стимулом к дальнейшему развитию искусства и зодчества, наложило свой отчетливый отпечаток на древнюю русскую культуру. Культурным и просвещенным был Восток, а вот Рим неудержимо деградировал, отброшенный назад влиянием господствующих там варва-

[187] Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. С. 115.

ров. При этом с Византией не было железного занавеса, и кто хотел, давно перебрался в восточную часть империи. Всегда на Руси, до XIV века включительно, Запад был традиционно более отсталым во всех отношениях, особенно франкские страны. Только учитывая это, можно понять причину дальнейших взаимоотношений и вообще отношения русичей к европейцам.

ЗАПАДНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И КНЯГИНЯ ЕВПРАКСИЯ

Итак, в Западной Европе возникла Римская империя германской нации. После чего там начинают завязываться затяжные Германо-Польско-Чешско-Венгерские войны, наряду с которыми после смерти короля Карла бушуют внутренние междоусобицы. Все это с привлечением Византии и, конечно, Руси, которая, имея интересы, в Чёрном, Средиземном и в Балтийском морях, поддерживала с Западной Европой торговые и дипломатические отношения, соответственно постоянно участвовала в различных военных конфликтах Запада[188].

Пока Церковь сохраняла единство, отношения поддерживались, но образ мысли правителей Западной Церкви, в данном случае ересь, воплощается в образе жизни как её иерархов, так и их паствы. Приводит это к тому, что уже с 955 по 964 год главой Западной Церкви становится папа Римский Иоанн XII, его из-за пороков и преступлений современники считали воплощением дьявола. Он активный участник борьбы императоров и пап. Умер от раны, полученной во время любовного похождения. При этом стыдно даже касаться здесь многих фактов его жизни. Но будут в истории Рима папы и похуже, и не один, только династия Борджия чего будет стоить.

Однако паства уверенно идёт за своим пастырем, и вот на германском престоле прямой потомок франкских коро-

[188] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. Хорошо показано со с. 73 и ниже.

лей Генрих IV (правл. 1056-1106). Германского монарха мы выбрали, так как, с одной стороны, это пример того, куда могут пастыри завести паству, а с другой — потому что в этой истории основная и бесконечно трагическая роль отведена промыслом Божиим русской княжне, внучке Ярослава Мудрого. Это одно из тех исторических событий, изложение которого расскажет о той эпохе намного более, чем займёт места на бумаге. Оно даст почувствовать «дух» тогда происходящего на Западе и ещё более обнажает корни неприязни русичей к «латинам». Почему подобное малоизвестно? Об этом скажут сами события, а говорят они следующее.

С первых лет правления Генрих IV непримиримо враждует с папой Григорием VII[189] и в конечном итоге незаконно возводит на римский престол Климента III антипапу. Который при всем своем «анти» будет действовать 20 лет с 1080-1100 гг., при этом законно выбранные папы будут сводить его с престола, но их будет выгонять германский монарх и снова возводить своего ставленника. Ситуация, сама по себе для христианской страны дикая, а в православной Руси такие известия казались невероятными и уважения к Западу не прибавляли уж точно.

После возведения Генрихом IV Антипапы, Византия разрывает с Германией дружественные отношения, но не из-за этого, а потому что стала общеизвестной причастность германского монарха к сатанинской секте николаитов. Эти известия были достоверными, они даже обсуждаются на княжеских съездах, но ничуть не мешают франкскому потомку, более того, терпятся окружающими, которые, уж точно вскрывать этого гнойника не собираются, что само по себе чудовищно, ведь речь идет о христианских странах.

На Руси в это время правит Всеволод Ярославович; он, следуя примеру «Мудрого» отца, породнился со всеми

[189] Одна из основных причин войн монархов с папами — вовсе не религиозные взгляды, а борьба императоров за инвеституру, то есть поставление служителей Церкви самых различных чинов мирской властью по своему усмотрению, не считаясь с канонами Церкви. То есть, чтобы в подчинении была светская и духовная власть одновременно.

правящими домами Европы и, вероятно, как человек, владеющий пятью языками, еще и тяготел к международным отношениям, хотя имел за это строгое предупреждение митрополита[190]. Теперь же он решает подержать дружбу с Саксонией и выдает свою дочь Евпраксию за маркграфа Генриха Длинного Штаденского, враждебного Генриху IV. И вот «в 1083 г. юная (совсем девочка, она родилась около 1071 г.) княжна прибыла в Саксонию с пышным посольством и верблюдами, «нагруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством». Обрученную с Генрихом (Штаденским) княжну поместили в Кведлинбургский монастырь, где примерно до 1086 г. она воспитывалась»[191].

А вот далее события развиваются, как в жутком детективе. В монастыре аббатисой оказывается не кто-нибудь, а сестра императора Генриха IV Адельгейда, и вскоре после свадьбы маркграф Штаденский загадочно умирает, а «в монастыре с молодой вдовой знакомится (император) Генрих IV. В 1088 г. он обручился с ней. При коронации она получила имя Адельгейды и летом 1089 г. в Кельне магдебургский архиепископ Гартвиг совершил венчанье»[192].

Секта, к которой принадлежал германский император, своим обрядом имела мерзкие оргии — аналог черной мессы, и он принуждает юную княжну в них участвовать, после чего держит ее всегда при себе и под стражей. Побег, по его мнению, был невозможен, а окружающие считают, что просто императора везде сопровождает супруга. Княгиня Евпраксия решает вырваться и разоблачить сатаниста во что бы то ни стало. Она через сына Генриха IV Конрада (который был враждебен отцу и в дальнейшем будет с ним

---

[190] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 86. Митрополит Иоанн Продром в своих «канонических ответах», написанных в конце жизни, грозил Всеволоду церковным отлучением за то, что тот допускает браки своих дочерей с католиками.

[191] Там же. С. 125.

[192] Там же, С. 126.

воевать) сообщает близкой к законному папе тосканской маркграфине Матильде и ее мужу герцогу баварскому Вельфу II о своем намерении бежать от императора-сатаниста.

Матильда отправляет мужа с вооруженным отрядом к Вероне, где под охраной находилась русская княгиня. Евпраксии удается обмануть стражу, и она под охраной отряда, рискуя жизнью, бежит от этого кошмара. Княгиня прибывает в Каноссу, где ее встречают с почестями. После приезда она, через Матильду, выходит на папу Урбана II и выступает с обличением монарха-сатаниста на церковном соборе в Констанце (Швабия). В апреле 1094 г. Генрих IV предается анафеме.

И это не все. Папа Урбан II, понимая особую серьезность происходящего, «посоветовал ей выступить и на итальянском соборе в Пьяченце (март 1095 г.), куда собрались епископы Италии, Франции, Бургундии, Германии, а всего 4 тыс. священнослужителей и 30 тыс. мирян, так что два заседания происходили на открытом поле. Не щадя себя, императрица рассказала о мерзостях разврата, которые ей пришлось перенести от разных насильников по воле мужа. Император был осужден (имеется в виду церковное осуждение и анафема), а Адельгейду — Евпраксию освободили даже от епитимьи». Потому что это и так было — «гражданское самоубийство», поразившее своим исповедничеством всех присутствующих. После чего княгиня Евпраксия, исполнив свою историческую роль, покидает мир, принимает монашеский постриг и через 10 лет, все еще молодой женщиной, умирает в монастыре[193], проводя последние годы в строгом иноческом подвиге.

Нет, она не разрушила цитадель зла, а анафема не особо мешает Генриху IV спокойно править империей до старости, так что Римской империей германской нации 50 лет правил сатанист. Ну, а отлучение то одних, то других

[193] Там же. Все эти события описаны на с. 125-127 (только там трактовка Пашуто, впрочем, сами события это не меняет).

монархов от Церкви станет обычной практикой, как и войны их с папами будут считаться в истории Запада делом привычным.

Однако в общей совокупности беззакония больше не могли оставаться в замкнутом пространстве, и гром грянул тогда же. В 1095 году, когда собор в Констанце (после анафемы в Пьянченце в 1094 г.) возглашает вторую анафему Генриху IV, на соборе в Южной Франции в Клермоне произносится речь о создании первого крестового похода. Для «воодушевления» участников похода назначены индульгенции — заведомое прощение любых грехов за участие в походе, т. е. преступность и беззаконие изначально закладываются в «программу» крестовых походов, привлекая соответствующий контингент людей.

Ни один из западноевропейских государей не принял участия в походе, говорит историк. Германский государь Генрих IV был отлучён и всецело занят борьбой с папами за инвеституру. Французский король Филипп I также был отлучён от Церкви, Вильгельм Рыжий Английский тоже беспрерывно воевал с Церковью, а также с феодалами и народом[194]. Однако в поход идут их подданные, люди которые принимают, терпят, способствуют и участвуют в их образе жизни. Кроме того, индульгенции в дальнейшем можно будет покупать за деньги — беззаконие примет силу закона. Латинство достигло своего апогея — римские папы создали беспрецедентное, страшное и достаточно управляемое орудие — «крестоносцев».

[194] Васильев А. А. История Византийской империи Т. 2. От начала крестовых походов до падения Константинополя. Гл. 1. Византия и крестоносцы. Раздел «Первый крестовый поход и Византия».

БЛЕСК РЫЦАРСКИХ ДОСПЕХОВ

Как не блистательно описаны крестовые походы и подвиги рыцарей, но не будем обманываться телевизионным блеском доспехов. В поход со всеми пошли вассалы только что отлученных от Церкви монархов, однако, если король отлучен от Церкви, а его вассалы продолжают ему служить, то либо они с ним солидарны, либо терпимы к его отступлению от Церкви. И если говорить всерьёз, то вся Западная Европа очень невелика (для наглядности скажем, что меньше Тибетского плоскогорья), так что там все близкие соседи, и все признавали власть императора.

Но в случае с германским императором, терпимость проявлялась, как говорилось, к сатанизму, что почти равно соучастию. Кроме всего этого, к участникам крестового похода, стеклось огромное количество бродячих солдат и разбойников всех категорий (историки, говоря о размере войска, дают цифры от 300 до 500 тыс. участников похода). Гротеском выглядели на этом фоне фигуры истинно верующих и святых людей. Последние шли в Святую Землю только ради освобождения Гроба Господня. И одно из самых позорных пятен в истории католицизма, конечно, трагедия именно этих святых людей. Их иллюзии скоро рассеялись, так как, едва отойдя от места сбора, основная армада занялась тем, ради чего шла — грабежом и насилием.

Первый памятный для христиан город Тарс (родина св. апостола Павла) вырезали целиком. Однако и до этого, на всём пути, рыцари поражали людей своей жестокостью, вызывая глубокую ненависть жителей тех стран, через которые они шли, и ещё у себя «в прирейнских городах Три-

ре, Майнце, Шпейере и Вормсе толпы крестоносцев напали на евреев, многих перебили и разграбили их имущество. Означенные вожди и их сподвижники, выступившие в поход весной 1096 г., стояли во главе хотя и многочисленного, но самого жалкого сброда, к которому принадлежали преступники, беглые крестьяне и не ужившиеся в монастырях монахи. Эти первые крестоносные толпы не имели с собой ни запасов, ни обоза, не признавали никакой дисциплины и позволяли себе невообразимые насилия на пути, оставляя по себе самую дурную память». Безусловно, они себя не утруждали тем, чтобы разбираться, кто еврей, а кто нет, но грабили там, где видели добычу, это психология хищника, её невозможно изменить, и как мы убедимся в дальнейшем, эта психология была основным, истинным, мотивом этих походов. Однако естественное чувство самосохранения заставило людей, независимо от национальности, встать на защиту своих семей с оружием в руках, и по всему маршруту начались вооруженные столкновения.

Выше мы привели слова известного академика — специалиста по крестовым походам, через пару страниц он же делает грустный вывод: «Большинство участвовавших в этих событиях были люди, которые не возвышались до политических целей и соображений и действовали только под влиянием фанатического чувства; насилия и убийства, совершенные ими в тех странах, через которые они проходили, стремясь к своей цели — в Венгрии, Болгарии и Константинополе, казались им вполне благочестивыми подвигами, непосредственно относившимися к делу». Без комментариев.

В результате до Иерусалима дошли много менее одной десятой (15 тыс.). Совершенно озверевшие, они окружили город, в котором был всего один гарнизон охраны и беззащитные мирные жители. Там такого кошмара не ожидали, всё-таки — христиане и у Гроба Господня. Город взят после недолгой осады приступом 15 июля 1099 г. «Крестоносцы, опьяненные победой, учинили в городе страшную

резню… весь город был завален трупами. По свидетельству очевидцев, на Храмовой горе потоки крови текли выше уровня колен. Даже многие крестоносцы были шокированы делом рук своих». И последнее неудивительно, потому что: «Словно обезумев («словно» здесь явно лишнее слово), завоеватели бегали по улицам Иерусалима, убивая без разбору всех подряд — мужчин, женщин и детей. Они отпраздновали свою победу ужасающей "кровавой баней". Методы ведения военных действий крестоносцев повергли мусульман сначала в изумление, а затем в ужас. До сих пор на Востоке не было принято вести войну с такой степенью беспощадности».

На месте древнего Храма вверху горы мечеть Омара, в нее втиснулось более 100 тысяч человек, только дети, беременные женщины да беззащитные старики и старухи. Крестоносцы перерезали всех до одного, это именно из мечети потоки крови по колено из первой цитаты, и это та самая «кровавая баня» из второй цитаты. Осталось добавить, что убивали всех пленных, лишь один единственный Раймонд Тулузский сохранил жизнь своим пленным. Удивляет странномыслие множества исследователей этого вопроса, все скурпулезно добавляют, что убивали только мусульман и евреев! Но скажите — как?! — обезумевшим от крови крестоносцам возможно было в этой бойне разобраться, «кто есть кто»? А потом, мусульмане и евреи, что — не люди?! Или у них нет женщин и детей?! Но, кроме того, это неправда, и мы убедимся впоследствии, что эти же крестоносцы охотно пойдут на союз с мусульманами ради уничтожения христиан. Большего позора, чем такая бойня на Святой Земле, для христианских рыцарей, казалось, не может быть… Казалось.

Эта «победа» стала величайшим торжеством и гордостью папской курии. Оставшиеся в живых паломники разнесли весть по всему миру, были там и наши паломники, даже говорят, умудрились вывезти некоторые святыни, а что совершенно точно, что событий иерусалимских

от соотечественников не скрывали. В Иерусалиме убрали патриарха и поставили своего, последующие латинские патриархи быстро достигнут меры пап. «Примером безнравственностм может служить иерусалимский патриарх Ираклий, например, который не только напоминает собою самых дурных римских пап, но во многом превосходит их, он открыто жил со своими любовницами и расточал на них все свои средства и доходы; но он был не хуже других; не лучше были и князья, бароны, рыцари и духовные лица». Комментарии излишни, да и далеко мы уже отступаем от нашей темы, сказанного довольно.

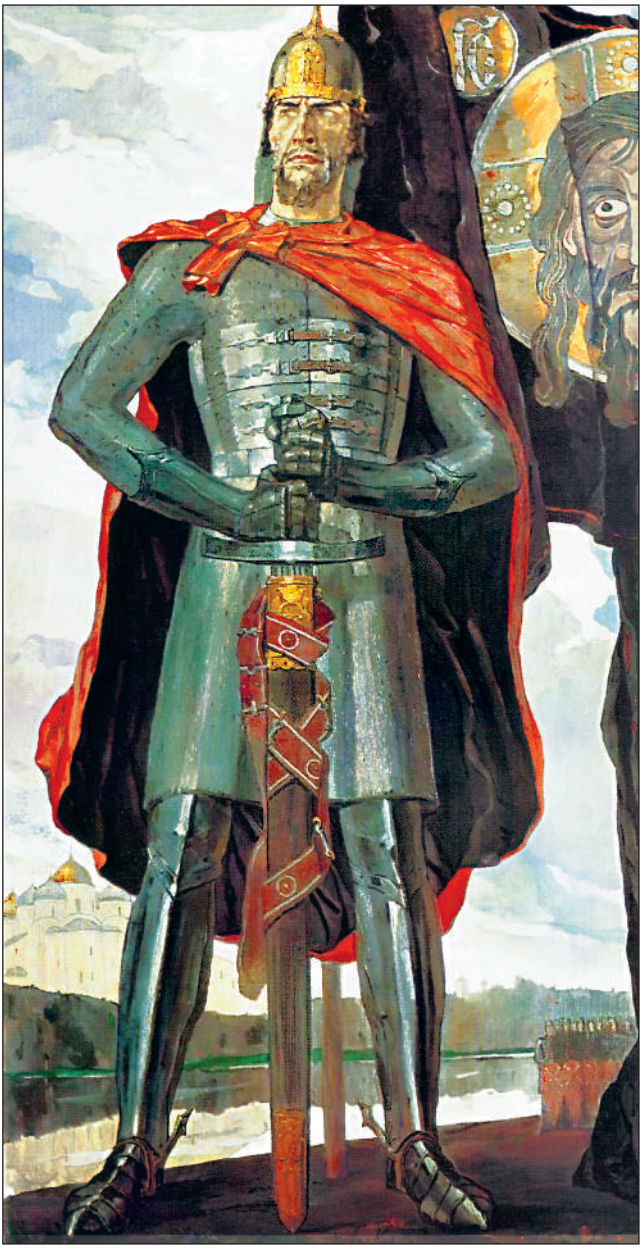
Мы вынуждены уделять много времени делам крестоносцев, так как должны вполне понимать, от чего нас спасёт в дальнейшем Александр Невский, и когда зайдёт речь о нём (нашем герое и цели всей этой работы), уже не уклоняться в объяснения, но вполне представлять предмет разговора. Не берусь назвать причины (не наш это вопрос), но многие без рассуждения восхваляют крестоносцев, как и вообще пытаются представить Западную Европу чуть ли не центром мирового просвещения, а любого, кто думает иначе, — как человека заблуждающегося. Одновременно с таким же рвением и так же бездоказательно очерняется, скажем, империя Чингизидов, что исторически глубоко неверно. Монголов нам тоже предстоит внимательно рассмотреть, также для более полного понимания «времени Александрова». Так что, наберёмся терпения, просто на основании того, что Александр Невский свят пред Богом и людьми, и самое малое, что мы можем, — это честно и правдиво отнестись ко всему, что его касается. Простите, это был просто призыв к терпению.

Однако, нужно вернуться к делам Европы. Итак, полный провал второго и третьего походов обнажил ложность политики латинской Церкви и трагическую ошибочность всего крестоносного движения. Скоро были потеряны основные крестоносные завоевания, а в 1187 году Иерусалим отдан халифату обратно. При этом обнажилось истинное

лицо прославленного ордена Тамплиеров, так сказать, «открылось забрало», мы и далее увидим его — это лицо без маски, а жаль, уж очень красивы древние рыцарские баллады и обязательно были истинные рыцари, и искренне было пение менестрелей.

Однако при взятии Иерусалима в 1187 г. Саладин сохранил жизнь населению города (показал миру разницу между собой и крестоносцами), позволив даже выкупить свободу гражданам по цене 10 золотых монет за мужчину, 5 за женщину и 2 за ребенка. При этом Саладин согласился выпустить за 100 тыс. динариев всё франкское население, составлявшее более 20 тыс. человек, в основном женщин и детей, со всем, что они могли унести на себе. В этот момент показал своё истинное лицо латинский патриарх Ираклий — он буквально потряс всё население и христиан, и мусульман (думается, что последние были более потрясены) тем, что, заплатив свой выкуп, спокойно ушёл, не обращая никакого внимания на тысячи женщин и детей, уводимых в рабство. Ушёл этот первопастырь не с пустыми руками, а буквально «сгибаясь под тяжестью золота, которое он нёс с собой, и ведя за собой осла, нагруженного драгоценностями». Даже «неверные» полководцы Саладина не выдержали такого и стали просить своего вождя отпустить хоть немного пленных, и тот разрешил каждому отпустить по нескольку сотен пленных. После этого плохой «Саладин сам освободил всех престарелых, затем он позволил женщинам забрать своих мужей, а потом освободил всех детей и выдал дары каждому сироте и каждой вдове»…

Однако оставалось ещё множество пленных, богатые смогли выкупиться, но в связи с нехваткой финансовых средств большая часть людей пошла в рабство. При этом хорошие «тамплиеры отказались платить за них выкуп, хотя и смогли спасти свои богатства. Таким образом орден, который был создан для защиты христиан на Святой Земле, позволил увести в рабство 16 000 верующих, в том числе женщин и детей, не дав ни монеты за их освобож-



П. Д. Корин. Центральная часть триптиха «Александр Невский», 1942. Государственная Третьяковская галерея. Москва

дение!» Сразу скажем, что сумма, необходимая для выкупа пленных, не могла быть для тамплиеров хоть сколько-нибудь значительной. Позже они приобретут (и это будет тщательно подсчитано) одних замков десять тысяч, только движимое имущество было оценено в сто двенадцать миллиардов золотых франков. Поостережёмся говорить, что это преувеличение, в случае с этим конкретно орденом как раз вероятнее обратное. Во всяком случае, орден легко мог выкупить тогда всех.

Следовательно, им (тамплиерам) уже не нужны были в то время, христиане на Святой Земле. Очевидно, они уже сделали с собой то, за что их предадут анафеме, отдадут на суд инквизиции, расформируют и присоединят к ордену Госпитальеров (Мальтийскому). Кого смогут, упрячут в тюрьмы, кроме того сожгут на кострах тех, кто выдал себя за начальство, и ещё более сотни, а всего почти 150 человек. Обвинение тамплиеров было доказано после шести лет тщательного следствия, и обвинены они были в сатанизме. Но это будет потом, в 1313 году. Мы уделяем всему этому внимание, потому, что «подвиги» ряда латинских рыцарей имели характерную «окраску», природа которой обнажится позже. Мы же сделаем ударение на том, что обязательно все их дела были известны на Руси от многочисленных очевидцев событий. Ведь на пересечении всех путей стояла Византия, где находилось постоянное наше представительство, плюс регулярные посольства, само собой паломники из Иерусалима, не говоря о купцах и прочих. Надо ли говорить, что после всех этих известий на Руси было отвращение ко всем латинянам вообще, а уж к крестоносцам особенно, что вполне понятно, и этот факт нельзя недооценивать.

КРЕСТОНОСЦЫ НА СЕВЕРЕ

Теперь нам время переместиться на север, так как опасность подходит к родным пределам. Основная, главная и заветная цель папы — уничтожение православия — не могла быть реализованной только в пределах Византии (сама Византия теряет свои территории и, к сожалению, ищет компромисса с Римом). Однако на севере стоит непоколебимым столпом наша Родина, никогда за всю историю от православия не отступившая и никогда не знавшая хоть в чём-то скомпроментировавших себя патриархов. Папская курия это хорошо знает, что усиливает злобность понтификов до предела, так же хорошо они понимают, что если Русь устоит, то устоит и православие, а значит вся борьба Рима тщетна. Папская курия начинает экспансию латинства в северных землях, подвластных либо союзных Древней Руси, военные действия на таких территориях, по любым правовым нормам, являются объявлением войны.

Когда мы говорим в общем смысле, то не уточняем, какой именно папа в тот момент был на престоле в Риме, любой желающий легко может перечислить их всех. Но мы говорим просто «папа», так нагляднее, потому, что при самом широком различии личностей римских пап, после раскола Церквей на православную и католическую, у всех пап ненависть к православию одинакова, одна же и политика. В черновиках мы вначале вообще не упоминали их имён, и было полное ощущение, что когда это касается православия, то во всех веках действует одна и та же личность. Было излишне мистическое чувство, и, чтобы не «перегрузить» и так отяжелевшую работу, в местах конкретного действия

мы стали называть имя римского папы, которое он носил на том отрезке времени.

Теперь — что такое «северные крестовые походы»? Известно, что в Прибалтике союзники папы ринулись на завоевания, начало которых относится к 40-50-м годам XII века[195]. К этому времени северная политика перешла в руки Великого Новгорода (примерно с 1136 г.), и по новгородским летописям можно судить о положении на севере. Из источников становится понятно, что Прибалтика и Карелия были частью Новгородских земель, при этом в Прибалтике морской выход Варяжского торгового пути, а Лапландия (Саамы) и Финляндия были подвластны и платили дань. Это при том, что со Швецией, Данией и Норвегией у Руси в начале XII века отношения были мирные и скрепленные рядом династических браков.

В скандинавских источниках (королевских родословных) есть места, где определенно видна причастность этих стран к крестовым походам и то, что русичи об этом прекрасно знали через своих родных. Например, внучка Владимира Мономаха, дочь его сына Мстислава и шведской принцессы Христины - Малфрид Мстиславна, когда в 1111 г. находилась в Шлезвиге у ярла Эйлифа, вышла замуж за возвращавшегося из крестового похода Сигурда I, сына норвежского короля Магнуса III; овдовев (1130 г.), она стала женой датского короля Эрика Эмуна (1134-1137)[196]. Этот случай — как раз пример брачной связи, которая указывает на родственные отношения с основными северными королевскими домами: дочь русского и шведки поочередно жена королей норвежского и датского. При этом норвег Магнус III — участник палестинского крестового похода.

---

[195] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л., 1978. С. 43-43. Данные автора основаны на многих источниках — шведских, финских, также на папских буллах. Есть и наши, например, Новг. первая летопись и проч.

[196] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 146.

Все хорошо — родня, но родня эта, после начала палестинских крестовых походов, достаточно быстро забыла о родственных договорах и переориентировалась. За 5 лет до второго крестового похода под 1142 г. в новгородской летописи описывается нападение шведов на русские корабли. А именно — на корабли, идущие в Новгород, напала шведская флотилия, состоящая из 60 кораблей (шнек, в одной шнеке до 100 чел.), на кораблях князь и епископ, что говорит не о простом походе, а о завоевательном с религиозной целью, то есть «крестовом». Наши им дали, как следует, и шведы еле ушли, даже не дойдя до цели, потеряв часть кораблей и людей[197].

Столкновение произошло вероятнее всего в районе Финского залива, соответственно цель этой флотилии — какие-то районы Финляндии[198]. Но финны уже были крещены, и крещены русскими[199], значит, экспансия эта была направлена против православия, против Руси.

С этого времени Восток и арабский мир, связывается с Северо-Востоком Руси и славянским миром трагической связью крестовых походов. Потому что, как мы видим, второй крестовый поход 1147 года был предпринят и против арабов, и против славян, представляя единое дело. Судьбы как средиземноморской, так и прибалтийской и черноморской компаний были взаимосвязаны, являясь результатом действия одних и тех же сил, направляемых папской курией. Но смотрим дальше, тогда же, «в 1147 году, теперь уже

---

[197] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950. С. 26. Л. 22об-23. «Приходи Свьеискей князь с епископом в 60 шнек на гость, иже изаморя шли в 3 лодьях; и бишася, не успеша ничтоже, и отлучиша их 3 лодье, избиша их полутораста».

[198] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XII вв. С. 40-41.

[199] Там же. С. 25-26. Археологические данные говорят о том, что север Юго-Западной Финляндии был христианским за 100 лет до этого около середины XI в. Остальная часть в середине XII века. Другие учёные говорят, что в конце XI века все были крещены. При этом фонетическими исследованиями ряда финских слов установлено, что христианство финны получили из русских рук.

саксонский герцог Генрих Лев организовал свой первый крестовый поход в бассейн Балтийского моря с целью завоевания поморских славян. В 1153 г. папский легат Николо Альбано посещает Швецию, и в 1155 г., либо в 1157, следует их следующий поход»[200]. Источник сообщает, что поход был именно «крестовым» и королём был оставлен в Финляндии епископ. Булла папы Александра III от 9 сентября 1171 г. подтверждает это и указывает на тесное сотрудничество в это время Швеции и Рима, причём настолько тесное, что написано было папой 9 булл за один месяц[201]. Во всём этом ощущается даже нервозность, вполне, впрочем, понятная, там по содержанию ясно, что шведов тогда выгнали и что такое было не впервые.

Все военные действия шведов происходят прямо в пределах «жизненного нерва новгородской торговли» — пути, связывавшего Новгород с Западной Европой. Наконец в середине мая 1164 года они нападают уже на Русь. Шведская флотилия из 55 шнек прошла из Финского залива через Неву в Ладожское озеро и вошла в устье Волхова. Удар шведов был направлен на г. Ладогу, на тот момент там была мощная крепость, имеющая исключительное значение для защиты северорусских земель от нападений с моря, единственная преграда для врага на великом торговом пути из Балтики в русские земли.

Не дожидаясь нападения, ладожане сожгли посад и укрылись в крепости, шведы штурмуют, штурм захлёбывается, и они с большим ущербом отступают. Наши при вылазке отбрасывают противника к реке Вороньей, впадающей в Ладожское озеро, пять дней приходили в себя от неожиданности шведы, однако, не спешили — уверены были в себе и сполна за свою самоуверенность были наказаны. По-

---

[200] Там же. С. 50. «Завоевательный поход короля Эриха», который был дальнейшим развитием той же идеи — завоевания чужой территории, под предлогом распространения христианства.

[201] Там же. С. 51-56. Оставлен был епископ Генрих из Упсалы, который был убит после ухода шведов.

доспели новгородцы с князем Святославом Ростиславичем и посадником Захарией и «Маия в 28, на святаго Еладия, в четвьрток в час 5 дни; и победиша я Божиею помощью…». Наши одним ударом их вышибли, полностью разгромили шведов, и, по словам летописца, 43 шнеки из 55 были захвачены, лишь только 12 шнек могли сбежать, остальные шведы частью были перебиты, частью взяты в плен[202].

После такого вероломного нападения русичи в союзе с карелами в 1187 году захватывают крупнейший в XII веке торговый центр на шведской земле, город Сигтуна, и сжигают его. Причём из шведских документов следует, что это часть длительной борьбы[203]. И минимум в 2-х шведских анналах это событие ставится параллельно событиям (поражениям) палестинских крестовых походов, вот посмотрите: «1187. Иерусалим опустошен королем Саладином. Убит Иоанн, архиепископ Упсальский, у Альмарум, накануне августовских ид, Сигтуна сожжена»[204]. Такое ощущение, словно мы увидели кусочек из хроники военных событий — борьбы напряженной, повсеместной и длительной. В это оконце было видно крупнейшую победу наших в Швеции в XII в.

Очевидно то, что оба поражения шведы считают эпизодами одной и той же войны — крестоносцев с «неверными», северные и восточные военные действия — частью одного и того же крестового похода. Канонически это так и было, потому что все значительные движения церковных иерархов (особенно военные) могли совершаться у католиков, как и у всех равно монахов вообще (крестоносцы это

---

[202] Там же. С. 62-65 и ссылка на Новгородскую первую летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950. С. 31.

[203] Там же. С. 86. «В те времена карелы и русские тревожили тайными и беспрерывными нападениями королевство Швеция, днем и ночью скрываясь в засаде на пиратских судах между приморских скал и принося нестерпимый вред подданным короля: ибо они и архиепископа Иоанна у Альмарум убили, и Сигтуну сожгли», — это отрывок из шведской хроники Эрика Олая.

[204] Там же. С. 80.

непременно монашеские ордена), только с благословения главы Церкви. В данном случае папы Римского — он фактический глава и вдохновитель всей латинской экспансии.

Папская курия руководила действиями рыцарей на Средиземном, Балтийском, чуть позднее — и Черном морях. Безнаказанность и жажда наживы влила в «крестоносное движение соответствующие им силы остальных католических стран. Папа Римский управлял взаимодействием сил, стараясь не повторять своих ошибок, наконец, к концу XII и началу XIII веков Русь от Черного моря до Прибалтики и северо-востока подвергается продуманному и массированному нападению. На юго-западе Руси — это венгры, поляки и немецкий орден, о северных событиях мы говорили и коснёмся их более обстоятельно. Представленной нами краткой панорамы военных событий достаточно для того, чтобы рассматривать их как часть единой католической экспансии. То есть северный крестовый поход был неизбежным, логическим продолжением восточного похода, и споры о том, когда начался северный крестовый поход, с канонической точки зрения неуместны, но должны быть отнесены к началу первых крестовых походов.

Но вернёмся на север. Шведы в этом же 1187 году в отместку напали на новгородцев, те в ответ прервали торговые отношения, и 13 лет длился разрыв. Тем временем в 1189 году на Востоке начался и в 1192 году совершенно безрезультатно закончился третий палестинский крестовый поход. А северный крестовый поход еще только входил в свою силу. «Папа Целестин III (1191-1198) провозгласил поход, дав отпущение грехов всем тем, кто, приняв крест, “пойдет для восстановления первой церкви в Ливонии ”, причём заочно утвердили епископство у ливов»[205]. Но противостояние на севере продолжается, там русичи в походе 1198 года уничтожают береговые укрепления Готланда и сжигают город Або (в другой редакции крепость на месте

[205] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 228.

будущего Або)[206]. Наконец, в 1201 году пришли шведы по морю просить мира, русские им отказали, в другой раз осенью приходят посуху; наши договор составили, но все условия были продиктованы новгородцами[207].

Приведенные выше походы были только фрагментами целой панорамы военного противостояния, но на этом заканчивается удачный период борьбы наших на севере в тот исторический момент. Основной причиной, удержавшей новгородцев от полной победы над шведами (кроме того, что у крестоносцев была постоянная помощь римокатолических сил), было то, что все эти военные вторжения привели в возбуждение окружающие народы. И новгородцам, для поддержания своего влияния среди подвластных народов, пришлось последние десятилетия XII века почти ежегодно совершать походы то в Эстонию, то в центральную Финляндию, то в Заволочье или в предгорья Северного Урала[208]. То есть, пока воевали с внешними врагами, назрели внутренние проблемы и достаточно серьёзные. Например, началось усиление немецкого влияния в Новгороде, которое становится всерьез ощутимым, это видно по примирительной политике с католиками и выразилось в торговых договорах 1197-1199 гг. с немецкими городами и Готландом[209].

А вот не нужно было заигрывать с немцами, потому что, пока у русичей руки были связаны вышеуказанной на-

---

[206] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 116.

[207] Там же. С. 102-105.

[208] Там же. С. 109. Вот краткий перечень военных походов в районах Финского залива: 1186 г. — поход новгородских «молодцов» на емь; 1187 г. — Сигтунский поход; 1188 г. — разрыв торговых отношений с Готландом; 1190 г. — победа псковичей над «чудью поморской» на Чудском озере; 1191 г., лето — поход новгородцев и карел и емь; 1191 г., зима — поход Ярослава с новгородцами и псковичами на чудь и взятие Юрьева; 1192 г. — поход новгородцев и псковичей по приказу Ярослава на чудь и взятие Медвежьей Головы (Отепя); 1193 г. — новгородцы ходили в поход на Югру, а в 1195, 1196, 1198 годах новгородцы отдают основные силы междуусобицам внутри Руси.

[209] Там же. С. 112.

пряжённой борьбой, курия после нескольких неудач подключает новые, в частности, немецкие крестоносные силы. Папа Иннокентий III отправляет в Прибалтику немецкого каноника Альберта Буксгевдена, заочно в 1199 году поставленного епископом ещё не существовавшей тогда Ливонской епископии, который, заручившись поддержкой германского и датского королей, вместе с крестоносцами из немецких феодалов и купцов ворвался на 23 судах в устье Двины. Они сломили сопротивление ничего не подозревавших латышей (ливов) и захватили Земгальскую гавань. Где и была построена в 1201 году крепость Рига. Епископ Альберт учредил в 1202 г. орден рыцарей-меченосцев[210]. Причём, параллельно этим событиям с 90 годов XII века к латинской экспансии на севере присоединяются датские рыцари, эти нападают на Финляндию, они совершили 2 похода в 1191 и 1202 годах. Разъясняет происходящее в тот момент булла папы Иннокентия III от 30 октября 1209 г., где он поручает главе Датской (не шведам) Церкви назначить епископа в Финляндию[211].

И все же северное крестоносное движение без поражения Руси особой пользы курии не приносило, а до Руси на том этапе не дошло, завязло, не дали наши, не пустили и все. А цели пап и всех западных монархов на редкость совпали, просто полное католическое единодушие. Вполне понятно — под контроль пытались взять балтийскую торговлю, обеспечить дворянство и, конечно, католическую Церковь новыми землями — источниками богатых доходов, и, главное, момент был выбран очень удачный. Тогда «земли Верхней Руси не имели единой политики в балтийском вопросе. Эстония и Латвия находились в даннической

---

[210] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 228.

[211] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 109, в сносках. При всей краткости известий об этом, в шведских анналах сказано, что первый поход возглавлял сам король — Канут VI, в то время как в 1202 г. походом руководит глава Датской Церкви — архиепископ Андреас Сунессон.

зависимости от Новгорода, Пскова и Полоцка, борьба за влияние на эти сильные боярские центры шла между владимиро-суздальскими и смоленскими князьями»[212].

Вновь созданный орден «меченосцев» начинает «просвещение», а на самом деле захват и порабощение литовских племён. Литву, пруссов, латышей, эстов обращали в латинство теми же и ещё более жестокими способами, чем в Палестине, земли делили между собой, а жителей превращали в своих крепостных. Здесь важно, что все эти действия ведутся либо на землях, подвластных Руси, либо на новгородской территории. Крестоносцы целенаправленно охватывают Русь с севера и совершенно отчётливо видно, что это хорошо скоординированные действия, единый замысел, который русичи не дают привести в исполнение, при этом натиск усиливается, а силы Руси ослабевают. Орден же рыцарей-меченосцев просто почувствовал себя хозяином земель, на которые они только-только пришли, и в 1207 году крестоносцы добились согласия своего епископа Альберта на уступку им трети всех завоеванных земель[213]. Вот такие просветители христианства, однако, всё ещё впереди.

[212] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 228.

[213] Там же.

ЧАСТЬ 2

ВОТ И XIII ВЕК

И вот начинается этот удивительный XIII век, век величайших взлётов и падений многих народов и империй, век, наиболее изменивший образ жизни человечества во всех отношениях за всю мировую историю и при этом без всяких великих переселений. Начинается этот век четвёртым крестовым походом. Ватикан упорно продирается к истинной цели крестоносной компании, и на этот раз цель похода обнажается быстро. Христианские рыцари четвёртого восточного похода для начала захватили и разграбили христианский же город Зара (город на адриатическом побережье), нужно сказать, что часть крестоносцев (небольшая часть войска) отказались принимать в этом участие и, ещё до приступа покинув основной лагерь, отправились в Палестину. Остальные рыцари после разорения христианского города больше уже не лицемерили, а вместо войны с исламом и освобождения Гроба Господня напали на центр православного христианства. Так, 12 апреля, в Великий Понедельник после Пасхи 1204 г., Константинополь, наша тогдашняя патриархия, был взят приступом и отдан на три дня на разграбление благородным рыцарям. Последние от такого беззакония мгновенно потеряли человеческий облик, если таковой у кого-то из них ещё оставался.

Современники не находили подходящих слов для описания этой трагедии, не поддаётся осмыслению откуда столько ненависти и злобы может быть просто у одних людей к другим. По улицам текли потоки крови не в меньшем количестве, чем в Иерусалиме, только здесь рыцари

убивали целенаправленно христиан. Повсюду грабили церкви, разрушали алтари, предавались поруганию святые сосуды и иконы: «“Христианские воины” не щадили ни монастырей, ни церквей, ни библиотек. В Святой Софии пьяные солдаты обдирали серебряный иконостас и золотой престол, топча ногами священные книги и иконы. Они хлестали вино из евхаристических сосудов, в то время как проститутки плясали на патриаршем престоле и распевали пошлые песенки. Монахинь насиловали в их монастырях. На улицах лежали раненые и умирающие, женщины и дети (только христиане). Никто не оказывал им помощи»[214]. И всему этому, а подобное состояние определяется как беснование, предались люди с крестами на груди, причём руководило всем этим католическое священство!.. Чем объяснить подобное?! Наш патриарх в рубище спасся чудом. Весь Константинополь, а по мнению рыцарей, и вся Византийская империя оказалась в их руках. Радости папы не было предела, безудержно ликовал весь римо-католический мир. Но на деле всё оказалось не так-то просто.

«Четвертый крестовый поход, закончившийся взятием и разгромом Константинополя, привел к раздроблению Византийской империи и основанию в ее пределах целого ряда государств, частью франкских, частью греческих, из которых первые получили западноевропейское феодальное устройство. Франки образовали следующие государства: Латинскую, или Константинопольскую, империю, Фессалоникийское (Солунское) королевство, Ахайское княжество в Пелопоннесе (Морее) и Афино-Фиванское герцогство в Средней Греции; владычество Венеции простиралось на византийские острова Эгейского и Ионийского морей, на остров Крит и на целый ряд других прибрежных и внутренних пунктов. Наряду с латинскими феодальными владениями на территории распавшейся Восточной империи

[214] Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. М., 2008. С. 665.

образовались три греческих самостоятельных центра: Никейская империя и Трапезундская империя в Малой Азии, а в Северной Греции — Эпирский деспотат. Как известно, Балдуин, граф Фландрский, сделался императором Константинополя и властителем большей части Фракии; Бонифаций Монферратский — королем Фессалоники (Солуни), власть которого простиралась на Македонию и Фессалию; Гийом Шамплитт и после него Жоффруа Виллардуэн — князьями в Пелопоннесе (Морее) и Отто де ля Рош — герцогом Афин и Фив.

В трех греческих государствах правили: в Никее (в Вифинии) — Феодор I Ласкарь, в Трапезунде — Алексей Комнин и в Эпирском деспотате — Михаил I Ангел Комнин Дука. Не надо также забывать, что два соседних государства, а именно — Второе Болгарское царство в лице его государей Калояна и Иоанна-Асеня II и Румский, или Иконийский, султанат в Малой Азии принимали в XIII веке деятельное участие, особенно Болгария, в сложной международной жизни после 1204 года. Весь XIII век полон постоянными столкновениями и распрями между вышеназванными владениями в самых разнообразных сочетаниях…». Все эти западноевропейские чересполосные владения на Востоке действовали не созидающе, а разрушающе…»[215].

Итак, патриархия Древней Руси оказывается в маленьком горном городке Никее. В остальной Византии вышеописанные рыцарские образования в постоянном стремлении к дальнейшему разорению остатков имперских владений. Для самой Руси падение Константинополя — удар сокрушительный, прямое объявление войны и войны беспощадной, на уничтожение. В тяжелое положение поставлена экономика — Киев издревле развивался во многом благодаря торговле с Константинополем, кроме этого, по «странному совпадению», за год до этого в 1203 г.

---

[215] Васильев А. А. История Византийской империи Т. 2. От начала крестовых походов до падения Константинополя. Глава 1. Византия и крестоносцы. Ч. 2 Никейская империя (1204-1206 гг.).

половцы предали Киев страшному разграблению, воспользовавшись очередной усобицей[216].

В это же самое время усиливаются нападения немецких рыцарей на прибалтийские территории, что грозит Руси парализацией Балтийского торгового пути. Папская курия очень расчетливо направляет силы крестовых походов — с Византией почти покончено, и освобождающиеся силы отправлялись на подкрепление орденам, к тому же, у себя их и оставлять-то было страшно. Русь во враждебном кольце и теперь ставится в положение экономической блокады. Основная сила нападающих от юго-запада до северо-востока — те же самые крестоносцы, только теперь у них лучшее вооружение, организация, а привилегия индульгенции накрепко приковала к ним искателей наживы и безнаказанного грабежа.

Тем временем с востока и юго-востока, пока издалека, но начинает доноситься топот монгольских коней — держава Чингизидов, продолжая своё распространение, переливается вглубь Сибири, и в 1207-1208 гг. старший из детей Чингиса хан Джучи захватывает Сибирь от Иртыша до Енисея[217].

Тогда же в 1207 г. папа Иннокентий III, он в курсе событий, пишет буллу русским князьям, где свысока указывает им присоединиться к католичеству. Этот папа вначале был категорически против войны с христианами и даже грозил крестоносцам за это отлучением от Церкви, а вот теперь сам оказался во главе военной экспансии латинства. Грамота от него пришла к Роману Галицкому, тот папским послам отказал, и они уезжают ни с чем. Остальная Русь была солидарна с князем Романом. После этого папа запрещает торговлю с Русью орденам Польши, Швеции и Норвегии, усиливая экономическую блокаду, запрещает так же ввозить на Русь стратегическое сырьё, в частности, железо[218].

---

[216] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отдел 3, § 7. С. 44.

[217] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отдел 4, § 1. С. 47-48.

[218] Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 2004. С. 196.

На севере война в разгаре, немецкий орден нападает с особой яростью, и крестоносцы захватывают Подвинье — территории, подвластные нашему Полоцкому княжеству. Огнем, мечем, интригами, беспощадно подавляя или истребляя латышское население, они сломили сопротивление русских и латышских войск, овладели главными опорными полоцкими пунктами в Подвинье. Полоцкий князь Владимир не имеет сил для сопротивления и подписывает в 1210 г. с немцами договор о мире, при этом дань, которая шла князю от ливов, теперь отходила к ордену[219]. А крестоносцы, таким образом, вышли на рубежи Полоцкого и Смоленского княжеств, то есть встали на границах исконной Руси. Русь, теряя подвластные ей территории, на севере с трудом держит собственные границы, находясь в крайнем напряжении от этого длительного противостояния.

Многие учёные основной причиной ослабления Древней Руси считают усобицы. Но то, что на Руси называется «усобицей» и всеми историками преподносится, как страшный порок, одним нам свойственный, на самом деле всеобщий, безусловно, очень горький и трагический, но неизбежный процесс на том этапе развития общества вообще, при подобном династическом устроении. Такой же точно, часто намного более предательский и порочный вид имели междоусобные войны в Западной Европе. Однако на фоне совершенно невозможного на Руси, например, регулярного отлучения то одних, то других монархов от Церкви, войн этих монархов с папами, общеизвестной и немыслимо порочной жизни некоторых пап и даже, по народному преданию, одной «мамы»[220]. Или чего стоит для людей жизнь и долгое правление императора-сатаниста и его вассалов,

---

[219] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.,1968. С. 229. В 1207 г. взята крепость Кокнесе, в 1208 г. — Селпилс, в 1209 г. — Ерсике.

[220] Можно отнестись к общеизвестной истории о женщине на папском престоле как к весёлой легенде, но тогда по какой причине появилась в Риме (и только там) постыдная процедура установления пола претендентов на папский престол?

а дела крестовых походов и инквизиции? Да поверьте, что при всем этом усобицы выглядели там делом обычным, вполне невинным и для них несущественным.

По этим причинам рановато торжествовал Рим, рановато. На почве духовной жизни Запада внутри самой Европы возросли различные языческие и гностические секты, были крупные, такие как катары, но множество было и других, еще худших, созрели и начались религиозные, так называемые альбигойские, войны, альбигойство или альбигенсы (от названия г. Альби) — гностическая ересь. Строго говоря, это тяжёлые формы ереси, а вся гностика находится между иудаизмом и сатанизмом. При этом общая ситуация была настолько запущенной, что у папской курии могло быть только одно решение вопроса, и в 1208 г. папой утверждается инквизиция. Но даже в борьбе с таким очевидным злом католики обнажают, в первую очередь, свою природу.

Вот что там происходило: «Теперь папа Иннокентий III решился поднять на еретиков крестовый поход. Войско крестоносцев, состоящее из самых отчаянных разбойников, вступило в Южную Францию и начало огнем и мечом обращать еретиков. Так, при взятии города Безьера было побито ими 20000 человек; при этом папский легат, видя нерешительность крестоносцев, как бы вместе с еретиками не умертвить католиков, кричал: “Бейте их, ибо Господь знает своих!” (!!!) Целых 20 лет (!) опустошали они Францию…»[221]. Массовые убийства дома отвлекли основные силы пап от активных действий против Руси. Не допустил Господь.

[221] Тальберг Н. Д. Итория христианской Церкви. М., 2008. С. 395.

А ЧТО В ЭТО ВРЕМЯ ПРОИСХОДИТ ДОМА?

На Руси, тем временем, к концу подходила жизнь великого князя Всеволода III (Большое гнездо), он младший брат Андрея Боголюбского, сын Юрия Долгорукого, внук Мономаха и родной дед Александра Невского. Современник писал о нем с восхищением: «Может Волгу веслы раскропити и Дон шеломами выльяти»[222]. Имел Всеволод III мощное войско, опыт и славу неустрашимого полководца: «До сих пор князь был по преимуществу предводитель дружины, храбрый из храбрых. При встрече с неприятелем его место было впереди всех»[223]. С самого начала правления он показывает, что будет подобен старшему брату, т. е. сильнейшим, и, тем не менее, невзирая на общественное мнение, предпочитает обходиться без кровопролития и, где можно, добивается решения конфликта переговорами - это качество сильного и умного человека.

В самом деле — он очевидец византийской трагедии, проживая затем на юге Руси, хорошо ориентировался в происходящем там и теперь, будучи не кем-нибудь, а великим князем Владимирским, смотрел на ситуацию Севера — своей родины, отчётливо понимая, к чему ведёт это наступление северного рыцарства (он на них насмотрелся). При этом, с одной стороны, Византия помочь не в силах, с другой стороны, и Юг явно не помощник, значит главное сейчас — собрать силы, сберечь людей и крепкой рукой

---

[222] Слово о полку Игоревом.

[223] Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 2003. С. 118.

прекращать любые раздоры, то есть — все, хватит! Не до этого теперь.

Раздоры эти он прекращал иногда жёстко, например, привёл к повиновению рязанцев: «Положи землю их пусту», непокорные в тяжёлые времена хуже предателей, и история полна этими примерами. Слишком хорошо понимал Всеволод III грозившую опасность от римо-католиков, да и старая обида что-нибудь да значила. Однако, по согласному мнению потомков: «Всеволод Юрьевич был одним из наиболее могущественных правителей Древней Руси последних десятилетий XII — начала XIII вв. Он первым из древнерусских князей принял титул "великого князя". Поскольку Всеволод был предком всех многочисленных князей, правивших на землях Северо-Восточной Руси в последующие столетия, то в исторической традиции он получил прозвище "Большое гнездо" [224]».

В 1212 г. великий князь Всеволод умирает, исторически силы распределились так, что враждебными остались Рязанское и Черниговское княжества, а с южными княжествами отношения в общем очень натянутые. Сразу после смерти Всеволода III начинается вражда между его детьми, и назревает очередная усобица. Вследствие этого Полоцкое княжество теряет надежду на помощь Владимиро-Суздальской земли и обращается за помощью к ордену — «заключая в 1212 г. мир с Ригой, полоцкий князь также имел в виду литовскую угрозу. Тогдашних полоцких князей привлекала призрачная возможность использовать орден против Литвы, тем более что литовская угроза была вполне реальной — набеги на русские земли происходили чуть ли не ежегодно»[225].

Обидно, конечно, просчитались полоцкие князья, и мы увидим их конец, но у них не было времени ждать разрешения междоусобиц — литовцы их одолевали. И на родине

---

[224] Милов Л. В. История России Т. 1. С древнейших времён до конца XVII века. С. 127.

[225] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 261.

вспыхнул ряд «острых полоцко-смоленских, новгородско-псковско-суздальских, суздальско-смоленских конфликтов»[226]; такое положение дало Литве надежду на успешные нападения, и литовцы начали объединение, что принесет Северной Руси множество бед. Силы католического блока чутко реагируют на события, и их сторонниками в Новгороде и Пскове начинается пропаганда западного влияния. А в 1212 году был даже заключён брачный союз — ливонский епископ Альберт даже женил своего брата на дочери псковского князя.

Тем временем разгорелась самая страшная, если считать по жертвам, усобица между детьми Всеволода III. Его старший сын Константин с новгородцами против младших братьев Юрия и Ярослава (отца Александра Невского). Два войска встречаются в 1216 г. на реке Липице — после кровопролитнейшего боя младшие терпят поражение с тяжелейшими потерями (всего убитых более 9 тысяч, такого ещё не бывало). Но, невзирая на усобицы, сильно было единство рода, постепенно все приходят к согласию, что во главе всей Владимиро-Суздальской земли должен стоять старший в роду — его и Владимирский стол.

А стол этот охвачен со всех сторон врагами, и помощи ждать неоткуда. Все понимают, в случае захвата нас ожидает участь Византии. К чести наших предков надо сказать, что они не прерывали связи с патриархией, которая теперь в Никее. Наши продолжают ездить в патриархию и оказывать постоянную помощь, Русь всегда была верна и милостива. Папа вполне отчетливо видит демонстративную поддержку Никеи Русью, отчего ненависть курии к обеим державам постоянно усиливается.

Южные княжества, как близкие соседи Западной Европы, пытаются заключать союзы и создают родственные связи, некоторые раньше породнились и надеялись на совесть западных родственников. Родня эта вероломна и юж-

[226] Там же. С. 261 -262.

но-русские князья оказываются втянутыми в конфликт, в результате которого в 1214 г. венгры с поляками оккупируют Галич, после чего папа Иннокентий III в 1215 г. благословляет унию. Практически сразу же начинается гонение на православное духовенство и русскую культуру - такого на Руси отродясь не бывало. В ответ Мстислав Удалой в 1219 году разгромил и выгнал венгров. В этом же году Даниил Галицкий заключает мирный договор с союзом литовских князей. Участвовали от Литвы 21 князь, так называемый «договор княгини Анны»[227]. При этом не смущает князя Даниила, что в это же время племена Литвы совершают непрестанные нападения на Северную Русь. Нет, сам во всём будет виноват Даниил Галицкий.

Тем не менее, главная опасность — крестоносцы, в них была вложена основная сила латинского удара. Там теперь положение намного усложнилось, после завоевания Ливонии в 1210 г. крестоносное рыцарство каленым железом прошло по эстам — прямое покушение на сферу влияния Новгорода. При этом немецкая экспансия в Эстонии затрагивала настолько существенно интересы Новгорода и проводилась в таких масштабах, что борьба против нее требовала крупных сил. Новгород неоднократно посылает в Эстонию многотысячное войско, во главе которого, почти всегда выступает новгородский князь. Эти походы и упорное сопротивление эстонского народа, пользовавшегося все время русской поддержкой, привели к тому, что в течение первых десяти лет завоевания, с 1208 по 1218 год, немцам не удалось добиться решающего превосходства в Эстонии»[228].

Русичи бьются с крестоносцами везде, где только возможно, и бьются «не за страх, а за совесть». Мстислав Удалой с 15-тысячным войском от Новгорода ходил на ливонцев в 1214 г. и загнал рыцарей в Ригу, хоть крепость брать и не стал. Однако дома увяз в усобице; зато Литва с Польшей

---

[227] Там же. С. 260.

[228] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 123.

начинают вторгаться в Смоленские и Киевские земли. А немецкие рыцари в 1216 году захватили часть южной Эстонии и построили крепость Оденпе.

Первые же шаги крестоносцев в Эстонии сопровождались такими злодеяниями, что у эстонских князей мгновенно открылись глаза, и они просят помощи у Владимира Полоцкого; тот собирает большое русско-литовское войско, но смерть не дала ему завершить начатое. Наши не успокаиваются, Новгород и Псков отправили послов — «по всей Эстонии, чтобы шли эсты осаждать тевтонов»[229] в Оденпе. В конечном итоге русско-эстонское войско вышибло рыцарей из Оденпе, и там в 1217 г. был подписан Новгородско-немецкий договор, долженствующий защищать интересы русских и эстов. Но, видимо, эстонцы доведены были до предела, они собрали 6-тысячное войско и снова поехали с большими дарами в Новгород за подмогой, те с псковичами собрали 16-тысячное войско и отправили на подкрепление в Прибалтику.

И все равно неограниченная помощь папской курии вновь склонила чашу весов в сторону крестоносцев. Магистр Волквин разбивает эстонское войско во главе с Лембиту под Феллином. Русское войско, невзирая ни на что, дошло в 1218 г. до Вендена, две недели его осаждало, но, не видя общей перспективы, вернулось домой[230]. Однако было очевидно, что русичи могут собраться и смести рыцарей в море.

Тогда ливонский епископ Альберт обратился за помощью к Дании, одной из сильнейших держав Северной Европы. В результате та снова вступает в борьбу, начиная с 1219 года завоевание Эстонии (и строит крепость Ревель). «Совместными усилиями Дании и немецкого ордена вся Эстония к 1220 г. была наконец покорена»[231]. И здесь кре-

---

[229] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 231.

[230] Там же.

[231] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 123.

стоносцы встали на границе самой Руси. Осталось добавить, что вели себя датские рыцари не лучше немцев, например, если кто принимал крещение после их прихода от других (хоть и от немцев), того вешали как государственного преступника[232].

Между тем, приведенные в движение и озлобленные орденом меченосцев, племена ливов и литвы, объединившись, ощутили собственную силу и, решив, что тоже могут не считаться с Русью, принялись влезать во все распри в соседнем с ними Полоцком княжестве. Более того, профессор С. Ф. Платонов говорит: «С конца XII в. литовцы уже не ограничиваются участием в полоцких междуусобицах, но начинают предпринимать походы с целью территориального захвата. С XIII в. литовцы начинают вторгаться в другие русские княжества, так, например, в Новгородскую землю, в Смоленское и Киевское княжества»[233].

Если учесть все вышеописанное (нужно понимать, что кроме отмеченных в летописях походов, было и множество маленьких военных походов, и они тоже изнуряли) и представить, сколько сил требовалось русичам для такого длительного противостояния одновременно немецкому ордену и трем северным державам, Швеции, Дании, Норвегии на севере, на юге — Польша, Венгрия и уж конечно половцы и те же немцы, то должно признать, что ситуация приближалась к «критической отметке», а возможности для какого-то радикального изменения к лучшему, были уже исчерпаны.

И в это самое время рождается тот, к имени которого мы прикрепили свою «нить Ариадны» перед тем, как пуститься в лабиринты древности. С большим трудом и неумением, впрочем, крепко держась за эту серебряную нить, мы выбираемся из исторических лабиринтов и с осторожностью вступаем, наконец-то, прямо во время Александрово.

---

[232] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 232.

[233] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Спб., 2000. С. 115.

ВРЕМЯ АЛЕКСАНДРОВО. НАЧАЛО

Великий князь на Руси в это время старший сын Всеволода III — Юрий II, в Новгороде его сын Всеволод Юрьевич, он еще мальчик, нет и 10 лет. Отец Александра Невского Ярослав был вторым сыном Всеволода III «Большое гнездо» и после смерти отца стал удельным князем в Переславле-Залесском, они со старшим братом Юрием — внуки Юрия Долгорукого, правнуки Владимира Мономаха, прямые потомки Ярослава Мудрого и князя Владимира Равноапостольного и великого витязя русского Святослава, «величайшей из жен святой Ольги» и её мужа князя Игоря, во главе же всех стоит их родоначальник — образец мужества и доблести, непобедимый Рюрик. Все впитает в себя Александр Ярославич Невский, весь цвет предков мы увидим в нем.

1220 год — это год рождения Александра Невского. Смотрим житие святого: «Родился в Переяславле-Залесском, отец его Ярослав, в крещении Фёдор, был князь кроткий, милостивый и человеколюбивый, мать святого Александра Феодосия Игоревна, рязанская княжна, это был третий брак Ярослава, 30 мая у них родился сын Александр — он был вторым сыном, старшего его брата звали Фёдор…»[234]. Воспитывался Александр, как и все князья на Руси. Младенцем жил на женской половине, а после княжеского пострига переведён был на мужскую половину, с этого времени он считался воином, и ему давали наставника из опытнейших дружинников.

---

[234] Минея - Декабрь. Ч. 1. День 6 декабря. Житие св. бл. вел. кн. Александра Невского.

Точное время пострига Александра нигде не указано, но было это с 4 до 6 лет, так как постригали после 4 лет, а его постриг совершал епископ Суздальский Симеон, скончавшийся в 1226 году. Нам не известен в точности чин княжеского пострига, но суть в том, что княжич становился воином и посвящался Богу. Ему крестообразно отстригали прядь волос, как в иноческом постриге, и вручали оружие, как воину и князю. Совершать постриг мог только священнослужитель, в данном случае даже епископ, значит действие это сакральное, действующее на внутреннюю, божественную природу человека. То есть князь становился защитником отечества, не просто по рождению, но уже «по воле Божией», отныне — это его долг пред Богом; меч же, вручаемый князю на постриге, становился оружием защиты православия и родины, и меч этот теперь был неотделим от креста.

После пострига маленького князя перевели на мужскую половину, он отдается на полное попечение дяде по матери Федору Даниловичу. «По древней традиции в 3 года садили княжича на коня, в 7 лет начинали учить грамоте, а в 12 лет отрок шел с отцом в первый поход»[235]. С того времени, как начинали учить грамоте, все время отдается вравную учебе и военным упражнениям, во-первых, искусству верховой езды, именно искусству, так как просто «на коня» садили гораздо раньше. Далее искусству владения оружием — княжичу дарят маленькие, по его росту, но самые настоящие меч и лук со стрелами, обучают самые лучшие, самые испытанные в боях седые ветераны. Для них это дело не только личной чести, хотя и этого не отнять, здесь ими закладывалась основа безопасности их (нашей) родины, родных, близких, и они понимали важность того, что делают. Ребенок с этого времени научается рассуждать о себе как о защитнике отечества и осмысленно готовится к несению своего креста. Научаясь грамоте, начинает изу-

[235] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 445.

чать как науки, так и языки. Священное Писание тогда начинали воспринимать с рождения, мать, пока не помолится, и кормить-то не будет, все с самого рождения в церкви. Да, нам даже не постичь, какого это духа были люди.

Далее традиция предписывает в 12 лет первый поход с отцом. Сейчас кажется рановато — в 12-то лет и в боевой поход, да нет, во-первых, там он первое время под присмотром тех же ветеранов, которые непосредственно в боевой обстановке научают его тому, чего словами объяснить невозможно. От князя в бою зависит всё, его личные качества, духовный и моральный облик будет примером всем воинам и залогом победы или поражения. За одним князем войско идёт осторожно, за другим — грамотно и послушно, за третьим — по настроению, но люто сечётся в бою. А за иным — без оглядки, не раздумывая, готово сложить свои головы, вот такая дружина, при условии высшего военного мастерства, будет залогом побед, но такое войско нужно воспитать, беречь и обучить так, чтобы быть уверенным в каждой войне.

Очень редко такое бывает, но бывает, и только в том случае, если князь в военном искусстве непререкаемый авторитет, честен с воинами в каждой мелочи и главное, если дружина лично его как человека любит по-настоящему и верит больше, чем себе. Такой князь будет непобедим. Немного заглянем вперёд и скажем, что никогда не предаст Александра Невского его дружина, он будет непобедим в поединке и за всю свою жизнь, почти непрестанно воюя, не проиграет ни одной битвы. И перед тем как далее рассматривать жизнь этого человека, мне хочется земно поклониться тем воинам, которые участвовали в воспитании князя Александра. Честь им и хвала. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.

Но больше всего на маленького князя, как и на каждого мальчика, оказывает влияние его отец. О чем думал на постриге сына Ярослав Всеволодович? Да... Трудно представить, однако, я уверен, как у воина, у него не было скорби, но было предчувствие великой битвы, вести которую

суждено будет этому малышу — его сыну, и, надо отдать должное, подготовит он сына достойно. Дружина князя, да и остальные воины, кто поопытней, могли очень хорошо представить себе, насколько тяжёл будет этот крест. Дело в том, что постриг князя совершён был после тяжелых для Руси событий. До этого люди верили в непобедимость наших богатырей, что-то вроде: «Пусть враги нас окружают, но стоит только нашим князьям подняться, и они сразу же всех разгромят». Надежды эти питаемы были древними былинами и недавно с грохотом рухнули.

ЧТО ВОКРУГ?

Но попробуем изложить кратко и, насколько это возможно, по порядку. Ситуация такова — такой длительный и неослабный натиск римо-католических сил всерьёз ослабил Русь, однако, хуже было то, что подобное положение вселило безнаказанность в окружающие государства. И теперь вдобавок к натиску немецких и датских рыцарей в 20-е годы XIII века активизировалась Швеция — началась вторая волна ее наступления на Восток, которая затянется на 30 лет. Эта волна шведской экспансии затрагивает уже непосредственно владения Новгородского государства — зависимые от Новгорода области центральной Финляндии, а далее Водскую и Ижорские земли[236].

Литва, притесняемая со всех сторон, сразу же обращается к нам, и наши не отказывают. В 1221 г. князь Юрий Всеволодович отправил русско-литовское войско, которое повоевало окрестности Вендена и Риги. За это немецкие рыцари, в свою очередь, впервые совершили набег за р. Нарову, на Ижору, законную Новгородскую землю, война перешла на русские территории. Наступал решающий этап борьбы. Это понимал и орден, и его союзники, которые все это время поддерживали его не только оружием, но и дипломатически. Папские и имперские пожалования ордену также постоянны. Воюй да воюй.

У нас к этому времени всерьез ухудшились отношения с Великим Булгаром, те стали теснить русичей от Волги —

---

[236] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 122.

нападают в 1219 г. на русские опорные пункты Устюг и Ушку. Устюг им удалось даже захватить. Таким образом, пока князь Юрий отправлял новгородцев с литвой на север, беда пришла от Волги. Тогда он собрал и отправил большое войско, сведенное в четыре полка, во главе с воеводой Еремеем Глебовичем, а 15 июня 1220 г. эта рать взяла г. Ошель и хорошо вразумила болгар, так что те уже зимой прислали во Владимир послов, «мира просяще». И еще дважды приходили, пока «с молбою великою и с дары многими и с челобитьем», однако, мира не испросили. И только в 1220 году в г. Городце стороны подтвердили мирный договор, который и был до этого сотню лет. На Волге же владимирский князь распорядился в 1221 г. соорудить свой новый волжский опорный пункт — Нижний Новгород. Положение Руси в военно-политическом отношении было очевидно тяжёлым, и все, кто имел какую-то неприязнь или просто желал наживы, считал, что пришло его время для нападения, казалось, все вокруг поднялись против нас. Поднялась и мордва в сговоре с рязанцами, и в мордовские земли приходится организовывать целую серию походов[237]. Создается напряженность как со стороны Волги, так и Рязани. Ну, с Рязанью старая вражда — воевал с ними еще Всеволод III и Андрей Боголюбский, теперь же мстила Рязань, а зря.

Восток тоже не дремал, и к следующему 1222 году инерция военных действий Чингисидов подкатила их стойбища ещё ближе к нашим пределам. «После завоевания Хорезма, взятия Самарканда и Ургенча — старший сын (Чингизхана) Джучи... (после военных операций на Арале, Сырдарье и Амударье) занялся покорением степей и пустынь к северу от Аральского моря. (Выше мы упоминали, что в 1207-м он завоевал сибирские земли от верховьев Енисея до Иртыша.) Теперь дошёл до верховьев рек Ишима и Тобола, а к западу — до низовьев Яика и Южного Приуралья»[238]. Это

[237] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.,1968. С. 274-275.

[238] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии; Звенья русской культуры. Разд. 4, § 2. С. 50.

и по тем временам недалеко от Поволжья, следовательно, в любом случае, должны были доноситься отчётливые слухи про завоевания монголов. Полное неведение, во всяком случае как версия, отпадает.

Однако у владимирцев сейчас с ближайшими соседями — соотечественниками хватает проблем. Смоленское княжество пытается мирно ужиться с крестоносцами и по связям тяготеет к Югу. А Южная Русь в 20-е годы XIII века целиком погружена в междинастические войны, ряд ученых называют их феодальными. Если считать феодалом любого, кто имеет в собственности землю и распоряжается ею по своему усмотрению, то допустимо, но и в таком случае речь может идти о форме феодализма, не имеющего ничего общего с европейским феодализмом. Проще говоря, это были кровопролитные военные Галицко-Волынско-Черниговско-Киевские конфликты, при этом «война Юго-Западной Руси на отдельных ее этапах приобретала международное значение, затрагивая Литву, Венгрию, Польшу, Немецкий орден и даже Австрию»[239].

Надо сказать, что Польша и Венгрия были постоянными участниками конфликтов на юге Руси, то с одной, то с другой стороны, и, конечно же, роковые половцы — те чаще со стороны Ольговичей от Чернигова. Мы применяем термин «междинастические» просто потому, что это были военные распри между различными родовыми ветвями одной династии Рюриковичей, и даже все причастные к этому иностранные правители тоже были с ними в различной родственной связи, включая половцев (их даже в большей мере). Например, Михаил Черниговский был внуком польского короля, «его сестра Агафья была женой Юрия Всеволодовича Владимирского»[240], «сам он был женат на сестре Даниила Романовича Волынского»[241], а Мстислав Удалой

[239] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 217.

[240] ПСРЛ, т. I, в. 2, стб. 435.

[241] ПСРЛ, т. II, стб. 783.

выдал свою дочь Марию за венгерского королевича Андрея[242]. В то же время мазовецкий князь Конрад был сыном русской княгини Елены, дочери смоленско-киевского князя Ростислава Мстиславича, и муж Агафьи Святославны[243]. Не отставала и Польша, там краковский князь Лешко женился на Гремиславе, дочери луцкого князя Ингвара Ярославича[244], и прочее, и прочее.

Трагичность как раз в том и заключалась, что воевали между собой братья, племянники, зятья, дядья, шурины, деды, внуки и так далее. Такое отношение к родственным связям, тем более освященным Церковью, безусловно, приводит к разрушению внутреннего закона совести, вложенного в каждого человека Творцом изначально и безусловно, Им же и наказуемо. Огромная часть всемирной истории служит доказательством этому.

Короче говоря, с этой стороны сплошная «горячая точка», и «точка» эта под чутким вниманием папской курии. Последняя, например, запрещала полякам браки с русскими и вообще внимательно следила за происходящим. Более того, активизировала свою деятельность внутри Нижней Руси. Был даже проект основания католического епископства для Руси[245]. Соответственно, кроме проблем с этой стороны детям Всеволода III ничего ждать не приходится. Однако, уяснив приблизительно, что происходило тогда вокруг Ростово-Суздальской земли, вернемся к основным трудностям.

Жестокость датских рыцарей сделала невыносимой жизнь завоеванных ими народов. И в 1222 году Эстонию вновь охватывает восстание, где в результате изгнали датских рыцарей «из шести земель». Снова на помощь приходит Русь. Немецкий хронист огорченно пишет: «Русских же

---

[242] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 250.

[243] Там же. С. 252.

[244] Там же. С. 242.

[245] Там же. С. 253.

из Новгорода и из Пскова эсты призвали к себе на помощь, закрепили мир с ними и разместили: некоторых — в Дерпте [Тарту], некоторых — в Феллине [Вильянди], а других — в иных землях, чтобы сражаться против тевтонов...» Кстати, эсты «разделили с ними [т. е. русскими] коней, деньги, все имущество братьев-рыцарей и купцов и все, что захватили, а замки свои весьма сильно укрепили». И начались вновь войны «на всем пространстве Эстонии»[246].

И тем не менее этот русско-эстонский поход решающего успеха не принес, рыцари собираются и объединенным войском наносят поражение русско-эстонскому войску на реке Имере, рыцари отметят в своих источниках, что наши «сопротивлялись весьма храбро»[247]. Основная причина поражения та же, против наших войск объединенные силы рыцарей, с постоянным подкреплением и мощной поддержкой союзников, к сожалению, ситуацию исправить не было возможности.

Рыцари всей мощью наваливаются на крепость Феллин, там отчаянно отбиваются, но через полмесяца Феллин пал. В злобе рыцари эстонский гарнизон уничтожили, а всех пленных русских повесили перед замком «на страх другим русским»[248]. Русь теряла свои владения в Прибалтике и проход к морю, а народы, там жившие, сами отбиться от власти немцев не могли. Так как Русь, несмотря на ее раздробленность, была единственной силой, которая могла положить предел вражескому натиску. Не случайно литовцы, эстонцы, латыши искали русской помощи[249].

Однако у самой Руси весь север оказался стиснут крестоносным воинством папы, но бились наши воины на совесть, и с огромным трудом протиснулись крестоносцы к

---

[246] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 233. Вспыхивает восстание на острове Саарема, а изгнали рыцарей из земель — Ляанемаа, Гаррия, Саккала, Вирумаа, Ярвамаа, Уганди.

[247] Там же.

[248] Там же.

[249] Там же.

русским землям, а, встав на наших границах, идти дальше пока не имели сил, да и иллюзии свои насчет быстрого завоевания подрастеряли в боях. Очень уж сильно отличался северный поход от восточного, не ожидала такого папская курия, не ожидала. Те и другие собирали силы для реванша.

В Новгороде князь — 11-летний сын Юрия II Всеволод, и в такой сложной ситуации в 1223 году туда призывают Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, в дальнейшем он возглавит всю политическую деятельность Новгорода[250], насколько это вообще возможно в случае с Новгородом. Князь Ярослав стал самым выдающимся новгородским князем среди всех бывших до него. Он навсегда изменил жизнь этого города и явил этим важный пример сыну.

Но того, что произошло этим же годом, предположить точно не мог никто. Пока Северная Русь с головой ушла в решение своих приволжско-рязанско-мордовских конфликтов, одновременно отбиваясь от полчищ крестоносного союза на севере, беда тихо подошла с другой стороны, резко и расчетливо ударила в слабое место.

[250] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 123, в сноске.

У ОСТРОВА ВАРЯГОВ

На реке Калке у Азовского моря состоялась битва с монголами. Русское объединённое войско из ряда княжеств, в котором одни из самых сильных князей, три Мстислава — Киевский, Черниговский и Галицкий Удалой, последний один чего стоил, со своими войсками. Кроме них, ещё минимум 6 князей с дружинами, полки смоленские, волынские и др. в союзе с половцами, а всего рать из 80 тысяч воинов, защищая половцев, напали на два, с небольшим, тумэна монголов. Один тумэн — 10 тысяч, и эти тумэны были утомлены после длительного похода и кровопролитных боёв, воинов там было тысяч 25, никак не более. И при таком соотношении сил монголы наголову разбили наше войско, а князей, тех, кто не убежали и были действительными героями битвы, они позорно задавили досками, на которых пировали, празднуя победу.

Как так?! Почему?! Все наши источники в основном просто дружно чернят монголов и всё. Как будто достаточно быть мерзавцем, что бы разбить регулярное, хорошо обученное и прекрасно вооружённое войско, которое к тому же в три раза больше. Как-то не вяжется, попробуем разобраться.

Кто такие монголы, на Руси знали, просто не могли не знать, шёлковые и другие караванные пути испокон века шли через Среднюю Азию. Вначале мы отмечали то, что во всех раскопках на Руси с древности находились арабские и среднеазиатские монеты и вещи. Наши купцы ходили в Среднюю Азию и встречали караваны, торговля шла постоянно, при этом последние десятилетия караванные пути

контролировали именно монголы. Всем было известно, что караваны они охраняли, гостей и купцов не обижали и не грабили, строго под страхом смерти соблюдая закон гостеприимства; вот, например, описание образа жизни хранителя закона (ясы) Джагатая, причём это пишет современник событий: «Свое окружение и подчиненных он так сдерживал страхом "Ясы" и своею расправою за ее нарушение, что в его правление, кто бы не проезжал поблизости его войска, не нуждался ни в каком авангарде, ни в конвое, и как гиперболически говорят, если бы какая-либо женщина поставила себе на голову поднос золота и пошла одинокою, она бы ничего не боялась»[251]. Тогда было как раз его правление.

Плохо поэтому о них говорить не могли, ну, живут по-другому — на то они и кочевники. Военных столкновений и взаимных обид не могло быть, слишком уж далеко от Руси воевали монголы. Тогда они завершали завоевание Хорезма, и два лучших военачальника, Субедэй и Джэбэ, третий с ними Тугачар, в апреле 1220 г. были отправлены в экспедицию, чтобы догнать и уничтожить шаха Мухаммеда[252]. После чего произвести разведку Закавказья и половецких кочевий — Причерноморья, привести к повиновению половцев и свести с ними давние счеты. Полководцев в конечном итоге осталось двое, при этом тумен погибшего Тугчара видимо присоединили к основной армии, так как далее видим только два тумена.

«…Джебе и Субедэй, имея всего 20 000 всадников (с несколькими заводными конями у каждого), бессменно рыская за ним (шахом Мухаммедом), в течение многих месяцев, делая при этом 120-верстные переходы, без дневок,

---

[251] Джувейни Ала-ал-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М, 2004. С. 187.

[252] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 217-218. Наверное, поэтому у многих наших историков пишется, что монголов тогда пришло три тумена. Но Тугчар, зять Чингиз-хана, со своим туменом отделяется, нарушая приказ, и за жестокость в городе, который покорился Субедею, чуть не лишился головы, но был помилован, разжалован в рядовые и погиб в бою.

по десять-двенадцать дней подряд, успели побывать под стенами Мерва и Нишапура (Нишабур), нанести под Тегераном поражение 30-тысячному корпусу, разбить под Казенном еще одну персидскую армию… только получив достоверное известие о смерти Мухаммеда, они расположились на зимовку на берегах Аракса в Муганской степи»[253]. То есть, обогнув Каспий с юго-запада, они после зимовки выступают на север: «с тем, чтобы обойти Каспийское море и таким кружным путем вернуться к главной армии Чингисхана…»; последний, зимуя под Самаркандом, держал под контролем все военные операции, монгольскими военачальниками обязательно вдоль пройденного пути устанавливаются почтовые станции для связи с главной ставкой[254], связь поддерживалась постоянно, мы в этом убедимся ниже. Далее Субедэй с Джебе, приведя к покорности встречные страны, вступают в Грузию. Здесь монголы были встречены конным ополчением грузинского царя Георгия IV (сына и преемника царицы Тамары). Субедэю пришлось вступить в упорную борьбу с грузинами, те геройски бьются за каждую скалу, но в последней решительной битве монголы побеждают[255]. В этом бою геройски погибло до 30 000 грузинов.

После этой победы, монгольский отряд углубляется в дебри Кавказского хребта, где среди непрестанных боев с горцами прокладывает себе путь через Дербентский проход. А когда монголы спустились вниз, на них напали соединенные силы черкесов, лезгин и аланов, в союзе как раз с половцами. Но и с таким мощным союзом, применяя подкуп и хитрость, справляется Субедэй[256]. Горцы разбиты, а

---

[253] Там же. С. 218.

[254] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 220.

[255] Там же. С. 219. «Джебе с 5-ю тысячами человек засел в засаду, а Субедей с остальными силами, обратившись в притворное бегство, наводит неприятеля на эту засаду, которая его внезапно атакует одновременно с перешедшим в наступление Субедеем…»

[256] Там же. С. 219.

половцы убежали, кроме старых счетов, теперь за нападение монголы тем более обязаны наказать половцев, иначе роняется престиж державы Чингизидов, что в их случае было, безусловно, неприемлемо и жестоко каралось законом. «После того Джэбэ и Субедэй устремились на север вдоль Каспийского моря, с Терека проскакали на низовья Дона и проникли в Тавриду (Крым), где разграбили половецкую факторию Солдаю (Судак)»[257].

Только после всего этого монголы выходят в тыл к половцам, те бегут к нашим, просят помощи, при этом по-половецки хитрят: «Если не поможете нам, то сегодня мы будем иссечены, а завтра вы». Половцы на тот исторический момент были союзники русичей, с какими-то из них давно уже породнились, а их хан Котян был тестем Мстислава Галицкого[258]. С другой стороны, монголов вроде бы немного, и они явно после длительного перехода, иначе как бы они оказались с той стороны? Кроме прочего, они потрёпаны в боях, не стали, в общем, отказывать. Собрали мощное войско и уверенно пошли на монголов. В самом деле, половцы прибежали за помощью весной 1223 года, то есть, Субедэй и Джебе с постоянными боями, пусть с одной зимовкой, но шли два с лишним года. Интересно также, что: «Субедэй во время похода ведет самую тщательную разведку с помощью имеющихся при отряде специалистов… В то же время они свою кружную и небезопасную коммуникационную линию через Кавказский перешеек заменяют новой, проходящей через низовья Волги и недавно покоренные урало-каспийские степи в Туркестан; по этой линии налаживается с Чингисханом вполне удовлетворительная связь»[259]. Серьёзно, однако, ведут дела монголы.

У Субедэя уже есть последние сведения о Руси, при этом он воевать с нашими не хочет, но и не боится. «Когда

---

[257] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отд. 4, § 2. С. 50.

[258] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 221.

[259] Там же.

русская рать совершает переправу через Днепр в районе острова Варягов, к князьям прибывает монгольское посольство в составе десяти человек»[260], их послы говорят: «Слышали мы, что вы пошли против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, не городов ваших, ни сёл. На вас не приходили; пришли мы попущением Божиим на холопий своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам, то вы бейте их и добро их себе берите; слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда били»[261].

Осведомленность монголов была на высшем уровне, и опытный Субедэй знал, сколько половцы сделали зла на Руси, и был прав в этом. Но в тот момент с половцами на Руси был мир, и не могли наши князья их предать. Русские князья совершают непростительную ошибку, они убивают монгольских послов. То, что убивать беззащитного вообще не к лицу воинам, это, кстати, показатель того, как понизился моральный уровень южных князей, однако убийство послов тяжёлое нарушение всех международных норм. Нельзя так поступать, во все времена и поныне убийство послов означает объявление войны.

Но Субедэй снова отправляет парламентеров к русичам. Почему? Профессор Г. Вернадский считает, что Субедэй во второй раз послал парламентёров христиан, считая, что на христиан у наших рука не поднимется. Следующие послы говорят уже строго: «Итак, вы, слушаясь половцев, умертвили наших послов и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: он нас рассудит!»[262] Вторых посланцев наши убивать не стали, но и решения не переменили. Здесь в первую очередь очевидно, что монголы использовали все шансы, чтобы войну

---

[260] Там же.

[261] Текст, как более «удобный», взят из источника: Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Кн. 2. С. 274. Хотя есть у многих, например, у Хара-Давана на с. 221.

[262] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 222.

с Русью предотвратить, и со своей стороны повода нашим князьям для нападения никакого не дали. Но 80-тысячное русско-половецкое войско двинулось в наступление.

«Джебе и Субедэй, ввиду такого превосходства сил у противника, прибегли к своему обычному приему: не принимая боя, они стали отступать вглубь степи на восток, завлекая неприятеля мнимыми мелкими успехами его оружия и побуждая его при преследовании растягиваться в глубину и разбрасывать свои войска. Достигнув таким образом в течение восьмидневного отступления некоторого равновесия сил, они, наконец, остановились на берегах р. Калки… После такой подготовки они внезапно ударили на княжеские войска, и в происшедшем 31 мая 1223 года бою русские, благодаря превосходству монгольской тактики, а также происшедшей во время боя измене половцев, понесли, как известно, тягчайшее поражение»[263]. Даже не хочется комментировать эту битву.

Южные князья посылали гонцов во Владимир за помощью, и Юрий Всеволодович отправил к ним войско ростовское во главе со своим племянником Васильком Константиновичем, но Василёк не успел[264]. Просто не стали ждать три Мстислава подкрепления, понадеялись на себя (что при их количестве понятно). Только одно можно сказать, не ожидали русские князья, не ожидали ни такого уровня военного мастерства от монголов, ни предательства половцев (правы всё же оказались монголы), вследствие чего были деморализованы и действовали разобщено. Известно об этой битве и на востоке, «арабский писатель Ибн-аль-Асир повествует, что спаслась лишь десятая часть русского ополчения, на поле сражения легли 6 князей и 70 бояр»[265].

Наши источники здесь соответствуют восточным. «На сем бою побито князей русских: Святослав Каневский, Из-

---

[263] Там же. С. 223.

[264] ПСРЛ. Летопись по Лаврентьевскому списку (Суздальская). СПб., 1872. Под 6731 годом. С. 424.

[265] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 223.

яслав Ингоревич Северский, Юрий Несвижский, Святослав Шумский, Мстислав Всеволодович Черниговский и сын его Василько, Ярослав Неговорский. Прежде же со Мстиславом убито в бою три князя, да с великим князем 2 князя. Тысящких же и воевод множество и прочих войск до 70 000»[266]. Что тут можно сказать? Вечная память воинам, погибшим за отечество. Настоящие герои были монголами покрыты досками и позорно задавлены на пиру, а тех, кого все считали героями, остались живы и сами покрыли себя позором. А половецкая «помощь» на этом не кончилась: «Другие татары гнались по предводительству половцев к Чернигову и Новгородку Северскому... Новгородок сожжён»[267].

После победы монголы спокойно прошли по краю нашей территории (через приуральские степи) в Среднюю Азию на соединение с главной армией и нигде при этом ни одного города не разорили. При переправе через Волгу на них нападает Великий Булгар, чем вынес себе приговор. Переправа — самый опасный момент, а Волга — широкая река, монголы несут тяжёлый урон, но отбиваются и уходят.

В том же году на берегах Сырдарьи монгольским самодержцем был созван большой курултай, Однако этот повелитель так заинтересовался походом Субедэя, что ежедневно часами слушал доклады прибывшего из Руси на торжества воеводу об их с Джебе походе. Тогда же решен был вопрос о будущем походе в Европу[268].

За военные нападения по закону монголов Ясы (а если честно, то хоть по какому закону) нападающей стороне объявляется война. Великий Булгар стал ещё одним фактором, принуждающим Чингисидов вернуться с войной непременно. А завоевания их были совсем рядом. Так началась война Руси с самой мощной империей мира.

---

[266] Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 2. С. 527.

[267] Там же. С. 527.

[268] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 240. На курултае Чингизхан восседал на золотом Мухаммедовом троне и считался «повелителем 5-ти цветов народов, говорящих на 720-ти разных языках».

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Южные князья даже не успели трезво оценить происходящее, продолжая вращаться в водовороте своих распрей, в то время как поставили Русь на край гибели. От этой страшной участи Промыслом Божиим уготовано будет отвести нашу Родину Святому Александру Невскому, пока ребенку, над которым ещё только совершался княжеский постриг. К этому времени вести о Калке давно достигли Владимирской земли и были известны со всеми подробностями. И то, как вели себя монголы до битвы, как бились и те, и другие, и как ушли монголы. Одним словом, было о чём подумать Ярославу Всеволодовичу на постриге сына, Ярослав — воин, и он не мог не обратить внимание на все тонкости этой странной битвы.

Например, на стороне монголов бились донцы «бродники» (предки донских казаков), наши прямые соотечественники. Почему? Вначале сразу хочется причислить их к предателям, но предатели всегда встают на сторону сильного, такова суть предательства. Эти же встали с войском, которое втрое меньше и воюет на чужой территории. Необычно, правда? Значит, союз с Чингисидами их устраивал значительно больше, чем союз с соотечественниками и половцами. Напомним, что с нашей стороны были тоже опытные и прославленные в боях князья, и никто не мог даже предположить такой исход. Наверное, на то были известные в то время причины, как то: различные разногласия, но безусловно была одна, которая была необычна для завоевателей тех времён и обращала на себя внимание: «Монголы объявили по прибытии на юг России невмешательство во вну-

тренние их (бродников) дела и полную веротерпимость, а в то время в Европе господствовал принцип: cuius regio, eius religio (чья власть, того и вера)»[269]. Не совсем обычно было и во многом отличалось поведение монголов от других, особенно от крестоносцев, и далеко не в пользу последних.

А эти самые последние, узнав про поражение наших войск при р. Калке, — реагируют мгновенно. Папа Римский «держит руку на пульсе», все эти годы католические страны Западной Европы — активные участники почти всех конфликтов в Южной Руси. Кроме этого, с целью разведки по Причерноморью шныряют его агенты — монахи-доминиканцы, регулярно доставляя донесения, и, конечно, стекались сведения с Севера. Особое внимание начинает уделяться проверенному римскому оружию — войне закулисной, политике интриг, шантажа и раскола.

Сразу после Калки, Рига и орден перезаключают, на старых условиях, договор с новым смоленским князем. Рыцари решили, что гибель отборных русских войск «развязала им руки», и делают жизнь эстонцев невыносимой, последние отправляют послов на Русь «с деньгами и многими дарами… попытаться, не удастся ли вновь призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян»[270].

Юрий II собирает объединенное войско из Суздаля, Новгорода, Пскова — 20 тысяч воинов, и отправляет в Прибалтику. Во главе войска идет отец маленького Александра Ярослав Всеволодович. В Тарту его встречают как освободителя, подносят «большие дары», эсты передали русским также пленных рыцарей и захваченное оружие. Русское войско прошло до датской крепости Ревель и осадило его, саму считавшуюся неприступной крепость не взяли, но Ярослав достиг главного — упразднил влияние рыцарей.

Перед возвращением на Родину, в двух освобожденных центрах, Тарту (Юрьев) и Оденпе (старин. Отяпя) князь

---

[269] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 223.

[270] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 233.

Ярослав оставил военные гарнизоны. В Тарту (Юрьев — территория Полоцкого княжества) был оставлен отряд русских из 200 лучников (в то время — очень серьезная сила) во главе с полоцким князем, власть этого князя простиралась на большую часть Эстонии, а звали его Вячко[271].

Германия к следующему году отправила епископу Альберту значительные силы, и все рыцари ордена в союзе с вассальными племенами ливов и литвы, во главе с магистром Волквином, осадили город Тарту и пошли на приступ. Наши их отбили, Тарту, это наш Юрьев, был самой мощной крепостью в Полоцком княжестве, однако, и крестоносцы подготовились как следует, с ними были осадные оружия и тараны, они пробили стену и через несколько дней ворвались в город. Началась резня, гарнизон с князем геройски сражались, и все полегли в этом неравном бою. Рыцари действуют в своем духе — мужское население было вырезано полностью, оставили только одного человека — слугу суздальского князя, дали ему лошадь и отправили в Новгород сообщить о победе[272].

Юрьев пал и был сожжен, на месте его построили Дерпт. Прорвались крестоносцы и вышли на Русские рубежи. Был заключен «мирный договор», который являлся «крупным поражением Новгородского княжества. Граница, установившаяся по миру 1224 г. и проходившая по Чудскому озеру и реке Нарове, превратила Немецкий рыцарский орден в непосредственного соседа коренных Новгородских земель»[273]. Хотя, по договору, русские подтвердили права на Латгалию и оставили часть подати в Толове[274].

Фактом является то, что по ряду шли одно за одним поражения на Севере, военные конфликты на Волге, усилившие враждебные отношения с пограничным Рязанским

---

[271] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 234.

[272] Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Кн. 2. С. 239.

[273] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 124.

[274] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 234.

княжеством и очень ненадежные с другим, граничащим с нами, Смоленским княжеством (у смоленцев с рыцарями мирный договор). Далее следует сокрушительное поражение на юге, «такое, какого не бывало еще от начала Русской земли», вследствие которого — серьезнейшая угроза с востока, и вот теперь такой удар снова на севере. Круг замкнулся.

Чтобы хоть отдаленно представить себе грозившую тогда Руси опасность, нужно держать во внимании то, что в Византии, которая так много значила для русичей, укоренившись за века на самом глубинном уровне сознания как столп православия, и мы были — одна Церковь, там была прямая, законная, высшая часть нашей Церкви — патриархия. Византия была нашим единственным естественным и искренним союзником, и там — уже 20 лет хозяйничают рыцари папы.

То есть, вся возможная помощь — невозвратно в прошлом, поэтому, естественно, было невозможно предположить, что далее будет что-то радужное. Однако есть основной фактор, который должно буквально осознать. Если мы хотим разобраться в прошлом, нужно очень хорошо отдавать себе отчет в том, что тогда не было неверующих византологов, как и вообще неверующих людей не было в принципе. Как «не было» законов физики и химии, не было астрономии с фантастическими туманностями, как «не было» и вращения планет и многих других «научных истин». Но все могло в любой момент измениться по воле Божией (что и есть истина), а к ученым относились как к блаженным, которые просто дают названия процессам, о сути и смысле которых заведомо знать невозможно людям, но только Богу (и это правда).

Только в том случае мы можем дерзать понять наших предков, если проникнемся осознанием того, что они жили в другом мире, отличном от того, в котором живём мы. Когда неведомы были такие понятия, как «электричество» или «топливо». И еще: нам для представления о том мире нуж-

но стереть как никогда не существовавшее теле-, радио-, электронно-телефонное информационное поле (вот сие никак невозможно современному человеку…). Земля была центром мироздания (и неудивительно, если ученые это однажды «откроют»), а чудеса — делом обычным. У них было другое мироощущение и совершенно отличное от нашего мировосприятие, в основе которого был Творец. Вот о Нем, о Создателе разные народы могли рассуждать по-разному, но не более того.

И частью этого удивительного и загадочного мира была моя Родина, Русь, она выросла из самой глубины таинственной сферы — времени, на удивление всем укрепилась и расцвела. А если и разделилась теперь, однако, не распалась, потому что не просто приняла Православие, но поместила себя внутрь Его. Если образно — то все жили как бы в одном доме, но в разных комнатах, при всех распрях, между тем, вне этого дома (Православной Руси) себя не мыслил никто. Русская душа влилась в православие, стала с ним одним целым. И вот теперь, удар за ударом, окружили, нависли, вцепились и хотят отнять именно это — Родину, Православие, саму душу.

АТМОСФЕРА ДЕТСТВА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

В самой сердцевине всех этих событий родился, чуть подрос и уже принял постриг 5-летний, еще совсем ребенок, Александр. Являясь всецело частью своего времени, как и остальные, ничего не зная о будущем. О настоящем же, как от князя, от него ничего не скрывали, так что взрослеть ему пришлось быстро. Ярослав, как мы упоминали, в 1223 г. был призван в Новгород, где возглавил внешнюю политику, фактически оставаясь князем Переяславским. В 1225 г. новгородцы призывают Ярослава к себе, уже на княжение. Александра со старшим его братом Федором отец привозит в Новгород с собой.

Далее, по свидетельству летописцев, Александр с детства участвовал во всех походах отца, а походов было ни один, ни два. К чести Ярослава Всеволодовича, он в усобицы старался не ввязываться, но сосредотачивал силы, насколько возможно, на борьбе с внешними врагами. А на севере снова постоянные нападения литвы, и по-прежнему лютуют крестоносцы в Финдляндии.

Да и в Новгород князя Ярослава не просто так позвали. Вначале звали Михаила Черниговского, тот побыл недолго, потом отказывает: «Не хочю у васъ княжити, иду Цьрнигову»[275]. Тут же литва семитысячным войском нападает на Новгородские земли и разоряет окрестности Торжка[276].

---

[275] ПСРЛ, Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под «Въ лето 6733».

[276] Там же. «Тои же зиме придоша литва, повоеваша около Търожку бещисла… беше бо ихъ 7000».

Это серьёзное военное нападение, давно ли литовцы сами за помощью к нам прибегали? И наши помогли. В общем, бегут новгородцы к Ярославу Всеволодовичу, тот сразу собирает войска, разгромил литовцев и отнимает всё награбленное, две тысячи налётчиков погибли, остальные разбежались. В этом бою погиб торжковский князь Давид, погиб и оруженосец Ярослава Василий[277], а оруженосец всегда рядом с князем, значит, близко были враги к Ярославу — лютая была сеча. При этом Ярослав шёл не от Новгорода, а со своей вотчины Переяславля[278], то есть пошёл со своим войском к Торжку.

В Новгород входит князь только после разгрома литовцев. Новгородцы отмечают, что князь не гневался на них, что не пошли сразу за ним[279], а ведь не раз уже Ярослав Всеволодович за них воевал. Таков Новгород, он всегда будет на волосок от измены, и если выгодно, то изменят, но как воевать — то будут бежать к Ярославу, потом так же к Александру. И это милость Божия, что в таком шатком месте в то время стояли такие столпы. При всей громадности новгородских территорий, первая же его серьёзная измена могла привести Русь к фактической гибели. И как мы скоро увидим, подобные попытки будут повторяться снова и снова.

Решилась литва на такое серьёзное нападение, только видя усиление рыцарей и шведов. Поэтому Ярослав не останавливается и в зиму 1226 года идёт походом в занятую рыцарями и шведами Финляндию. Этот поход был стратегически выдающийся. Он красочно описан даже в летописях, например, в Лаврентьевской под 1226 г., и в 1-й Новгородской тоже. Наше войско шло зимой, а чтобы появиться неожиданно для рыцарей, дружины Ярослава совершили опасный переход по льду через Финский залив, прошли до самых отдаленных краев, «…где же ни един от князей

---

[277] Там же. «…отъимаша всь полонъ, а самехъ избиша 2000...».

[278] ПСРЛ, Т. 1 (Лавр. Суздал.). Вып. 2. 2-е изд. Л., 1927. Стлб. 448.

[279] ПСРЛ, Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под «Въ лето 6734», в конце.

русских не возможе бывати, и всю землю их плени»[280], предали суровому наказанию все непокорные области. Судя по летописи, Ярославом было захвачено много пленных, но летопись между тем свидетельствует, что летом следующего 1227 г., то есть сразу же, русские крестили карелов[281]. Не простой это был поход, но прямое противодействие латинской экспансии. Карелы в составе России и по сию пору.

Сразу же из Германии спешит крестоносное подкрепление, прибыл папский легат Вильгельм Моденский с 20-тысячным войском от Риги и Готланда, кроме того, что подавил все союзные нам силы, еще и устранил к 1227 г. влияние датчан, распространив, таким образом, власть Немецкого ордена на всю Прибалтику, еще более накалив отношения с Русью[282]. Однако после двух своих победоносных походов Ярослав Всеволодович, не угашая воинского духа, собирает вновь свои переяславские полки, чтобы вышибить рыцарей вон из Прибалтики и восстановить древние русские владения. Те натравливают подвластных бояр еми, которые нападают на русские приладожские сёла. Собравшись, ладожане с ижорцами и карелой их отбивают, а нападающих-то 2 тысячи[283], это вам не грабительский набег пары сотен. Спровоцировано это вторжение орденом и угрожало полной потерей влиятельности на важнейших прибалтийских территориях. Соответственно, чтобы устранить причину конфликта, воевать нужно с орденом, для этого русичам нужно большое, объединенное войско, Ярослав Всеволодович едет его собирать.

Вдруг выясняется, что псковичи почему-то воевать не идут. Причина в том, что папские агенты уже поработали там как следует, и папская курия была довольна своими

---

[280] ПСРЛ, Т. I (Лавр. Суздл.). Вып. 2. 2-е изд. Л., 1927. Стлб. 449.

[281] Там же, в том же столбце под «в лето 6735», т. е. 1227 г. «Ярослав Всеволодовичь посла крести множество Карел, мало не все люди».

[282] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 235.

[283] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 134-135.

агентами — псковское боярство ради торговых интересов отказалось от старого договора 1224 г. и около 1228 г. заключило с Ригой особый мирный договор, по которому, во-первых, разрывало союз с Новгородом (а это с кн. Ярославом) и обязалось не вмешиваться в немецко-новгородские войны, далее подписало союзнические обязательства с крестоносцами против Новгорода в случае войны с теми, а во уверение искренности своих намерений отправило немецкой стороне «40 мужей» в заложники. И последнее. Когда они узнали, что Ярослав с полками идет звать их в поход, то позвали рыцарей на помощь, и те прислали им соединенный отряд из немцев, эстов, латгалов и ливов[284].

Вот это да… Предательство, в такое-то время. Не мог поверить в это отец Александра Невского и ехал к ним «с дарами многими». Но князь Новгородский был быстро убежден, причём псковичами лично, и убедили они его ещё большей подлостью — отправив в Новгород специальную грамоту, в которой склоняют и новгородцев к тому же. Убеждают они их разными причинами, самая существенная и все обосновывающая причина та, что война на Севере мешает торговым делам, и это принимается. Так что, следует вместо «предали» сказать «продали».

Новгородцы тут же предают Ярослава и отказываются от похода, обрекая тем сами себя и всю Владимиро-Суздальскую землю на лишение прибалтийских владений и длительные кровопролитные войны на Севере в будущем. Тяжёлый удар для Ярослава и крайне неблагоприятный для Северной Руси вообще. Юрий II с суздальскими войсками в это время был связан военными действиями на Волге. Там союзный Булгару мордовский князь Пургас в союзе с рязанцами в 1228 г. напали на Нижний Новгород и даже сожгли монастырь[285]. Очень, кстати, характерное совпадение одновременных нападений с разных сторон. Как-то наво-

[284] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 235.

[285] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 274-275.

дит на мысль о некоторой агентурной координации, в этом нас убедят подобные «совпадения» в будущем.

Тем временем князь Ярослав, оскорблённый таким предательством новгородцев, уезжает к себе в Переяславль. В Новгороде он оставил детей — Александра с братом, их наставник Федор Данилович там же. Во-первых, Ярослав — князь, а Новгород — это не одна только боярская верхушка. Однако без князя новгородцы обойтись не смогли. Тогда же в 1228 г. в городе начались беспорядки, кроме этого, дожди и неурожай. Поднимается смута, ищут виноватого, нападают на епископа Арсения, чуть не убили его, из Хутынского монастыря вытащили старца Антония и посадили его владыкой. Беспорядки не прекратились, более того — начались грабежи.

Появляется угроза для жизни юных князей, и Федор Данилович с княжескими детьми тайно покидает Новгород. Меньше года пробыли там юные князья. Князю Александру Ярославичу 8 лет, и все это происходит на его глазах. Рано познакомился наш князь с тем, что такое измена, и навсегда запомнит ее горечь и детский страх, нет, не страх смерти, а беззащитность перед безумствующими мятежниками. Очень будет не любить князь Александр смуты и жестко их пресекать, это не просто антибунтарский дух, нет. Здесь точное знание результата безнаказанности.

Некоторые историки предпочитают считать, что Ярослав Всеволодович перекрыл изменникам торговые пути через Суздальскую землю на Чернигов и Смоленск, что вызвало усиление голода и было одной из причин смуты. Это не верно, хотя было бы вполне естественно для того времени: предатели есть предатели. Тем не менее, как в Чернигов, так и в Смоленск у новгородцев были свои давние пути, а смоленский князь в 1229 г. заключил с Ригой новый договор, по которому в равноправной торговле с немцами участвуют также и союзные Смоленску Полоцк с Витебском[286].

[286] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 236.

Теперь, если добавим к этому собственные возможности как Пскова, так и Новгорода, то окажется, что они в отношении торговых возможностей были в лучшем положении, чем остальные северные земли. А что касается пути во Владимиро-Суздальское княжество, то, во-первых, это небольшие торговые пространства, и потом, просто по-человечески, — ну, как бы они после столькой военной помощи от Владимирского княжества, предавшие владимирцев, смогли бы там проехать? И всё равно, основным доказательством того, что никакой злокозненности со стороны Ярослава не было, — это то, что он оставил в Новгороде своих сыновей со слугами.

Причина беды была внутри Новгорода, она в том, что изменников сразу перестают уважать и подчиняться даже близкие им люди, и уж обязательно перестают доверять все окружающие, это факт, так как закона совести в человеке отменить невозможно, даже если он сам этого очень захочет. Санкционировала предательство боярская верхушка, не считаясь с мнением простых людей, а именно они — люди среднего класса — и ходили в походы с Ярославом и бились плечом к плечу, и именно в боях с немцами и с литвой, и для них измена князю — позор для них лично. Этим людям — им каково?! Да, им стыдно даже перед своими семьями, которые их провожали в походы и которые по их возвращении слушали рассказы о битвах и победах. Теперь же они предали того, с кем побеждали. Подобное положение всегда вызывает деморализацию, а опозорившая себя предательством власть не в состоянии подчинить себе народ, скорее сама будет искать убежища или того, кто в силах прекратить смуту.

Именно они — боярская верхушка Новгорода — ответственны за происшедшее, и они, подтверждая наши выводы, зовут в 1229 г. на княжение Михаила Черниговского, что тоже похоже на интригу. Отношения у черниговского князя с Ярославом итак натянутые, совсем недавно их великий князь примирил, а здесь явно вносится разлад. Учтем,

что Михаил Черниговский — внук польского короля по матери, и хоть сам князь — русич без страха и упрека, тем не менее, на стороне Запада — родня есть родня. Эта родня сначала использует, а потом предаст Михаила, но это будет потом.

На юге в это время одни из союзников папы — венгры вторгаются в Галицию, Мстислав Удалой их отбивает, но общая ситуация тревожная, и князь Михаил уезжает к себе, пробыв в Новгороде год. У себя он укрепляет отношения с европейской родней и втягивается в общий водоворот Европейско-Галицко-Волынско-Киевских событий. Юг все более тяготеет к Западу, продолжая связывать себя брачными союзами и участвуя в западных делах. Результат — большее отчуждение юга Руси от севера.

Ватикан верен себе, и в том же 1229 г. «папа Григорий IX призвал основные торговые центры Прибалтики Линчёпинг (Швеция), Висби, Ригу, Дюнамюцде и Любек под угрозой отлучения не продавать язычникам и союзным им русским, как это делается и относительно арабов, оружия, лошадей, суда, продукты»[287]. Такие действия называются экономической блокадой, для ослабленного постоянными войнами Севера Руси это был достаточно ощутимый удар, и уже в следующем 1230 г. наступает голод.

Голод — дело страшное, и новгородцы снова зовут Ярослава, тот приезжает, но пробыл две недели, наказал изменников и уехал. Сыновья Федор и Александр, как свидетельство его власти, снова были оставлены в Новгороде. А изменники убежали в Чернигов, там их приняли, еще более омрачив черниговско-суздальские отношения. Потом изменники едут в Псков, но псковичи стали осторожней и теперь их не принимают. Естественно, «…эти изгнанные новгородские мужи передались немцам в Оденпе»[288]. Ну что тут скажешь? Провокаторы — они и есть провокаторы.

---

[287] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 240.

[288] Нечволодов А. Сказания о Русской земле. Кн. 2. С. 285.

Зато в следующем 1231 г. произошло событие утешительное, подтверждающее, что сильна ещё родовая связь Рюриковичей. Был заключён мир между Владимиро-Суздальским, Черниговским, Галицко-Волынским и Киевским княжествами. Союз, по обычаю, был скреплён династическими браками[289]. Всё честь по чести.

[289] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 254-255. «Поход Даниила Галицкого и волынских сил к Киеву закончился примирением и съездом великих князей владимиро-суздальского (Юрий Всеволодович), черниговского (Михаил Всеволодович), волынского (Василько Романович) и киевского князя Владимира Рюриковича. В связи с политическим возрождением Волыни князья возобновили общерусские отношения между собой, а также совещались касательно Киева и Новгорода. Соглашение было упрочено династическими связями. При этом, Михаил Черниговский продолжал держаться союза с Венгрией и Малой Польшей, а Волынь заручилась поддержкой Киева и установила нейтралитет с Владимиро-Суздальским княжеством». Юрий Всеволодович женился на дочери киевского князя Владимира Марине, это вторым браком он будет женат на сестре Михаила Черниговского Агафье Всеволодовне. Там же, с. 351.

И ПЕРЕД БУРЕЙ НЕТ ЗАТИШЬЯ

Тем временем наш Александр достиг 12-ти лет. Мы не можем сказать хоть сколько-нибудь обоснованно, как он проводил время, это обязательно будет обобщение, характерное, по нашему мнению, для той эпохи. Только те сведения о разных отроках тех эпох, которые по крупицам сообщены в летописях, могут служить указанием нам для этих обобщений, не более того. Тем более самонадеянно влагать свои слова в его уста или говорить о его мыслях современному человеку, слишком уж мы разные. Не будем дерзать на заведомо недоступное нашему мировосприятию, изменился сам этот мир, при этом совершенно безапелляционно изменил и нас, и наше восприятие его.

Однако совершенно бесспорно то, что любой человек неотделим от эпохи, тем более князь — вся его жизнь, само его княжение зависели от событий, тогда происходящих. И, как любой князь, Александр с детства был в курсе событий, сопереживая старшим и научаясь от них искусству правления. Только описание тогда происходящих событий может передать атмосферу, в которой рос Александр Ярославич, именно поэтому мы уделяем столько внимания международным событиям. Все они составляют одну ткань того времени, но мы касаемся только тех, которые влияли на историю Руси. По этим событиям можно рассуждать, пусть отдалённо, о причинах поступков наших князей, как-то представить — что они чувствовали.

Тревога — вот основное чувство, которое возникает, когда просматриваешь периодику событий того времени, тревога за Родину. Именно она, тревога за Родину, и будет

руководить всеми действиями Александра Невского, и нам предстоит убедиться в этом. А пока всё вышеописанное заставляет нас признать, что крест Александров тяжел с детства. И вот, в 1232 г. он, следуя традиции, уже в качестве воина с отцом и его дружинами идут в большой боевой поход в составе соединенных владимиро-суздальских, рязанских и муромских войск, с великим князем Юрием Всеволодовичем, против объединенного войска языческих мордовских князей. Вернулись князья с победой.

В этом походе наши князья точно узнали о приближении монголов. Последнее было понятно по тому, что приволжские степи покинули все кочевники, в частности половцы и саксинцы ушли уже в 1229 г. из страха перед приближающимися монголами и укрылись в Булгарии[290]. А уж если в степи кочевники бросали кочевья, то причину этого знала вся степь, поверьте, пишущий эти строки родился и вырос в Казахстане. Совершенно невозможное дело, чтобы местные народы, мордва и прочие, проживая бок о бок с приволжскими кочевниками, не знали причину откочевки степняков, а среди мордовских князей были союзные рязанцам — князь Пургас, и владимирцам — князь Пуреш. Скрывать подобное кочевники не станут точно, наоборот, предупредят всех, кого можно, о приближающейся беде.

Кроме этого, разведывательные монгольские отряды уже появились в этих пределах и открыто зимовали с 1232 на 1233 год, что зафиксировано в Лаврентьевской летописи[291]. «Монгольские рати неудержимо надвигались на Европу и в 1232 г. уже зимовали где-то неподалеку от булгарского города Биляра, что не помешало Юрию Всеволодовичу провести большой поход», — говорит академик[292]. Это только что упомянутый нами поход. Сделаем ещё ак-

---

[290] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 275.

[291] ПСРЛ, Т. I, Лаврентьевская Суздальская. Вып. 2. 2-е изд. Л., 1927. Л. 159 об. Стлб. 459 под 1232 годом. «Того лета Поидоша Татарове и зимоваша не дошедше Великаго града Болгорьскаго».

[292] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 275.

цент на том, что на этот раз участниками событий были и рязанцы, соответственно и для них не было секрета в том, что приближаются монголы, запомним это на будущее.

Следущий 1233 год приготовил отцу и сыну тяжелое испытание. В день своей свадьбы, еще совсем юным, умирает Федор, старший брат Александра, с которым они вместе были в Новгороде. Братья все время были вдвоём, и теперь 13-летнему князю должно будет в такое напряжённое время еще переносить потерю самого близкого с детства человека.

В Новгороде общественное положение нестабильно, некоторые бояре с дружинами перешли к немцам. С огромным трудом удалось Ярославу Всеволодовичу добиться перелома и стабилизировать ситуацию в Новгороде. Немцы сразу нападают на наши Изборск и Тесов. Так что, едва окончив похороны сына, Ярослав снова обнажает меч и ведёт «множество своих полков» на г. Тарту (Юрьев), «город осажден, окрестности разорены, а войско немецких рыцарей наголову разбито у реки Эмайыги. Немцы принуждены к мирному договору, и в 1234 г. «взя с ними мир по всей правде своей»[293].

В этих походах Александр участвует как юный воин — с мечом в руках. Походы, надо сказать, серьёзные. Растет юный князь, в общем, в военной обстановке, поход за походом — тут хочешь-не хочешь, а повзрослеешь быстро. Рассматривая время Александра, мы всегда будем удивляться сочетанию небывалой плотности событий с постоянным усилением напряженности.

События Южной Руси хоть происходят территориально в стороне, но имеют серьёзную важность для Севера. В эти годы папская курия активизировала деятельность своих эмиссаров во внутренней Руси, но наши князья пока дружно их гонят. Так, киевский князь Владимир Рюрикович изгнал около 1233 г. папских агентов из Киева. Несколько позднее владимирский князь Юрий Всеволодович также

[293] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 236.

выгоняет из своего княжества венгерских доминиканцев[294]. Чувствуется единодушие русичей, как и то, что решения принимаются с оглядкой южные события.

Там в 1235 году усиливаются междоусобицы, из рук в руки по-прежнему переходит Киев. Княжества воюют друг с другом, Михаил Черниговский в союзе с венграми, поляками и половцами забирает Галич, на другой год Даниил Галицкий приводит литовцев и австрийцев, захватывает Киев, а там уж от Киева ничего не осталось. Не прекращаются усобицы и в других местах, княжества становятся независимы, а некоторые давно враждебны друг другу. Тем не менее, летописание набирает силу, большее количество документов освещает теперь больше событий, в результате — летописи обнажают еще 47 новых названий городов. Таким образом, выясняется, что только тех городов, которые попали в летописи, на Руси уже около 300 (в реальности, естественно, больше)[295], разделенных к тому времени на 8 основных отдельных княжеств.

Александр Ярославович в Новгороде. Новгород, нужно признать, — тяжелейший город (если не самый тяжёлый) для управления, и именно там с малых лет проходит трудную «школу» Александр. Теперь он один, тем не менее, правил князь Александр, и слушались юношу в отсутствие отца. Его знали там с его детских лет и уважали. Хочется сказать, что постриг, какой бы он ни был, всегда связан с обетами, и тут жесткая (известная любому монаху) связь: если ты соблюдаешь данный тобою обет, то ты будешь соответствовать уровню служения, и все будет получаться, но если нарушаешь обеты — то ничего не получится, «хоть тресни» — не даст Господь. Это непреложный факт. Так вот, по тому, что представлял собой Александр Ярославович, можно с уверенностью сказать — соблюдал обеты, соблюдал с детства.

---

[294] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 251.

[295] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 51-52.

События, тем временем, не дают нашим князьям даже малой передышки, и в 1235 году ситуация на севере Руси еще более ухудшается. Теперь Литва под давлением ордена объединилась, чтобы хоть как-то ему (ордену) противостоять. Однако, объединившись, нападает почему-то на наши Полоцкие, Смоленские и Новгородские земли. Интересно, что до половины XIII в. польские и немецкие летописи не только не называют литовских вождей, но не упоминают о существовании каких бы то ни было правителей. «Таким образом, литовское племя до половины XIV века не только не составляло государства, но даже сплочённых племён, а представляло массу небольших волостей, управляемых независимыми вождями». У них нет ещё городов, первые два города будут упомянуты только в 1252 году[296].

Тем не менее, объединившись, литовцы, как все «молодые» объединения, представляли серьёзную силу. И вот — «по литовским преданиям, Эрдивил предпринял поход на русские земли и завладел Городном; в то же время другой литовский князь, Мингайло, предпринял будто бы поход на Полоцк и основал в нем второе литовское княжество...». Эти их предания, безусловно, сомнительны, и могут удостоверять лишь в том, что в самом деле с Русью тогда они воевали. Однако, вот достоверные данные и вполне историческая личность — «Миндовг, сын Ромгольда, около 1235 г. завладел русским городом Новгородком (Новогрудеком) и основал там полурусское-полулитовское княжество»[297]. Как они смогли так глубоко проникнуть?

Причина в том, что князь Ярослав в это время далеко, он втянут в южный конфликт и находится где-то на подступах к Киеву. Естественно, это была воля великого князя, а вернее — единомыслие братьев. Для справки, хотя мы об этом говорили выше, но всё же: Юрий II женат вторым браком на Агафье — сестре черниговского князя, одного из

[296] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С. 114. Это города Ворута у литвы и Твереметь у жмуди.

[297] Там же. С. 115.

претендентов на Киев, а сын Юрия II был женат на дочери киевского князя[298].

Очевидно, что при таких (но были и другие) родственных связях нельзя сказать, что владимирские князья не имеют никакого отношения к Киеву. Во-первых, родственные отношения сложны и часто сокровенны, по этой причине не будем рисковать, пытаясь понять, что двигало северными князьями. Однако, если учесть, до чего уже был доведён Киев, а в борьбе за Киевский стол все южные князья привлекали просто все доступные им государства Западной Европы: и Венгрию, и Польшу, и Литву, даже немецкого Фридриха[299], конечно, половцев и прочих, что указывает на полное безразличие южный князей к целостности самой Руси, как будто речь шла не о Родине. Если это учесть, то северорусские князья просто, как Рюриковичи, обязаны были присоединить Киев к себе. Если Киев остался бы во владении северных князей, то отпадение Киевского княжества, а возможно и всей Украины от Руси, было бы исключено.

Кроме всего, к подобным действиям наших князей принуждало очевидное и неотвратимое нашествие кочевой империи. Здесь простой патриотизм диктовал присоединить Киев к Северо-Восточной Руси как единственное средство сохранения целостности государства. Что было исторически верно. Так что это был необходимый и очень важный поход, да иначе так далеко в такое тревожное время не ушёл бы Ярослав, оставив 15-летнего Александра одного в Новгороде.

Отдавая все силы борьбе, одни — с крестоносным нашествием на севере, другие — в водовороте западных собы-

---

[298] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 210. «…в 1230 г. ибо известно, что по возвращении из похода князь Василько Романович отправился в Суздаль на свадьбу Всеволода Юрьевича, женившегося на Марине, дочери Владимира: Рюриковича Киевского».

[299] ПСРЛ, Т. II (ипат.). 2-е изд. СПб., 1908. Стлб. 775-777, и откроется достаточная картина.

тий, русичи, тем не менее, бились за благо Родины, ожидая после каждой последующей битвы улучшение жизни на Руси, и даже не предполагали, какие всем испытания уготованы впереди. А бурный поток времени, движимый неумолимой волей Божией, вдруг вместо тихой и так давно ожидаемой гавани понёс всех в бушующее море.

ОКОНЧАНИЕ СТАРОГО МИРОУСТРОЕНИЯ

В этот же 1235 год в глубине Азии происходит важнейшее событие. В Северной Монголии в Коракаруме (это Приамурье) на курултае (собрание и совет всех монгольских ханов) великий хан Угедей, сын Чингисхана (сам Чингисхан умер в 1227 г.) возгласил о начале «Великого западного похода», курултай всецело поддержал решение своего хана. Подготовка к походу была завершена, передовые отряды давно ждали в Поволжье, весь многотысячный путь подготовлен, проведена тщательная рекогносцировка.

Что для самих монголов значил этот поход, можно судить по его составу. Для начала скажем, что у Чингисидов четыре первых сына (при этом матери разные) считаются главными наследниками великого хана. Глава похода — хан Батый — это сын Джучи, старшего сына Чингисхана, он глава похода потому, что война будет проходить на территории его улуса (удела), с ним его братья Хорду (Хайду) и Тангут. Далее идут в поход Байдар, Кодген и Бури — сыновья, а последним — внук «хранителя Ясы» Джагатая, второго сына Чингиса. Потом Гуюк и Кадан — сыновья великого хана Угедея, третьего сына Чингиса. Также участвуют в этом походе Мунке и Бочек, сыновья Тулуя — это младший сын Чингиса, и ещё несколько царевичей, повествует Джувейни[300]. Соответственно, все со своими полками. Главный воевода — непобедимый Субедэй Багатур. В походе соответственно принимают участие воины со всех улусов. Таким образом, представлен весь цвет дома Чингисидов, как

[300] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Т. 1. С. 185.

бы олицетворение всей империи, в этом чувствуется некая даже торжественность, триумфальность. Вполне осознают Чингисиды значение европейского похода.

Многие считают, что основной задачей похода было установление окончательного господства в степях. Безусловно, Чингисиды — кочевники, при всем многообразии их империи собственно их «жизненное пространство» — это кочевые просторы, кочевой уклад выстроил их державу и законы. Пока что их кочевья доходили примерно до середины нынешнего Казахстана и Южного Приуралья. В западной же части степи Дешт и Кипчак — это Поволжье и остальное Приуралье, кочевали Великий Булгар и кочевые государственные образования саксинов и кипчаков (у нас половцы). Далее в степях, включая Подонье и Причерноморье, где тоже кочевые угодья, по-прежнему их враги — те же половцы.

Вполне понятно, что только при полном господстве в степях могла продолжать своё существование держава монголов, при этом кочёвка в степи враждебных или неподконтрольных ей образований была неприемлема. Это как если бы европейская армия захватила огромный город, где собиралась жить, и вокруг города жили кочевники, которых следовало покорить, но ряд кварталов в самом городе был пока захвачен враждебной стороной. При такой постановке вопроса, естественно, сначала покоряется остальная часть города, то есть на первом месте безопасность внутри, в собственном жизненном пространстве, а потом уж все остальное.

Конечно, в «программе» похода было заложено покорение Европы, это было решено ещё самим Чингисханом после похода Субедея и поражения наших при Калке. (Мы говорили об этом в своём месте.) Однако монголы были хорошо осведомлены, и для них Русь — это совокупность независимых княжеств. При этом северо-восточные княжества — Рязанское и другие, включая, естественно, Владимиро-Суздальские земли, считались потенциальными про-

тивниками, а вот война южным княжествам, совершившим нападение на отряды Чингисидов при Калке, и Великому Булгару уже была объявлена и была неотвратима, так как это обязательное соблюдение закона. И, тем не менее, необходим предшествующий всему этому этап — установление полного господства в степях.

Начало похода — это прежде всего сам переход. Даже если воинов у монголов было тысяч сто двадцать[301], то у каждого обязательно несколько заводных лошадей, а с учётом вспомогательных служб и пусть самого необходимого обоза — это громадное скопление как людей, так и животных. Пройти этой армии надо было в общей сложности около 5 тысяч километров. То есть через всю Монголию выйти к Аралу, при этом основная часть пути проходит через пустыню Бетпак-Дала (пересечь пустыню возможно только зимой, тогда воду лошадям заменит снег), потом через весь нынешний Казахстан, чтобы выйти в приуральские степи, откуда прямой путь в Приволжье. Даже если их армия могла делать переходы по 25 км в день, и то переход должен был длиться не менее года. Однако монголы идут просто без отдыха, и к весне их армия сосредотачивается в двух возможных плацдармах, откуда собственно и начинается военный поход.

Эта армия выступает «ранней весной 1236 года с верховьев Иртыша и с Западного Алтая. Пройдя широким фронтом через исторические Урало-Каспийские ворота, она в июне была уже на Волге». Там они с марша начинают военные действия. Батый делит войско на две части и начинает наступление по двум направлениям одновременно. Левое крыло с главными силами, возглавляемое самим Батыем, пошло на завоевание сопредельных Руси степных пространств от Прикаспия до Приазовья. «Правое крыло во главе с Субедеем направилось на Булгар, Великий Булгар был стёрт с карты мира». «По историческим данным, они подверглись почти поголовному истреблению, и толь-

[301] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 298.

ко небольшому числу нарочно оставленных в живых была предоставлена возможность бежать перед монголами, распространяя весть об участи камских болгар»[302]. Последние действия Субедея — это психическое давление, для того, чтобы морально сломить будущих противников. И в самом деле, все приволжские народы в страхе покоряются монголам.

Только теперь, в самом конце этого 1236 года, о военных действиях татар становится известно в Киевских землях нашему князю Ярославу. Он оставляет Киев (который был им взят) черниговскому князю Михаилу, «не мога его держати»[303], записано в Ипатьевской летописи о суздальском князе Ярославе в записях самого конца 1236 года. Пусть пишут, мы увидим, как южане распорядятся «стольным градом», семь раз переходил Киев из рук в руки только с 1235 по 1240 год, они просто добьют «мать городов русских», сами в конечном итоге убегут, бросив город на произвол монголов.

А сейчас Ярослав срочно направляется домой, и нам очень важно, что делал отец Александра Невского в этот период. Конец года — это зима, и путь, «мягко говоря», не близкий. Нам, жителям России, легко представить расстояние от юга Украины, Киева, до Новгородских земель. Если взять само расстояние, то оно меньше, чем прошли монгольские войска, только у наших воинов точно нет монгольского опыта и совершенно другая ситуация.

Свой путь монгольская армия шла зимой по пустыням, степям и равнинам, да, пусть трудно, но это наиболее быстрый из возможных переходов для армии кочевников. В случае Ярослава Всеволодовича путь также предстоял зимой, однако, это был крайне трудный путь, где большую часть составляют леса либо пересечённая местность, а занесённые снегом лесные дороги труднопроходимы, при этом

---

[302] Там же. С. 298-299.

[303] ПСРЛ, Т. II (Ипат.). 2-е изд. СПб., 1908. В самом конце 1236 года, стлб. 777.

морозы не облегчают ситуации, и это «русские», а не азиатские морозы. Дальше, у монголов армия конная — у суздальского князя, как минимум, наполовину пешая. То есть общая скорость войска в момент перехода — это, в лучшем случае, скорость быстроидущего человека. У монголов отдохнувшие воины и кони, полное обеспечение провизией и фуражом, а наш князь — после длительного похода и неудачной войны, то есть совершенно изнурён сам и крайне ослаблено войско, а выступают они в зиму. Сколько такой армии нужно времени, чтобы добраться от Киева до Новгорода?

Как бы ни хотелось, но нам необходимо разобраться в этих событиях, это очень важно и в дальнейшем объяснит многое. Но не будем забегать вперёд, а, наоборот, взглянем, сколько же времени Ярослав шёл на юг, тогда, в начале похода? Время выхода суздальского князя нигде не указано, либо упоминается одновременно со взятием и оставлением Киева, что невозможно практически, однако, не важно для летописца. Но последние военные действия Ярослава дома — это разгром немцев в начале 1234 года[304] (мы описывали это в предыдущей главе) и незначительные победоносные конфликты нашего князя с Литвой летом того же года. Потом Ярослав явно отсутствует, мы также в предыдущей главе говорили о крупном прорыве Литвы в 1235 году, на который вряд ли решились литовцы, если бы отец Александра со своими полками был на месте.

Если предположить, что решение о киевском походе созрело во время поволжского похода — в 1232-1233 годах, что вероятнее всего, ведь тогда точно стало известно о приближении монголов, то великий князь Юрий должен был отправить брата с войском сразу после того, как отдохнёт войско. Немцы его задержали, но были разбиты весной 1234 года, потом в начале лета небольшие проблемы с литовца-

[304] ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 73.

ми, также победоносно закончившиеся[305], и всё, после этого, вероятнее всего, сразу суздальское войско ушло на Юг. Во-первых, тянуть больше было нельзя, а во-вторых, уже в конце 1235 года Киев был взят суздальцами[306]. То есть, предположительно год понадобился тогда для перехода к Киеву, при этом вышли летом, войско хорошо отдохнувшее и обеспеченное всем необходимым.

Оставим пока князя Ярослава Всеволодовича в самом начале его тяжёлого похода домой, лишь добавим — мы перечислили не все его трудности, но будем всё переживать в своё время, иначе запутаемся.

Тем временем: «Пока Субедей расправлялся с болгарами, Батый с главной силой завоевал земли половцев, буртасов, мокшан, мордвы и черкесов, завладев к 1237 году всем степным пространством от Каспийского до Азовского морей до южных границ тогдашней Руси. Здесь в прекрасных, с точки зрения степняка и скотовода, южнорусских степях армия Батыя провела почти весь 1237 год»[307]. После разгрома половцев, монголы преследуют их хана Катяна, тот жмётся к венгерской границе, надеясь найти прибежище там, и ему удаётся вырваться в Венгрию. Дотягивают-таки половцы до границ Западной Европы, тем самым расширяя границы театра военных действий, соответственно, вовлекая в войну новых и новых участников[308].

Итак, полыхают войны по всей восточной и южной границе Руси целый год, и всё это на глазах у наших князей, не говоря уже об участи булгар, которая, без сомнения, была известна всем и в подробностях. Скажем так, кто хотел узнать о монголах подробно, тот имел такую возможность

---

[305] Там же.

[306] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 220. Этот год стоит в ПСРЛ, Т. II (Ипат.). Стлб. 777.

[307] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 299.

[308] Чтобы попасть в Венгрию, например, неизбежен переход через Галицко-Волынские земли. См. карту: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжкства XII-XIII вв. М., 1982. С. 471.

на протяжении целого года. Вот чего невозможно предположить никак, так это того, что кто-то из наших или любых сопредельных со степью князей, мог не знать, что рядом мощнейшая армия покоряет и завоёвывает все степные народы, тем более половцев. Уж наверное последние прибегали не раз за помощью, да только теперь кто им поможет после предательства на Калке?

Скажем, что неведения в отношении монголов не было и раньше, как не было и теперь при Юрии II. Монголы вели самую оживлённую международную политику: «Русь лучше знала о происходящем по тревожным сообщениям из Булгарии, с Кавказа, от половцев, да и монгольские посольства то приходили во Владимиро-Суздальскую Русь с предложением мира, то проходили через Русь в другие страны, князь Юрий Всеволодович принимал их и отпускал, он же перехватил одно из них с письмом к королю Беле IV, от которого, по словам доминиканца Юлиана, ханы требовали покорности»[309].

Александру Ярославичу 16 лет, он один на северных границах Руси, отец со своими полками далеко на юге; и что там происходит, неизвестно, а дома всё опасней. За этот год папская курия успевает в соответствии с событиями переорганизовать своих рыцарей. Дело в том, что пока орден меченосцев свирепствовал со своими союзниками от Двины до Нарвы, их собрат — Тевтонский орден захватывал земли пруссов и славян, так же лютуя на Повисленье, в конечном итоге укрепившись на побережье Северной Пруссии. Тевтоны построили там ряд крепостей.

Безусловно, такие территориальные «операции и Ливонского (меченосцев) и Прусского (Тевтонского) орденов были возможны только потому, что они получали непрерывную и всё возраставшую поддержку крупнейших политических сил католической Европы — империи и

[309] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 284.

папства»[310]. Единство целей и управления теми и другими рыцарями (во избежание взаимных помех) логически неизбежно должно было привести их к объединению орденов. А объединение, как часть выполненного плана, так же логически, ставило перед ними следующие задачи — завоевание и порабощение Руси и подвластных ей народов.

Папа Римский пытается извлечь всё возможное из сложившейся ситуации. И в то время, когда вокруг Руси вся степь содрогается от топота монгольских боевых коней, превращаясь в территорию империи Чингисидов, а сама Русь с каждым днём становится ближе и ближе к неравной войне с этой империей, в это же самое время: «Папская курия после длительных переговоров, весной 1237 года, в своей резиденции Витербо, под Римом, добилась объединения орденов Тевтонского и меченосцев в один, Ливонский, орден (это будет целое государство). При этом магистр меченосцев становился ландмейстером тевтонов, а тевтонский Герман фон Балк — провинциальным магистром, и осенью того же года он привел первые отряды тевтонов в Ливонию. С особой миссией туда же прибывает папский легат Вильгельм Моденский, он реализовывает секретный договор папы с орденом о территориальном пересмотре границ между союзниками[311].

Единственные, кого не спрашивали об этом, были сами народы, там живущие, при этом обязательно имеются в виду территории Руси, то есть крестоносцы готовятся к массированному вторжению на наши земли. Русь оказалась зажатой со стороны юго-востока армией империи Чингисидов, с северо-запада — объединёнными силами папской курии. Давление последней практически не ослабевало, а теперь, после такой консолидации крестоносных сил, достигло наибольшего напряжения. Тем временем наступило то лето 1237 года, когда монголы закончили завоевание сте-

[310] Там же. С. 238.

[311] Там же. С. 238-239.

пей вокруг Руси. Нашему Александру исполнилось 17 лет, он новгородский князь (который оставлен без привычной и крайне необходимой поддержки отца), земли которого крестоносцами открыто поставлены под удар, а сами рыцари с папой уже рачительно делят эти земли между собой. При этом в Новгороде тишина, то есть никакой смуты, юный князь справляется с управлением и ведёт себя так, что все в нём уверены. Это в 17-то лет и в Новгороде.

Во всех книгах про Александра Невского большую часть текста составляют эпитеты и хвала — это заслуженные эпитеты и достойная хвала нашему князю, но это малоинформативно. Одно дело похвалить героя, другое — рассказать о том, в какой ситуации он оказался, тогда становится понятен и сам подвиг, и его последствия. Мы решили, насколько возможно, следовать последнему. Летом того же года: «После завершения боёв в Поволжских и Причерноморских степях в конце лета 1237 г. на совете Чингисидов принято было решение о наступлении на русские княжества»[312].

При их уровне разведки они прекрасно знали, что впереди государство из отдельных княжеств, некоторые из которых враждуют между собой. То, что один язык и одна религия, их не смущало, подобная ситуация была во всей Великой Степи, там тоже княжества разные, а язык примерно один — тюркский. Очевидно, что если им и было что-то не известно о Руси, то они за время, пока воевали в наших окрестностях, эти пробелы восполнили. Началось монгольское вторжение на Русь.

А посему, оставим все, теперь нам должно перенестись туда, где, сосредотачиваясь на рубежах нашей родины, империя Чингисидов, никого не спрашивая, закончила старую и начинала новую эпоху в мировой истории.

Никто и никогда не изменял так кардинально, так быстро и бесповоротно лик целого континента, полностью и

[312] Акимбеков Султан. История Степей. С. 248.

навсегда изменив веками создававшуюся расстановку международных сил. Монгольская волна, поднявшаяся в степных просторах Азии, набухла, достигла и шквалом рушилась на Россию. Батый шел исполнить решение курултая, ему надлежало завоевать степные просторы в этой стороне континента и, согласно закону, покарать народы, совершившие военное нападение на монгольских воинов. На Русь несли войну, и те, кто нёс её, — монголы — считали, что не ими эта война начата.

Для нас же как бы ключом для понимания личности князя Александра Ярославича является тот фактор, что, когда ему исполнилось 17 лет, закончилось прежнее, знакомое мироустроение, а о предстоящем не мог знать никто. А теперь к монголам.

ЧИНГИСИДЫ В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ

Теперь, если мы хотим понимать далее происходящее на Руси, нам должно узнать о империи Чингисхана[313]. Просматривая предыдущие эпохи, мы пока вглядывались в Чингисидов, так сказать, по мере их приближения, и вот они лицом к лицу с русичами (с нами). Кто же они? В первую очередь, когда говорят «Чингисиды», имеют в виду прямых потомков основателя кочевой империи — Чингисхана, а в общем — всех его последователей, составляющих ядро этой империи.

Ко времени похода хана Батыя, Чингисиды владели землями от Каспия до Тихого океана. При этом, их завоевания по верхней границе от Южного Приуралья шли, включая Арал, далее, захватывая Западную Сибирь, доходили до Приенисейских степей, занимали Забайкалье, Приамурье и Манчжурию, почти весь Китай (кроме Южного), Тибет, всю Среднюю Азию и Великую Степь. Захватили все земли до Нижнего Каспия и завоевали большую часть Багдадского халифата, включая сам Багдад[314].

Эта территория в пять раз больше территории всей Западной Европы, практически вся основная центральная часть Евразии, где размещалось множество народов и государств. Чингисиды разгромили армии, которые зачастую во много раз превосходили их по численности, завоевали все эти государства, при этом непокорных уничтожая, а

---

[313] Мы сохраняем русскую форму имени Чингис, вместо персидской Чингиз. Вернадский Г. В. История права. С. 146.

[314] Нагляднее всего размеры завоеваний Чингисидов видны на карте. Например, Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 2004. С. 407.

их население присоединяя к своей империи, оставляя не тронутыми их быт, образ жизни и религию, накладывали посильную дань, гарантируя за это защиту от любых врагов. И народы, покорившиеся Чингисидам, этой империи были преданы.

Чингисхан быстро разгадал и воспользовался движущими силами, давно влиявшими на судьбы Средней Азии и Востока. Используя равно капитал, торговлю, как вообще любые финансовые возможности и влияние этих многих стран, начиная от государственных структур до караванных купцов, мусульман, турок и прочих, это при том, что караванные пути составляли серьёзные статьи доходов множества стран. Он, объединив всех кочевников единым для всех законом, обратил деятельность всех вышеупомянутых сил на благо своей империи. При этом очень умело распределил экономические и прочие ресурсы, оказавшиеся в его руках[315].

Увеличивая свою армию за счёт покорённых народов, монголы впитывали в себя опыт и культуры завоеванных стран. Они активно использовали для империи как искусство, знания и достижения ученых, так и опыт политиков с чиновниками в управлении и организации своей державы. Напомним, что Восток тогда, бесспорно, превосходил, например, Западную Европу в научном, техническом и культурном отношении[316].

Чтобы представить военную мощь этой державы на тот момент, скажем, например, что на том же курултае в 1235 г. монгольские вожди решили предпринять четыре наступательные кампании одновременно: две на Дальнем Востоке — против Кореи, которая восстала после своего первого подчинения, и против империи Сун в Южном Китае; одну на Ближнем Востоке — против Ирака, Сирии,

---

[315] Очень хорошо охарактеризовано общее положение: Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Отд. 4, § 1-2.

[316] Вернадский Г. В. Звенья русской культуры. С. 114-115.

Транскавказа и сельджукского султана в Малой Азии; и одну на Западе — против Европы[317]. То есть Чингисиды одновременно вели победоносные войны на трех совершенно разных направлениях и на громадных расстояниях. А чтобы оценить их воинское искусство, вспомним, когда, ещё не закончив войну с сильнейшей державой того времени, Багдадским халифатом, Чингисхан спокойно отправил небольшое для такого дела войско из трёх туменов в поход за Каспий. Войско это сразу сократилось до двух туменов (мы описывали выше эти события), и его не увеличили, но отправили с лучшим воеводой в поход, который сами монголы считали просто набегом.

Субедей и Джебэ обошли Каспий с Запада, подчинив себе народы, там живущие. Далее, везде с боями, по сложной горной местности, но победоносно, эти двадцать тысяч прошли через Кавказ, разгромив грузинские войска, потом Прикавказье, где разбили соединённые войска ясов, касогов и прочих в союзе с половцами. Затем в Крыму захватывают Судак и разгоняют там кочующих половцев, далее без передышки, через Причерноморские степи, вышли на юг Руси. На русских рубежах сразу битва с противником, втрое превосходящим монголов по количеству воинов (это битва при Калке). Монголы разгромили это втрое превосходящее их войско и спокойно ушли. При переправе через Волгу, то есть в труднейших и самых невыгодных условиях, на них нападает войско Великого Булгара, здесь уже с трудом, но отбиваются воеводы Чингисхана.

Очень показательно то, что когда они подошли к русским рубежам, их было примерно 25 тыс. (видимо, поэтому в ряде источников указано 3 тумена), то есть больше, чем вышло в самом начале, и это после стольких боёв. Пусть кто-нибудь скажет, что это вроде бы и неудивительно, так как они присоединяли пленных и использовали их в трудные моменты в опасных местах битвы. Да, для большой ар-

[317] Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 12.

мии это неудивительно, но для такого небольшого войска, которое у монголов было в тот момент, такое невозможно. В самом деле, за пленными «глаз да глаз», тут нужно особое охранение, а идти в бой рядом с врагом — это прямой и очень надёжный способ самоубийства. Монголы не новички и в бой могли идти, только если были уверены в соратнике. Следовательно, те, кто присоединялся к Субедэю, делали это добровольно, раз монголы им доверяли.

После всего этого они ушли на Сыр-Дарью и присоединились к Чингисхану, с которым, при всём этом, у них было постоянное сообщение. «Вдоль пройденного пути устанавливаются почтовые станции для связи с главной ставкой…» Разведка передаёт в ставку сведения о Руси, выясняя с точностью, чего можно ожидать в будущем от этой страны и населяющего ее народа. При этом, после взятия Крыма и выхода к южно-русским степям «…они свою кружную и небезопасную коммуникационную линию через Кавказский перешеек заменяют новой, проходящей через низовья Волги и недавно покоренные урало-каспийские степи в Туркестан; по этой линии налаживается с Чингисханом вполне удовлетворительная связь»[318].

Первое, что бросается в глаза, — это то, что как в завоеваниях больших, так и в небольшом, по их меркам, походе явно заранее обдуманный план строго и чётко приводится в исполнение, невзирая на то, с какими бы трудностями монгольским воеводам ни пришлось столкнуться. Кроме безусловной личной преданности правителю и высокого воинского искусства, здесь очевидна строгая дисциплина, высшая военная организация, мощная экипировка, прекрасная материальная база и хорошо налаженные службы обеспечения. В этой связи интересны данные генерала Иванина, военного эксперта в этой области: «…Цифры, показывающие количество машин, введенных ими (монголами) в дело (ещё до битвы при Калке) при осаде Нишапура:

[318] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 221.

3000 баллист (машины для прицельного действия) метали преимущественно большие стрелы, 300 катапульт (машины навесного действия), 700 машин для метания горшков с зажженной нефтью. Для штурма было заготовлено 4000 лестниц и 2500 вьюков камня (для засыпки крепостного рва)»[319].

Теперь представим себе колоссальные размеры их завоеваний, задумаемся, а после этого — давайте-ка отбросим высокомерие и признаемся: для отсталых и диких кочевников подобное нереально. Поэтому, если мы хотим разобраться и верно оценить дела наших князей, нужно с трезвой головой и внимательно взглянуть на монголов, ведь мы из будущего, и множество прекрасных ученых исследователей своими трудами нам такую возможность предоставили. Да, здесь нужно терпение, но результат того стоит.

Зачем терпеть? Об этом хорошо сказал монах Иоакинф (Н. Я. Бичурин), первый, кто начал серьёзно изучать народы Великой Степи. Так вот, его «Записки о Монголии» начинаются с дневника поездки от Пекина до российской границы. Эту первую часть книги мало кто назовёт увлекательной, но автор настоятельно поясняет: «Хотя путь от Калгана до Кягты лежит большею частию бесплодными, малообитаемыми степями, но если читатель, для избежания единообразия, не пожелает следовать за мною от станции до станции, то не получит истинного понятия о пустынях Монголии, а без сего не в состоянии будет судить о племенах, вечно скитающихся по оным»[320].

Подобным образом нужно судить и о нашем скромном изыскании. Ведь в самом деле, эпоха, в которую жил Александр Невский, начинается с пришествия монголов, это, и только это, является основным фактором, повлияв-

---

[319] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 231. Сноска на Иванина М. И., генерал-лейтенанта. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб., 1875. С. 25.

[320] Иоакинф [Бичурин Н. Я.], архим. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иоакинором. Т .1. Ч. 1. СПб., 1828. Л. 6 (в предуведомлении).

шим тогда на судьбы всего мира, в центре именно этих событий жил Александр. В то время формировался сам образ великого князя, все дела его продиктованы теми условиями. Всё чудо в том и состоит, что «один на один» остался Александр Невский как с империей Чингисидов, так и с объединёнными силами папской курии, а равно и с теми в родном отечестве, на кого должно было бы ему опереться. И мы проследим его подвиг и увидим результат, который сокрыт уже в том, что пишущий эти строки и всё остальное множество русских людей — дети величайшей державы. Но, только разобравшись в том, чем являлась тогда империя Чингисидов и кем были сами монголы, мы сможем увидеть «механизм» происходящего в ту эпоху, если не вполне понять, то хотя бы рассмотреть видимые шестерёнки этого механизма. Без этого не имеет смысла рассуждать ни о времени Александра Невского, ни о нём самом… «Слышащий да услышит».

НАРОД — МОНГОЛЫ

Итак, за дело! Империя Чингисхана, как и все другие кочевые империи, рождена в Великой Степи, которая является центральной и огромной частью Азии. Вот она Азия: «Колыбель бесчисленных народов и племен, родина кровавых завоевателей, источник мифов и легенд, мать всех религий, почва, питающая около миллиарда (сейчас во много раз больше) человеческих существ, — такова Азия»[321], — сказано, кажется, предельно информативно. После этой цитаты Западная Европа сразу воспринимается, как небольшая окраина континента, оказываясь незначительной, какой-то малолетней и неосновательной, являясь в реальности пусть и большим, но обычным полуостровом великого материка — то есть становится на своё законное место. Этой краткой характеристики Азии для нашей работы достаточно. Возвращаемся в степи к монголам.

Перед попыткой понять их самих, попытаемся представить, кто они и откуда. Одну из самых основополагающих работ по истории Востока, где описываются народы Средней Азии, написал историк XIV века Рашид-Ад-дин. Это «Сборник летописей» — «Джами ат-таварих». В том месте, где он описывает историю тюркских народов, в частности говорится: «Народности, которых в настоящее время называют монголами, однако, вначале их название не было таковым, … (на местах многоточия перечисляются названия множества народов, причисленных летописцем к монголам). Это сборище народов многочисленно… Сло-

[321] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 25 (во вступлении).

во "монгол" стало названием их рода, и это название переносят теперь на другие народы, которые похожи на монголов …последние же (монголы) были одним из тюркских народов»[322]. При этом род монголов историк прослеживает с самых древнейших, доисторических времён.

Может быть, достаточно просто привести свидетельство признанного историка средневековья, доказывающего древность происхождения монголов, тем не менее, для большей уверенности, подкрепим себя выводами русского исследователя прошлого века. Его работы основаны на многих арабских, китайских, сирийских тюркских и монгольских источниках. Здесь важно, что для чистоты исследования автор исторических работ изучил все эти языки и читал источники в подлиннике, при этом издал два учебника китайского языка, которыми пользуются по сию пору. И этот автор — монах.

«Монголы и тангуты воевали с Китаем ещё в X веке до Р. Х., успех был переменным, но когда Китай преобразовался в семь сильных царств, монголы и тангуты не смогли удержаться в завоёванных землях и оставили Китай»[323]. Господство в степях со временем переходит к древним хуннам, родовые корни которых уходят более чем в полуторатысячную глубину до Р. Х.[324] При этом говорится: «Хунну есть древнее народное имя монголов…»[325], и автор обосновывает

---

[322] Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л., 1952. С. 77.

[323] Иоакинф Бичурин, архм. Собрание сведений о народах, живших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. Предуведомление, л. 5-6. Там же, кроме прочего, говорится, что: «Ди было общее название разным поколениям монгольского происхождения, кочевавшим на севере Китая, в нынешней Южной Монголии…».

[324] Там же. Ч. 1. Во введении к 1 части, раздел «Хунну», с. 1: «…сын последняго государя из династии Хя, удалившийся в Монголию въ 1764 году до Рождества Христова, почитается основателем первой монгольской династии Хунну».

[325] Иоакинф Бичурин, архм. Собрание сведений о народах, живших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. В разделе «Хунну», с. 1, в сноске № 1. А на с. 2, в сноске, снова утверждает: «…т. е. Хуньюй, Ханьюнь и Хунну суть три разные названия одному и тому же народу, известному ныне под названием Монголов».

это как опытный языковед и лингвист. Нам как-то трудновато верить китайским летописям, однако отец Иоакинф поясняет своё к ним доверие: «Известно, что китайская история писана и пишется правительством съ актовъ и фактовъ современныхъ»[326]. Теперь, если учтём, что письменность у них появилась 1500 лет до Р. Х., то окажется, что там просто каждое поколение записывало события конкретно своего времени, из тысячелетия в тысячелетие. Другим же странам приходилось опираться то на документы современников, то на различные предания. При таком положении естественно, что в первом случае факты более надёжны.

В заключение сделаем особое ударение на том, что это не просто записки некоторого монаха (он, кстати сказать, был в сане архимандрита), но серьёзнейшие исторические труды, на которые было затрачено множество лет, труды признанные и изданные Императорской академией наук, которая удостоила их автора Н. Я. Бичурина — архимандрита Иоакинфа — Демидовской премии. Но, даже учитывая всё вышесказанное, взгляды китайских летописцев и их политическую окраску событий, мы не берём во внимание, а только извлекаем даты событий и удостоверяемся в самом факте события.

Итак, разъяснив примерно (точность здесь невозможна), откуда и от каких народов произошли монголы, вернёмся к дальнейшим событиям. Хунны постепенно окрепли так, что ко II веку до Р. Х. уже сами накладывали дань на Китай[327]. Держава хунну стала совершенным гегемоном на территории Великой Степи — от платившей им дань «Империи Восходящего Солнца» до Каспия. Все кочевые народы были подчинены этой державе так же, как, безусловно, ею контролировались все караванные пути и любая другая деятельность на подвластных им территориях.

---

[326] Там же. С. 3.

[327] Там же. В самом начале, в предуведомлении, л. 6: «…когда дом Хань заступил место его (дома Цинь), ...как с севера пришли хунны в больших силах, и хан Модэ наложил дань на Китай».

И далее на всём протяжении до интересующего нас времени на кочевых просторах Азии возникали сильнейшие кочевые государственные образования. Вот обобщение отца Иоакинфа: «…на всей полосе Средней Азии от Восточного океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну …потомки их по прошествии 2000 лет находились в тех же пределах… Здесь важно заметить, что Китай со времени открытия монголов, тунгусов и тюрков доныне всегда находился в политических связях с помянутыми народами…»[328]

Указание на политические связи Китая с кочевыми державами важно как обоснование того, что, раз уж политические связи у кочевников были с Китаем, то, безусловно, подобные связи были и со всеми сопредельными государствами, не могли же они общаться только с одной страной. Соответственно, неизбежно приобщение к культуре, быту, техническим новшествам самых разных народов, уж не говоря о народах, входивших в состав этих кочевых империй. При этом Китай, Тибет, Индия и государства Ближнего Востока были, кроме того, что древними и наиболее на тот момент просвещёнными в мире, ещё были и сопредельными государствами, а иногда даже частично входили в состав кочевых держав.

Нужно отметить, что характер кочевого образа жизни делал любое распространение, от технических достижений до простого известия, особенно быстрым. Наиболее значительными гегемонами Великой Степи, а практически и всей Средней Азии, господствовавшими там на протяжении веков, были державы хунну и тюрков. Были и другие, некоторые добрались до правления даже в самом Китае[329], и монголы всегда были в составе этих государственных образований уже в силу своего кочевого образа жизни и без-

[328] Иоакинф Бичурин, архм. Собрание сведений о народах, живших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. В предуведомлении, л. 7.

[329] Например, Сяньби. Дом Тоба. Там же. Ч. 3. С. 187.

условно были на том же уровне развития, воспринимая его естественным образом, наравне развиваясь и передавая этот опыт у себя из поколения в поколение.

Кстати, если кому-то интересно узнать о названии «татары», то отправим к тому же автору. Об этом имени для нас достаточно того сведения, что был в составе монгольской армии народ по имени татары, в частности в армии Батыя. Этим именем обобщённо называли и некоторую часть тюркоязычных народов. В Европе сначала именно в России монголов стали называть татарами, а потом это привилось и на Западе. А китайцы называли татарами северных монголов[330]. Но это была часть монгольских народов, ничем не выделяемая и ничего не изменяющая[331].

Западная Европа более других чернила монголов, но исторически подтверждённым фактом является то, что примерно за 2000 лет до того, как вообще появилось такое понятие, как, скажем, «франки», и почти за 1000 лет до возникновения Рима, монголы уже имели место в истории. И место это было, видимо, значительным, если дела их записаны задолго до того, как у самих монголов появилась письменность, и записаны теми современниками, у которых она (письменность) уже была.

Однако наш краткий экскурс в древность Средней Азии будет неверным, если мы не укажем ещё на один аспект, имевший на самом деле колоссальное влияние на развитие народов. Это влияние, часто оставаясь сокрытым, но неизменно действующим на сакральном уровне (как сказали бы сейчас, на уровне подсознания), в самом деле является ведением Божиим. Мы имеем в виду то, что на развитие народов Великой Степи оказали влияние все пять основных религий, видимо отсюда общеизвестная веротер-

---

[330] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель С. 39. «В отличие от южных, культурных монголов китайцы северных монголов называли черными (или лесными) татарами».

[331] Иоакинф [Бичурин Н. Я.], архим. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом.Т. 1. Ч. 2. СПб., 1828. С. 221 и далее.

пимость монголов. При этом вера Христова проникла туда не очень-то поздно: «Признание христианства официальной религией Римской империи (начало IV века) вызвало гонения на христиан в Персии, и часть христиан из Персии выселилось в Туркестан. В 334 г. упоминается христианский епископ в Мерве. Значительное распространение получило у турецких (тюркских) народов Евразии несторианство ...отколовшееся в V веке от Вселенской Православной Церкви»[332]. Туркестан всегда являлся частью степных держав, а епископ означает наличие епархии, что говорит о законном существовании христианской религии в Средней Азии уже в IV-V веках. Не была чужда, значит, Великая Степь христианства с самой ранней эпохи.

Далее держава тюрок, возникшая в начале VI века, в VII-м под ударами китайцев ослабевает, а в VIII-м от нападения ещё и арабов распалась, происходит политическая перегруппировка народов Евразии. В Монголии, например, возникает сильное государство уйгуров. Историки отмечают растущее религиозно-культурное развитие, одним из характерных признаков которого было распространение несторианства (было, к сожалению, и манихейство) среди тюркских народов. Со второй половины X-го и до начала XIII века — «... это время создания Хорезмского царства, откуда цепь тюркомонгольских держав протянулась на Дальний Восток»[333].

И наконец: «На север от Великой Китайской стены и Туркестана, в современной Монголии и южной степной полосе Сибири, в XIII веке возникает монгольская держава… Движению кочевников от Великой Китайской стены до Венгерской равнины и от Азиатских гор в Персию и Индию способствовало травянисто-степное пространство и “конно-железная” кочевая культура… Эта великая равнина служит “месторазвитием кочевой культуры”, имеющей около 3 тысяч лет исторической давности… Единство

---

[332] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. § 5. С. 11.

[333] Там же. § 8. С. 15.

кочевой культуры на всем протяжении степей определяется не только общим укладом жизни, но и общим характером быта, общественного строя, художественных вкусов, политических форм, религиозных представлений и глубоко отличается в существе своем от культур оседлых и земледельческих»[334]. Кочевники глубоко отличны от народов оседлых уже по самому своему существу. Пишет это калмыцкий историк, по роду кочевник, рождённый в кочевом улусе, который только после совершеннолетия начал жить среди оседлых народов и, естественно, лучше других историков осознающий различие этих народов.

Действительно, если, скажем, русичи с детства любили свой дом, город или село, по примеру отца учились сеять, пахать, обрабатывать землю, выращивать и сохранять урожай, строить дома и прочее, осваивать ремёсла, различные промыслы и жить от этих своих трудов. Даже охота у оседлых народов была другого качества, то есть просто промысел, или в случае князей и военных дружин промысел сочетался с военными упражнениями. Война при этом, всегда была для народа скорбной и нежелательной, а для правящих князей и дворянства — вопрос политики. К сожалению, назревали и происходили завоевательные войны, однако, необоснованные династически завоевания всегда были заведомо предосудительны.

Совершенно другое дело кочевники, которые никогда не знали жизни на одном месте, но любили степной простор, всю степь в целом, и, всю жизнь скитаясь по бесплодным землям и пустыням, переходили от кочевья к кочевью в зависимости от того, какое пастбище им необходимо для скота на тот момент. Питаясь от своих стад и разыскивая хорошие пастбища либо отвоёвывая их друг у друга. Всё другое, подчас самое необходимое, нужно было добывать с боем, это было необходимой и естественной частью их существования. У них нормальный образ жизни — это во-

[334] Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 27-28.

йна, они жили в другой экологической нише, где нет места домам и земледелию, но вместо этого — набеги, войны за получение дани или выкупа, за контроль и получение доходов с караванных путей, и так тысячелетие за тысячелетием. Война как образ жизни, образ естественный и единственный в силу их происхождения, даже охота у них не была промыслом в нашем понимании, но краткой войной с миром зверей, а добыча — законным трофеем. Совершенно отличная от нашей, тысячелетиями воспитанная психология, равно другой образ мысли, соответствующий только их образу жизни.

Суровые условия кочевой жизни (сами кочевники «не знали», что это суровые условия) делали степняков выносливыми и приспособленными более других к длительным переходам и устойчивыми к любым лишениям. Вот какие удивительные физиологические данные приводит один из наших источников к началу XX века: «Кочевая жизнь развивает необычайную память местности и изумительную зоркость. Нынешний монгол или киргиз за 5-6 верст замечает человека, спрятавшегося за куст или камень и выглядывающего из-за них. Он на дальних расстояниях распознает дым от разложенного костра, пар кипящей воды и т. п. Различает животных, людей за 25 верст на равнине, зверей, когда воздух прозрачен. Слух у кочевых народов также гораздо тоньше, чем у оседлых»[335]. Они были расой «всадников и воинов».

[335] Там же. С. 288.

ЧИНГИСХАН

Итак, народы, составляющие державу Чингисидов, приняли общее название — монголы — уже после их политического объединения в XII веке. Первым стал называться монголами род Борджигинов, когда ему удалось объединить в один улус несколько других родов, обитавших по рекам Онону и Керулену[336]. Род Борджигинов во второй четверти XII века возглавлял Кабул-хан, это при нем род Киют-Борджигин принял имя монголов, его внук Есугей-багатур был избран главой монголов, а от него в 1155 году родится Тэмучин — основатель великой империи. Вообще, до Чингисхана было двенадцать родов[337].

Темучин, будущий Чингисхан, родился в феврале 1155 года на берегу р. Онон, в урочище Делюгюн Болдок, по сию пору носящее это имя[338]. Настоящее полное имя — Тенгрин Огюгсен Темучин. Избран ханом и наименован

---

[336] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отд. 3, § 8, с. 45. В частности: «Географическое расположение монгольских племён в конце XII века было следующее: в Урянхайском крае (между Алтаем и истоками Енисея) — найманы, между ними и Байкалом — меркиты, между реками Орхоном и Керуленом — борджигины (собственно монголы), к югу от них кераиты, к востоку — татары… кераиты ещё в XI в. крещены чуть не всем народом».

[337] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 27-28. «По Рашид-ад-Дину и Санан-Сецену, Есугей-багатур был избран своими друзьями и двоюродными братьями главой своего рода Киют-Борджигин и родственного главного рода Нирун. Он имел еще трех братьев, их общим отцом был Бартам-багатур, который был сыном славного Кабул-хана. Родоначальником Чингисхана в двенадцатом колене считался Бюрте-чонос (что значит "бурый волк"), женатый на Гоа-марал ("прекрасная лань")».

[338] Там же. С. 27.

Чингисом. Полное монгольское имя — Делкян эсен Суту Богдо Чингисхан, что означает «Владыка мира, ниспосланный Богом Чингисхан»[339]. Интересно, что в день, когда родился этот «ниспосланный Богом», его отец Есугей взял в плен главу племени татар, с которыми тогда воевал и которых победил. Звали того пленника Те-му-чэн, и в честь победы именно его именем назван был Чингисхан. Так что, император монгольской империи был назван именем татарского вождя, а потом весь народ империи, по непонятным никому причинам, будут звать татарами. История любит удивлять нас интересными совпадениями.

Мы не будем описывать многотрудную и удивительную жизнь Чингисхана, это сделано множеством прекрасных писателей, снято большое количество фильмов, из которых некоторые даже соответствуют историческим фактам, так что любой желающий может внимательно проследить жизнь основателя Монгольской империи. И потом, в данной работе нам интересна держава монголов в целом, не более того. Во время крайне трагических событий своей жизни и общего упадка монгольских родов Темучин смог вести себя так, что завоевал уважение даже врагов, а его необычная харизма привлекала к нему честных и преданных людей, его любили и, не раздумывая, готовы были отдать за него жизнь. Именно это первое окружение нарекло его Чингисом, у монгольских шаманов это было имя светлого духа, которому поклонялись[340]. Действие этих людей, противопоставивших себя людям старой, изжившей себя традиции, было как неожиданный и сильный толчок, вследствие которого нарушилось политическое равновесие в Восточной Монголии.

Далее его выдающийся талант полководца приводит к тому, что в 1198 году Темучин завоёвывает и подчиняет своему роду превосходящие силы соседних монгольских же

[339] Хара-Даван Э. Чингисхан Великий завоеватель. С. 396.

[340] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. С. 87.

народов, татар и меркитов, открывая для себя путь к верховной власти в Монголии. «Военный авторитет Темучина при этом настолько поднялся, что на съезде борджигинских и близких им родов Чингис был провозглашён ханом, то есть верховным вождём племени монголов»[341].

Непрестанно и победоносно воюя, Чингисхан становится могущественным владетелем почти всей Средней и Восточной Монголии. Он немедленно занялся переустройством войска на началах железной дисциплины, выделив особую гвардию, куда входила отборная тысяча «храбрых багатуров»-богатырей». «Когда внутренняя работа организации монгольского ядра была закончена, могла начаться мировая монгольская экспансия»[342]. Не сходя с седла, он заканчивает покорение и присоединение к себе остальных монгольских народов. «По возвращении из этих своих походов Чингис созвал у истоков реки Онона торжественный курултай — собрание старейшин всех племён и колен Монголии (1206 г.). Этот курултай был всемонгольским по своему составу… Имя Чингис и титул хана теперь подтверждены уже от имени всего монгольского народа (в широком смысле). Это было рождение Монгольской империи»[343].

Основатель империи умер во время похода на тангутов в 1227 г. «В момент смерти Чингисхана здание Монгольской империи было уже вчерне построено… Всю огромную свою империю Чингисхан рассматривал, прежде всего, как родовую вотчину своего дома. Чингисова "Яса" (кодекс законов) требовала беспрекословного повиновения его дому со стороны всех покорённых народов». Чингис вместе с тем ясно понимал важность технического образования и «при взятии неприятельских городов издавался всегда строгий приказ — щадить техников и "спецов", каковых брали на службу монголы, часто переселяя их из родного города

[341] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. С. 46.

[342] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. С. 87-88.

[343] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отд. 3, § 8. С. 47, в конце параграфа.

вглубь империи»[344]. Не отвернёшься никак от того факта, что очень характерно для этой империи такое качество, как разумность.

А теперь пример их послушания: «Если вдруг понадобится войско, издаётся приказ, что столько-то тысяч людей должны явиться в такое-то место и в такое-то время дня или ночи. Они не замедлят ни на час (назначенное им время) и не ускорят. И они не опоздают и не придут прежде времени ни на мгновение ока. Поведение и послушание их таковы, что если начальник тумена, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восток от заката, совершит оплошность, хан шлёт одного единственного всадника, чтобы наказать его, как будет приказано, если требуется голова, он отрубит голову, а если золото, то заберёт его у него»[345]. Комментарии излишни.

Чтобы добиться такого, подданные императора должны как-то особо его почитать, и был он почитаем не за одну строгость, личную отвагу либо выдающийся военный талант, это всё у него было с избытком, однако, не у него одного. Но только Чингисхан вдохнул в монголов гордость за свой народ, перевёл на другой уровень, придал новый смысл существования своим народам: «Чингисхан указал цель своим подданным. Вместо гибельных усобиц мелких племен между собою он внушил объединенному им народу идею всемирного владычества. Его жизнь была неизменно посвящена этой одной цели ...и именно он вдохнул в свое потомство способность… властвовать не только над их собственным степным царством, но и над завоеванными культурными странами азиатского Востока и Запада»[346].

Те, кто углублённо изучал историю этого человека, говорят: «Идеалом Чингисхана было создание единого царства человечества, так как только тогда, как он справедливо

---

[344] Там же. Отд. 4, § 2-3. С. 49-51.

[345] Джувейни. Чингизхан. История завоевателя мира. Ч. 1. С. 23.

[346] Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 35. (Ссылка на Краузе).

думал, прекратятся взаимные войны и создадутся условия для мирного процветания человечества, как в области духовной, так и материальной культуры …Этот завоеватель мира был прежде всего его непреклонным возродителем. Железом и огнем он открывал древние мировые пути для шествия будущей цивилизации»[347]. Как будто знакомый какой-то лозунг услышали, не правда ли? Трагедия в том, что самые страшные злодеяния начинались именно с подобных устремлений.

[347] Там же. С. 10. При этом автор цитирует Рэнка, и это мнение многих.

ЗАКОН

Так, хорошо, допустим, Чингисхан создал огромную, прекрасно вооружённую и хорошо организованную орду, которая становится непобедимой и имеет целью мировое господство. Мы согласимся также с мнением Краузе, что: «Чингисхан, несомненно, должен быть причислен к величайшим личностям всемирной истории»[348]. Да, личность в истории порой оказывает очень серьёзное влияние, но были и другие завоеватели, причисленные к великим личностям, как Александр Македонский и Наполеон, но завоевания их намного меньше, а державы рухнули либо ещё при их жизни, либо сразу после их смерти. Конечно, орда — это когда весь народ страны составляет одно войско; безусловно, в военном отношении это очень серьезное объединение, но были и раньше и будут позже в разных местах кочевые орды, однако, такого уровня ни до, ни после не достигал никто. Нет, для того чтобы достичь уровня империи Чингисидов, нужно что-то ещё. Что же это может быть?!

Наше глубокое убеждение, что это «Яса»[349] — свод законов, созданный Чингисханом. Это законодательство наполнило империю Чингисидов новым моральным содержанием и прочно её сцементировало. «Для всех монгольских племен Чингисова улуса “Яса” была опубликована, как полагают, на Великом Курултае в 1206 году, одновременно с провозглашением Темучина Чингисханом всей Великой

[348] Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 35.

[349] Яса или ясак (монгольское — дзасак, йосун) означает «постановление», «закон», более полная форма — Великая Яса.

Степи». Чингис призвал мудрецов для создания закона, смысл которого был в создании благоденствия для подданных[350].

Великая Яса состояла из двух частей. Часть первая называлась «Билик», это сборник изречений самого Чингисхана, который содержал в себе мысли, наставления и решения законодателя. Эти его высказывания всегда имели характер нравственного научения, а по мысли самих монголов, несли скрытый смысл, подобно высказываниям великих гуру.

Для иллюстрации приведём несколько самых кратких высказываний:

1. От добротности, строгости — прочность государства.

5. Всякий, кто может очистить внутри у себя, тот может очистить владение от воров.

9. Всякая лошадь, бегущая хорошо и в жирном теле, и если она побежит так же в полтеле, — такую лошадь можно назвать хорошей. Но нельзя назвать хорошей лошадь, которая бежит хорошо только в одном из этих положений.

Кроме подобных, но более длинных высказываний, также приводятся Чингисханом некоторые конкретные случаи из его жизни, которые он ставит в пример для своих подданных, подобно этому:

29. Однажды я ехал с Бурджи. Двенадцать человек на вершине горного хребта сидели в засаде. Бурджи ехал сзади. Я не дождался его и, понадеявшись на силу и мощь свою, кинулся в атаку на них… (далее следует рассказ о том, как хан был ранен и как Бурджи его спас от смерти, после

---

[350] Там же. С. 112. «В монгольской летописи “Чиндаманин Эрихэ” говорится: “По изгнании Алтан-хана китайского и подчинения своей власти большей части китайцев, тибетцев и монголов, Чингисхан, владея великим просветлением, так думал: законы и постановления китайцев тверды, тонки и непеременчивы. И при этой мысли, пригласив к себе из страны народа великого учителя и 18 его умных учеников, Чингисхан поручил им составить законы (йосон), из которых исходило бы спокойствие и благоденствие для всех его подданных ”».

чего заключение) …Причина тарханства (тархан — высокий начальник) Бурджи-нойона есть та, что в такое время он оказал похвальное старание.

Вторая часть Великой Ясы — «Джасак» — прямой и конкретный свод законов с указанием наказания, следующего за конкретный проступок. Из сохранившихся до нашего времени его фрагментов также приведём некоторые, скажем, те из них, которые характеризуют монголов отлично от традиционной истории.

1. Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет.

2. Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью.

3. Кто лжет с намерением или волхвованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступается между двух спорящих и помогает одному против другого, также предается смерти. (Такое называется интриганством, и нам, например, этот закон сейчас жизненно необходим.)

5. Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза.

10. …а также ни на кого из факиров, чтецов Алькорана, законодавцев, лекарей, мужей науки, посвятивших себя молитве и отшельничеству, муэдзинов и омывающих тела покойников, не были налагаемы подати и налоги.

11. Он постановил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному. Все это он предписал как средство быть угодным Богу.

12. Он запретил своему народу есть из рук другого, пока представляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий пленник; он запретил им есть что бы ни было в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей и шагать через огонь трапезный и чрез блюдо, на котором едят. (Этот закон, кроме

взаимоуважения, что тоже немало, был защитой от отравления, тогда очень распространённого.)

25. Он предписал султану учреждение постоянных почт, дабы знать скоро о всех событиях в государстве.

Из Вартана.

30. Чингисханова Яса запрещает ложь, воровство, прелюбодеяние, предписывает любить ближнего, как самого себя, не причинять обид и забывать их совершенно, щадить страны и города, покоряющиеся добровольно, освобождать от всякого налога и уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей его.

Из Макагии.

31. Яса предписывает: любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих, за нарушение — смертная казнь.

36. Строжайше воспрещается пользоваться чем-либо из вещей покойного, за исключением законных наследников. (Этот закон у монголов и по сию пору.)

57. Шпионы, лжесвидетели, все люди, подверженные постыдным порокам, и колдуны приговариваются к смерти. «Когда редакция книги была окончена, он (Чингисхан) велел эти законы вырезать на стальных досках и сделал их кодексом для своей нации»[351]. Приведённое выше — просто краткая иллюстрация сохранившихся фрагментов, на самом деле там содержались законы и предписания на все случаи их жизни, при этом всё законодательство было сориентировано на благо всех подданных империи.

Яса была по тем временам законом неслыханным, приспособленным конкретно к образу жизни Великих монголов и дающим стопроцентную гарантию благоденствия своим гражданам, мы здесь для знакомства только чуть коснулись некоторых статей. Обязательно смерть за неоказание помощи боевому товарищу или трусость в бою,

[351] Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 263-278.

а за убийство гостя или доверившегося тебе человека каралась вся семья. За предательство вырезался весь род (предательство считалось родовой порчей). За убийство посла карался весь город, за военное нападение — страна. Суровое наказание, до смертной казни, следовало также за обиду священника, монаха, нищего или поэта — это, наверное, самый красивый закон. Мы не имеем возможности здесь войти в более глубокое обсуждение Ясы, так как полного свода не существует, и приходится просматривать множество работ, чтобы составить конкретное представление. Тем не менее, источники указаны, и желающие пусть ознакомятся подробно[352].

Чингисхан, по словам Джувейни, «ввёл правило для каждого дела и закон для каждого обстоятельства, и для каждой вины установил кару». После чего всё это было записано в свитки, которые назвали Великой Книгой Ясы и положили в казну старших царевичей. А когда «соберутся царевичи и станут советоваться о делах государства и управления, то приносят те свитки и с ними сообразуют свои дела и к построению войска, и к разрушению стран и городов приступают по тому порядку, который в них предписан»[353].

Монголы, вдохновленные гением Чингисхана, настолько прониклись его устремлениями, что Яса была для них не просто законом, но личным кодексом чести, идеей, образом мысли, гордостью и гарантией благополучия всех их народов, независимо от национальности. И они знали, что непобедимы, пока соблюдается Яса. Субедэй Багатур, например, равно почитался и за то, что не проиграл в жизни ни одной битвы, и за то, что ни разу не нарушил Ясы.

---

[352] Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999. В разделе «О составе Великой Ясы Чингисхана», также есть работа Попова П. П. «Яса Чингисхана и уложение монгольской династии», есть работа Рязановского В. А. «Монгольское право». Конечно, Джувейни и прочие восточные автры. Оригинального полного свода Ясы не сохранилось.

[353] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. С. 19.

И они в самом деле были непобедимы до тех пор, пока не стали нарушать Ясу.

Чингизиды считались покровителями всех религий, это не было только выражением язычества, но также и законом, который отражает их чуткость и деликатность к завоеванным народам. Показательна забота о бедных — «…по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог для неимущих и бедных…», — это слова Угедей-хана, приведенные в конце «Сокровенного сказания»[354]. Монголы были людьми особого поведенческого настроя, закрепленного в Ясе. На Ясу монголы действительно смотрели как на Евангелие или коран[355]. И результат именно такого их отношения к своему закону отчётливо явил себя в первый же сложный период их истории, а именно — сразу после смерти императора.

«Два года после смерти Чингисхана прошло в положенном трауре. По прошествии этого срока в 1229 году временным правителем монархии, младшим сыном почившего императора Тулуем был созван курултай для выбора нового императора и для обсуждения различных государственных вопросов. Курултай согласно воле покойного утвердил Великим императором Угедея, третьего сына Чингисхана»[356]. Два года безвластия в такой громадной империи прошли в мире, полном спокойствии и совершенном подчинении Тулую. А ведь он заведомо был временным правителем, однако империя стояла как непоколебимый великан. Ни один мускул не дрогнул на лице этого исполина, а в государственном аппарате, как на хорошо отлаженном инструменте, не ослабла ни одна струна.

---

[354] Акимбеков С. М. История степей. С. 243.

[355] Рязановский В. А. Великая Яса Чингисхана. Харбин, 1933. С. 18.

[356] При этом: «Угедей в течение сорока дней упорно отказывался от престола, пока, наконец, его не уговорили Тулуй со старшими князьями, воеводами и вельможами, ссылаясь на выбор самого Чингисхана. Первым простерся ниц перед новым каганом его старший брат Чагатай». Хара-Даван Эренжен. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 289.

Не возникло никаких усобиц или волнений, а Угедей «действительно превосходил своих братьев умом, характером и государственными способностями и в течение своего кратковременного царствования показал себя одним из наиболее гуманных и просвещенных императоров Чингисова рода»[357].

Осталось сказать, что вся гигантская территория империи ещё при жизни Чингисхана была поделена на четыре части, улусы (уделы), по числу детей от главной жены (всю жизнь любил Чингис свою Борте). Царевичи управляли своими уделами на правах наместников императора»[358]. Известно, и упоминалось выше, что монголы вели активную международную политику, о чём было прекрасно известно на Руси, и при этом: «Монгольские послы — люди подготовленные. С одним из них Юлиан встретился в Башкирии и отметил, что тот "знал венгерский, русский, тевтонский (т. е. немецкий), куманский (половецкий), сарацинский (арабский) и татарский языки"»[359]. Вот такие вот (по мнению нашей традиционной истории) «дикие степные орды варваров», которые к тому же «пришли незнамо откуду». Ну что тут скажешь? Спаси Господи тех историков, которые учили нас в школах.

Мы будем иметь дело чаще всего с четвёртым уделом Монгольской империи, улусом Джучи — Золотой Ордой, о которой только персидские источники дают связное изложение политической истории: ни русские, ни арабские источники, не говоря уже о прочих, такого изложения не

---

[357] Там же. С. 290.

[358] Там же. С. 291. «Джучи получил северо-западный удел от Алтая до Урала; на юге удел этот простирался до Амударьи и Аральского моря. Джагатаю достались земли к югу от Амударьи — часть Туркестана, Афганистан и Персия, а также и Закавказье. Угедей получил всю западную часть собственной Монголии, Джунгарию и Восточный Туркестан. Наконец, долю Тулуя составили земли кайманов, восточная часть собственной Монголии, земля тангутов и завоеванная часть Цзиньского государства.

[359] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 284.

дают[360]. Так что нам придётся это понимать, однако общее развитие и воспитание монголов, во всяком случае, до XIV века было, безусловно, во всех улусах единое с империей. Единственным отличием до этого в Золотой Орде было, по нашему мнению, большая расположенность к христианству.

В общем же монголы были честные и надежные союзники, но если враги — то беспощадные и страшные. Сильнейшая в то время армия, лучшая в мире конница, лучшие кони, лучшие доспехи и оружие. Дети в Орде учились сразу и ходить, и сидеть в седле, в 6 лет уже обязательно стреляли из лука и обучались владеть всем остальным оружием. Вся жизнь — это битва или набег, либо охота и военные упражнения. В процессе взросления определенные группы мышц и все устроение тела было создано только для боя. А в бою их отличала «изумительная отчётливость маневрирования всех отрядов монгольской армии, так же как и необыкновенная точность и осведомлённость разведки»[361].

Так не готовилась тогда ни одна армия в мире. И эти люди с XIII века были врагами России. Ну что ж, у нас есть такая поговорка: «Хороший враг лучше плохого друга». Не тогда ли эта поговорка сложилась? Посмотрим… А пока вернёмся домой, в Россию. Даже на бумаге трудно подолгу находиться на чужбине, а уж тем более в такое время.

---

[360] Ал-Джузджани. Насировы разряды. Пер. В. Г. Тизенгаузена, в предисловии, с. 81: «Для периода относительного единства Золотой Орды, до гибели Бердибека (1359), только персидские источники дают связное изложение политической истории Золотой Орды; ни русские, ни арабские источники, не говоря уже о прочих, такого изложения не дают».

[361] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. С. 92.

ЧАСТЬ 3

МАЛОВЕРОЯТНО, НО ПРЕДПОЛОЖИМ

Мы оставили свою Родину, когда монголы решили пересечь наши границы, пройдя перед этим широким победоносным фронтом вокруг Руси, начиная с Верхней Волги по степям до Каспия и оттуда до Азовского моря, то есть до южных границ Руси. Это было необходимое покорение степей, но одновременно и устрашающий (может быть, невольный) стратегический манёвр. Главным военным стратегом был любимец Чингисхана Субедэй Багатур, как уже побывавший в Восточной Европе, а потому хорошо знакомый с местными условиями. Он был «направляющим умом этого похода, как и последующего европейского… он заведовал у Батыя военно-оперативной частью. Выражение это следует понимать, конечно, в более широком смысле, чем придается ему в современной терминологии»[362], в его руки сходились нити всей разведки монголов, именно ему принадлежит большая часть стратегических замыслов.

Здесь же война в степях вокруг Руси одновременно являлась психологической атакой на наш народ. Монголы прекрасно это сознавали и предельно использовали такое положение. Мы помним, как в начале похода Субедэй расправился с Великим Булгаром, перебив их почти поголовно, при этом ту часть, которую оставил в живых, заставил «бежать перед монголами, распространяя весть об участи камских болгар»[363].

Монголы «пустили впереди себя страх». Это подействовало в первую очередь на кочевников, им негде было

[362] Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 295.
[363] Там же. С. 298-299.

укрыться в степи, и они были быстро завоёваны. Также это, конечно, оказало влияние на наши маленькие приволжские города, и те из них, через которые проходили монголы (например, Углич), не смогли оказать им сопротивление.

Очень хочется обвинить эти города в трусости и даже в предательстве, но вряд ли это правомерно. С таким же успехом можно обвинить казачий разъезд, при котором женщины, старики и дети, за то только, что он уклонился от лобового боя с танковой армией? Это же поволжские города, в их пределах и на их глазах происходило избиение Булгара и завоевание степных народов монголами, они прекрасно знали, с кем имеют дело, и иллюзии для них были непозволительной роскошью. Однако далее вглубь Руси монгольская стратегия подействовала с другим знаком, вызывая обратную реакцию, и «…при дальнейшем наступлении в пределы русских княжеств монгольская рать всюду встречает упорное сопротивление, а на требования Батыя покориться князья отвечают избиением монгольских послов, как было в Киеве, куда Батый снарядил посольство с царевичем Менгу во главе»[364]. Сколько раз всем говорят: не надо пугать русских.

Итак, армия Батыя быстро продвигалась по русским землям. Количество воинов, участвующих в походе Батыя, у историков очень разнится, от сорока до трех и более сотен тысяч. Мы должны исходить из того, что могло реально произойти. В своё время для войны в Средней Азии Чингисхан собрал силы всей империи и выставил войско в 230 тысяч[365]. С тех пор прошло 17 лет, и империя увеличилась, но теперь велось одновременно три войны: ещё одна в многочисленном и хорошо вооружённом Китае и третья в Индии и далее на Востоке. При этом расширилась территория самой империи, соответственно, больше воинов теперь требуется для охраны её границ. Вернадский считает, что

[364] Там же. С. 298.

[365] Там же. С. 296.

в распоряжении монголов «находилось от 12 до 15 тем (то есть 120-150 тысяч всадников). Концентрация этих сил на Волге закончилась ещё в 1236-1237 годах»[366]. Буквально ту же цифру даёт Хара-Даван: «от 122 до 150 тысяч человек боевого элемента»[367]. Точное количество никому не известно.

Мы согласимся с нижним пределом, и то только учитывая «императорский» состав армии. Пусть по одному тумену (10 тыс.) на каждого полководца: у Батыя должно быть 2-3 тумена, пусть у Субедэя 2, так что не могло, наверное, быть более 110-120 тыс. воинов. Это количество воинов (с учётом опыта и подготовки монголов) уже обеспечивало им стопроцентное превосходство в борьбе с разбросанными силами русских князей. А брать излишнее количество людей не имеет смысла и, при стремительной тактике монголов, обременительно. Хотя бы потому, что на каждого воина должно быть не менее двух, а вернее, трёх лошадей, это нормальная практика длительных конных переходов: одна лошадь боевая и две заводных — ездовая и для поклажи, при этом боевая — то под седлом, то налегке[368].

Боевой всадник, а тем более кочевник, — это не просто человек, севший на коня, но, как правило, это симбиоз двух существ, давно «сроднившихся», тонко чувствующих и «уважающих» один другого, искренне и самоотверженно спасающих в бою жизнь друг друга. Идти в бой на усталой или необученной лошади — это безумие либо крайние обстоятельства, для профессионала неприемлемые. В результате только для боевого элемента табуны должны были включать более 300 тысяч лошадей.

Кроме прочего, в войске обязателен обоз с провиантом, осадными приспособлениями и немалочисленной

---

[366] Вернадский Г .В. Начертания русской истории. С. 91.

[367] Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. С. 297.

[368] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. На с. 133, в конце, говорится, например, что во время войны в Средней Азии «между прочим, на каждого всадника приходилось по четыре-пять заводных лошадей».

обслугой, необходимой для обеспечения всей этой материально-технической базы. Например, провиант — это, как правило, стада баранов, прочего скота и тому подобное, кроме всего, хотя бы небольшой НЗ фуража (а это тонны и тонны). Основной же фураж обеспечивали на протяжении всего пути заранее, за годы до выступления основной армии, высланные вперёд войска, а на территории противника его добывали с боем. В общем, в составе войска уже была очень большая масса людей и животных. Это, кстати, объясняет мнение современников о непомерном размере войска монголов.

Предварительно исследовав местность, по которой будет проходить армия, монголы обеспечили своим войскам беспрепятственное продвижение, контролируя местность военными отрядами, некоторые из которых, как мы упоминали раннее, ещё в 1232 году зимовали в Приволжье. И армия Чингисидов прошла потом путь почти в 5 тысяч километров за год и практически сразу с марша начала военные действия. Например, крестоносцы за это же время прошли путь в пять раз меньший и при этом потеряли четыре пятых от своей армии. Чувствуете разницу? Поверьте, что ещё лучше чувствовали её современники.

Руководствуясь также стратегическими соображениями, поход на Русь монголы начинают в зиму. Это единственное удобное время как для переходов через реки и рвы, так и для взятия крепостей, которые будут основной проблемой для татар и с которыми им придётся сталкиваться в каждом городе на всём протяжении этой войны, что, естественно, было учтено Субедэем. Другая важнейшая причина — это фураж. Дело в том, что в глубине Руси почти нет таких просторов, на которых могли бы пастись сотни тысяч коней, и уж точно невозможно, чтобы такие пастбища находились на пути следования армии. Отсюда следует, что единственным способом добычи фуража является получение его в селениях и городах. Для этого фураж должен быть заготовлен жителями и уложен на сеновалах,

что возможно только зимой. Кроме этого, сено, которое не помещалось в селениях, оставляли на хранение под снегом прямо на полях, складывая в стога и скирды (это обычная практика, всегда существовавшая и по сию пору существующая на Руси), соответственно, также зимой.

Сейчас появились в печати удивительные догадки и обвинения наших князей в том, что они обеспечивали монгольскую армию фуражом, и этот вопрос нам необходимо разъяснить, к тому же он несложен. Предположить, что кто бы то ни было мог помочь татарам с фуражом, невозможно, и это подтвердит любой, кто имел дело со скотом и с заготовкой сена. Пишущий эти строки с детства бывал в деревнях, кроме того, в монастыре по послушанию руководил работами на конюшне и коровнике, а заготовкой сена занимался у себя в обители несколько лет, тогда было у нас кроме десятка с лишним коров и несколько лошадей. На одного коня, например, заготавливается годовой минимум — четыре тонны сена, на корову — три.

Для предварительного разъяснения вопроса скажем, что корм для трёхсот тысяч коней на один день — это сотни саней. Объяснюсь. Предположим, одни сани нагрузят, каким-то чудом, кормом для 500 коней на один день, это если сена из расчета, пусть, 5 кг (это одна охапка) коню в день, то получится минимум две с половиной тонны. Такой вес под силу трактору, однако, по объёму невероятно даже для трактора, так как в обычную тракторную тележку более полутора тонн можно уложить только прессованного сена, вряд ли тогда была подобная технология. То есть для любых саней крайне маловероятно, но предположим. Если овса, то 1 коню необходимо, ну, скажем, полведра в день, получается 1 мешок на 10-12 коней (5-6 вёдер = 1 мешок), то есть более 50 мешков на одни сани, тоже тонны две с лишним, то есть также вес для трактора. Тоже маловероятно для одних саней, но предположим.

При этом, мы обязаны сказать, что количество корма, нами указанное для коня на один день, — очень мало даже

для коня, стоящего в конюшне (только чтоб не помер), а для рабочего коня этого никак не хватит. А человек, знакомый с этим вопросом, скажет, что коню, даже стоящему в конюшне, надо, как минимум, полведра овса утром и столько же вечером, также сена — пусть по одной охапке, но хотя бы два раза в день. Но предположим. Однако и тогда получается, что фураж для 300 тысяч коней можно увезти только более, чем на 500 санях (и это должны быть крайней невероятности сани). Теперь представим длину обычных саней, с конём она будет равна минимум 7 м, это — 3 м конь, потом 1 м между конём и своими санями да 3 м сами сани-розвальни, далее пусть 2 м между конём и санями перед ним. Все расчёты эти заведомо занижены, но предположим. Вот при таких расчетах протяжённость обоза оказывается более четырёх километров, и это только на один день. Возможно ли такое предпринять хоть сколько-нибудь скрытно? Очень маловероятно, но предположим. Однако и тогда это только на коней воинов, но ведь ещё множество различного скота и остальных рабочих лошадей для всех служб обеспечения. Позволим себе небольшое сравнение — в Средней Азии у Чингисхана, например, было на 200 000 человек — миллион лошадей[369].

Да мы в наше время просто не в состоянии вообразить себе, что представляли собой древние завоевательные походы монголов. Это не фильмы про Чингисхана, где несколько сот лошадей и статистов изображают кочевые армии. Где самые опытные консультанты никогда в своей жизни не видели более, скажем, нескольких тысяч лошадей одновременно, а представить, что такое сотни тысяч коней, не могут и они. Не могут просто потому, что для современного человека это невиданно и ни с чем в нашей жизни не сопоставимо. Не можем этого вообразить и мы, однако некоторые простые расчёты хотя бы заставляют нас признаться в нашем неведении и быть внимательными и осторожными

[369] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 134.

в суждениях. Передвижение этой кочевой армии занимало всё видимое пространство на несколько дней. Во время военных действий хан разделял армию на несколько отдельных потоков, которые соединялись с основным обозом крайне редко, только перед выходом из страны. Как будет в Киеве, а там, по воспоминаниям современников, в городе голосов было не слышно из-за скрипа монгольских телег, ржания коней и рёва верблюдов в окрестностях города[370]. Но вернёмся к вопросу.

Предположение, что обозы с фуражом могли тянуться из какого бы то ни было княжества в различные пункты по маршруту движения Батыевой армии — это обыкновенная глупость, такое, ну, просто технически неосуществимо. А если предположить, что фураж заготавливали заранее, то такое тоже невероятно, даже если князь допустил бы это только в своём княжестве. Ведь очень вероятно, что количество коней в монгольской армии было больше, чем в наших княжествах вообще было в наличии, и крестьяне просто физически не смогли бы заготовить корм и для своего скота, и для монгольской армады.

Ко всему этому должно добавить, что, как мы знаем, по закону Чингисидов, те города и княжества, которые добровольно выдавали фураж и остальное необходимое монголам, последними не разорялись, что они подтвердили своими поступками повсеместно. Кстати, брать дань с города во время войны — это также обычная военная практика, без которой невозможно содержать армию в походе. Это называется «контрибуция», на неё рассчитывают, пользуются ею всегда все армии мира.

Тогда основными требованиями были фураж и провиант. Фураж для коня — это больше, чем топливо для танка, а конь для степняка — друг и соратник, он намного для него дороже, чем танк для танкиста. Монголы не могли разорить такое княжество, которое для них заготовило бы

[370] ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская. 2-е изд. Стлб. 784 под «в лето 6748». «Приде Батыи Кыевоу…».

корм. А исторический факт состоит в том, что монголы не разорили только те наши княжества, в которых они вообще не были, это означает то, что в каждом захваченном монголами месте им приходилось добывать всё необходимое с боями, и боями кровопролитными. При этом, забегая вперёд, скажем, что на северо-востоке Руси более других пострадало Владимиро-Суздальское княжество.

Осталось пожелание. Оно состоит в том, что у монахов (не говорим о рассуждающих или знакомящихся с монашеством, но только о монашествующих) есть такое понятие как трезвение, то есть трезвое отношение к себе и окружающему миру. Другое логически следующее понятие — здравомыслие. Без этих двух факторов монашество в принципе недоступно, просто не даст Господь. Так вот, взяли бы себе на вооружение эти два качества (трезвость и здравомыслие), как необходимые, те историки, которые заставляют нас разъяснять простые и очевидные факты, как, например, факт вышеизложенный. Ну ладно, движемся дальше.

ВОЙНА. НАЧАЛО. РЯЗАНЬ

Здесь мы приступаем к рассмотрению очень важного момента в истории Древней Руси, тоже освещённого в традиционной истории как-то огульно и только в свете летописных данных. Однако повествования наших летописцев о нашествии Батыя неполны, неточны, сбивчивы и посему обязательно требуют дополнения из других источников и критического разбора[371]. Есть, например, отдельная повесть «о разорении Рязани Батыем», она отличается особенно чёрными красками, и это характерно для множества документов, описывающих данный период, но это поздние документы либо поздние вставки в летописи. Академик А. А. Шахматов в своей работе, кроме прочего, обосновывает, что ряд летописей, либо мест в них, принадлежит XIV веку, в числе которых битва при Калке под 6746, и повесть о взятии татарами Суздальской земли, и некоторые другие. Такого же мнения был А. И. Соболевский[372].

Также и археологи установили, что далеко не все пожары и разрушения того времени нужно приписывать событиям этого похода Чингисидов. К сожалению, вообще, согласно новым исследованиям, по всей видимости, уцелели только доли процента былого книжного богатства Руси XI-XII вв.[373] Теперь же экспертно доказано, что, например, в

---

[371] Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб., 1875. С. 118.

[372] Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 137.

[373] Подробно об этом в трудах: Сапунов Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. Л., 1978 и Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси XI-XVII вв. М., 1964.

Лаврентьевской летописи все страницы, посвящённые походу Батыя, вырезаны и заменены литературными штампами, а основные их победы переписаны с батальных сцен XI-XII вв.[374]

Поэтому разбирать каждый бой не представляется возможным, чуть более подробно просмотрим рязанские события как характерные для того исторического момента. Однако и здесь не будем брать за основу наши летописи в силу того, что мы не можем отвернуться от факта фальсификации и здесь. «В самом начале повести для описания разгрома татарами Рязанского княжества использовано описание разгрома византийских побережий в 941 г. дружиной князя Игоря»[375]. И подобное на протяжении всего периода Батыева нашествия.

Как и везде в подобных случаях, мы предложим всем, кому любопытно, прочесть работы автора, в данном случае Г. М. Прохорова, — там тщательная экспертиза летописи, включая съёмки в ультрафиолете и прочие современные достижения экспертизы. Сами же, в остальном, просто проследим общее течение этой знаковой и неожиданно страшной для Руси войны. Из летописей брать будем в основном даты, имена и подобное, подробности же там не достоверны, просто не до летописей было русским людям в тот момент.

В самом деле, современники, застигнутые, как ураганом, монгольским нашествием, ни в чём не могли быть уверены и нигде не могли быть вне опасности. В такой момент вряд ли они видели смысл или имели силы «за-

---

[374] Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28. С. 77. «Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, рукописи 1377 г., позволил нам обнаружить, что изготовители рукописи заменяли ее уже написанные листы 153-164, причем некоторые из этих листов, по-видимому, не один раз. Эти рамки плотно охватывают в летописи все известия о завоевании Руси татаро-монголами».

[375] Там же. Со с. 78 и ниже. Прохоров просто сравнивает два этих отрывка, и идентичность становится очевидной. Совершенно однотипные сравнения при описании разорения Москвы, Суздаля, Владимира и далее при всём описании Батыева похода.

ботиться о передаче потомству событий этой несчастной эпохи… И потому нет сомнения, что летописцы на время прекратили свои летописи, пока гроза нашествия монголов не утихла…»[376]. Даже просто трезво рассудить — можно ли предполагать, чтобы современник нашествия Батыя и начала монгольского ига осмелился почти на каждой строке писать: «безбожнии татарове», «злочестивый царь Батый» и тому подобное, когда только что и за короткий срок были разгромлены все основные силы Древней Руси? Когда никто ещё не мог опомниться от ужаса и позора, когда никто не был уверен ни в чём.

В нашей скромной работе часто приходится рассматривать мало описанные либо спорные вопросы, и как некую гарантию достоверности мы вынуждены либо указывать учёную степень, либо давать краткую характеристику авторам, трудами которых пользуемся. В данном случае это — русский генерал XIX века Иванин Михаил Иванович, генерал-лейтенант Генерального штаба и член Военно-учёного комитета Главного штаба России, постоянный член Императорского Русского Географического Общества, а равно член Императорского Русского Технического Общества, много лет служивший в Средней Азии и ряд лет курирующий конкретно кочевую киргизскую орду, хорошо изучивший образ жизни кочевников. По словам князя Голицына, «военно-литературная деятельность его была столько же разнообразна и замечательна, сколько и военно-служебная»[377].

Генерал Иванин, хорошо изучив жизнь и быт кочевников, тщательно исследовал военные действия монголов на Руси. Указанное сочинение было представлено военно-учёному комитету Главного штаба России и одобрено штабом. Автор не успел издать свой главный труд при жизни, и Учёный комитет Главного штаба армии издал его на свои

---

[376] Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. С. 118.

[377] Там же. Введение, лист № 5.

средства. При этом отредактировал работу один из руководителей Учёного комитета, князя Н. С. Голицын, также генерал-лейтенант Генерального штаба. Кроме сказанного, думается, что никто не станет спорить с тем, что у Главного штаба армии гораздо большие, чем у любого учёного, возможности для получения исторических, да и любых других, необходимых им, документов. И работами Иванина в этой области пользуются как экспертными заключениями. Так что, стратегические действия Батыя мы рассмотрим насколько можно детально, что поможет лучше понять тогда происходившее.

Итак, война. Трагично, но факт, что монголы, без сомнения, поняли — Русь сильна единством, а, сражаясь отдельно с каждым её княжеством и действуя быстро, они легко могут её завоевать. Так что, после покорения окрестных Руси степей летом 1237 года в Придонье отдохнули, откормили лошадей и с морозами, когда встали реки, двинулись со стороны Дона на Русь. Такая картина складывается исходя из того, что переговоры Батыя с рязанскими передовыми дружинами, согласно летописным данным, велись в начале декабря на реке Воронеж[378]. Река эта впадает в Дон, а её истоки у пределов Рязанской земли, и рязанские полки должны были закрывать границы княжества[379]. Армия Батыя движется по льду широких рек и озёр, а там, где большие заносы, прочищают перед собой дороги такой ширины, «чтобы три повозки (вероятно, сани) могли идти рядом»[380].

Для лучшего представления о стратегическом плане монголов смотрим их движение по карте[381]. Врезается Ба-

---

[378] ПСРЛТ. Т. 10. Летописный сборник. Патриаршая, или Никоновская, летопись 1885 г. С. 105. Под (**) Батыева рать. «В лето 6745».

[379] Пишем согласно с: Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. С. 107.

[380] Данные Иванина, то же сочинение, с. 108.

[381] Мы пользовались картой, взятой у Рыбакова Б. А. в книге «Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв.» на с. 471.

тый как раз между Рязанским и Черниговским княжествами, отрезая южных князей. Ничего не скажешь, умный ход, нужно отдать должное стратегическому мастерству Субедэя и его правильной оценке общей ситуации. Если напасть со стороны южных княжеств, то те могут отойти в северные земли и соединиться с более сильными ростово-суздальскими князьями, тогда война затянется надолго. Подобная ситуация и в том случае, если напасть с Волги, тогда сможет подойти помощь с юга, плюс также у северян будут широкие возможности как для манёвра, так и для объединения[382].

Тут, кроме прочего, существует такой исторический момент. Рязань находится во враждебном состоянии с Владимиро-Суздальским княжеством. Это давняя, застаревшая вражда ещё Всеволода III с рязанцами[383]. Сейчас же война за Киев (которую мы описывали выше) владимирцев с черниговцами, и как раз Михаил Черниговский вытеснил из Киева Ярослава Всеволодовича[384], который «благодаря» этой войне ещё не вернулся (со своим, так необходимым, войском) домой из похода. Княжество же Рязанское — в союзе с Черниговским, и когда Ярослав воевал за присоединение Киева к Ростово-Суздальским землям, и воевал с Черниговом, то у черниговцев в это же время гостил племянник рязанского князя Ингварь Игоревич. Вместе с последним был и малоизвестный тогда вельможа Евпатий Львович Коловрат[385], о котором речь впереди.

А пока монголы подошли к рязанским пределам и отправляют рязанским князям парламентёров. Батый просит

---

[382] Это согласуется с тем, что говорит Иванин М. И. в книге «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане» на с. 109.

[383] Всеволод III, отец Юрия II и Ярослава, 30 лет назад разрушил Рязань, в наказание за их предательство Ярослава Всеволодовича. ПСРЛ. Лаврентьевск. лет. Стлб. 434. Под «в лето 6716». (1208 г.).

[384] ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская. 2-е изд. Стлб. 777.

[385] Лихачёв Д. С. Памятники литературы Древней Руси. Т. 2. XIII век. С. 190.

десятую часть казны и, конечно, фураж, провиант, коней. Ответ рязанских князей заканчивается словами: «коли нас не будет, то всё ваше будет»[386]. Вполне понятно заявление наших князей, таков же ответ будет везде, где будут хоть какие-то русские дружины, подобный же, однако, и результат. Здесь передовые дружины рязанцев терпят поражение, оставшиеся в живых отступили к Рязани[387].

Вся дальнейшая военная компания проходит стремительно, она блестяще выстроена стратегически, что лишает наших князей возможности даже узнать, где в тот или иной момент находятся монголы, чтобы успеть вовремя собрать силы для помощи. И это не говоря о том, что во многих случаях для оказания этой помощи вначале нужно было преодолеть и устранить между собой разногласия либо откровенную вражду. На всё это нужно было время, которого монголы нам не оставили. Скорость их военных операций была основной частью стратегии, кроме этого диктовалась также вышеизложенной необходимостью постоянного снабжения.

Рязанцы вначале попросили помощи у своих союзников, но черниговские и северские князья отказали в помощи, ссылаясь на то, что те не помогли им при Калке[388]. После чего рязанцы просят помощи у Юрия II. Летописи говорят, что Юрий II отказал. Отказал, возможно, потому, что тогда Ярослав Всеволодович ещё не вернулся с военных действий против союзников рязанцев — Черниговского княжества, «благодаря» чему князь Юрий теперь должен был обеспечивать оборону своих земель с оставшимися войсками. Война есть война. Безусловно, хочется сказать, что

---

[386] ПСРЛТ. Т. 10. Летописный сборник. Патриаршая, или Никоновская, летопись 1885 г. С. 105. Под (**) «Батыева рать. В лето 6745».

[387] Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. С. 107. «…вероятно, только часть их (рязанских дружин) отступила к Рязани и принесла весть о убиении князя Феодора Георгиевича».

[388] Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т .2. М., 2005. С. 547.

должно было Юрию II отставить в сторону всё и со всем войском идти на помощь Рязани, чего он не сделал. Но отказал ли он на самом деле? Не будем спешить с выводами. История этого не любит.

Известно, что вражду наши князья отставили в сторону, так как позже оставшиеся рязанские князья двинулись к владимирцам, и те их с готовностью приняли. Вероятнее всего, что прибыть в нужное время к Рязани владимирским войскам было заведомо невозможно. Потому что часть монгольских отрядов отправлялась на разграбление окружающих и следующих территорий, которыми являются Ростовское и Владимиро-Суздальское княжества. Во-первых, так контролируются большие территории, перекрываются пути для подкрепления, и, конечно, добывается обеспечение для армии. Таким образом, одновременно с захватом рязанских земель монголы отрезали пути для подкрепления извне, воюя несколькими отрядами одновременно. И наш эксперт говорит, что всему войску Батыя находиться под Рязанью не было необходимости, а Субедэй, как всегда, действовал на опережение, не давая нашим князьям времени для консолидации. Итак, в сложившейся ситуации Рязань могла рассчитывать только на себя, как и большинство остальных русских княжеств. Это очень плохо, но в такой исторический момент была застигнута наша Родина захватчиками, обладавшими гораздо большим военным потенциалом.

Как бы там ни было, рязанские князья выходят из городов и соединяются для битвы, но в поле монголы наносят им жестокое поражение. И это при том, что в ходе вторжения сила полевой армии Бату в его основной кампании едва ли была более пятидесяти тысяч в каждой фазе операций[389]. Но рязанцы бегут и затворяются в городе. Монголы разоряют Рязанские земли, берут город Пронск и 16 декабря осаждают Рязань, которая 21 декабря 1237 года

[389] Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 12.

пала под ударами Батыевых полков[390]. Город взят, погибли княжеские семьи, бедные жители во множестве побиты. Война — это война, что тут можно сказать, что же было ждать от врагов?

Батый захватил Рязань, забрал все, что ему нужно, и ушёл. Летопись, а в реальности — поздняя вставка в летопись, изобилует трагическими подробностями, которые сводятся к тому, что татары жестоко перебили всех до одного. Однако в Рязани стоит памятник Евпатию Коловрату, личности вполне исторической. Это тот самый боярин, что ездил с рязанским князем в Чернигов. Так вот, возвратившись оттуда, он застал город только что разорённым, «и собра мало дружины: тысящу семьсот человек, которых Бог соблюде быша вне града»[391], то есть собрал 17 сотен боеспособных мужчин, после чего догнал Батыя и напал на его войско. Те удивились смелости и мужеству русских, а русичи рубились так, что остановили продвижение всего главного войска Батыя, монголы были поражены героизмом наших воинов, которым предлагали пощаду, но те пощады не пожелали и как один погибли в бою, покрыв себя на века славой.

Евпатий Коловрат — человек малоизвестный, он просто был в свите рязанского князя, а возвращался без него налегке. Там ему дружины не давали (как мы помним, черниговцы отказали в помощи), а 1700 боеспособных воинов для Рязани XIII века — это далеко не мало, и если оставались мужчины в таком количестве, тогда остального населения должно было остаться намного больше. А то, что рязанцы догнали основное войско Чингисидов и задержали его продвижение, подтверждает, что монголов было столько примерно, сколько мы и предполагали. Будь там сотни тысяч, то дружина Евпатия замедлить продвижение такой армии не смогла, просто отделился бы один тумен, разбил их и

---

[390] ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949. Под «в лето 6745 г.», л. 157.

[391] Лихачёв Д. С. Памятники литературы Древней Руси. XIII в. С. 191.

снова присоединился бы к армии. И другой небольшой момент, характеризующий монголов как воинов: после такого контрнападения другие бы обозлились и отомстили городу, уничтожив там всех остальных. Чингисиды такого не сделали, но продолжили дальнейшее движение. Надо сказать, что у Руси было множество врагов, но монголы были единственные, которые за мужество в бою не мстили. Качество редкое во все времена.

Тем не менее, Рязанское княжество предано разорению, и тогда же во Владимирское княжество отступили уцелевшие рязанские князья с оставшимися войсками, в частности, князь из Пронска Кир Михайлович: «Кир Михайловичь же утече со своими людьми до Суждаля»[392]. Это сын пронского князя Михаила Всеволодовича[393]. Вероятно, они к этому времени уже поняли, что в такой обстановке военная помощь не могла быть им оказана физически. Потому что далее они, забыв вражду, будут воевать вместе, но, к сожалению, уже недолго, слишком неравны силы изначально, и ничто тогда изменить результат войны было не в силах.

[392] ПСРЛ, Т. II, Ипатьевская летопись. 2-е изд. Стлб. 779.

[393] Лихачёв Д. С. Памятники литературы Древней Руси. XIII в. С. 586.

ВОЙНА. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ВЛАДИМИР

Однако следуем далее скорбной дорогой войны. После взятия Рязани[394] Батый направляется на Коломну, куда владимирский великий князь отправляет сына, и там монголы нанесли русским тяжёлое поражение[395]. При этом разбили самые крупные, основные силы Владимирского княжества. В этой битве погиб младший сын Чингиса Кулькан, жестокая значит была битва.

Далее начинает проясняться план Субедэя. От старой Рязани до стольного и самого богатого города княжества Владимира порядка 260 миль, если напрямую, однако Батый направляет основное войско по направлению к небольшим городам Коломне и Москве, которые могли взять и отдельные отряды. Кроме всего, это крюк в 160 миль в сторону от владимирского направления, а значит потеря более 10 дней[396]. И только после этого повернёт на Владимир, куда прибудет 3 февраля. Расстояние от старой Рязани через Коломну и Москву до Владимира — 420 вёрст, то есть, если по 15 км в день, то около месяца хода, а времени заняло у монголов более 40 дней. Значит, более двух недель монголам понадобилось на сбор продовольственных при-

---

[394] Говоря о Рязани, имеется в виду старый город, который находился тогда около 70 км в сторону юго-востока, у излучины Оки, где сейчас г. Спас Рязанский.

[395] ПСРЛ, Т. II, Ипатьевская летопись. 2-е изд. Стлб. 779. «…князь Юрья, посла сына своего Всеволода со всеми людьми, и съ ним Кир Михайловичь… и срете и Всеволод на Колодне: и бишася имъ и падшимъ многимъ отъ нихъ отъ обоихъ, побеждену быша Всеволоду».

[396] Дневной переход конной армии зимой 15 вёрст. Это данные Иванина, указ. сочинение. С. 110, в сноске № 2.

пасов, фуража и прочего. За это время монголы захватывают и Москву, где забирают припасы, бывшие в товарных складах. А для транспортировки всего этого нужны, в свою очередь, и кони, и сани, и погонщики[397]. Проще говоря, время ушло на грабёж, грабёж — это истинное, настоящее лицо любой завоевательной акции. Что на корню подрывало силы наших войск, лишая их, да и остальных жителей, продовольственного обеспечения, а скот — фуража.

В первую очередь замысел Субедэя (основного стратега всей военной компании) заключался, по словам Иванина и по нашему убеждению, в следующем: «Движение к Москве, без сомнения, имело целью не допустить дружины владимирские отступать к Новгороду или Пскову …но отбросить уцелевшие от поражения владимирские дружины в противоположную сторону, где легче можно было истребить их»[398]. Это проверенный ещё Чингисханом манёвр[399], который и тогда, вернее всего, был придуман Субедэем. При этом также отрезались пути для помощи с юга.

Заметим теперь, многие источники говорят, что Юрий II ждал своего брата Ярослава, но где в то время находился Ярослав — нигде не отмечено, однако, если бы это было известно, то везде и говорилось бы, что он ждал Ярослава из такого-то места. Никто и не знал, где Ярослав, просто по времени, видимо, понимали, что где-то на подходе. При этом появиться он мог либо с юга, это если шёл напрямую из Киева на Владимир, либо со стороны Новгорода, если шёл сначала к себе — там был сын, там можно усилить войско за счёт новгородцев и псковичей. Похоже, что понимал это и Субедэй, только информирован был получше.

---

[397] Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. С. 110.

[398] Там же. С. 111.

[399] Там же. С. 111, в сноске № 1. «Подобное движение сделал Чингисхан во время войны с Мухаммедом, направляясь от Сейхуна сначала на Бухару, а потом на Самарканд».

Ждать прихода Батыя великий князь не стал, и, видимо, после поражения наших войск под Коломной он оставляет сына и жену во Владимире, а сам уходит из города с малой дружиной[400]. Всё правильно, взять из города, в котором оставил сыновей и жену, войско князь не мог. И ушёл «в мале дружине». Вряд ли возлагал Юрий-князь надежду на братьев Святослава и Ярослава, пути для их подхода были отрезаны, и он не мог этого не понимать. Наверное, говоря о подмоге, князь просто успокаивал своих близких, и это потом внесли в летописи. На верную смерть уходил князь Юрий с дружиной и хорошо это понимал.

Самое трагическое заключалось в том, что после поражения татарами основного владимирского войска под Коломной и по результатам всех предшествующих военных действий даже неопытному воину было понятно, что ни ростовские, ни переяславские полки не в состоянии были дать возможность для противостояния монголам. Слишком неравные силы были у русских князей против империи Чингисидов, просто несопоставимые. А чтобы как-то противостоять, надо было выходить из монгольского окружения, однако, учитывая, что часть монгольских отрядов (а это не менее тумена (10 тыс.) каждый) грабили вокруг Ростово-Суздальские земли, то задача эта была очень трудновыполнимой.

В создавшейся ситуации единственным выходом было прорваться к Новгороду, где можно соединиться с новгородскими и псковскими полками, дождаться Ярослава и дать отпор монголам. «Прямейшая, а может быть и лучшая дорога из Владимира к Новгороду шла на Москву и Тверь… Поэтому Георгий из Владимира должен был бы двинуться

---

[400] ПСРЛ, Т. I, Лаврентьевская, Суздальская. Вып. 2. 2-е изд. Л., 1927. Стлб. 461. «…выеха Юрьи из Володимеря в мале дружине, урядивъ сыны своя в собе место Всеволода и Мстислава. И еха на Волгу с сыновци своими с Васильком и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити станом, а ждучи к собе брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею».

на Тверь»[401]. Однако Батый своим маневром от Рязани на Москву и уже оттуда на Владимир, обойдя правый фланг суздальского великого князя Юрия и отрезав его от юга, теперь выслал особый отряд к Торжку, отрезая его от путей отхода на север, к Великому Новгороду и Пскову. Обеспечивая при этом собственные фланги от возможного удара с этой стороны. Чтобы оценить, насколько важно было для Батыя это направление, скажем, что с отрядом на Торжок отправлен был сам Субедэй — главный воевода и стратег всего похода на Европу. Всё просчитал Субедэй Багатур, однако и его ожидал урок, чуть позже мы это увидим.

А сейчас Юрий II был вынужден броситься по северным путям, ведшим от Владимира через Углич и Бежецк к Новгороду. Позиция близ р. Сити как раз находилfсь на узле дорог, ведущих от Владимира через Боровичи, Вышний Волочёк, Торжок и Осташков на Новгород, по которым, равно как и к Белозерску, смотря по обстоятельствам, великий князь мог отступить. Причём, пути эти, судя по цветущей торговле новгородцев с Булгаром и вообще с северо-востоком нынешней России, необходимо должны были существовать и находиться в лучшем состоянии, нежели прочие дороги. А где движение торговли, там и возможности для обеспечения дружины. По всей вероятности позиция владимирского великого князя находилась на границе нынешней Тверской и Ярославской губерний, по дороге из Ростова и Ярославля, через Углич в Бежецк, и, следовательно, была несколько южнее р. Сити[402].

Но пока Ярослав спешит на родину, а Юрий II движется в сторону Волги, монголы 3 февраля 1238 года подступили к Владимиру. Четыре дня спустя город был взят.

---

[401] Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. С. 112.

[402] Там же. С. 112. Границы имеются в виду те, что были при жизни генерала Иванина. А местоположение он основал на том, что «торговые дороги в то время проходили по тем же местам, что и ныне (исключая шоссе и дороги, проложенные по основании Петербурга)».

«…Именно Владимир был страшно обескровлен. Ни Ростов, ни Углич, ни Ярославль, ни Тверь, ни Кострома, ни Переяславль не подверглись, кажется, такому опустошению и разорению»[403]. Как жаль молодых князей, княгиню, людей-то простых как жаль, но дорог подвиг епископа Митрофана. Как должно, предстал пред Господом святитель вместе с паствой, независимо от звания, и с венцом мученика, и таких на Руси, особенно в годы бедствий, всегда было множество.

Взятие Владимира происходило 7 февраля, а сражение на р. Сити — 4 марта[404]. В протяжение этого времени войска Батыя, разделенные на отряды, которые грабили Владимиро-Суздальские земли, по мере разграбления княжества постепенно сближались к западу, через Тверь и Ярославль, неожиданно обошли фланг (вероятно, правый) занятой Георгием позиции. Великий князь был принужден 4 марта принять бой в самых невыгодных условиях. Татары неожиданно появились на фланге, напали на войско Юрия и разбили это небольшое войско совершенно. В стороне от позиции, верстах в 20-ти к северу, есть с. Могилицы, туда, вероятно, несчастный князь был отброшен и погиб при преследовании его с остатками дружины[405]. От Владимира до р. Сити, по данным генерала Иванина, около 16 переходов. Следовательно, монголы в три с небольшим недели овладели одним из самых сильных наших княжеств и успели дойти до р. Сити — быстрота действий необыкновенная. При этом Батый отправил против Георгия (Юрия II) на р. Сити отряд монголов с полководцем Бурундаем, а сам пошёл прямым путем на Тверь[406].

---

[403] Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. С. 244.

[404] ПСРЛ, Т. I, Лаврентьевская, Суздальская лет. Вып. 2. 2-е изд. Стлб. 465.

[405] Иванин М. И. Ук. соч. С. 112-113. «Там (в селе Могилицы) ещё и поныне сохранилось печальное предание о великом побиении русских татарами на р. Сити».

[406] Там же. С. 113. Пояснение в сноске № 2.

Прервём на секунду генерал-лейтенанта и заострим внимание на том, что татары за это время захватили во Владимирском княжестве 14 городов, не считая различных поселений[407]. Этот подтверждённый всеми летописями факт доказывает ещё раз, что не мог владимирский князь надеяться на помощь, потому что вокруг него на всех направлениях завоёвывались татарскими отрядами города и селения его княжества. Никому невозможно было пробиться на Сить сквозь это кольцо военных действий. Юрий был в полном окружении и даже сам не знал, где войска противника, сказано, что послал своего слугу Дорожа узнать, где татары. «И прибежахъ Дорожь и рече: "А уже, княже, обошли суть нас около Татары"»[408]. Юрий II, как воин, сделал последнее, что возможно было ему сделать: если нет возможности противостоять, то хотя бы «вызвать огонь на себя». Так он и сделал, и вызвал, и погиб в бою, как герой. Другое дело, что враг был силён, неожидаемо силён.

[407] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 316, «…взяша городов 14, опрочь свободъ (слобод) и погостовъ, во одинъ месяць февраль, кончевающюся 45-му лету».

[408] ПСРЛ. Т. 5. Софийская первая лет. Л. 256 под «Въ лето 6746».

ВОЙНА. ОКОНЧАНИЕ. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Очередь Новгорода. Монгольский отряд, взявший Торжок, мог одновременно наблюдать и за подкреплениями, шедшими с юга, и за новгородцами, а при необходимости двинуться в тыл Юрию II при отступлении его на Новгород[409], однако, для самостоятельного похода на Новгород был слабоват. При этом, битва при Сити происходила 4 марта, а взятие Торжка последовало 5 марта, после двухнедельной осады[410]. Согласно нашему военному эксперту, от р. Сити или, вернее, с. Могилицы до Торжка — 12 переходов, поэтому от р. Сити к Торжку монголы могли прийти около 16 или 17 марта и отсюда двинуться к Новгороду всеми силами не ранее этого времени. От Торжка же до Новгорода прямым путём около 20-ти переходов[411].

И на этом пути Батыю предстояло пройти: Валдайские горы, занесённые снегом, Бронницкие болота и леса, которые, по словам военного исследователя, представляли тогда непроходимую теснину и были неудобны для движения даже зимой. Прочий путь также — во многом пересечённая местность, и всё это в пределах видимости новгородцев, которым, при движении монголов в этом направлении, могли прийти на помощь и псковские дружины. Что делает Батый? Он отправляет отряд, взявший Торжок, по прямому пути на Вышний Волочек, Валдай и Крестцы к Новгороду,

---

[409] Иванин М. И. Ук. соч. В сноске на с. 113.

[410] Новгородская первая летопись старшего извода. Л. 124 на обороте.

[411] Иванин М. И. Ук. соч. С. 113.

сам же с главными силами двинулся по другому — Селигерскому пути.

Так называемый Селигерский путь пролегал через г. Осташков, далее, учитывая зиму, по льду озера Селигер в Старую Руссу, по льду озера Ильмень к Новгороду. Хотя этот путь и был длиннее прямого на 6 переходов, однако, такое направление операционной линии не допускало соединения новгородских и псковских ополчений. Таким образом, Батый с Субедэем разделяли их силы. Другим немаловажным фактором было то, что «путь этот и пространство между двух цветущих торговлею городов должны были быть и больше населены, и представлять более средств для продовольствования»[412]. Всё монголы предусмотрели, всё рассчитали, теперь же, наконец, следовало, последнее, просто триумфальное шествие к самым богатым городам Северной Руси, разграбление которых явилось бы достойным и логическим завершением всей этой военной кампании Чингисидов. Казалось бы…

И вдруг. Несмотря на быстроту и уверенность своих действий, пройдя уже более 200 вёрст от Торжка, то есть находясь примерно за неделю с небольшим пути до Новгорода, монголы, выпустив из рук такую богатую добычу, какую представляли торговые города Новгород и Псков, разворачивают свои полки и уходят. Почему?! Интересно, что с этого момента голос всех источников без исключения теряет уверенность. Точное место, от которого повернули монголы, также точно не известно. Известно только, что тогда это место носило название — «Игначь крест». Иванину это место также неизвестно, и он предполагает две версии: по одной, где счёт по Селигерскому пути, монголы не дошли 190 км, по прямому же пути, где шли передовые отряды, — около сотни[413]. По этой версии, оба случая веро-

---

[412] Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. Здесь и выше, на с. 114.

[413] Там же. С. 115. Предполагается, что по Селигерскому пути — это село Игнатцы, по прямому Валдайскому пути — это село Крестцы.

ятны, так как монголы обязательно поддерживали оперативное сообщение с основной армией во всех боевых операциях, соответственно, если отход — то одновременный, независимо от местонахождения различных частей армии.

Наши летописцы и большинство историков придерживаются цифры 100 км[414]. Однако то, где монголы повернули, особого исторического значения не имеет. Важно — почему они повернули. А вот здесь все — и наши, и другие источники — дают идентичное заключение: монголы испугались распутицы и всё. Простая, единственная и бесспорно объяснимая причина. Для обоснования этой версии сюда включили и плохую воду весной, и непривычный корм для коней, в общем, все проблемы весенней оттепели, не забыли комаров и слепней (это в апреле-то), даже как-то трогательно. Ну, полное какое-то всесогласие, однако в этом всесогласии и заключается противоречие.

Нашёлся один историк, который более честно отнёсся к этому событию, и тот англичанин, причём, оксфордский профессор, хотя и он не разъяснил вопроса, но хотя бы поставил его: «Почему монголы не стали развивать успех и вслед за взятием Торжка не пошли на Новгород, сказать трудно. До Новгорода было примерно 300 километров, т. е. пятнадцать-двадцать дней перехода, а в начале марта ещё не могла начаться распутица, которая бы сделала дороги непроходимыми для татарской конницы. Татарское войско продолжало двигаться на запад, но, дойдя до определённого места, “Игнача креста… за 100 вёрст (108 км.) до Новагорода”, повернуло на юг»[415].

Трудно разбираться в тех местах истории, которые «осуждены» учёными на незначительность. Провал Батыем новгородского похода — не одно место в истории, которое проскакивают, закрыв общей фразой, даже не желая вникать в само событие, как заведомо необъяснимое. Но поч-

---

[414] Новгородская первая летопись старшего извода. Л. 125.

[415] Дж. Феннел. Кризис средневековой Руси 1200-1304 гг. Гл. 4 «Великое нашествие 1237-40 гг.». С. 83.

ти всегда можно логически рассмотреть ситуацию, так как происходили события вокруг, обнажив которые, возможно понять причину и далее идти к следствию. А неудачный поход Батыя к Новгороду — момент настолько важный, что здесь необходимо остановиться и осмыслить его.

Вначале, с кем мы имеем дело? Вот взгляд военных: «Монголы прошли от Рязани, считая по вышеописанным главным направлениям, не менее 1000 верст, по снегу, большею частию неутоптанному. Только конница степных народов могла выдержать такой поход, но и та, вероятно, много претерпела»[416]. Претерпела? А до Рязани около 5 тысяч км от Северной Монголии, при этом, если считать от Каракорума, где все собирались на курултай, то это от Приамурья, да потом бои в степях от верхней Волги до Крыма, вот только потом Рязань. И теперь осталась неделя до самой крупной добычи, и монголы вдруг испугались весны, будто не знали о её приходе. Нет, неправдоподобно, давайте разберёмся.

С Батыем в походе непобедимый Субедэй, он основной стратег всей военной кампании, и берёмся утверждать, что это его единственный неудачный поход за всю его героическую жизнь (50 лет в военных походах). Он любимец Чингисхана, его лучший воевода. Например, в Средней Азии на Аму-Дарье, после взятия Балха, в трудный момент борьбы с Джелал-ад-Дином, «Чингисхан чувствовал потребность в советах своего любимца Субедэя и послал ему приказ о прибытии в ставку. (А был тогда этот любимец с Джебэ в крымских степях.) Субедэй явился в Балх и, проведя несколько дней с ханом, вернулся к своему отряду, проскакав в общей сложности несколько тысяч верст»[417]. После чего Джелал-ад-Дин был быстро разгромлен. Чтобы представить положение этого воеводы, приведём слова из ярлыка, выданного ему Чингисханом: «Эмиры, старшие и

[416] Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. С. 114.

[417] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 145.

многий народ да ведают, что я дал тебе все лицо земное от восхода солнца до запада. Всякий, кто покорится, пусть будет помилован, а всякий, кто не покорится и выйдет с оппозицией и распрей, да погибнет»[418].

И вот он с Батыем идет в Новгород, да вдруг разворачивается и уходит, и Батый его слушается, а это богатейший город, в котором одном они могли захватить добычи более чем за весь предыдущий поход. Во-первых, главное — никакая распутица их испугать не могла, если эта армия проходила тысячи и тысячи километров в своих походах, а она их проходила, то любые походные трудности для них были делом обычным, тем, с чем они ежедневно из года в год имеют дело и к чему всегда готовы. Насчёт корма и воды — вот чего точно не знали монгольские походные кони, так это какой бы то ни было однородности в фураже и воде, но питались тем, что дают, в самых разных местах. Регулярно находясь в сложнейших походных переделках не одно десятилетие. Все наши данные о Чингисидах, приведённые выше и настолько утомительные при чтении, были приведены с одной единственной целью — адекватно сообразовываться с реальными возможностями воюющих сторон.

И всё равно приведём хотя бы два характерных, но достаточно наглядных примера из их походной жизни. Первый. Когда в Средней Азии и предгорьях Тянь-Шаня основная армия Чингисхана прошла «расстояние более двух тысяч верст через горные хребты и безводные пустыни (голодная степь), имея в своём составе до 200 000 человек и миллион лошадей — задача совершенно неразрешимая для современных армий такой численности». (Это говорит автор в конце XIX — начале XX века.) При этом Джэбэ с 20 000 человек глубокой зимой с 1218 на 1219 год «переходит Алтайский хребет по перевалам Кизиль — Арт и Терек — Даван высотою более 12 000 футов над уровнем моря — подвиг неслыханной смелости, намного превосходящий по

[418] Там же. С. 139.

отваге переходы через Альпы Ганнибала и Бонапарта». И при всём этом, «несмотря на огромные расстояния между Джебэ и ханской ставкой и разделяющие их исполинские преграды, связь между ними действует исправно — одна из загадок для современного поколения»[419]. Также имеется в виду поколение XIX века, знакомое с конными переходами.

Другой пример, указывающий на сходные с российскими природные условия, мы упоминали раннее, — это когда монгольские войска под командованием Джучи в 1222 г. завоевали пространства к северу от Арала до Ишима и Тобола, к западу до низовий Яика и Южного Приуралья[420]. Вот там как раз были характерные русским природные и ландшафтные условия, там они были и в лесах, и в болотах, и в бездорожье, питаясь сами и давая коням только то, что находили в пути. Одним словом, они много раз были в условиях, не менее, но гораздо более трудных, чем те, которые могли их ожидать весной у Новгорода.

Кроме этого, невозможно не согласиться с оксфордским профессором в том, что в марте не могло возникнуть распутицы, способной помешать продвижению конного войска. Это даже в наше время, однако нужно учесть, что тогда климат был более холодным, вспомним, что ещё 5 апреля на Чудском озере стоял лёд, способный выдержать войско тяжёлых рыцарей плюс пехоту и конницу Александра Невского. Периодические изменения климата, думается, факт ныне для всех очевидный. Тогда был более холодный период, чем, например, в нашем веке[421]. Так что условия для похода были вполне подходящие, а самое главное, что нигде

---

[419] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 134.

[420] У нас в главе «У острова варягов», с. 149, сноска на Вернадского.

[421] Климатические пояса перемещаются с определённой периодичностью, в зависимости от положения Земли относительно Солнца в движении Земли по своей эллипсовидной орбите. Например, читая датские и голландские детские рассказы прошлого века, мы найдем там детей, катающихся всю зиму на коньках по льду рек и каналов. Что невозможно при современном, почти субтропическом, климате этих мест.

не ожидала их такая добыча, какая могла быть в Новгороде и Пскове. Нужно понимать, что они — кочевники и добыча для них — это одна из важнейших, причём этнически естественных, жизненных целей и стимулов.

Однако Батый слушается своего воеводу и уходит. При этом, вне всякого сомнения то, что куда и когда шли, они знали очень хорошо, Субедэй — «начальник монгольской разведки», и мы делали ударение на «необыкновенной точности и осведомлённости разведки монголов»[422]. А тот год, что они воевали в степях у границ Руси, должен был восполнить любые пробелы в разведданных, так что осведомлённость во всех стратегических вопросах у Субедэя была полная. Именно потому, что он начальник разведки, и он же основной стратег этого похода, как и многих монгольских походов до этого. И это Субедэй — Багатур. Единственное, что было невозможным, так это то, чтобы он шёл «наобум», не предполагая, какие погодные условия могут быть в тех местах, куда он ведёт армию, либо не соизмеряя сил своей армии с теми условиями, в которые он её (армию) ставит. Подобное было бы позором для Субедэя. Нет, тут нужна ещё какая-то очень веская причина, иначе их уход от Новгорода не обоснован, что, в случае именно с этим конкретным воеводой, невероятно.

Выше упоминалось о том, что Батый дал своей операционной линии такое направление, чтобы не допустить соединения ополчений новгородских со псковскими; значит, ждал от них действий и был к ним готов. Конечно, он осведомлён, что в Новгороде войско под командой 17-летнего князя, который остался один, а отец его на подходе к русским рубежам и тоже с войском. В принципе ни один, ни другой, ни оба вместе они в военном отношении угрозы для монгольской армии представлять не могли, это очевидно. Про Александра им известно, что он бесстрашный, несмотря на юность, опытный и уважаемый даже врагами

[422] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. М., 2008. С. 92.

воин. Его отец много и удачно воюет, оба патриоты. Во всяком случае, рыцари, и вся северная коалиция пока с этими двумя не справилась. Сейчас северные соседи ждут, когда русских до конца разгромят монголы, чтобы после ухода кочевников захватить уже обескровленных русичей.

Во-вторых, юный князь Александр Ярославич сейчас без поддержки отца, и при всех его достоинствах ему только 17 лет. Дальше ход мысли монгола примерно понятен: наверняка Александр, как и все предыдущие князья, выскочит на бой в чисто поле и, как все эти русские, бросится с кулаками один против сотни и погибнет геройски. Новгород окажется беззащитен без князя с дружиной, и взять город не будет проблем. После чего, отдохнув в этом богатейшем городе, с богатой добычей и всем необходимым для переправ (всё необходимое в городе есть), спокойно захватить и ограбить Псков. В процессе послать пару темников и разгромить подошедшее войско Ярослава, добить последние силы русских, а далее можно, например, по пути на отдых в степи спокойно пройти по тем городам, которые не разорены. Ведь разорили только около 20 городов, а их на Руси 300[423]. То есть военная операция — характерная для этого похода и обычная для монголов, подобных, если посмотреть, они уже совершили множество.

И всё шло «как по маслу», напали на Торжок, те послали к новгородцам, которые должны были подойти, но не успели, далеко всё же — 300 км, да и двигаются монголы быстро, русские дружины к таким темпам войны не приспособлены. Однако главное понятно, новгородцы собирались подойти, значит, вышли из города и где-то на пути встретятся. Вот впереди она, настоящая добыча, протяни только руку. И Батый протянул и двинул армию в Новгород. Дальше начались странности, передовые дозоры передают, что нет новгородского войска, всё нет и нет. Пока, наконец, за неделю пути до города разведка не доложила, что

[423] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 52.

войско в городе, князь не дрогнул и, судя по всему, с места не сойдёт, ждёт отца, а тот на подходе. И последнее превратилось сразу в один из основных «факторов риска» для монголов.

Ярослав сейчас ещё был в пути, как не имел возможности подоспеть на помощь брату при р. Сити. В этом как раз состоит одна из важнейших исторических реалий рассматриваемого периода, которая подтверждается последующими событиями, иначе не объяснимыми. Давайте трезво взглянем на ситуацию. От Киева по прямой почти полторы тысячи километров. По прямой, значит, через Черниговское и Северское княжества, а последние, как военные противники, его по своей территории не пропустили. Этого Ярослав черниговцам не простит, что мы и увидим в своё время. Соответственно, идти он мог только в обход, через Смоленское и Полоцкое княжества, что существенно удлинило дорогу. То есть, в любом случае более сотни переходов, даже для конной армии. Только полки его были большей частью пешие (у русичей тогда конных армий вообще не было), и двигаться они могли со скоростью пешехода, причём это были уже уставшие и потрёпанные после неудачи в Киеве полки. И если они вышли из Киева в конце зимы 1236—1237 гг., а попадут, как мы увидим, в Новгород только весной 1238-го, соответственно, всё основное время пути выпадало на зиму и межсезонье, то есть самую распутицу, время, когда пешая армия если и двигается, то очень медленно. Однако, если Ярослав был на подходе, значит, шёл зимой, не щадя себя и воинов, а он был на подходе, и монголы знали об этом.

Строго говоря, отсутствие Ярослава в тот момент в Новгороде — документально подтверждённый факт[424]. По-

[424] Мы внимательно просмотрели летописи, и нигде не говорится о приходе Ярослава до отхода татар, о чём в противном случае было бы сказано. Только после ухода монголов говорится, что он пришёл из Новгорода. (Так в Никон., на с. 113.) И так же в летописце сод. в себе русскую историю (с. 57). В Троицкой просто, что сел на Владимирский стол и всё. (Троицк. лет. С. 313.) Так же в Лаврентьевском списке, причём здесь

следнее объясняет поведение монголов, иначе чего было бы опасаться, они могли спокойно осадить город, силы которого (будь там и Ярослав с войском) были для них хоть и существенны при осаде, но вполне одолимы, главное они были бы спокойны, что никто не ударит в спину. А вот присутствие там юного князя меняло многое, он стоял на страже своих рубежей, делал выводы из последних событий, и город был готов к обороне.

Александр Ярославович не пошёл на поводу ни у рыцарей, ни у Литвы, отбивая нападения тех и других, обнаружив трезвый и ясный ум, а ощущая полыхающие пожары за спиной, не сдвинулся теперь с северных рубежей. Также не пошёл на поводу у монголов, прекрасно понимая, что к Торжку успеть нереально, это ловушка, пойти туда означало отдать городское войско на уничтожение врагу и погубить последние русские рубежи. Не перед людьми стоял юноша, но пред Богом, не просто выполняя долг княжеский, но соблюдая обет, данный при постриге, вот за это Господь дал ему и разум, и мужество необыкновенное. Было ясно, что не отступит Александр, но наилучшим образом исполнит долг. Именно всё это понял непобедимый монгольский воевода, понял, что умён Александр не по годам и отважен. А с такими его качествами положение становилось уже неоднозначным.

Субедэй — воин, и он «духом воина» (пусть это звучит по-язычески) прочувствовал, что там вместо легкой добычи их может ожидать неожиданное поражение. Если Александр грамотно успел выстроить укрепления, а он точно сделает, как должно, это понятно по его репутации, тогда осада в самом деле затянется. В таком случае кроме обычных ожидаемых трудностей на помощь Александру успевает его отец. Ярослав, тот мгновенно оценит ситуа-

---

не говорится, что его Юрий ждал. (Под «в лето 6746».) Одним словом, ни в Ипатьевской, Новгородской, Суздальской, ни в Софийской первой не сказано о прибытии Ярослава в Новгород до ухода татар, но там, где упомнается, — везде после их ухода.

цию и обязательно поднимет псковское ополчение, после чего они, перекрыв обратные дороги в лесах, ударят сзади. Тогда монголы окажутся в капкане, когда их численность особой роли сыграть не сможет, и это будут бои не в степях, но в лесах, где военное мастерство кочевников также не сможет дать серьёзного перевеса. Плюс все вышеперечисленные погодные трудности окажутся теперь, ну, крайне нежелательными. Вот в таком случае измотанной монгольской армии в самом деле грозит поражение.

Этого Субедэй уж точно допустить не мог, и мы, как люди из будущего, знаем, что он за всю жизнь не потерпит ни одного поражения. И непобедимый Субедэй Багатур, нисколько не медля, за неделю пути от желанного Новгорода разворачивает армию и уходит ни с чем, без отдыха, без добычи. И если честно, то на это тоже нужно мужество. Измотанное таким длительным переходом (это только по новгородской дороге 400 км, ведь двести-то уже было пройдено в одну сторону) и ни разу до сих пор в России не отступившее, эмоционально надломленное самим фактом отступления монгольское войско, не заходя больше в пределы Владимиро-Суздальского княжества и почти не задевая Смоленского, уходит. Интересен вывод, сделанный военным исследователем: «Отказавшись от взятия Новгорода, Батый оказался дальновиднее Наполеона в 1812 г., который, соблазнившись занятием Москвы, этим предуготовил гибель великой армии»[425]. Это уж точно. А сейчас, только благодаря мужеству и твёрдости князя Александра, осталась целой и его дружина, и войско отца.

Всё, Батый уводит армию на отдых по краю смоленских границ, нигде не останавливаясь, до Черниговских земель. Там их ожидает следующий урок — Козельск. Об этом много и хорошо написано в отечественной литературе, кратко скажем, что 6 недель монголы не могли взять маленький русский городок, на стенах этого города погибло

[425] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 212, под сноской № 10.

много Батыевых ратников, были среди погибших и воины ханской крови. А когда монголы всё-таки ворвались в город, то князья и остальное мужское население рубились с ними, пока все до одного не погибли с оружием в руках, в едином подвиге. После новгородского провала такой удар захватчики адекватно перенести не смогли, и озверевшие монголы добили всех жителей до единого (единственный случай в России). Вечная слава русским героям.

«Об обратном движении Батыя на юг наши летописи дают лишь весьма скудные сведения. Только из сохранившегося сказания о шестинедельной геройской обороне Козельска известно, что маршрут монгольской армии пролегал через этот город, направляясь далее в землю половецкую к притокам и низовьям Дона. По-видимому, после похода в Северную Россию он дал своей армии продолжительный, до двух лет, отдых в южнорусских степях»[426].

Здесь особенно важно то, что стойкая и нерушимая защита северных границ и героическая борьба остальной Северо-Восточной Руси сыграла колоссальную роль для граничащих с ней княжеств. Только затронуто татарами Смоленское княжество, а «уцелели от разорения также полоцко-минские и другие земли Белоруссии: Черная Русь (Новогородок, Городно, Слоним, Волковыйск и др.), Подляшье (Берестье, Дорогичин и др.), Полесье (Пинок, Туров и др.)»[427]. Какая большая, однако, территория оказалась спасена от татар. И совершенно очевидно, что при удачном для монголов новгородском походе многие из этих княжеств были бы разорены. Именно неудача новгородского похода Батыя скомкала всё окончание военной кампании имперской армии, заставила повернуть монголов назад, подорвав их морально, не оставив сил ни на что, кроме отдыха. Александр Ярославович здесь впервые своим поступком спас тысячи жизней русских людей. Такое же спасительное

[426] Там же. С. 198.

[427] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 291.

значение это имело и для Литвы, она совершенно тогда была спасена от татар, как и земли, захваченные северными крестоносцами.

Но уверен, что монгольские предводители более других оценили ум и мужество этого юноши, который своей твёрдостью, выдержкой, зрелым умом, а главное преданностью своему народу, переменил весь ход военной кампании монголов в её самый вожделенный для последних момент. Единственный раз в своей жизни потерпел неудачу Субедэй Багатур, и её принёс ему в стране, уже монголами завоёванной, 17-летний юноша. Такой человек у настоящего воина может вызвать только уважение, и, например, Субедэй никогда не окажется в числе врагов Александра Невского, а Батый с этого времени будет искать встречи с князем, заведомо его уважая. Вот так спокойно и твёрдо ступил на арену мировой истории ещё юноша — русский князь Александр Ярославич, в будущем Невский.

РЕАКЦИЯ РИМО-КАТОЛИКОВ

В конце весны 1238 года Ярослав вернулся в Новгород, но оттуда сразу же отправляется во Владимир. Владимирское княжество разорено, великий князь убит. Следующим, по закону, великим князем становится Ярослав Всеволодович. Горестное вокняжение. Всё разрушено, народ напуган и разбежался по лесам, даже тело великого князя Юрия покоится в Ростове. Ярослав сразу же приказывает привезти из Ростова тело старшего брата и с почестями хоронит его во Владимире. Далее начинает наводить порядок, всё заново отстраивать, созывать народ из укрытий и лесов, словом, налаживать нормальную жизнь. В летописях записано: «Ярославъ, сынъ Всеволода Великого, седе на столе в Володимири. И бысть радость велика христианомъ, ихже избави Богъ рукою своею крепкою отъ безбожных Татаръ. И поча ряды рядити, …и потомъ утвердися в честномъ своёмъ княжении»[428].

Ярослав распределяет заново владения между оставшимися в живых членами династии. «…Сихъ Богъ избави отъ рукы — иноплеменниковъ, благочестивого и правоверного великого князя Ярослава с благородными своими сыны, бе же ихъ 6: Олександръ, Андрей, Костянтинъ, Офонасий, Данило, Михаёло, а Святославъ с сыном с Дмитрием, Иван Всеволодовичь, Воллодимеръ Костянтиновичь, Васильковича II Борис и Глеб Всеволодовичь Василий, и си вся схранени быша Божиею благодатию»[429]. Пятнадцать же наших князей в этой войне было убито[430].

---

[428] Приселков М. Д. Троицкая летопись. М. — Л., 1950. С. 319. Под «в лето 6746».
[429] Там же. С. 320.
[430] Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 3. М., 2005. С. 5.

На затишье, наступившее после татар, соответственно реагируют и северные соседи, теперь там отвернуться было невозможно; удары Литвы начинают разбивать Полоцкое княжество, которое уцелело благодаря общему сопротивлению Северо-Восточной Руси, причём и Литва, собственно, уцелела тоже только из-за этого, и вот её «благодарность». Вообще, Литва теперь стала проявлять себя как самостоятельный и серьезный участник международных событий того времени. Участие это, однако, было дружественным для Галицко-Волынской Руси и враждебным для Владимиро-Суздальской. Но всё дело в том, что к тому времени на Руси Галичина и Владимирское княжества практически стали двумя доминирующими центрами, одно — Юга, другое — Севера. И при такой расстановке сил политическая позиция Литвы была в общем для Руси вредна, существенно ухудшая и без того рвущиеся по швам отношения Юга с Севером нашей страны.

Рыцари, конечно, активно используют создавшуюся ситуацию, их действия направляются на поддержание и усиление конфликтов русичей между собой, так было и раньше. Четверть века назад, например, был момент, когда литовцы в 1213 г. заключили мир с новгородцами, но орден мгновенно вмешивается и срывает губительное для него начинание[431]. После чего вносят ещё большую вражду, внедряя своё влияние в пограничных княжествах, а также ставших теперь пограничными городами — Новгороде и Пскове. Последний был ими (рыцарями) даже привлечен к военному участию против Литвы[432], естественно вражда после этого стала необратимой. Во всяком случае, в тот временной период.

Это характерное и постоянное противостояние к пришествию монголов не ослабло, а как только схлынула пер-

---

[431] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 262.

[432] Речь идёт о договоре немцев со Псковом в 1228 г. и немцев со Смоленском, Полоцком и Витебском в 1229 г. (Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 262.)

вая монгольская волна, ожесточилось с новой силой. «В условиях, когда Руси одновременно грозило монгольское иго с востока и вторжение крестоносцев с запада, Литва меняет формы своей политики в отношении Полоцка, Новгорода, Смоленска. Намечается переход от набегов на русские города и земли к их занятию дружинами литовских князей»[433].

Полоцк и Смоленск, сопредельные Новгороду княжества и исконная русская земля, они теперь пытаются поддерживать друг друга, там пока единственная реальная сила, которая может противостоять и Литве, и Ордену: это Новгородское и Суздальское войско. Но пока отбивается там один Александр, отец целиком погружён в восстановление княжества. Молодой князь снова оказывается в сложнейшем положении, кроме постоянных набегов Литвы началось серьёзнейшее крестоносное движение в Ливонии. Создание в предыдущем 1237 г. Ливонского ордена послужило началом нового витка крестоносного натиска, а начинается он с того, что заново перераспределяются северные земли между членами папской коалиции и привлечения новых рыцарских войск в северные пределы.

В тот же год, пока полыхала война вокруг России, отмечен был и присоединением к походу Норвегии (давно про неё не было слышно), а вот причин у норвежцев для участия в северном походе нет, и всё же «в 1237 г. Хакон IV обязался участвовать в крестовом походе, а папа разрешил ему воевать против северных язычников»[434]. Далее, максимально расширяя сферу крестоносной агрессии, римский папа (тогда его звали Григорий IX), в самый разгар монгольского нападения на Русь, издает буллу (от 9 дек. 1237 г.), в которой призывает шведский народ к крестовому походу против финнов и против русских, участникам похода так же обещаны индульгенции, как и франкским рыцарям.

---

[433] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 291-292.

[434] Там же. С. 293.

Святой благоверный великий князь Александр Невский. XIX в. Троицкий собор Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, Санкт-Петербург

Святой преподобный Александр Невский, а во инацех Алексий. XIX в. Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург

Ничего другого от папы Римского Русь не ожидала, при том, есть указания, что, во всяком случае, на начальном этапе, монгольского нашествия, папская курия согласовывала свои действия с монголами. «Надеялся ли папа на свой нейтралитет, на предоставление ему свободы действий по обращению тюркской Азии в христианство?.. Во всяком случае, достоверно одно, что он медлил с объявлением священной войны и решился на этот шаг только тогда, когда уже было слишком поздно, и народы Запада открыто обвиняли его в том, что он призвал монголов на римского (германского) императора»[435].

В общем, всё это длилось почти весь тот год, когда на Руси полыхала война. А в то время, когда монголы ушли в степи и наши восстанавливают разрушения, «в королевском лагере Стенби 7 июня 1238 г. подписан договор», по которому кроме прочего были «трижды упомянутые земли, "которые должны будут быть приобретены у язычников общими усилиями" и из которых "король получит две части, и братья (рыцари) третью (часть) со всеми светскими правами и доходами". Под язычниками союзники понимали Русь и подвластные ей земли ижорян, води и корел» (то есть русские земли, просто разделили заранее). Готовилось наступление на Русь, само существование которой порождало тревогу у обосновавшихся на её границах грабителей[436]. Таким образом, Александр с отцом оказывается «между молотом и наковальней».

Папская курия спокойна и сосредоточена, всё просчитано, кольцом охвачена Русь: с востока и юга — монголами, а с севера и запада — силами папских союзников и рыцарей. Южные княжества практически оторваны от Влади-

---

[435] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 193. «…Через венецианцев Субедей был в сношениях с самыми разнообразными общественными слоями Европы и, по мнению подполковника Рэнка, сам папа не был для него недоступен». Под сноской № 4 даётся ссылка на работу подполковника Рэнка: Паназиатизм в XIII веке при Чингисхане и его полководцах. Рукопись. С. 29.

[436] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 239.

миро-Суздальской земли, они продолжают участвовать в европейских распрях, но в отношении монголов уповают на помощь западной родни, или папской курии. То есть не просто союзны, но зависимы становятся от той римско-католической коалиции, от которой отбивается Северная Русь, и оказывать помощь северянам никто из южно-русских князей не собирался. Не собирался потому, что, окажи они хоть какую-то помощь Северу Руси против ордена, и сразу автоматически лишатся помощи Запада, на который уповают, который обещает им помочь и который их предаст. По одной только этой причине, минуя остальные, как помощница северным князьям против рыцарей, Южная Русь была теперь даже немыслима. Такие их действия в глазах северо-восточных князей выглядели предательством, и мнение это вполне можно понять.

Рим, всё понимая, внимательно следит за происходящим — своих агентов курия активно внедряет на севере Руси, и не только там, например, известно, что ещё «в 1235 и 1237 гг. венгерские доминиканцы Юлиан, монах Бенедикт и другие в качестве миссионеров-разведчиков проникли в Волжскую Булгарию и Северо-Восточную Русь. Продолжали они свое дело и у половцев»[437]. То есть, совершенно очевидно, что, во время нашествия получал папа сведения о Суздальских и Новгородских землях прямо из первых рук, и решения, значит, принимал, целиком владея информацией и исходя из неё.

Тем временем ситуация в северных пределах настолько накаляется, что пограничные князья теряют надежду и повторяют ошибки Юга Руси, в частности Смоленск, куда был приглашен один из литовских князей, а так же «и полоцко-минские земли установили какой-то modus vivendi с Литвой. Это было неизбежно, так как Полоцко-Минская Русь, потеряв большую часть своих владений в Прибалтике, сама попадала теперь под удар ордена. Литовское про-

[437] Там же. С. 270.

никновение происходило не в виде единовременного похода и захвата: оно было постепенным, не раз сопровождалось отступлениями»[438].

Отступали, разумеется, не по собственной воле, а когда их прогоняли, и новых сил, у нас там не появилось. Александру по прежнему приходится сдерживать северные рубежи одному (отец не может оставить Владимир, пока не восстановит основные разрушения). Нужно понимать и отдать должное блестящим качествам молодого князя. Кроме всего прочего, Александру Ярославичу нужно было управлять собственно в Новгороде, как в городе, так и остальных владениях, а это огромная территория. В военное время в городах князь имел главенствующую роль и, судя по всему, тогда был порядок. Это говорит о том, что слушались князя новгородцы, что в случае последних было возможно, только если Александр действовал безошибочно и везде успевал. Другая же сторона, точнее, причина его постоянных побед могла быть только одна — это любовь к нему дружины и народа. Новгородцы знали его с детства, на их глазах он вырос в непрестанных походах, а в трудный момент, ещё юноша, он не дрогнул и не бросил их перед монголами ни под каким предлогом, теперь же во главе опытных воинов сдерживает массированный натиск с севера.

Облик любого народа несёт в себе не только влияние окружающей среды (месторазвития), но и прошлое самого народа, которое, накапливаясь, становилось фундаментом, на котором формируется общий стереотип поведения. При этом лучшее всегда особенно оберегается и оставляется для потомков, худшее же (к сожалению, не исчезая бесследно), наоборот, предаётся забвению. Собственно это духовное движение изначально заложено в людях Творцом и является созидающим началом человечества.

Древнюю доблесть русичей не смогли погубить два века междоусобиц, и князь Александр являлся олицетво-

[438] Там же. С. 292.

рением этой доблести, что было очевидно для всех. Самые лучшие качества его великих предков наложили на него свой отчётливый отпечаток. Прибавим к этому отмеченную всеми богатырскую красоту Александра, качества его характера — честность, преданность, справедливость, доброту. Конечно, окружающие не могли его не любить. Рано повзрослел Александр, и уже тогда к нему пришло твёрдое осознание, что Русь может выжить, только если объединится. Однозначно и несомненно, что никакие союзы ни с кем не помогут, спасти Родину может только объединение своего народа.

ВТОРЖЕНИЕ. ШВЕДЫ

Итак, ливонские рыцари с союзниками, как упоминалось выше, уже спокойно распределили, кому сколько достанется из захваченных русских земель, и пока ожидали ухода татар. Стимулируя при этом постоянные нападения Литвы, насколько можно ослабляя русские границы. Они в самом деле консолидировали мощные силы и достойного соперника на севере не видят: для них завоевание Руси — дело решённое. Это их крестовый поход против православия, и начат он давно. Они готовились уничтожить русских как народ, при этом Русь, по их мысли, должна быть стёрта с карты мира как самостоятельное государство, растворившись среди различных держав римо-католической коалиции.

Другое дело монголы, которые повоевали в глубине Руси и уже извлекли для себя ряд полезных уроков. Все города, которые они брали силой, удивляли татар героизмом и самоотверженностью их защитников, а монголов в том веке сложно было удивить героизмом. И героизм нашего народа вызывал уважение кочевников к русичам. Русь же нужна была им, напротив, как сильная и экономически развитая страна, не только как данница, но и как союзница, которая должна жить и развиваться, хоть и под покровительством татар, но, тем не менее, самостоятельно. Монголов, при их мощи, не страшила сильная Русь, наоборот, при их политике это было надёжное укрепление пограничных территорий. Империя Чингисидов контролировала четыре пятых территории континента, предполагая расширить этот контроль на всю его территорию, и пока не существовало силы, способной противостоять этой империи.

Однако контролировать кочевники умели, как никто, так что угроза с восточных и южных границ не ослабевала, Чингисиды продолжали держать в напряжении русских князей, практически не переставая вести военные действия. Рашид-ад-Дин сообщает, что лето и осень 1238 г. и зима 1238-1239 гг. были для татар далеко не мирным временем. Со своих стоянок в Кыпчакской степи они предпринимали карательные походы на Северо-Кавказскую равнину против черкесов и осетин, совершали набеги в Крым и сражались с половцами, убив троих из их ханов[439]. Не всё было спокойно и на восточных границах Рязанского княжества и Суздальской земли: русские летописи упоминают о походах (монголов) против мордвы, города Мурома и к восточным изгибам Клязьмы[440].

В начале 1239 г. Ярослав Всеволодович с большим трудом восстанавливает основные разрушения и как-то возобновляет мирную жизнь в разоренном Владимирском княжестве. Неимоверные трудности, перенесённые его войском при переходе из Киева, разрушения в княжестве, скорбь по близким и обиды, вынесенные им при этом, вылились в военный поход на черниговцев. Именно они, как мы знаем, начали военный конфликт с Владимирским княжеством в такое опасное для Руси время. Когда же монголы вторглись на северо-восток Руси, Чернигов сам помощи не оказал, и Ярослав из-за него оказался к моменту монгольского нападения на другом конце страны. Теперь же, когда в Киеве стало опасно, черниговский князь уходит в Западную Европу, оказываясь сторонником римо-католического блока, в любом контексте враждебного Северо-Восточным княжествам. При этом княгиню со свитой увёз в самую западную заставу черниговских земель — город Каменец, где княжил двоюродный брат Михаила Черниговского Изяслав Владимирович, тот самый,

---

[439] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л., 1960. С. 39.

[440] ПСРЛ, Т. I. Лаврентьевская, Суздальская. Вып. 2. Изд. Стлб. 469-470.

Святой благоверный князь Александр Невский. Фрагмент иконы. Середина XIX в. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

М. В. Нестеров. Святой Александр Невский. Фрагмент мозаичной иконы. Начало XX в. Храм Воскресения Христова (Спас на крови), Санкт-Петербург

который навёл на Киев половцев четыре года назад[441], и именно его тогда пришёл прогнать и прогнал Ярослав Всеволодович.

Теперь же, когда после бурных киевских событий все южные князья этот город просто бросили, а самый серьёзный их представитель — Михаил Черниговский ищет спасения в Западной Европе[442], то владимирский князь, вероятно, не выдерживает и, всё припомнив Чернигову, идёт туда военным походом. При этом разоряет там какие-то земли, а не обнаружив самого Михаила Черниговского, добирается до Каменца, разгоняет там всех и захватывает в плен его жену. Нужно чётко помнить, что монголы в это время ещё были в Кыпчакских степях и активных действий против юга Руси пока не начинали. То есть, разрушены были только северные княжества, и, по мнению последних, во многом из-за черниговцев. Это потом монголы нападут на Юг и внесут свои коррективы в исторические события, сейчас же действия Ярослава вполне объяснимы и понятны.

А если верно наше предположение, что из-за их препятствий на пути Ярослава домой (а других причин не могло быть) тот задержался в зиму с 1236-1237 гг., то всё ещё более оправдано. Тогда становится ясно, почему он и княгиню Черниговскую захватил, ведь черниговцы, по мнению Ярослава, также были ответственны за гибель владимирских княгинь, да и вообще многих людей. Однако, когда князь Даниил попросил отдать княгиню ему (это его сестра), Ярослав сразу отдал. Вполне по этим причинам всё произошло или нет, однако, какое-то «обеима нама зло мыслитъ», сказал Даниил Галицкий о черниговском князе, когда просил Ярослава вернуть свою сестру — чернигов-

---

[441] Татищев В. Н. История Российская. В 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 544.

[442] ПСРЛ. Т. II. Л. 264 об. Стлб. 782. «В лето 6746». «Михаилъ бежа по сыну своемъ передъ Татары в Угры. А Ростиславъ Мьстиславичь. Смоленьского седе Кыеве. Данилъ же еха на нь и я его и остави в нем Дмитра и вдасть Кыевъ в руце Дмитрове».

скую княгиню[443]. Выходит в любом случае, не просто так в такое-то время Ярослав совершил этот поход.

При всей внешне личной обиде, послужившей причиной такого поступка Ярослава, поход этот, в конечном счёте, оказался своевременным. А именно в конце этого 1239 года Литва напала на Смоленское княжество, так что Ярослав, своевременно оказавшись «в нужное время в нужном месте», разгромил там литовцев, благодаря чему приобрёл влияние в сопредельном Смоленском княжестве. И это по времени могло произойти, только когда владимирский князь возвращался из Каменца[444].

Постепенно влияние Ярослава Всеволодовича как великого князя стало распространяться кроме Владимиро-Суздальского на Смоленское и уже ослабевшее Полоцкое княжество. Новгородское — само собой, там теперь прочно его сын Александр, и по действиям последнего понятно, что цель молодого новгородского князя — не просто спастись в такой войне со всех сторон, но во чтобы то ни стало укрепить и объединить родину, все чаяния возлагая на единение как единственную возможность спасения как такового. А что такая цель не только была, но и начала уже им тогда осуществляться, мы видим из следующего.

В 1239 г. Александр берёт в жёны дочь старшего из полоцких князей Брячеслава, свадьбу играли, при этом не в Полоцке, а в городе Торопце. Это на севере Смоленской области, и город этот имеет ключевое стратегическое значение при обороне от Литвы как Смоленска, так же и Новгорода. С роднёй жены — полоцкими князьями — новгородский князь поддерживает самые тесные связи, при этом первого сына своего Александр Ярославич оставляет

---

[443] ПСРЛ. Т. II. Л. 264 на обор. Стлб. 782-783. «Яко бежалъ есть Миъхаилъ ис Кыева в Угры ехавъ я княгиню его и бояръ его поима и город Каменець взя. Слышавъ же се Данилъ, посла слы река: “Пусти сестру ко мне зане яко Михаилъ обеима нама зло мыслитъ”. И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра».

[444] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304 гг. С. 97.

на проживание в другом стратегически важном, однако, теперь самом восточном городе полоцких земель — Витебске[445]. Таким образом, Александр получал вполне законное право по меньшей мере иметь в эти города постоянный доступ, при любом беспокойстве соблюдая, так сказать, кровные интересы. Подобное положение было равно возможности контроля важных пограничных узлов. Стратегически это очень грамотное распределение. Такая мудрость в 19 лет выше всяких похвал.

Вызывает уважение в этом не только то, что Александр Ярославич, оставаясь пока просто удельным князем, держал руку на пульсе четырёх княжеств, но то, что изо всех сил князь пытается спасти Полоцк, уже обречённый и почти захваченный Литвой. В такой безнадёжной ситуации юный Александр спокойно рискует и собой, и своей семьёй. Полоцк спасти не удалось, слишком было поздно, но удалось пресечь нападение Литвы на Новгород и Псков. Литовцы решили добить ослабленную монголами Русь и просчитались. Дальше следует нападение Литвы на Смоленск, Александр их уверенно разбивает; затем битва у города Камно («белый камень»), опять молодой князь наносит им поражение и всё это в том же 1239 году. И управляется Александр со всем этим один без отца. После чего строит ряд укреплений вдоль реки Шелони — это Городец, он к юго-западу от Новгорода, и этими укреплениями наш молодой князь закрывает сам Новгород от нападений с юга[446].

Такая серьёзная деятельность для девятнадцатилетнего юноши приводит к тому, что в самых трудных обстоятельствах, казалось бы, при полной безысходности Ростово-Суздальско-Новгородская земля начинает движение, направленное на сплочение Руси. Именно тогда началось, и не остановится, общее объединение северо-восточных земель Древней Руси. Уже той Руси, которая, в отличие от

---

[445] Там же. С. 99. Сына Александр из Витебска заберёт только в 1245 г. перед крупномасштабным литовским вторжением.

[446] Там же.

Юга, устоит в православии, поэтому всё преодолеет, а преодолев всё, предстанет Великой Россией. Однако это будет позже, намного позже, а теперь...

Теперь обязательно нужно коснуться ещё одного очень важного вопроса, который так же редко упоминается, хотя имеет важнейшее значение, особенно в военное время. Все знают, что война — это самое дорогостоящее предприятие, тем более война оборонительная. Например, Чингисиды богатели год от года с арифметической прогрессией, увеличивая количество данников с каждым завоеванием, а главное, захватывая богатства завоёванных стран, и на тот момент являлись, может быть, самой богатой империей на земле. По мере того как богатела империя, заполонившая собой континент и разорившая Русь, охватив её с юга и востока, так беднела сама Русь, и не только от разграбления. Монгольское нашествие подорвало сельское хозяйство, множество сёл и городов запустело, что вызвало кроме всего и продовольственное оскудение.

В нынешнем положении Руси, кроме этого, все южные торговые пути и возможности были напрочь перекрыты империей монголов, а выходы в северные моря были в свою очередь почти перекрыты папской курией, которая давно объявила Руси экономическую блокаду: «Нарушились торговые отношения между городами и землями, порвались многие внешнеторговые связи. Русь оттеснили от морей: за ней остались выходы только к трем морям — Балтийскому, Баренцову и Белому[447]. Последние два выхода, то есть к Баренцеву и Белому морю, в то время никакой экономической роли играть не могли, реальным путём экономического взаимодействия с другими странами оставался только один выход к Балтике и только через Неву.

Борьба папской курии на востоке и на севере велась равнозначно, и уже давно не ставилось различия между восточными и северными крестовыми походами. Как раз пото-

[447] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 290-291.

му крестоносцы в Прибалтике и имели достаточную материальную базу, что поход в Прибалтику, на Литву и Русь был сразу же приравнен курией к походу на арабов. Рыцари применяли в Прибалтике и против Руси тактику борьбы, выработанную в Передней Азии. Даже свои замки они строили на манер восточных и давали им названия рыцарских крепостей на арабской земле. «Почти одновременно курия издавала буллы, запрещающие продажу итальянскими городами оружия арабам и немецкими — народам Прибалтики и Руси; не раз одни и те же папские легаты (например, Вильгельм Моденский), едва управившись с делами во Франции, спешили в Прибалтику»[448]. В результате этого противодействия северные и северо-западные, торговые пути России либо оборвались, либо совершенно истончились, превратившись при этом в очень рискованные предприятия. Русь была блокирована и держалась в основном на собственных ресурсах. Однако после монгольского удара эти ресурсы были критически подорваны, таким образом наша Родина оказалась в тяжелейшем экономическом положении.

Теперь взглянем на экономическое положение крестоносцев во главе с папской курией — нашего самого непримиримого и основного врага: «Папская курия — могущественная реакционная сила средневековой Европы. XIII век — время упрочения финансовой мощи папства, а "история папских финансов" — это экономический корректив к истории папской политики, и в периодизации истории папских финансов и папской политики наблюдается параллель. Уже в XII в. началось слияние папства с итальянским банкирским миром, развитие папского кредита и централизация финансов. Подсчитано, что в среднем в XIII в. курия собирала с народов Европы на крестовые походы до 1 млн фунтов стерлингов в год».

Потоки денег, собираемые на крестовые походы, придали папе особое положение, он теперь, оставаясь духовным

[448] Там же. С. 279.

главой Церкви, стал ещё и ее финансовым руководителем. «К середине XIII в. складывается автономный финансовый аппарат курии — camera apostolica. Благодаря своей экономической силе, в первой четверти XIII в. ее доход был в три с лишним раза больше, чем, например, Франции». Теперь курия могла оказывать огромное политическое влияние не только на свою церковную администрацию, но и на правительства католических держав. При этом наступление па Прибалтику имело целью увеличение доходов Рима. «Курия уже грезила о притоке золота из русских диоцезов»[449].

Вот такое фактическое финансовое соотношение было между Русью и окружившими её со всех сторон, папской коалицией и Монгольской империей, при этом и одни, и другие, мало того, что считали Русь своей добычей, но уже и поделили её, каждый по своему усмотрению.

Тем временем, империя Чингисидов неуклонно меняет облик прежнего мира, в соответствии со своими, не похожими ни на чьи другие, планами. В конце того же 1239 года Батый продолжает свой поход, и монголы врываются в земли Южной Руси. Первым подвергается разорению брошенное князем Черниговское княжество. Затем начинается захват Киевских земель, до самого города пока дело не дошло. В следующем году монголы возьмут Киев, уже давно потерявший своё значение, чуть живой и покинутый князьями. Может быть, только что описанное нами и известное современникам экономически прочное положение Западной Европы принудило князей Южной Руси возложить все надежды на Запад, и они всё-таки заключили союзы с этим Западом. Это была непоправимая ошибка. Надо ли говорить, что Запад предал их всех.

Латинская коалиция посчитала, что Русь разрушена и бессильна, так что папа принимает давно спланированное решение добить Русь. Выждав, когда разорение монголами юга нашей страны было в самом разгаре, начинается со-

[449] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 278-279.

Святой благоверный князь Александр Невский. Начало XXI в. Москва

Святой благоверный князь Александр Невский. Конец XIX в. Санкт-Петербург

вместный захват севера Руси с разных сторон ливонскими и шведскими крестоносцами. Нападение шведов было первой частью плана объединённого захвата Руси рыцарями и частью важнейшей. Шведы тщательно подготовились к походу, там принимает участие их духовенство с епископами, в общем «обычный» крестовый поход. По указу папы шведский король посылает Ярла Биргера с войском в союзе с рыцарями на «кораблях многих». К июлю 1240 года пройдя по Неве, шведы вышли к устью реки Ижоры.

Князя Александра в это время в Новгороде нет. Пронемецкая партия возбуждает народ к смуте. В Новгороде волнения; одни призывают подчиниться шведскому королю, другие остаются верны великому князю, при этом последние посылают послов к Александру. Немецко-шведскую партию это не очень волнует — шведы-то рядом, у князя для боя только своя дружина, она заведомо мала, а за отцом ехать далеко, ждать же рыцари точно не будут. Короче говоря, в победе они не сомневались, Биргер посылает послов к Александру Ярославичу и передаёт высокомерное послание: «Если не хочешь противиться мне, и вот я пришёл уже, приди и поклонись, проси милости, и дам тебе, сколько хочу. Если же воспротивишься, попленю и разорю всю, и порабощу землю твою, и будешь мне раб и сыновья твои»[450]. Широко размахнулся швед, понимает, что помощь далеко и подойти не успеет. Однако одно дело размахнуться, а совсем другое — ударить.

Молодой князь верен себе и очередной раз являет образ патриотизма и христианской жертвенности, на том временном надломе уже редко встречаемые. Получив известие, он поднимает дружину на битву. Здесь интересно, что дружинники просят его позвать отца с войском, но он, понимая замысел врага, принимает решение выступать в одиночку. И дружинники соглашаются с молодым князем и идут за ним в заведомо неравный бой, дружина была опытная, но

[450] Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 3. С. 9.

и князь не новичок. Всё детство и юность он провёл в боях и походах, и всё на их глазах. Его уважали как воина и верили как князю. Знали, что это не юношеский порыв, а движение воинской доблести. Князь с дружиной идёт в церковь, молится, звучит знаменитое: «Не в силе Бог, а в правде», — эти слова и олицетворяют всё тогда происшедшее.

Много и хорошо описана эта битва, гораздо более искусными авторами, чем мы. Скажем только, что не ожидали такого шведы от двадцатилетнего юноши и малой дружины. И 15 июля в 6 утра сразу с марша Александр с дружиной, атакует лагерь шведов. Те ещё проснуться не успели, как наши начали рубиться сразу по всему фронту. Сковали все силы рыцарей и прижали их к Неве. Те такой доблести и мужества не предполагали. Описано, как Гаврила Алексич во время битвы на коне по сходням ворвался на шведский корабль и стал их крушить прямо там. Шведы, когда опомнились, набросились на него все вместе и столкнули в воду, он выбрался (в кольчуге и доспехах) и снова бросился в бой, своей неукротимостью приводя врагов в ужас. Ближайший друг и слуга князя Ратмир бился один со многими врагами одновременно и погиб.

Сам Александр прорвался к ярлу (по нашим источникам Биргеру), а вокруг ярла окружение из сильнейших рыцарей, попробуй, прорвись, однако наш князь прорвался и ранил его в лицо. От князя не отставала и остальная дружина, в результате шведское войско было лишено возможности какого бы то ни было манёвра и деморализовано, наши же как начали рубиться, так и рубились до вечера, шведы были шокированы, а ночью «благородные» рыцари просто сбежали. Вся дружина покрыла себя воинской славой, а Александр навечно стал Невским. Перед самой битвой одному из воинов, стоящих на страже, Пергусию было видение святых Бориса и Глеба которые сказали, что плывут на помощь Александру. Такая весть вызвала высочайший религиозный подъём, жертвенность и неослабевающую доблесть. Помогал Господь Своему угоднику.

А. Кившенко. Невская битва 1240 г. Александр Невский наносит рану шведскому военачальнику Биргеру

Поверьте, не зря современники нарекли нашего князя Невским, они-то прекрасно понимали происходящее. Слишком важный стратегический узел перекрывали шведские рыцари, выше мы говорили о бедственном экономическом положении Северной Руси на тот момент, почти полной экономической блокаде. Так вот, это «почти» заключалось в том самом единственном оставшемся выходе к Финскому заливу по Неве, который попытались перекрыть шведы. Александр Невский тогда «предотвратил потерю берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси»[451]. Последнее, для нас, было «смерти подобно». Однако это было не всё, но только начало грандиозного обхвата Руси объединёнными силами северного римо-католического блока, и после шведских рыцарей в войну тут же в вступают рыцари ливонские.

То, что это был совместный крестовый поход и задействована в нём была вся папская коалиция, подтверж-

[451] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 293-94.

дается следующим. Епископ — это либо глава епархии, либо один из главных руководителей, максимум один из трёх, но там было несколько епископов, соответственно их могли отправить только с серьёзным войском. «Поскольку должность ярла в 1240 г. занимал (двоюродный брат Биргера) Ульф Фаси, вполне законно было бы предположение, что именно им возглавлялся поход на Неву в 1240 г.»[452]. Тем не менее, в русской традиции остался Биргер, видимо исходили из того, что раз один брат Биргер, значит и другой Биргер (то есть раз братья, то и фамилия одна). Вообще, это несущественно, мы знаем, кто был ярлом в тот год, главное, этот же источник говорит, что во главе войска стоял именно ярл, последний — это всегда ближайший к королю вельможа, второе лицо в государстве. И недопустимо было бы предположить, что в такой важный и дальний поход, с участием церковных иерархов и под руководством одного из главных лиц государства, могли отправить, не очень большие силы. Но, наоборот, только с мощным войском подобное предприятие было возможно.

Теперь другой, мало упоминаемый факт, подтверждающий, что это часть объединённого крестового похода папской коалиции. Как в ливонском войске были датские рыцари, так и шведское войско было объединённым. Единственный источник, в котором эти сведения содержатся, — Первая Новгородская летопись старшего извода, преимущество этого источника в том, что текст был «написан явно в тот же год со слов участников и очевидцев» итак: «...в 1240 г. на Неву пришли «свеи в силе велице и мурмане и сумь и емь», т. е. шведское войско состояло из воинов четырёх разных народов, говоривших на четырёх разных языках. Подобное войско могло быть управляемым и боеспособным, только если оно состояло из четырёх отрядов, составленных по этническому признаку, — отрядов шведов, норвежцев,

[452] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 177.

суми и еми, притом что в каждом отряде команда осуществлялась на своём языке»[453].

Это было серьёзное объединение, зато, если их захватить врасплох, то им было практически невозможно быстро сорганизоваться в бою, что и произошло, а их этнический состав узнали уже от пленных. По поводу Норвегии: мы ранее упоминали о её присоединении в 1237 г. к папской коалиции. Есть данные, разбирались учёные и с этими вопросами, просто надо искать, другое дело, что все ищут в шведских либо немецких хрониках, но там вряд ли станут упоминать о поражении, которое потерпели не они, а папская курия, последняя тоже, документы о своём поражении, если и обнародует, то с точностью до наоборот.

Вот слова учёного, исследовавшего именно эту тему: «…по источникам прослеживается крупная роль в организации и руководстве обоими походами шведских и немецких церковников. В составе шведского войска, пришедшего на Неву, летописью упоминаются “пискупы” (везде во множественном числе); по данным рифмованной Хроники, организатором немецкого похода 1240 г. был дерптский епископ Герман. Шведским и немецким католическим епископам, подчиненным папской курии, и ее легату в прибалтийских странах было, конечно, легче договориться между собой»[454].

Здесь хочется сказать о неизменной ошибочности мнений учёных всегда, когда дело касается Церкви. Это политики договариваются между собой, а первоиерарх Церкви (здесь — папа Римский), если речь идёт об участии Церкви в походе (здесь крестовый поход, т. е. прямое дело Римской Церкви), просто благословляет (даёт указание), что принимается как воля Божия и соответственно выполняется. В поход, при этом, отправляют тех епископов, к епархиям которых относятся участники похода. Если в епархии не один

[453] Там же. С. 159-160.

[454] Там же. С. 156.

епископ, то кому идти предварительно обсуждает совет Церкви (в данном случае папская курия), но благословение, то есть окончательное решение, только за первоиерархом.

Далее вывод профессора (и мы с ним солидарны), что на согласованность шведов и ливонцев указывает сам факт немецкого выступления летом. Немецкие походы в Ливонии всегда предпринимались зимой, когда замерзали болота и реки, и облегчалось передвижение войск. Если поход 1240 г. был организован летом, для этого должна была иметься какая-то необычная причина. Таковой могла быть необходимость согласовать время похода с морской экспедицией шведов. «В нашем распоряжении имеется еще один факт, безусловно свидетельствующий, что договоренность между шведами и немцами действительно имела место. Этот факт — одновременность нападения. Шведский флот вошел в Неву в середине июля 1240 г., немецкие войска вместе с отрядом датчан вступили на русские земли в конце августа. Такое совпадение во времени начала двух завоевательных акций сил католической Европы против одного и того же противника, Новгородской Руси, не могло быть случайностью. Таким образом, походы объединённого шведского-норвежско-финского и немецко-датского войск на Русь в 1240 г. были, по всей видимости, заранее согласованы»[455].

Ну что ж, этот тщательный и действительно грандиозный замысел Рима был сорван Александром Невским в самом начале, и поход шведов, не получив своего развития, терпит крах, а русские границы на Неве спасены. Однако разрушена была только первая часть замысла врага, но его тёмные щупальцы запущены глубоко. Рим своих намерений не оставляет, сам план папской коалиции изначально циничен и откровенен. А именно: предполагалось, что шведы, захватив Русь от Ижоры, защёлкивают кольцо экономической блокады, одновременно сосредотачивая на себе

[455] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 156-157.

Святой благоверный князь Александр Невский. Конец XIX в. Санкт-Петербург

В. Фирсова. Святой благоверный князь Александр Невский. Начало XXI в. Санкт-Петербург

(уничтожая либо рассеивая), те небольшие силы русских, которые оставались в этом регионе. После чего выступают ливонцы со стороны Пскова, там их уже ждут предатели, всё подготовлено — остаётся просто сжать «клещи».

План сей готовился папской курией долгое время, с участием многих деятелей, а задуман был ещё в 1237 году. Сначала вмешались монголы, однако и это оказалось «на руку» папе, ведь теперь Русь была ослаблена неимоверно, оставалось, по их мнению, просто войти и объявить её своей территорией, которая для начала была бы базой сырья, рабов и прекрасным буфером от монголов. И в этот самый момент словно из тени выступил тот, с кем они и считаться не собирались, — 20-летний сын русского князя Ярослава Александр, который просто взял и оборвал их замысел с самого начала. Он мгновенно не просто отбил шведов, но разгромил их, совершенно устранив как боевую единицу. Затем снова твёрдо заградил северные новгородские границы. Да, давно уже им стоял «поперёк горла» этот русский витязь. Тем не менее, намерений своих курия оставить уже не могла, была проведена длительная работа, на поприще измен и предательства враг стал действовать более изощрённо.

Началось осуществление второй части плана папской курии, даже если первая была сорвана, всё равно остановить эту военную оккупацию было нельзя, военный механизм был приведён в действие. Слишком долго и серьёзно готовила этот захват римская дипломатия, при этом силы были собраны достаточные для того, что бы и теперь захватить обессиленную монголами Русь. Остальное не заставило себя ждать. «Немногим больше месяца прошло со времени битвы на Неве, как немецкие крестоносцы, собранные из всех крепостей Ливонии, в том числе из Оденпэ, Дерпта, Феллина, а так же датские рыцари из Ревеля предприняли большой поход на Русь»[456].

[456] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 294.

ТЕПЕРЬ НЕМЦЫ

На Руси началось самое тяжёлое, просто знаковое время. Шёл 1240 год, то есть в разгаре завоевательный поход монголов на Южную Русь, это, соответственно, ставит нас перед тем фактом, что вся немецко-датско-шведско-норвежская коалиция крестоносцев свой захват Северо-Восточной Руси начала только после того, как Батый начал завоевание юга Руси. Подобная ситуация, подтверждает, те данные что курия, если и не согласовывала напрямую (что очень вероятно), своих планов с монголами на тот момент, то уж точно выстраивала и сообразовывала свою стратегию с учётом действий имперской армии Чингисидов. Этим объясняется как время захвата Северо-Восточной Руси крестоносцами, так и то, что почти все страны Западной Европы к этому времени заключили союзы с теми или иными, но всеми нашими южными князьями, убедив последних, что смогут спасти их от монголов.

В итоге с начала похода монголов на Южную Русь Запад, с одной стороны, своим массированным нападением на северян, и одновременным союзом с южанами, исключил взаимопомощь севера и юга Руси. А с другой, южным князьям Запад обещанной помощи не оказал, просто предал, оставил в добычу монголам, сам же решил (за это?) забрать в добычу себе, пока северные пределы Руси, считая, что монголы ушли с севера совсем. Монголы, кстати, больше всего ненавидели предательство, и думается, что такое поведение Западной Европы давало им моральное право, на дальнейший западный поход и на то их отношение к союзникам Запада, какое мы увидим впоследствии.

На севере Руси в новгородских пределах положение таково, что пока в самом разгаре завоевание юга Руси и монголы захватывают Киевские земли, у нас вторжение шведских рыцарей с одной стороны и ливонского ордена с другой. В это время выясняется, что во Пскове не одна только боярская пронемецкая группировка (знакомая нам с 1228 г.) под руководством Твердилы Иванковича ждёт рыцарей, а равно и некоторые из псковских князей. «Так, в 1239 г. Ярослав, сын беглого псковского князя Владимира, "подарил" дерптскому епископу "Псковское королевство"»[457], что опять основная фигура — епископ — нас давно не удивляет. Тем не менее, снова Александр стоит перед лицом измены, которая давно и тщательно была подготовлена.

Александр в Новгороде, там тоже есть сторонники немцев, но пока они помалкивают. Наш князь при таком общем положении на Руси не может рассчитывать на войско отца, строго говоря, пока не известно, как поведут себя монголы, они могут и вернуться, в таком случае обнажать Владимирскую землю нельзя. Александр рассчитывает на помощь дружин из Пскова и других окрестных городов, но те не спешат, каждый надеется либо отсидеться за стенами крепостей, либо поладить с орденом. Но рыцари ордена делают своё дело, захватывают Изборск, затем Псков. Последний в своей истории выдержал 26 осад и считался неприступной крепостью, сейчас же врагу просто открывают ворота, открывает тот самый Твердила с боярами, причём по согласию князя. Измена. Псков даёт крестоносцам заложников, а те бояре, которые против измены, вместе с семьями бегут в Новгород[458]. Опять же «совпадение», Киев был захвачен Батыем 6 декабря «в Николин день», примерно в это же время сдают и Псков. Только Киев, брошенный своими князьями, проявил пример героизма, а его воеводу Дмитра монголы всего израненного захватили в плен, но за

[457] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 294.

[458] Там же.

проявленное им мужество пощадили[459]. А Псков сдают без боя свои же князья.

Положение гибельное, нужно срочно собирать войско, и в это время сторонники латинской коалиции создают смуту в Новгороде. Горожане выходят из подчинения, в результате конфликт в новгородском стиле, князю слишком очевидно предательство. Радость недавней победы покрыта горечью измены. Тяжёл крест Невского героя. До самой кончины он не сможет снять с пояса меч, а измена будет его постоянной и горькой спутницей. Скоро Александр утвердится в том, что нельзя прощать предательство Родины, особенно в военное время, и будет сурово карать за измену. А пока летопись бесстрастно сообщает, что в Новгороде: «бысть пря великая», и князь в зиму уезжает в Переяславль. Он забрал с собой мать, жену и слуг, словно совсем покидая. Не верил больше Александр Невский новгородцам и видеть их не хотел, вполне понятно — предательство есть предательство.

К началу 1241 года во Владимир уж точно пришли вести о падении Киева, как и том, что творится на юге. Монголы после разорения Черниговского и Киевского княжеств приступили к разорению Галицко-Волынских земель. Кочевники лютуют и лютуют, по известной и неблаговидной для нас причине. В Киев Батыем было отправлено посольство, и когда глава этого посольства отправил парламентёров к киевским князьям, те, как и при Калке, убивают монгольских послов, лиц по всем правилам любой войны неприкосновенных. Только в последнем случае Батый отправил с посольством своего ближайшего брата Мунке, будущего великого хана[460], таким образом, оскорбление получилось значительно обиднее, и монголы мстили особенно сильно. Сведения о войне на юге Руси, безусловно, так же хорошо, если не лучше, были известны запад-

[459] Ипатьевская лет. // ПСРЛ. Т. II. С. 178, под 6748 г.: «Дмитрия же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его».

[460] Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 3. С. 7.

Святой Александр Невский в житии. Начало XVII в. Москва

Святой Александр Невский. Первая треть XIX в. Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург

ным державам, у них связь с Чингисидами была налажена давно[461].

В это время рыцари захватывают Водьскую землю и облагают её данью. Папская курия передаёт епископу крестоносцев Генриху Эзельскому «…право ведать церковно-политическими вопросами на …Водьской, Ижорской земле, Неве и Карелии»[462]. Это объединённая армия, кроме немцев и датчан в составе с ливонцами отряды эстов, так же источники говорят об отрядах литвы. Эта армия захватила крупные русские территории в районе городов Изборск — Псков — Сабель — Тёсов — Копорье[463]. Происходит планомерный захват, а после взятия городов Тёсова и Ям ливонцы в Копорье построили крепость, откровенно намереваясь утвердиться в Новгородской земле.

Подобные действия называются оккупацией. Образ жизни рыцарей и их поведение остаются прежними. Изменники спохватились и сразу вспомнили, с кем связались, но память у них прояснилась совершенно только тогда, когда вся захваченная территория подверглась грабежам и разбоям. Наконец, начали самих купцов новгородских хватать, грабить и отнимать все товары в районе 30 км. от города. Положение безвыходное, соответственно бегут к Александру Невскому, тот отказал — глубоко они оскорбили князя, особенно если учесть, что он у них с детства. После неудачи они бегут к великому князю Ярославу, тот посылает им другого сына, Андрея, но те умоляют послать к ним Александра Невского. Понять их можно, ситуация катастрофическая, у ливонцев серьёзные силы и оккупирована уже большая территория; всем ясно, что кроме

---

[461] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 143. Ещё во времена событий 1222-1223 гг. «поход Субедея способствовал установлению новых международных сношений. Через Таврический полуостров монголы вошли в контакт с генуэзцами, а также с соперниками последних — венецианцами».

[462] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 295.

[463] Там же.

Александра не справится никто. Александр Невский в это время в Переяславле на Клещине озере и новгородцев даже видеть не хочет. Новгородцы обращаются в Церковь, и вопрос, наконец, решается: «…и пошёл архиепископ Спиридон из Новгорода с лучшими мужами к великому князю Ярославу Всеволодовичу во Владимир, он же дал им сына своего князя Александра»[464].

Идёт Александр, здесь не о новгородцах речь — Русь в опасности — надо идти. Мы помним, что Русь находилась в бедственном военно-экономическом состоянии. Если в это время силы рыцарей смогут закрепиться на серьёзной территории, то при практически неограниченных возможностях папской курии в финансовом отношении, у Руси не будет практической возможности долго противостоять их военному блоку. Это прекрасно понимали и рыцари, пытаясь укрепиться всеми силами. И уж конечно, этого не мог не понимать Александр Невский, который, не оглядываясь, в который раз идёт в бой против заведомо превосходящих сил.

Теперь ему, естественно, подчиняются все. Александр собрал новгородцев, ладожан и карел. Тут уже одной битвой не обойдешься, князь начинает освободительный поход. Сразу берёт приступом Копорье и разбивает там ливонских рыцарей, а изменников теперь казнит, всё, нет больше возможности прощать предателей. Далее Александр освобождает Водьскую землю. Победы в результате решительных действий князя и мужества русских воинов придали смелости местным жителям, глубоко в тылу врага. В 1241 г. в Эстонии вспыхнуло антинемецкое восстание, где жители перебили рыцарей и латинское духовенство, «едва избежал смерти и незадачливый претендент на русские владения епископ Генрих»[465]. То есть обнаружилось, что

---

[464] Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 3. С. 10-11.

[465] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 295. Восстание было в Эзеле на острове Саарема. Орден в подтвердит в договоре с повстанцами, что ливонцы принуждены к этому успешным контрударом русских.

ливонцы, как-то перестали, контролировать ситуацию в своих собственных завоеваниях, где же их неограниченная помощь? А помощи нет, и, как оказалось, пока не будет.

Не рассчитывала папская курия, на то, что кто-то перехитрит её саму, невозможно ей было даже предположить такое. Но империя Чингисидов и не хитрила, а просто продолжала жить своей жизнью и не считалась никогда, особенно с людьми способными на предательство (имеется в виду только то время, пока монголы соблюдали Ясу). «На Рождество 1241 года монголы по льду перешли Дунай (Пешт был взят). Угорский король Бела V бежал к Адриатическому морю»[466]. У монголов были серьёзные претензии к венграм, те приютили половцев и убили послов Батыя. Но кочевая империя обладала такой мощью, что небольшие страны поодиночке не завоёвывала. И кочевая война тремя потоками хлынула на западную окраину материка.

Не будем здесь подробно описывать западноевропейское вторжение монголов, отметим только важные для нас моменты. Один из отрядов, тот, который был назначен, для вторжения в Польшу, подчинялся хану Бандару. Там хан «нанес полякам решительное поражение под Шидловом; после этого монголы взяли и сожгли Краков, переправились через р. Одер и повели наступление на Бреславль». В то время, пока хан осаживает цитадель Бреславля, у г. Легница собирается объединённое войско польских и немецких рыцарей, Бандар снимает осаду и выступает навстречу армии противника: «После ожесточенного боя 9 апреля 1241 года под Лигницем погиб цвет немецкого и польского рыцарства, но и монголы понесли тяжкие потери, победа осталась на стороне Бандара»[467].

Заметим, что этот «цвет немецкого и польского рыцарства» был разбит только одним из отрядов Батыя, при этом,рыцари имели численное преимущество, но монголы

---

[466] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. С. 92.

[467] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 200-201.

их разгромили тем же манером, что и южнорусских князей при Калке. Таким образом, кроме прочего, было установлено превосходство азиатского военного искусства над европейским, выведены из строя Польша и поддерживающий её Тевтонский орден. Разорив окрестности Легницы, монголы вторглись в Моравию, предав её всю огню и мечу до границ Чехии. Сам чешский король Венцеслав (Вацлав) покидает свою страну, несколько городов сопротивляются[468], но монголов это не задерживает, и они наступают далее, а Батый был уже в сердце Венгрии.

Этой войной монголы, не желая того, оказали нам помощь, блокируя Западную Европу в самый опасный для Руси момент. Нет, Ливонский орден не был финансово зависим, это очень богатое и обширное объединение, целое государство, и в Россию они уже ввели достаточный, по их мнению, и на самом деле мощный военный контингент, но вот помощь неограниченная, хотя бы в воинском подкреплении, прекратилась. Одно дело воевать с превосходящими силами противника, другое дело — война в тех же условиях, но когда у этого противника почти бесконечное подкрепление, в последнем случае они рано или поздно перемололи бы остатки русских войск. Именно это положение заставляло бояр и некоторых наших, а также смоленских и полоцких князей, безусловно понимающих это, искать мира с орденом. Но как воин, ещё более сознавая это и тогда ещё не зная о будущем, с самого начала и без малейших колебаний вышел на эту брань Александр Невский. Вышел на брань по существу со всей северной коалицией, не надеясь, что у рыцарей могут возникнуть какие-то проблемы, однако, ни о каком мире с католиками в его случае не могло быть и речи.

Ливонцы укрепились, и выбивать их приходится с трудом, но теперь-то можно повоевать. Кроме этого, ввиду серьёзности положения и конечно учитывая, что монголы

[468] Там же. С. 201. Это города Брно и Оломоуц; их обороной руководил талантливый воевода Ярослав из города Стернберга.

ушли за западную границу и скоро прийти не смогут, отец даёт Александру, помимо новгородцев карел и ладожан, свои владимиро-суздальские полки. Интересно так же то, что Александр не просто воевал, но воодушевил народ на освободительную борьбу с общим для Руси врагом, и это было очевидно даже для врагов, даже: «Немецкая хроника сообщает, что князь "приготовил свой народ" к борьбе»[469].

Искусно управляя войсками, молодой князь шаг за шагом освобождал Русскую землю. Однако только к следующему году Александр Невский подходит к Пскову, завоёвывает его, вышибает гарнизон Ливонского ордена, изменников наказывает примерно, и поделом — церемонии окончены. Почти полных два года Псков был во власти рыцарей, эта цифра должна отложиться у каждого в голове, иначе нам не понять в какой опасности была наша Русь. Очень хорошо это понимали современники. К войску князя присоединяется и псковское ополчение, поход принимает объединённый освободительный характер, а Александр Невский воспринимается народом не просто как воевода, но как предводитель освободительного движения Руси (кем он на самом деле и являлся). К концу зимы 1242 года он освобождает остальные города и территории Родины. Рыцари стягивают все силы в одно место, Александр же идёт с войском им навстречу, в пределы Ливонского ордена — Чудскую землю.

Территория Ливонским орденом была захвачена обширная, и в конечном итоге с разных мест у рыцарей собралось большое войско. На Чудском озере у Вороньего камня, наконец, русское и ливонское войска встречаются, и происходит сражение. Эта битва тоже описана много и подробно. Отметим только, что захватчики могли спокойно уйти, но силы у них были собраны такие, что они в победе не сомневались. Нашему Александру здесь 22 года, он уже известный полководец и Невский герой, с каждой

[469] Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 296.

В. А. Серов. Ледовое побоище. 1942. Областная картинная галерея, Пенза.

битвой возрастая в воинском искусстве, теперь показывает себя не только мужественным витязем, но и зрелым стратегом. Против правил размещает войско «спиной» к обрыву, как бы отрезая себе отступление и лишая манёвра. Основные силы при этом расположил на флангах, а центральный полк создаёт только видимость основных сил и должен, вместо того чтобы, по мнению противника, принять основной удар, — во время атаки разойтись в стороны и пропустить врага в ловушку.

Рыцари выстроили на льду Чудского озера войска таким порядком, который называется «свинья» (клин с тупым остриём); при тяжёлом вооружении рыцарей такой строй в лобовом бою был неотразим. Крестоносцы не сомневались в успехе и всей мощью ударили этой самой «свиньёй» в центр наших полков. Наш центральный полк принимает бой, чуть сдаёт назад, а когда немецкая «свинья» со всей мощи глубоко врезалась в наши ряды, центральный полк легко разошёлся в стороны, за ним был обрывистый берег. Туда и уткнулась носом вышеупомянутая «свинья». Ливонские полки не успели понять, почему перед ними вместо полков обрыв, как и то, что это они теперь лише-

В. М. Назарук. Ледовое побоище. 1982

ны как манёвра, так и возможности отступления. Не успели понять, потому что Александр Невский не дал им такой возможности; он мгновенно отдаёт приказ своим главным силам, которые с обоих флангов тут же бьют во всю свою силу. Сам князь с отборной дружиной ударил в тыл ливонцам. Наши воины во главе со своим предводителем так обрушились на врага, что битву эту очевидцы назвали не иначе, как «Ледовое побоище». Некоторые историки считают, что наши подтолкнули немцев к «Вороньему камню», возле которого били ключи, и лёд там был тонкий, это не обязательно, у берега и так всегда лёд тоньше, время было апрель месяц, а рыцарю в латах, чтобы оказаться беспомощным, большой глубины не надо.

Ю. Н. Трузе. Ледовое побоище. Иллюстрация из книги А. Соколова «Святой витязь земли Русской». 2008. Нижний Новгород

Очевидец же повествует: «И бысть сеча зельна на немцы и на чудь, и трескъ великъ от копий ломания и звукъ страшенъ отъ мечнаго сечения… и не бе видети леду: покрыло бо ся кровию»[470]. После битвы Александра встречают во Пскове торжественно: навстречу вышел крестный ход со всем духовенством, крестами и иконами, народ ликовал, встречая князя-освободителя.

«На льду Чудского озера русское войско пятого апреля 1242 года наголову разбило крестоносную рать, убив 400 рыцарей, да 50 взяв в плен»[471]. В войсках крестоносцев воинов, не имеющих рыцарского посвящения, в несколько раз больше, то есть на каждого рыцаря не менее двух оруже-

[470] Житие св. благ. кн. Александра Невского.

[471] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 296.

носцев. Так что летописи говорят о главных виновниках — собственно рыцарях. Блестящая победа на Чудском озере была достойным завершением этого освободительного похода. Границы Руси были восстановлены. Замысел Римского папы разрушен, северный крестовый поход захлебнулся. Как шведы, так и немецкие рыцари разбиты наголову. Но каков Александр Невский! Невозможно налюбоваться этим ещё, в сущности, очень молодым человеком.

В. А. Серов. Въезд Александра Невского во Псков после Ледового побоища. Начало XX в.

ЗАПАД. НАКАЗАНИЕ

Монгольская буря, обрушившись на Европу, сокрушала все, нанося разрушения гораздо большие, чем на Руси. Взят и разрушен Краков, заняты Люблин и Сандомир. 9 апреля 1241 года в Силезии при Легнице совершенно разгромлены, как упоминалось, объединенные польско-немецкие войска, занят Бреславль, разграблены Моравия, Словакия, наголову разбиты угорские войска. При этом под Будапештом (тогда это была серьёзная крепость), венгерский король Бела V был в соединении с хорватскими войсками и там: «В происшедшем на р. Шайо, притоке Тисы, решительном сражении... венгерская армия была уничтожена, от 65 000 хорватско-венгерских войск легло 56 000, король спасся бегством в Далмацию, а его брат Коломан, герцог Хорватский, был ранен, отчего и умер впоследствии. После этой победы Будапешт стал легкой добычей монголов и подвергся всем ужасам огня, меча и разграбления. Для преследования бежавшего венгерского короля был назначен отряд Кадана; остальная часть армии устроилась на зимовку в привольных венгерских степях, причем в течение зимы овладела последними из оставшихся в руках венгров городами»[472].

Хорватия с частью Далмации входила тогда в состав Венгрии, а король Бела, между тем, 10 месяцев находился в Загребе. Он разослал своих послов за помощью по всей Западной Европе: к папе, немецкому королю Фридриху II, в Чехию, Францию и Италию, однако, никто в Европе

[472] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 202.

не откликнулся на его призыв кроме папы, который смог только прислать письмо несчастному венгерскому королю, в котором даровал «большое отпущение грехов всем тем, кто возьмет оружие на защиту короля Белы от монголов»[473]. Кто-то удивится, но даже за такое вознаграждение никто не решился пойти на помощь венграм. Бела оказался брошен на растерзание монголов.

Тем временем, отряд Кадана на Рождество 1242 г. по льду перешел Дунай и в погоне за Белой, с необыкновенной быстротой прошел Славонию и Хорватию, взял Загреб и обложил далматинскую крепость Клиссу (близ теперешнего Сплита), но король прятался в соседней крепости Трогир, укреплённой и окруженной тогда водой. Кадан, овладев Клиссою, подступил к Трогиру, однако, король успел убежать и скрывался на маленьких островах Адриатического моря, сначала Кралевай, а затем на острове Рабе.

Тогда монгольский воевода, бросив Трогир, сжег сербские приморские города Свач и Дриваст, взял города Рагузу (Дубровник) и Каттаро, после чего опустошил часть Боснии и направился через Албанию, Сербию и Болгарию на присоединение к Бату. Кроме этого Батый отправил отряд в пределы Австрии, главным образом в целях фуражировки и глубокой разведки. Отряд этот, проникнув до города Нейштадта, немного не дошёл до Вены и только к концу зимы был отозван к главной армии, которая двинулась на юг и, переправившись через Дунай, прошла в Болгарию, где к ней присоединился Кадан. Сам Бату с войском в то время ударил на города Острогон, Стольни Биоград (Белград), Весприм и Джур. Всё это произошло в том же 1242 году[474].

У Западной Европы не было ни малейшей возможности противостоять монголам или избежать повсеместного и беспощадного поражения. Походу этому, казалось, суж-

[473] Там же. С. 203.

[474] Там же. С. 203-204.

дено было полностью разрушить всю западную окраину материка, в принципе кочевникам не пригодную, так как кроме Венгрии (Угрии) там нормальных кочевых степей не было, поэтому государства западной окраины, соответственно, не были даже сопредельными местам обитания кочевников. Может быть, понимая, что заново возвращаться в столь удалённые от степей места у них потом не будет причин, монголы громили и грабили нещадно. Совершенно беспомощные, в жутком страхе ожидали своей страшной участи все западноевропейские монархи, и, казалось, не существовало сил, которые могли бы хоть как-то противостать натиску этой азиатской армады.

У людей не существовало, Но существует неведомая людям воля Творца, которую мы можем только иногда проследить, наблюдая за поведением непостижимой и прекрасной дамы — Истории. Последняя же, словно устав от затянувшегося военного сюжета, усталым поворотом головы вдруг разом всё прекратила, очередной раз показывая нам, что истина отстоит где-то очень далеко от того, чем живут люди.

И тогда же в 1242 году Батый получил известие, что в империи Чингисидов неожиданно умер великий хан Угедей. В случае смерти великого хана, в империи Чингисидов согласно Ясе должны прекращаться все продвижения и действия: «каждый должен был остановиться в том месте, которого достиг, будь оно необитаемым или пустынным»[475]. Соответственно все монгольские ханы обязаны повсеместно прекратить военные действия и со всех концов ехать в Монголию на берега Онона в Каракорум (Приамурье, древняя столица монголов), где традиционно будет собираться курултай для выбора великого хана.

Перед уходом Батый собрал армию у устьев Дуная для смотра. Здесь же было решено Молдавию и Болгарию сделать юго-западной границей Батыева удела. Для управле-

[475] Джувейни Ала-ал-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. С. 180.

ния этими двумя землями был оставлен полководец Ногай из дома Чингисхана[476]. После чего Батый уводит войска на нижнюю Волгу. Там им будет основан город Сарай. Европа, хотя завоевана и не полностью, но совершенно сокрушена, обессилена и деморализована. Монголы ушли, наконец-то и на Руси передышка.

Не видя со своей стороны пользы от вмешательства в решение вопроса о престолонаследии, Батый уклонился от участия в предстоящем курултае, ограничившись отправкой туда посольства. В волжских степях хан занялся организацией своего улуса, получившего название Золотой Орды. В ранг столицы и ставки хана Золотой Орды был возведен построенный мусульманскими зодчими благоустроенный город Сарай на Волге, недалеко от нынешней Астрахани[477].

Общая ситуация, очередной раз изменившись самым кардинальным образом, изменила и отношение людей друг к другу. Сильнейшая в мире армия, наш самый серьёзный и непобедимый враг — империя Чингисидов — во время этой войны всё-таки проявляла качества, достойные уважения, и невольно оказала, мягко говоря, услугу, отправив Европу в цейтнот. А римо-католики, столько сил и интриг приложившие для уничтожения Руси, обнажили свою слабость, патологическую склонность к предательству, как и неисцельную утверждённость в ереси.

При новой расстановке сил на материке деятельность Римских пап не изменилась — такова суть ереси. И теперь их силы, как магниты с разными полюсами, в постоянном противодействии со всеми православными государствами на территории бывшей Византии, а так же Балканах. Никея — наша патриархия, конечно, в этой непрекраща-

---

[476] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 205. За этими областями простирались горы: Балканский хребет и Трансильванские Альпы, не представлявшие ценности для степняков. Итак, крайней линией достижения монгольской конницей на Западе была следующая: на Адриатическом море Каттаро и Клисса, Загреб в Хорватии и Нейштадт под Веной. В 1248 г. власть Ногая признает и Сербия.

[477] Там же. С. 208.

Святой благоверный князь Александр Невский. Икона

Е. Клюгерев. Святой Александр Невский. Мозаика 2003

ющейся борьбе, борьбе, которой не суждено остановится никогда. И у себя в Западной Европе все их союзы и коалиции будут нападать на православие, всегда с целью уничтожения. Ересь помрачает разум, и сосуществовать с ней невозможно, но ей нужно противостоять, хотя бы ради самосохранения. Никея, наш единственный «органический» союзник, сама сейчас нуждается в помощи. Император Никеи, зять предыдущего императора Феодора I Ласкаря (муж его дочери Ирины), Иоанн III Дука Ватац (1222-1254), решительный и энергичный правитель, пытаясь обрести сильного союзника, сблизился с «антипапским» германским императором Фридрихом II (Гогенштауфеном), а после смерти жены Ирины женился на дочери Фридриха II Констанции, в православии Анны.

Для православия очень опасная связь, например, когда немецкий император обещал очистить Константинополь, то Ватац обещал признать себя вассалом Фридриха II[478]. Тем не менее, православие в Никее твердо, все внешнецерковные связи наших стран по прежнему интенсивны, однако, скажем, конкретную военную помощь, Русь оказать своей патриархии была, к сожалению, просто не в состоянии.

Русь сама крайне ослаблена и нуждается в помощи, при этом очевидно, что чуть только оправится от монгольского потрясения папская курия, как сразу же возобновит военную экспансию против Руси. Причём, совершенно очевидно — процесс этот сам по себе неостановим. Надо было искать какой-то выход и искать срочно. Поэтому, когда в следующем 1243 году Батый позвал к себе Ярослава Всеволодовича, тот поехал, не раздумывая. В тот момент великого хана ещё не избрали, курултай пока только собрался, но наследники хана были уже там, в Каракоруме. Великий князь берёт с собой старшего сына Константина, сам едет к Батыю, а того отправляет в Приамурье в ставку великого хана, чтобы сын мог увидеть всё своими глазами.

---

[478] Васильев А. А. История Византийской империи Т. 2. Отд. 2. Никейская империя. Союз Иоанна Ватаца с Фридрихом II Гогенштауфеном.

Александр Невский остается на северных военных рубежах. Надёжней его у Ярослава никого не было, а на северные границы к тому же опять нападения. Крест Александров — защита отечества, и он его несёт как само собой разумеющееся. На Новгородские земли с новой силой начались регулярные нападения Литвы. Дело в том, что пока Европа была в онемении от степного удара, а шведско-ливонские рыцари со своими союзниками искали себе могилы в российских землях, Литва была в безопасности, и литовский князь Миндовг объединил литовские племена, после чего, усилившись, избавился от власти недоуменных ливонцев.

Однако, освободившись от влияния рыцарей, по заразительному примеру своих недавних господ решил нападать не на своих бывших угнетателей, а на Русь. Решив, видимо, что так безопаснее, считая русичей поверженными монгольским нашествием. Миндовг — опытный и серьёзный противник. Бои начинаются один за другим, пока просто набеги, зато постоянные и по всей границе. Александр отбивается везде. Нападения литовцев усиливаются, набирают силу и, наконец, к 1245 году эти набеги превращаются в самое крупное и решительное вторжение Литвы в Русские земли.

Всё началось как очередной набег на г. Бежичи, это к востоку от Новгорода. Потом сразу захватывают Торжок, и всё перерастает в грандиозный военный поход. Занимаются обширные территории восточных и южных Новгородских земель. Движутся крупные силы, завоевывают города, население грабят. В то время, когда грабились территории Торжка и Бежиц, на литовцев напали новоторжцы со своим князем, однако, потерпели поражение от Литвы, те отняли у них коней и с пленом пошли дальше. Причём, не убегали, а продолжали захват. К новоторжцам присоединились тверцы и дмитровцы, и снова была битва под Торопцом, и снова безуспешно, кроме того литовцы заняли Торопец.

К утру подходит Александр Невский с новгородскими войсками и становится во главе объединённого войска

русичей. Александр разгромил литовцев наголову, отнял пленных, всё нагробленное, а князей их «изсече более 8». Но это были не все силы врага. В этом походе Литвы против нас впервые литовские племена действуют во множестве и согласованно под руководством многих князей. И Александр, отпустив новгородцев, сам со своим войском погнался за врагом. Под Жижичем новое сражение, здесь также литовцы разгромлены, а князь теперь, сказано, не упустил никого и добил оставшихся князей врага.

После этой победы Александр Невский идёт в Витебск только «в мале дружине» и забирает оттуда своего сына. А на обратном пути встречает, у города Всесвята, новую рать литовцев. Здесь силы уже явно не равные, и наш князь буквально чудом одерживает победу: «и тут ему Бог поможе, и техъ изби, а самъ приде здравъ и дружина его»[479], разгромил-таки последние силы захватчиков наш князь. С Литвой после этого было закончено надолго, бед же и проблем от неё в тот момент было для Руси катастрофически много. Вот так-то, между тем князю Александру 25 лет, а у него давно законно и героически заслужена слава освободителя русских земель. После такого становится понятно, почему его так почитала вся Русь.

Наверно это единственный случай, когда 25-летний князь в глазах народных был защитник отечества и имел славу непобедимого воина по той единственной причине, что был этой славы вполне достоин. Мы должны так же знать, что, кроме прочего, князь был одним из самых образованных людей эпохи, знал несколько языков, имел прекрасное образование. Ничего без молитвы не делая, своим христианским образом жизни утверждая людей в вере, духовно и морально возвышая окружающих его людей. Где был Александр Невский, там не было места злу.

[479] Новгородская первая летопись. С. 79. Под «В лето 6753», л. 131 об.

ГИБЕЛЬ ОТЦА И НАЧАЛО БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

К концу подходит первая половина удивительного XIII века. За то время, пока Александр Невский громил войска литовских князей, успел приехать из ставки Батыя отец Ярослав. В ставке Батыя Ярослава встретили ласково, было проявлено уважение, заключён мирный союз под началом империи, Ярослав остаётся великим князем. В летописи запишут: «Батый же почести Ярослава достойною честью, и отпусти его, и дасть старейшиньство въ всем Русскомъ языце и поиде с великою честию в землю свою»[480]. Власть на Руси оставалась прежней, сохранялся строй, уклад и религия, причём с Церкви, а равно всех служителей Церкви, снимались все подати. Для православного христианина подобное отношение к Церкви говорило о многом, и было основным из решающих факторов. Батый вызвал доверие Ярослава, и он не жалел о союзе с Чингисидами, в тот момент это было решением множества неразрешимых до этого проблем. Так же поехали к Батыю племянники Ярослава и его брат Василий Всеволодович. За каждым из них Батый также оставил свою вотчину[481].

Кстати, крайнее заблуждение думать, что в те годы кто угодно мог поехать к хану, просто дать побольше денег и получить желаемое княжество. Нет, не нарушали монголы русского престолонаследия, за крайним исключением, которое, как известно, подтверждает правило. Но наруше-

---

[480] Московский летописный свод конца XV века. С. 136. Л. 170. Под 6751 г.

[481] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 321. «В лето 6752».

ний этих было не больше, чем до монголов и чуть позже мы скажем об этом. А между тем татары, пусть и не вольно, но поставили так необходимую на Руси преграду междоусобицам.

Впервые наши князья после стольких лет вражеских нападений со всех сторон ощутили опору. То, что это были монголы, прошедшие недавно сокрушительным набегом по Руси, смущать тогда не могло никого. Мы выше указывали на подобную ситуацию с половцами, которые, множество раз нападали на Русь, «40 только больших опустошительных набегов, а малых не счесть»[482]. И тем не менее, этих половцев русские князья сами приглашали на свои междоусобные войны и завоевывали с их помощью свои же русские княжества. Южные князья, постоянно друг с другом воюя, звали то венгров, то поляков, то немцев, то австрийцев, которые разрушали наши города (один бедный Киев чего стоит), так это войны между русскими княжествами, и такая практика была почти двести лет. Причём, когда этим же половцам грозила беда, наши оказывали им военную помощь, тут, я думаю, примеры общеизвестны и излишни. Это плохо, но такой был тогда период развития, через это прошли все развивающиеся страны.

Итак, в 1245 году из Каракорума приезжает брат Александра Невского Константин. То, что увидели в империи монголов и рассказали на Родине Константин со спутниками, не только подтвердило рассказы отца, но добавило много удивительного и произвело глубокое впечатление. Огромность территории, принадлежащей империи Чингисидов, поражала и подавляла очевидцев, вот слова из предсмертного завещания Чингисхана детям: «…Я завоевал и покончил (укрепил) для вас, детки, царство такой пространной ширины, что до центра его в каждую сторону будет один год пути…»[483], далее современник повествует:

---

[482] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2000. С. 91.

[483] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 158.

«Умер он в походной обстановке так же просто, как и прожил всю жизнь. Глава обширнейшего из государств мира, занимавшего 4/5 Старого Света, властелин около 500 миллионов душ»[484]. Мы очерчивали вначале границы этой империи, но после смерти Чингиса завоевания монголов значительно увеличились. Теперь от пределов Адриатики до Тихого океана, по России, через погибший Булгар по Каме, за Уралом до верха Енисея, а вниз до северной (включая её) Индии, теперь весь Китай и Корея, а на Ближнем Востоке — почти до Месопотамии. Включая, естественно, всю Великую Степь, Среднюю Азию и Каспий, Кавказ, Причерноморские степи, Крым и далее по берегу возвращаются к только что завоёванным румынским и прочим западно-европейским странам. Просторы эти любому человеку покажутся безграничными.

Месяцами ехали наши путники, проезжая тысячи и тысячи километров, и не было видно ни конца, ни края империи монголов. Особенно глубоко поражал порядок в стране кочевников. Караваны шли спокойно и никогда не грабились, любой путник мог беспрепятственно путешествовать по всей территории. Гостей не могли обидеть, как не могли оставить без пищи, воды или ночлега. Яса Чингисхана была железным образом жизни степняков. Управление всей империей разделено на четырёх правителей, главных Чингисидов, эти четыре улуса в свою очередь делились на меньшие улусы, их ханы отвечали перед старшими за порядок в своих владениях. Вся империя беспрекословно подчинялась великому хану.

Чтобы не быть голословными, приведём отрывок из описания устройства империи Чингисидов: «…Вся империя покрылась густой сетью таких почтовых линий. “Ям” исполнял одновременно функции современного телеграфа, рельсовых путей и почт. Каждый длинный путь разделялся на участки, управлявшиеся особыми “дорожными

[484] Там же. С. 161. Автор в сноске поясняет, что по современному ему (в начале XX века) подсчёту, там было более миллиарда человек.

Святой князь Александр Невский

Святой благоверный князь Александр Невский. Икона. Свято-Данилов монастырь, Москва

губернаторами", облеченными неограниченной властью в сфере ведения каждого из них… Благодаря наличию на линиях сообщений такой твердой власти, обычные в те времена грабежи на больших трактах совершенно исчезли в Монгольской империи. Например, при преемниках Чингисхана пути между Хивой и Крымом были так хорошо устроены, что можно было ездить из Хивы в Крым без малейшей опасности, и по всему протяжению пути, продолжавшегося около трех месяцев, не надобно было брать с собою никаких съестных припасов, потому что все необходимое можно было получить в гостиницах». На особом положении были курьеры, у них были дощечки (пайцзы) с изображением кречета: «Эти люди, летя "как стрелы", покрывали в сутки расстояния до 250 верст. В случае падежа лошади на перегоне между двумя ямами, обычно около 25-30 верст длиною, такой курьер имел право взять в обмен павшей лошадь у первого попавшегося», и ещё, так же впечатляющая деталь: «Почтовых зданий, обставленных с большой роскошью, имелось более 10 000. На некоторых бойких станциях содержалось по 400 лошадей на каждой. На прочих число это колебалось от 50 до 200. Сообщения происходили не только верхом, но и на колесах; езда на ямщицких телегах обязательно производилась с колокольчиком для предупреждения яма о приближении ямщицкой телеги во избежание задержки в подаче свежих лошадей»[485]. При их возможностях это совершенно естественно. Государство всадников, органически должно быть государством надёжных дорог, с гарантией полной безопасности передвижения, иначе существовать не сможет.

В столице этой империи Каракоруме Константина встретили приветливо, отнеслись доброжелательно и гостеприимно, а Александр, впечатлённый услышанным про империю, всецело поддержал отца. В год приезда Константина великий князь Ярослав Всеволодович поехал к Батыю

[485] Там же. С. 48-49.

с двумя братьями, тремя племянниками и большой свитой[486]. Союз Руси с Батыем был необходим Батыю самому, после союза с Русью его улус становился самым большим у Чингисидов, а Батый серьёзнейшей фигурой в империи. Этот союз был для сарайского хана жизненно необходим, особенно сейчас, в условиях междувластия, пока не был выбран великий хан. Так же, если не более, это оказалось необходимо для Руси.

Папская курия, проиграв в открытом бою на всех позициях, начинает применять весь свой многовековой опыт предательства и интриг. Действовать начали через южных князей, которые уже были запутаны родственными связями с Западом и вырваться не могли, либо, в самом деле, верили западной родне. Русь же, пока была в союзе с Батыем, была для папства неуязвима, курия хорошо это понимала и внимательно отслеживала действия русских. В империи Чингисхана были всегда представители от папы, и тогда была делегация во главе с папским легатом Плано Карпини. На пути в Золотую Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с князем Даниилом Романовичем, возвращавшимся от Батыя. Посланник папы предлагает князю переговоры с курией, и тот, прибыв к себе, а жил тогда Даниил в г. Холм, посылает оттуда своего представителя к папе. Между тем папа, получив сообщение от Карпини, отправил на Русь свои буллы. «В один день из папской канцелярии вышло 6 посланий на Русь; три из них были обращены к князьям Юго-Западной Руси; папа брал Юго-Западную Русь под “опеку” св. Петра и извещал, что выслал на Русь двух доминиканцев, монахов Алексея и Генриха; в следующей булле он сообщал, что направляет архиепископа Прусский Альберта (Зуэбеер) легатом для искоренения “греческих заблуждений”, и просил поддерживать его в этом, а также служить Альберту советом в татарских делах»[487].

---

[486] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304 гг. С. 98.

[487] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 252.

Подобное не может, находиться в тайне, и Батый реагирует сразу. Вызывает к себе Даниила Галицкого, тот подчиняется монголам и отказывается от союза с Римом. Однако предательство, пусть кратковременное, но было, и мы увидим последствия. Плано Карпини находится в это время там же, но помощи никакой оказать, естественно, не в силах. После неудачи посол папы едет в Каракорум, в ставку великого хана, обдумывая новую интригу. В 1246 году Чингисиды, наконец, выбрали великого хана — это Гуюк, сын Угедея. На торжества приглашены все правители империи и гости со всего континента.

На этих торжествах Ярослав Всеволодович Владимирский удостаивается особого уважения. Карпини пишет в посланиях папе о том, что Ярослава поставили выше всех иноземных правителей, его знают и демонстративно оказывают особое расположение. Сам Батый на торжества не приехал, а Ярослав, как правитель самого крупного государства Джучиева, то есть родового улуса Батыя, был на торжествах представителем последнего[488].

При таком положении дел Рим оказывался мало того, что совершенно бессилен против Руси, но, наоборот, вся римская коалиция была теперь под угрозой, именно Батый являлся для них самой устрашающей фигурой. В прошлом походе на Запад разорить всю Европу ему помешали просто случайные обстоятельства, и в принципе ничего не мешало Батыю подобный поход повторить. А что могло помешать этому хану? Дорогу он к ним уже «проложил», находился ближе всех остальных ханов, дело оставалось за малым — за причиной. И если у самого Батыя не было, например, особого желания нападать на западную окраину Европы (прямо скажем, бедновата), то у Ярослава Всеволодовича были самые серьёзные и причины, и желание уничтожить влияние римо-католиков в Европе, причём, чем раньше — тем лучше.

[488] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. С. 96.

После Батыева похода все западные монархи просто трепетали от одной мысли о приходе татар. Есть рассказ Матфея Парижского о том, с каким ужасом французский монарх говорил о татарах[489], и это было общее состояние западноевропейских правителей. В то время как монгольский хан обращался не иначе, как: «Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным …»[490] и прочее. Такой страх перед монголами уже лишал папу реальной власти на тот момент, просто потому, что скованные страхом монархи, не имея реальных сил, теперь потеряли и волю. Скажем, с годами это могло бы как-то наладиться, если, например, переговорами, подарками и обещаниями предотвратить возможность нового монгольского похода. Однако теперь Ярослав Всеволодович мог совершенно реально уничтожить все завоевания пап, более того, если его не остановить, то это уничтожение было неизбежно.

Далее происходит следующее: на этих торжествах Ярослав Всеволодович заболевает и по дороге домой через несколько дней умирает. Летопись свидетельствует: «Тое же осени (1246 г.) Ярославъ князь, сынъ Всеволожь, преставися во иноплеменницехъ ида от Кановичь, месяца семтембря въ 30 на память святаго Григорья»[491]. В самом деле, дорога в Каракорум летом в жару иногда до +50 градусов, а в полупустыни и более, для человека из северной Руси всегда неимоверно трудна, если передвигаться теми средствами. Известно, что «что двигался он с огромной свитой, большая часть которой умерла в дороге…»[492]. Так что, вполне возможно, что к сентябрю Ярослав уже был тяжело болен и

---

[489] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 206-207. Матфей Парижский передаёт диалог французского короля с королевой матерью, где в каждом слове сквозит страх.

[490] Там же. С. 207.

[491] ПСРЛ, Т. I, Лаврентьевская, Суздальская. Вып. 2. Изд. 2. Стлб. 471. Под «В лето 6754 г.».

[492] Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200-1304 гг. С. 98.

в дороге или (по другим источникам) сразу перед дорогой скончался.

Папский легат Карпини сразу распространяет слух, что князя отравила ханша-мать. Наши летописи, как Никоновская, например, просто повторяют его слова. Далее францисканец говорит, что князя перед ханшей оклеветали, обвинили в союзе с папой Римским. Якобы та по своей глупости поверила в это, да тут же, прямо на торжествах своего сына, взяла и отравила Ярослава. Летопись называет и фамилии клеветников, мы не будем их называть, оставим это на совести Карпини. Чуть более серьёзные историки в такое, естественно, никогда не верили. Вот, например, слова Карамзина: «Монголы, сильные мечом, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых». Безусловно, прав историк.

Невозможное дело, чтобы в Орде, на торжествах по избранию великого хана, во время присутствия там всех гостей и других прямых наследников на престол, так нарушили Ясу. Это нарушение закона гостеприимства и убийство доверившегося тебе гостя, за эти преступления у монголов по закону — смертная казнь. Жив был и находился там же Субедэй Багатур — «честь и совесть монголов», он славился тем, что за всю жизнь не нарушил Ясу. Там же были другие, ещё здравствующие, ветераны Чингисхана. Это одно обеспечивало строгое соблюдение закона. И потом здесь были другие прямые наследники, которые считали себя не менее достойными престола, и они не позволили бы допустить на великое ханство человека, который перед всеми так опорочил империю. Яса была тогда — гордостью монголов и единственной гарантией благополучия их империи. Нет, такое вопиющее нарушение закона для Гуюка, как великого хана, было «смерти подобно». И немаловажен в этом случае и тот факт, что Гуюк был покровителем христиан. Вот, например, слова Джувейни про атабека великого хана: «…по религии он (атабек) был христианином, то и Гуюк принял эту веру, и её образ был написан на страницах его души…

он оказывал всевозможное покровительство христианам и их священникам…и на службе у него состояли по большей части христианские лекари…»[493], наконец, сама мать Гуюка Туракина — христианка (несторианка)[494]. Как раз, вернее всего, именно это учёл Батый, отправляя вместо себя Ярослава, правителя христианской страны, и в самом деле владимирский князь пользовался особым доверием и был в Орде на положении большем, чем просто гость. Сам Карпини об этом и свидетельствует в своей «Истории», рассказывая, как их встречал в Орде «воин Ярослава в присутствии клирика, бывшего с ним, а также другого клирика, бывшего с императором», при этом толмач спрашивал о знании грамоты: «Русских, или Сарацинов, или также Татар»[495], то есть, как говорит Пашуто, русские дипломаты в Орде имели особый вес[496].

Но, даже минуя все эти доводы, невероятно, чтобы такое сделала просто родная мать Гуюка — она ханша, что такое Яса знала не хуже других. Джувейни пишет о мудрости и уме Туракины, при этом приводит пример, когда она хотела отомстить своим старым врагам и ей этого не позволили другие ханы, в частности её собственный сын Катян, как раз ссылаясь на закон гостеприимства и несмываемый позор, в случае его нарушения[497]. Но главное — зачем, какой смысл?! Батый тогда уже был старшим из Чингисидов и очень влиятельным человеком в империи, он единственный, кто позволил себе не приехать на курултай, но прислал своих представителей. А убийство его посланника уж ни как не меньше, чем убийство посла, а значит прямое объявление войны, раскол империи, что тогда было совершенно невозможно.

---

[493] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Т. 1. С. 178.

[494] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. С. 96.

[495] Карпини Иоанн де Плано. История монголов. С. 58.

[496] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 273.

[497] Джувейни. Указ. соч. С. 166.

Святой благоверный князь Александр Невский

Святой благоверный князь Александр Невский. Образ перед мощами. Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры, Санкт-Петербург

Еще более удивительно — за что?! Карпини пишет, что отравили как союзника папы — да это глупость. Во-первых, сразу бы разобрались, в чем дело. Сам же Карпини был там с делегацией от папы, здесь же был Даниил Галицкий, который заключал союз с Римом, и это стало известно монголам. Ну и что? Вызвали Даниила, отругали, тот отказался от союза с Римом и был жив-здоров. Другой обратный пример — в этом же году в Золотой Орде казнили святого Михаила Черниговского, который заключал военные договоры в Западной Европе против татар, например с Польшей и другими, пытаясь по их же просьбе создать какой-то антитатарский блок. Там было трагическое стечение событий, пример, когда человек доверился своей западной родне, а те его предали, и чтобы не пострадало его княжество, близкие ему русские люди, он сознательно поехал на верную смерть, и его прилюдно, на страх другим, казнили, погиб он, как мученик. Но это другой рассказ, про другого святого.

Предмет нашего рассуждения состоит в том, что монголы не могли отравить у себя дома, тайком, человека, если он их предал, наоборот, его в таком случае казнили бы показательно. В то время как предательство и убийство гостя — позор, не смываемый для степняка и по сию пору. Монголы в связи с убийством Ярослава отпадают как версия. Отравить Ярослава мог только чужой, только тот, кто одновременно ненавидел и монголов, и Русь, кому нужно было любой ценой опорочить обе эти державы и внести между ними раздор. Такова по существу была только папская курия, а делегация его была «тут как тут». Вот в связи с этим как раз есть характерная несообразность официального результата миссии Карпини и той награды, какую он за эту поездку, получил от папы.

А именно: «Донесение Плано Карпини понравилось папе, который вскоре сделал его генералом францисканского ордена»?![498] Не кем-нибудь, простите, а генералом

[498] Карпини Иоанн де Плано. История монголовъ. Введение, в конце первой главы лист 9.

(что само по себе заветная мечта любого францисканского монаха), а в начале следующего года после его приезда от монголов Карпини уже видят архиепископом, то есть вернулся в 1247 г. и сразу генерал[499], а уже в 1248 г. его видят архиепископом[500]. За что спрашивается, такое мгновенное возвышение?! Сразу скажем, что ни отправленного в 1247 г. во главе другой миссии доминиканца Асцелина, ни монаха минорита Рубрука позже, такие почести не ожидали. Переройте все анналы и увидите, что никакого миссионера, даже за очень удачные миссии и важные доклады, сразу такое возвышение никогда не ожидало. Но это только начало, так как фактом является то, что миссия Карпини вообще была неудачная, то есть просто «нулевая», совершенно никакого результата на проповеднической стезе не давшая. Хорошо он смог в своём докладе только скрыть цель поездки[501]. О дипломатическом результате его миссии Пашуто говорит, что дипломатические усилия курии натолкнулись на полную веротерпимость татаро-монголов и, таким образом, не достигли цели[502]. В общем, дипломатические связи папы (и мы этого коснёмся в нашей работе) как с монголами, так и с другими правителями осуществлялись курией посредством множества различных деятелей, в том числе и монахов, здесь у Карпини точно нет больших, чем у других, заслуг. Теперь по поводу его записок, то есть самой его «Истории», в книге о ней сказано: «К сожалению, францисканец далеко не отличался особым образованием и не приготовился к своему путешествию так добросовестно, как это сделал Рубрук. Поэтому, сочинение Плано де Карпини преиспол-

---

[499] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 263. «Карпини выехал из Лиона в 1245 г., вернулся в Лион в 1247 г.».

[500] Там же. С. 266. «В марте 1248 г. к королю по поручению папы ездил Карпини, ставший архиепископом, по словам Паоло Панса, старинного биографа Иннокенттия IV…».

[501] Там же. С. 263. «Описание путешествия в Золотую Орду к Бату и в великоханскую ставку составлено им (Карпини) с таким искусством, что основные цели миссии скрыты совершенно».

[502] Там же.

нено всякого рода баснословиями»[503]. От себя скажем, что любой, кто прочтёт сию книжицу, сразу в этом убедится. Как и в том, что, скажем, каких-то особенных разведданных там тоже нет. Можно обратить внимание на описание быта и различных церемоний, но подобное тогда было в общих чертах известно, а уже описания обычаев и нравов откровенно противоречивы. И очень сомнительно, чтобы папе это написание могло понравиться, Иннокентий IV был всё же человеком образованным. Так за что же такая награда?!

Для того, чтобы сразу так возвысили, нужно было совершить какой-то совершенно особый подвиг, такой, который бы принёс огромную «пользу» папской политике. Но ничего такого за время его присутствия у монголов не произошло. Ни одного события, «полезного» для курии, кроме одного, и это было отравление Ярослава, либо удачно инсценирована клевета об отравлении русского князя монголами. Что в обоих случаях несло вред Руси и вносило раздор с монголами, то есть было именно то единственное, что так необходимо было папской курии. Как вам такая версия? И сразу как печать звучат слова Карамзина: «… яд орудие злодеев слабых». Архиепископ Антиварийский Плано Карпини безбедно пробыл на должности генерала ордена францисканцев до конца жизни, а прожил он до глубокой старости.

Да, тяжелейший удар в спину Александра, он всегда любил и почитал отца. Кто может представить горе и состояние Александра Невского, при этом он оказался в сложнейшей политической ситуации. Да… Ничего не скажешь, интрига высшей категории, просто гроссмейстерское передвижение по доске, такое может погубить кого угодно. Кого угодно, кроме Александра Невского, и с этого времени начинается его битва на политическом поле. Битва самая ответственная, так как вся история заполнена примерами правителей, которые, будучи непревзойдёнными военны-

[503] Карпини Иоанн де Плано. История монголовъ. Введение, гл. 1, лист 8.

ми стратегами, оказывались лёгкими жертвами политики, погубляя в одночасье все свои завоевания. Итак, началась самая грандиозная политическая битва Александра Невского, при этом противники русского князя — наиболее видные и самые маститые деятели «большой» мировой политики той эпохи.

ЖИЗНЬ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Александр приезжает из Новгорода во Владимир, там вместе с братьями оплакивает и хоронит отца. Александру Невскому 26 лет, однако, он уже серьёзный воевода с многолетним военным опытом, ну а господин Великий Новгород с детства показал ему, что такое измена, как и благородные рыцари хорошо научили разбираться в предательстве и интригах. Сообщается в летописях, что он казнил предателя (в чём?!) Ярослава — это, якобы, был боярин из свиты отца. Ярослав Всеволодович был человеком умнейшим, и невозможно представить, чтобы он взял с собой в ставку хана людей, которые способны на такую подлость, а вот римские посланники вполне способны были втереться к кому-то из бояр в доверие и с их помощью подобраться близко к князю. А там уж возможны любые интриги, и яд, и подлог. В таком случае и такой обстановке князь за это боярина казнил бы сразу. Понял наш Александр Невский всё, а когда будет в Каракоруме, то просто по монголам увидит, что не они отравили отца, уж на кого-на кого, а на изменников и предателей он насмотрелся с детства и ошибиться не мог.

Но не будем забегать вперёд. Итак, после похорон отца князь возвращается в Новгород, туда в 1247 году к нему приезжают послы от Батыя с посланием: «Мне покорилъ Богъ многи языки, ты ли един не хощеши покоритися державе моей? Но аще хощеши ныне соблюсти землю свою, то пришедъ поклони ми ся, и узриши честь и славу царствиа моего»[504]. Александр Невский идёт к епископу Кириллу и

[504] ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник. Патриаршая, или Никоновская, летопись. С. 134 под 6755 г. (1347).

спрашивает благословение на поездку к Батыю, владыка Кирилл благословляет его на это, после чего наш князь едет, не сомневаясь. С ним же его младший брат Андрей.

После смерти отца Александр в семье остался старшим, оказываясь теперь «лицом к лицу» как с монголами, так и с римо-католическим блоком, на него ложится ответственность принимать решения. Да, теперь нужно самому увидеть «честь и славу» азиатской империи. Со своей стороны Батый давно ждал этой встречи, много был наслышан о молодом победителе немцев, шведов и литвы. Не забыл хан и то, как он с непобедимым Субедеем не решился напасть тогда на Новгород и отступил. Хорошо знал Батый про Александра Невского и, как воин воина, заведомо уважал его. Последнее сразу обнаружилось при их встрече, когда Батый, по свидетельству летописи, воскликнул: «Правильно мне говорили, что нет другого такого князя»[505].

Существует также твёрдое предание, что Александр в ставке у Батыя отказался исполнять предписанные монголами языческие обряды, через которые надлежало пройти всем перед входом в ханский шатёр. Тем не менее, золотоордынский хан повелел пропустить русского князя. В шатре перед ханом Александр кладёт поклон, объясняя своё поведение не проявлением благоразумия, но тем, что перед ним старший правитель, который без воли Божией не мог оказаться на этом месте. Должно сказать, что и на Руси клали земной поклон перед великим князем, если была соответствующая ситуация. Батый убедился лишний раз в справедливости собственных слов в отношении Александра Невского, оказал почесть братьям и согласно порядку правления в империи отправил братьев в Каракорум для представления их великому хану и одобрения последним собственно своего (Батыя) выбора.

В ставке великого хана должны уже были знать про слухи, распущенные об отравлении монголами Яросла-

[505] Там же. С. 134 под 6755 г. (1247). «Якоже сказаша ми о немъ, тако есть, несть кто подобенъ сему князю».

ва Всеволодовича. Однако Александр спокоен, он понимает и видит по поведению монголов, что они не травили его отца. Те, в свою очередь, оценивают его доверие и всегда будут отвечать русскому князю тем же. Когда Александр с братом туда приехали, их окружают почётом и уважением. Сама ханша (меркитка и христианка) всячески их ублажает, показывает своё расположение и покровительство. Александр Невский заслуживает уважение в империи, выбор Батыя одобрен.

Ф. Моллер. Отказ Александра Невского исполнять татарский обряд поклонения огню и кусту. Фрагмент росписи Александровского зала Большого Кремлевского дворца. XIX в. Москва

Здесь уместно и должно сказать, что никогда Александр Невский не смирялся и не отдавался в рабство предводителям диких кочевых орд, а равно никогда не стоял перед выбором между Востоком и Западом. Но вошёл в союз и посчитал необходимым для спасения Родины встать под защиту сильнейшей империи мира, завоевавшей самые большие территории за всю историю человечества, большие, чем в своё время Рим[506]. Империи высокоорганизованной и не имеющей на тот момент в военном и культурном отношении какой бы то ни было альтернативы. Эта держава совершенно упраздняла влияние папской

[506] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Звенья русской культуры. В приложениях, в разделе «Монгольское иго в русской истории». С. 237. «Круг земель и народов, охваченный монгольской саблей, был значительно шире того, который очерчен был ранее римским мечом».

В. Курдюмов. Князь Александр Невский в Орде. Конец XIX в.

курии, как и любых других сил, действующих тогда в мире. Чингисиды оставляли нетронутым строй, быт и уважали религию подчиненных стран, умышленно сохраняя этим сам Логос[507] народа. За дань, которую брали монголы, ими гарантировалась стопроцентная защита от любого врага. В случае мира с ними — это было гарантированное в то время спасение для любой страны.

Другой важнейший аргумент, который просто тщательно скрывается, но который является исторической истиной, состоит в том что, таким образом «Русская земля попала в систему мировой империи — империи Монгольской. Мировое значение имела Римская империя времён Траяна и историческое продолжение её — Византийская империя эпохи Юстиниана, а затем Василия II (Порфирородного). Мировая империя Византии была разрушена крестоносцами-латинянами в 1204 году. Латинские же средневековые империи — учреждённая Карлом Великим в 800 году «Священная Римская империя Германской нации» и другая, Константинопольская империя Балдуи-

[507] Здесь мы не имеем в виду прямой перевод: логос — «слово», нет, в данном случае это Логос в категории, близкой к взгляду преподобного Максима Исповедника. Если коротко — то духовная суть, высшее сакральное содержание самой души, самого существа человека. Более подробно о понятии «Логос» есть у Епифановича С. Л. в работе «Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие» на с. 55-56. Там очень доступно изложено.

на — мирового значения иметь не могли. «Империя Германской нации» имела значение лишь провинциально-европейское. Империя Константинопольская латинская не имела и такого значения. Роль Рима и Византии — объединительницы культур Запада и Востока, культуры земледельческой, морской и культуры кочевнической, степной — эта роль в начале XIII века, после падения империи Византийской, перешла на империю монголов»[508].

Много лет нам пришлось заниматься историческими разысканиями по этой тематике, и вся данная работа была проделана для того, чтобы можно было с чистой совестью рассматривать жизнь Александра Невского, твёрдо убедившись в истинности именно этой одной фразы. Вспоминая эти годы работы в монастыре и отдавая им должное, повторим: никогда Александр Невский не подчинялся диким кочевникам и никогда не стоял перед выбором между Западом и Востоком. Такого выбора не существовало. Александр Невский осознанно и целенаправленно спасал Русь от Запада единственно возможным способом, временно присоединяя её к самой высокоразвитой империи того времени. При этом, он заложил в основание дальнейшего развития нашей Родины необратимые процессы объединения страны. Это и только это привело нашу Родину и наш народ к тому, что весь мир затем назвал — Великая Россия. То есть он привёл свой народ к самому себе. Последние слова звучат как парадокс? Да, но такова дама, имя которой — ИСТОРИЯ, и если бы я не был монахом, то это была бы дама моего сердца.

История — это, собственно, события, расположенные во времени, а взгляд на эти события уже зависит от личности того, кто смотрит. Например, не может иудей истинно радоваться разрушению Святославом Хазарии, а католик никогда не разделит с нами радости побед Александра Не-

[508] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии с половины VI века до настоящего времени. Звенья русской культуры В приложениях, в разделе «Монгольское иго в русской истории». С. 237.

вского над крестоносцами, мы же всегда будем предавать позору иудейство, дела инквизиции, разрушение Византии, любую ересь как таковую и вообще любые проявления антихристианства.

История — это не география, не отображение ландшафта, меняющегося в веках согласно законам природы, но отображение издревле продолжающейся борьбы добра и зла в наших душах. Кто победит? За это уже каждый да держит ответ пред Богом. Но именно эта борьба является качественным процессом взращивания одними поколениями людей других, последующих поколений, и какими будут эти люди, таким будет и отношение Творца к человечеству, что, в свою очередь, является непостижимым, но истинным механизмом истории. Так что, не понятно: вышли мы в этом рассуждении за рамки нашей темы или нет, но возвращаемся в XIII век — время Александрово.

Нет, монголы из врагов не превратились в друзей, уж слишком разный образ жизни, но стали союзниками. Для нас достигнуто главное — никогда после этого Европа не сможет представлять для Руси прежнюю опасность, разом и навсегда рухнули все замыслы папской курии. Наверное, поэтому Европа всю жизнь будет очернять и монголов, и русско-монгольские отношения.

Кроме всего, новое расположение мировых приоритетов, ослабив силы римо-католиков, создало Никейской империи более благоприятные условия для борьбы, теперь там энергичный император Иоан Ватац, при нём Никея начинает усиливать своё влияние и возвращать потерянные территории, забился пульс Византии. При всей запутанности восточной политики, после падения Константинополя и возникновения новых империй, Русь, невзирая на политические крены, твёрдо держалась прежних церковных отношений. Своих связей с патриархией Русская церковь не ослабляла никогда и в самые тяжёлые времена, а церковная жизнь в бедствиях менее интенсивной не бывает, скорее наоборот. В этом легко убедиться, стоит

Х. Прохорова. Святой благоверный князь Александр Невский и святой праведный Иоанн Кронштадтский. 2001. Храм Успения Пресвятой Богородицы, Санкт-Петербург

Н. Щербачев. Святой князь Александр Невский. 1801

только прочесть работы великого труженика митрополита Макария.

Только в годы бедствий со времени рождения Александра Ярославовича на Руси сменилось одних епископов 25 человек. Три епархии закрыты — Белгородская, Перемышельская, Юрьевская, одна епархия открыта — Холмская. Епархий было 14, а патриарх тогда был Мануил II. Во епископы поставляли только с благословления патриарха, тут письмом не обойдёшься, очевидно наличие прочной церковной связи. Такая связь возможна только при частых личных контактах, и уж поверьте, что ни один гость русский, уж не говоря о посольствах, не посмел уехать из Никеи, не оставив пожертвований, больших, чем мог себе позволить. И Русская Церковь в те времена изобиловала прекрасными иерархами, как всегда, вполне это открылось во время бедствий. Во многих захваченных городах епископы, имея возможность уйти, предпочитали остаться и погибнуть со своей паствой. Другие же были примером добродетели для паствы. Пример неослабного труженика Христова — Ростовский владыка Кирилл. Пока во Владимире не было своего епископа, владыка Кирилл туда приезжал всё время, умудрялся ездить и в Киев.

На Руси монголы не нарушают порядка русского престолонаследования, великим князем становится брат князя Ярослава Святослав. А детям Ярослава дают уделы, завещанные их отцом, из уважения к Ярославу. В этом случае не стали соблюдать ряд старшего с младшим, но привели в исполнение завещание отца, на Руси такая практика приживётся значительно позже. Никоновская летопись это подтверждает[509]. Далее, на другой же 1248 г. один из младших братьев Александра Невского Михаил Московский

[509] ПСРЛТ. Т. X. Никоновская летопись. С. 134, 6755 г. (1247). «…князь Святославъ Всеволодичь по смерти брата своего Ярослава Всеволодичя сяде на столе на великом княжении въ Володимери, а братаничи свои: князя Александра Ярославичя, и князя Андрея, и Констянтина, и Афонасьа, и Даниила, и Михаила, и Ярослава, и Василиа посажа по городомъ, якоже уряди братъ его князь велики Ярославъ Всеволодичь…».

«Хоробрит» отнял у дяди Святослава великое княжение и сам заступил на его место[510]. Вот этот бесспорный факт, между прочим, делает очевидным то, что не очень-то боялись русские князья нарушить ханский указ, значит, не было на Руси в то время строгого татарского контроля. Тем не менее, ситуация такова, что пока братья в Монголии, младший затевает усобицу. Узнав такое, Александр с братом срочно покидают Орду и едут домой. Путь далёк, и пока они добирались, на Русь нападает Литва. Михаил встречает неприятеля на смоленской границе, там наши войска разбивают литовцев, но Михаил в бою погибает. Александр приезжает и только успевает похоронить брата, как его опять вызывают в Орду.

[510] Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 130.

СЕВЕР И ЮГ. ЕЩЁ ВМЕСТЕ

Снова изменения в политике, идёт 1248 год, и теперь умер великий хан Гуюк[511]. Чем это может обернуться, неизвестно, но вызывают, и ехать надо срочно. Александр собирается и снова едет в далёкий путь, ему 28 лет и с самого детства вся жизнь его напряжена, как нить накаливания. Сначала они с Андреем едут к Батыю, потом в Приамурье в Каракорум. Там до курултая правит вдова хана Айгуль Гаймыш. Она приветливо встречает братьев, оказывает им всевозможное расположение. Великое княжение теперь даётся Александру Невскому, соответственно его — Новгород и Киев, который монголы по-прежнему считают столицей Руси и прерогативой великого князя, Андрею, как младшему, согласно закону империи, отдаётся удел отца, у нас это Владимир. Ханша старалась, и по их закону всё соблюдено в должной мере, так как Яса Чингисхана, в частности, указывает: «...Раздел

А. К. Быстров. Александр Невский в Орде. Эскиз. XX в. Храм Христа Спасителя, Москва

[511] Есть у всех, здесь взято у Хара Давана, указ. соч., с. 208.

имущества основывается на таком положении, что старший получает больше младших; меньший же сын наследует хозяйство отца…»[512], при этом великим ханом мог быть любой из детей, тот — кого выберут на курултае, независимо от старшинства.

После утверждения Александра великим князем ему полностью доверялось правление, это, в общем, было характерно для монголов: «Доверяя надзор за порядком в Русской земле старшему великому князю, татары без призыва самих князей не имели ни повода, ни желания вмешиваться в княжеские дела… наконец, и отношения князей к населению не подвергалось постоянному надзору и регламентации татарской власти… существо княжеской власти оставалось то же» — это вывод профессора Платонова, ниже он пишет: «Великое княжение оставалось неизменным в потомстве Всеволода Большое Гнездо, в линии его сына Ярослава. В течение не многим более ста лет с 1213 по 1328, 15 князей из четырёх поколений были на Великом столе, из них только три захватили престол с явным беззаконием… — это Михаил Хоробрит, Юрий и Константин … если мы обратимся к дотатарскому периоду, в так называемую Киевскую Русь, то увидим там однородный порядок и однородные правонарушения. Очевидно, татарская власть ничего не изменяла в старом проявлении этого обычая»[513].

И как раз в случае с Александром Невским, наоборот, соблюдалась древняя традиция русичей. На Руси великому князю с рюриковых времён принадлежал Киев и Новгород, начало и конец варяжского пути с Великим столом в Киеве. Для татар он там и оставался, их-то как раз Русь интересовала нераздельная. Утверждение Великого стола ещё и во Владимире сделало этот город «столом» великого князя Владимиро-Суздальского княжества, пусть самого влиятельного на Руси, однако, не великого князя всей страны.

---

[512] Хара Даван, указ. соч., с. 178 под № 34.

[513] Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С. 95-96.

Речь сейчас о том, что такая ситуация сложилась совсем недавно, и сами князья русские чувствовали, что великое княжение неполноценно без Киева, и как раз поэтому все они при малейшей возможности добивались Киевского стола. Настоящий же разрыв Руси Северной и Южной начался на наших глазах, после пришествия монголов, на что последние не считали нужным обращать внимание, подчеркивая этим, кстати, то, что Русь в их понимании нераздельна. И мы видим, что, например, ни Даниилу Галицкому (самому влиятельному на юге), ни какому другому из Южной Руси Киев не был дан, но Александру Ярославичу.

В самом деле, русские свой образ жизни в принципе не изменили, кроме существенного дополнения. Того именно, что великий князь теперь имел в лице татар неограниченную военную помощь от внешних врагов и мог пресечь любую междоусобицу. Соловьёв в своей работе говорит: «Какая разница между участием монголов и половцев в княжеских отношениях? Та, что для склонения хана монгольского на свою сторону князь должен был ехать в Орду, тогда как для задаривания половецкого хана князь встречался с ним на границах степей, следствия были одни и те же»[514]. Нечего возразить в данном случае профессору, добавим только, что монголы были стопроцентной защитой от любой мировой державы той эпохи, а вот от половцев ожидать подобного было нереально.

Но сейчас Александр Невский остаётся у себя в Новгороде, в Киев он даже не поехал, этот город потерял прежнее значение, осталась только «харизма» столицы. Князь вынужден отправить туда татарских баскаков, только так можно было оградить город от того, чтобы его не разоряли, без конца захватывая, как раньше, то один, то другой князья. Сам же Александр Невский начинает использовать новую политическую обстановку для осуществления его давней мечты — объединения Руси в лоне Православия. Цель

[514] Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 130.

святая, и враг, естественно, не дремлет, особенно когда появилась возможность сыграть на невнимании монголов к тонкостям русского уклада. А тонкость эта состояла, кроме прочего, собственно, в следующем.

Правил на Руси и был великим князем Александр, а Андрей, младший и обычный удельный князь, был на Великом столе Владимирском. При этом местопребывание Александра Невского было в Новгороде, что стратегически верно, так как этот город со своими землями был самым крупным и влиятельным на северо-востоке да, наверное, и в общем на Руси. Киев князь теперь оградил от дальнейших захватов, отправив туда баскаков как единственное на тот момент «бескровное» решение, показанное ещё отцом, который ранее, когда Батый утвердил Ярослава Всеволодовича на великое княжение, дав ему и Киев, туда также не поехал, а посадил там суздальского воеводу[515]. Александр поступил подобно отцу, но используя новую политическую ситуацию, и средство выбрал более радикальное и более надёжное.

На том историческом отрезке уже несопоставимы были на севере Руси Александр Невский и любой другой князь, соответственно Андрей, как и другие, безусловно, подчинялся старшему брату. Однако, желающий умалить власть Александра Невского мог сказать что Киев брошен и как бы сам по себе, а Великий стол-то, дескать, в Киеве, а не в Новгороде, на севере же стол во Владимире, то есть у Андрея. Вот при таком положении искусные интриганы могли привести в движение человеческие страсти и создать конфликт между братьями. Надо ли говорить, что силы антирусские не могли упустить подобного случая. Это тем более, что юг Руси давно соотносил свои интересы с течением западной политики, здесь сказывалось, кроме прочего, и близкое соседство. В связи с этим нам небольшой отрезок времени нужно будет рассматривать вместе Юго-Западную

[515] ПСРЛ, Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2. Стлб. 806.

Русь, это, собственно, действия Даниила Галицкого и Владимиро-Суздальские земли. Но идём далее.

На юге тем временем, как только поняли, что татары в самом деле не вмешиваются в дела внутригосударственного правления, принялись за прежнее. Даниил Галицкий, несмотря на союз с Батыем, опять с головой окунулся в дела Европы. По сравнению с европейцами он богат и образован, в общем, блещет перед иностранцами, не замечая того, что стал частицей совершенно другого жизненного уклада, невольно переместив круг всех своих интересов в эту западную круговерть. В 1249 г. Даниил становится самым влиятельным князем юга Руси. А усилил свои позиции Даниил в битве под г. Ярославом, где Мономаховичи во главе с Дниилом разбили войска Ольговичей, во главе которых был Ростислав Черниговский. На стороне последнего на тот момент были венгры и поляки, а на стороне Даниила — литовцы[516]. Упоминаются в летописи там же и половцы, но как-то невнятно, толком непонятно — воевали они или нет, однако, ясно, что были на стороне Даниила. В конечном счёте центр и епархия галицкого князя окончательно утверждается в самом укреплённом городе его княжества — Холм.

Даниил стал такой значимой фигурой только среди западных союзников, сам союз с которыми не делал ему чести нигде больше. И на следующий же год он получил от Батыя послание, в котором было только два слова: «Дай Галичь». Не посчитал нужным хан писать Даниилу ни на одно слово больше, не любил его Батый. Всего несколько лет назад, только заключив союз с монголами, ещё на пути от Батыя князь Даниил сразу вступил в переговоры с папским послом (это всё ещё Карпини, и мы говорили об этом выше), после чего Даниил послал своего представителя к папе, и ему был оказан приём. И речь там шла об организа-

[516] ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2. Стлб. 800-804. «...Данило же и Василько посласта въ Литву, помощи просяща, и послана бысть отъ Миндовга помощ».

ции борьбы против монголов[517]. Потом у Батыя Даниил отказывается от этого союза с римо-католиками и подчиняется снова монголам. Однако продолжает своё утверждение в Западной Европе (мы скоро этого коснёмся). Теперь же воюет на Руси в союзе с литовцами, и что-то там делают на его стороне половцы.

Такое поведение Даниила после заключения мира с монголами, конечно, будет последними считаться, мягко говоря, неверностью. И хотя хан, по монгольской традиции, даст галицкому князю права на все его земли, но в каждом жесте выразит презрение. Даниил присоединится к Батыю, однако, по приезду из Орды он с головой окунается в европейские дела. Мирится с венгерским королём Белой IV, закрепляя союз династическим браком сына с дочерью Белы[518]. После чего продолжил своё утверждение в Европе, а именно — борьбу за обладание не чем-нибудь, а правами на Австрию.

Выше отмечалось, что еще до татаро-монгольского нашествия князь Даниил Романович имел какие-то связи с Австрией. А в июне 1246 г. в войне с Венгрией погиб австрийский герцог Фридрих II, не оставив прямых наследников. И уже в 1248 г. галицкий князь на встрече в Братиславе обсуждал вопрос о будущем австрийских земель с венгерским королём Белой IV и послами германского императора[519]. Так Даниил становится одной из основных фигур, водоворота политических страстей в Западной Европе. И союзниками Даниила были в разных ситуациях в разном сочетании (то есть то за, то против) немцы, венгры, литва, поляки и т. д. и, конечно, половцы, одним словом, все прямые враги Александра Невского и Северной Руси.

---

[517] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 252. «В июне 1247 от князя Даниила выехало посольство в Лион… Посольство было принято папой Иннокентием IV, что отметил биограф последнего Николай де Курбио».

[518] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 99. «Лев Данилович женился на дочери королевской, и Даниил отдал королю пленников венгерских, взятых при Ярославле».

[519] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 255.

И. И. Пивник. Святой благоверный великий князь Александр Невский, в схиме Алексий. Фрагмент иконостаса. 1996. Церковь Рождества Иоанна Предтечи, Старая Ладога

Н. Богданов, Н. Богданова. Святой благоверный князь Александр Невский. Фрагмент иконостаса. 1993. Вознесенский (Софийский) собор, Пушкин

Естественно, папская курия держит руку на пульсе западных событий, и даже когда сам Даниил прерывал из-за союза с монголами отношения с папой, то остальные его союзники были с последним в хороших отношениях. Ну уж, как минимум, принадлежали одной Церкви. При этом, страсти были в самом разгаре, то переливаясь на территорию Южной Руси, то снова перемещаясь на Запад. Все на юге Руси были вовлечены в междуусобные войны, с попеременным участием Австрии, Венгрии, Польши, Литвы и с привлечением германского императора[520]. Все войсковые и прочие передвижения при этом происходили, мягко говоря, вокруг киевских территорий. Спрашивается, ну какой здравомыслящий человек из Северной Руси после этого поедет в Киев? Бросить Ростово-Суздальские и Новгородские земли ради пребывания в Киеве при той политической обстановке означало неизбежное вовлечение в тот же европейский водоворот и было для Александра, немыслимо. Ему-то было понятно, что на самом деле только от империи Чингисидов зависело тогда общее мировое положение, и думать иначе было заблуждением, влекущим за собой трагедию окружающих и подвластных людей. Поневоле оценишь мудрость Александра Невского — не отправь он в Киев татарских баскаков, там бы этот город с землёй сравняли.

Теперь поставьте себя на место татарских наместников в Киеве. В поле их зрения постоянные конфликты, войны, наступления, погони, в которых участвуют все вышеперечисленные княжества и страны, при этом все они что-то делят, грабят, отнимают, взаимно претендуют то на одни, то на другие территории, в общем, ведут себя так, будто весь мир вращается только вокруг них. Однако монголы любят делить сами и только между собой, кроме этого они так же считают, что всё в этом мире должно принадлежать им, это была генеральная политика империи. И поверьте,

[520] Там же. С. 255-259.

киевские баскаки не могли не сообщать хану как своего беспокойства, так и про все, без исключения, движения, происходящие на юго-западе Европы.

Тем временем европейская эпопея Даниила выстраивается соответственно римо-католической политике, то есть начинает принимать характерную северо-восточную направленность. Выражается это в том, что он начинает завязывать отношения с Андреем Ярославичем Владимирским, вовлекая его в сферу своих интересов. Ярославу Тверскому (другому младшему брату Александра) так же кружит голову европейское влияние и блеск Даниила. Конечно же, и самому галицкому князю хотелось иметь большее влияние на Руси, что совпадало с желанием римо-католиков внести раскол на Северо-Восточной Руси, положившей предел их северным крестовым походам. При этом искусное влияние папской курии активно содействовало формированию и направлению интересов Даниила на северные земли, это отвлекало последнего от активной западной политики и впрямую сталкивало с Александром Невским.

Однако папа, как всегда, вёл «двойную игру», упомянем, что король Людовик IX, после переговоров с монгольскими послами в мае 1248 г., в январе 1249 г. отправлял ответное посольство к татарам во главе с доминиканцем Андреем де Лонжюмелем, отправку посольства к татарам король согласовал с папой ещё в марте 1248 г., при этом к королю по поручению папы ездил наш старый знакомый Карпини. После чего Людовик снова встречался с папой в Лионе[521]. Далее мы увидим, что это далеко не единственный факт сообщения папы с монголами, одновременно с изданием и рассылкой воззваний против них.

Даниила Галицкого направляли в заранее приготовленную ловушку, и нас в этом убедят сами исторические события. Сообщаясь с татарами, папа Римский князя Даниила призывал как раз к борьбе с ними, предлагая помощь

[521] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 266. Это, со слов Паоло Панса, биографа папы Иннокентия IV.

против них галицкому князю. Ничего не скажешь — хитёр враг. Однако главная трагичность в том, что в эту ловушку Даниил Галицкий, который при всей своей европейскости являлся потомственным Рюриковичем и был, невзирая, ни на что, патриотом Родины, должен был завести и остальную часть Руси.

Александр видит жизнь братьев, но спокойно терпит, не верит, что они могут предать, — братья же. Но как должно быть скорбно было Александру видеть такое, ведь совсем недавно, десяток лет назад, Русь стояла на краю гибели, из военных походов не вылезали, бились день и ночь, то с одними, то с другими, а впереди, тем не менее, ожидала только участь Византии. И вот, через такие скорби и беды, наконец, всё переменилось. Столько всего претерпели, но были вместе и после потери отца. Сейчас на смену непрекращающегося воинского подвига пришёл, труднейший на тот момент, подвиг созидания и объединения Руси, казалось бы, братья должны встать рядом и быть самой надёжной опорой в деле объединения Родины. Однако, нет.

Нет! Почему? Легко осудить, трудно объяснить. Наверно, сама природа власти такова, что если человек не имеет святой цели, то не может сам управлять властью, вместо этого власть (превратившись целиком в страсть по причине безблагодатности цели), как некая самостоятельная сила, сама начинает руководить человеком. Тут уж по слову Христову: «Кто не собирает со Мной, тот расточает», к сожалению, примеры этого бесчисленны.

Тем временем Даниил Галицкий зимой 1250 года[522] отдает свою дочь за Андрея Ярославовича Владимирского. Нужно понимать, что у Андрея с дочерью Даниила романа не было, это был обычный династический брачный союз, строго говоря, политическая акция, обычная, впрочем, для того времени в княжеской среде. Брат Александра, таким образом, вовлекался в круг деятельности семьи Даниила

[522] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 323.

Галицкого, сторонника разделения Руси и участия её в делах Запада. Александр терпит, более того, во Владимире венчает Андрея духовник Александра Невского митрополит Кирилл. Если смотреть на этот брак как на политическую акцию (чем он и являлся), тогда это выглядит как часть общего прозападного плана, причем, вполне возможно, что некоторые непосредственные участники этого не осознавали.

Однако мы упомянули митрополита Кирилла, приехал он в Суздаль осенью этого же 1250 года[523]. Появляется митрополит уже знакомым образом, то есть снова ситуация, когда хитрый замысел врага, обращается в помощь угоднику Божию. Ещё в 1246 году Даниил Галицкий отправил в Никею своего епископа Кирилла, для посвящения в сан митрополита, желая создать свою митрополию и этим приобрести больший вес на родине. Но вернулся митрополит оттуда не к Даниилу, а к Александру Невскому. По приезде в Никею наш патриарх Мануил II возвёл галицкого владыку Кирилла в сан митрополита. Однако там митрополит, воочию убедился в делах рыцарей, влиянии латинства, как такового, образе жизни, как их самих, так их священноначалия и духовенства, вообще делах папства, и ужаснулся. Мы выше говорили об образе жизни и их самих, и ряда пап, конечно, русский священник такого стерпеть не сможет никогда. Понимал он и то, что Даниил хочет отделиться от Руси к Западу и ради этого способен принять католичество.

Обязательно владыка открыл все патриарху на исповеди, перед возведением в сан митрополита. И именно поэтому оттуда митрополит Кирилл отправляется к Александру Невскому, чего не могло произойти без благословения патриарха. Что в свою очередь говорит об осведомлённости патриархии в делах русской политики и об отношении патриарха к Александру Невскому лично. Во Владимире еще не было архиерея, бывший владыка Митрофан погиб

[523] Там же.

как мученик, вместе с семьей князя Юрия II во время взятия города татарами, и до сего времени туда приезжал ростовский епископ, тоже Кирилл. А вновь прибывший владыка Кирилл стал митрополитом Новгородским и духовником Александра Невского. Владыка полюбил князя, это видно будет из жития святого князя, которое напишет сам митрополит. Он всегда теперь будет его истиной поддержкой и утешением, так что приезд митрополита был очевидной помощью Христовой великому князю. Ему исполнился тридцатый год (всего, а как много он уже сделал и пережил), а вокруг самые близкие люди в неразумии склоняются к измене, кроме этого, многие просто боятся широты его взглядов, сомневаются в правильности его решений. Как воздух был необходим благодатный и знающий международную обстановку духовник, и он появился в самое время. События на северо- и юго-западе принимают всё более выраженную прокатолическую направленность, и направленность эта выражается в самых разных аспектах княжеской деятельности.

Дело в том, что в это же время Литва заключает союз с рыцарями, а их великий князь Миндовг принимает католичество и в 1251году корону от папы, что смущает Галицкого князя и ставит его в неравное положение в Европе. И посмотрите, в 1250 году (мы выше упоминали это событие, но год не упоминался) его сын Лев Данилович женился на дочери венгерского короля[524], и зимой того же года Даниил выдаёт дочь за Андрея Ярославича[525]. После чего занялся устроением следующего брачного союза для обретения прав на Австрию, который намечается на 1252 год. Теперь князь собирается другого своего сына Романа женить на племяннице умершего австрийского герцога Гертруде[526]. Таким образом, он перед и после коронации литовского

[524] ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2. Стлб. 809.

[525] ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская, Суздальская. Вып. 2. Изд. 2. Стлб. 472.

[526] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 255.

Миндовга, принимает меры для укрепления своего политического положения. Интересно, что делает это посредством родственных связей. Иллюзорно подобное укрепление для того, кто уже перешагнул через собственные родственные связи, — Даниил, потомственный Рюрикович, сознательно разоряющий наследие Рюрика.

Вся эта активная деятельность происходит в то время, когда монголы заняты подготовкой к выборам нового великого хана, им пока до остального нет дела, просто они без труда способны были решить любые назревающие в Европе проблемы, в любое время. И пока Даниил добывал права на австрийское наследство, блистая на западе, Александр Невский, по вызову Батыя, находился в Сарае. События идут независимой чередой и вносят новые коррективы. В 1251 году первого июля монголы, наконец, собрали курултай, великим ханом теперь становится Мунке[527], брат и боевой друг Батыя, участник похода на Русь и Европу. Но в любом случае заново все должны быть представлены новому правителю монголов, а так же он должен утвердить все ярлыки на правление в империи, у каждого хана на это свой взгляд. Соответственно Александр должен быть в Орде, однако позиции его как никогда тверды. И снова как в калейдоскопе меняется вся расстановка политических сил в империи.

[527] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л., 1952. С. 132. 25 янв. — 23 февр. 1251 г. У Джувейни: Т. 2 на с. 410 указано 9 раби 649 г.

ИНТРИГИ. ИЗМЕНА. НЕВРЮЙ

В Орде Александра встречают приветливо, Батый в империи теперь второй человек после хана, а посему имеет почти неограниченную власть. Сам великий хан Мунке говорит про него Вильгельму Рубруку: «Как солнце освещает всю вселенную, так равно и власть моя и Батыя распространяется на все народы. Мы как два глаза в одной голове: хотя их и два, но оба всегда смотрят в одном направлении»[528]. При этом оба хана покровительствуют христианам, которых в это время много среди обитателей монгольской державы. Родной сын Батыя Сартак — христианин, предположительно несторианского толка, однако, здесь характерно, что все высказывания о его несторианстве — тоже предположения; однако, существует и другое мнение: «Никто иной, как сын Батыя Сартак был, вероятно, или очень близок к православию, или прямо в православие и перешел. О христианстве Сартака есть показание добросовестного арабского историка аль-Джауздани, автора книги "Насировы таблицы"»[529]. Вопрос этот особо не заострялся, по той простой причине, что монголы не очень-то вникали в канонические отличия разных христианских конфессий, для них все христиане были одинаковы в религиозном отношении, а различия диктовались либо политическими, либо личными отношениями.

Сартак — личность малоописанная в истории, однако, в тот момент он являлся фактическим правителем «Золотой

---

[528] Хара-Даван Э. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 208.

[529] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии (с половины VI века до настоящего времени). Звенья русской культуры. В приложениях, в разделе «Монгольское иго в русской истории», с. 240-241.

Орды» (как стал называться их Джучиев улус), с которым, собственно, в союзе Русь и была. Батый, как ближайший к хану и старейший из Чингисидов, был занят делами империи, понятно, что в такой громадной империи проблем всегда с избытком, и у Батыя на дела в «Золотой Орде» времени не оставалось. Вся власть в Сарае доверяется сыну, этим к нему выражается доверие Батыя, политика очень умного и опытного. Сартак, кроме того, что был христианин, был доблестный воин, честный и бескомпромиссный человек, за что в Орде пользовался особым уважением.

Вполне естественно, что как у воина к воину — у них с Александром непроизвольно возникло взаимное уважение, и они сдружились. Батыю так же жизнь Александра известна с юных лет князя, такие фигуры всегда оказываются под особым вниманием, и хан одобряет дружбу сына — любому отцу приятно, когда его сын дружит с хорошим человеком. Во многих статьях про Александра Невского говорится о двух подвигах Александра: подвиг воина и подвиг смирения, причем, имеется в виду смирение перед монголами. При тщательном и трезвом взгляде на фактически происходящее тогда, могу утверждать, что подвиг был один — это подвиг воина Христова. Один, не прекращающийся длиной во всю земную жизнь Александра, он неотъемлем от смирения пред Богом, однако перед татарами никогда никакого смирения не было. Всегда строгие корректные отношения, строящиеся только ради безопасности Руси в гибельной ситуации, как единственно приемлемые для сохранения Родины и православия. Александр никогда с ними не дружил, исключение составляет только небольшой отрезок времени от встречи его с Батыем и до гибели Сартака, а причина естественная и достаточно понятная, это — искреннее человеческое взаимоуважение.

Везде, где существуют люди, там неизбежны человеческие отношения, часто от самих людей не зависимые и ими не ожидаемые. Нравится человек — и все тут, и постараешься быть ему другом, причём взаимность эта будет

выражаться естественно и непроизвольно во всём, включая мимику и интонации голоса. И наоборот, уж если нет взаимного уважения, то хоть какая политика и пусть очень нужно, казалось бы, иметь дружеское отношение, а не получается, ну, улыбку человек еще сможет выдавить, однако наигранность будет заметна, что только ухудшит и до того натянутые отношения. В последнем случае неизбежным результатом будет холодная политика, то есть взаимное ожидание просчёта и мгновенное нападение при первой же оплошности оппонента.

У Сартака с Александром возникает искренняя дружба, и они становятся побратимами. У монголов это традиция бескровного родства, не знаю, было ли на Руси в тот момент такое, неясно. А кочевники такое братство соблюдали свято всегда, причём, задолго до Чингисхана и ясы бывало, что родня предаст, но побратим предать не мог. После того, как Александр стал побратимом Сартака, и Батый, логически, стал считать его приёмным сыном. Такое положение делало Александра Невского автоматически одним из особо значимых людей в империи Чингисидов, что было очень важно как для Руси, так и её союзников, у которых тоже произошли изменения. Например, Никея за последние годы буквально распрямилась и заняла доминирующую позицию на византийских землях.

Ф. Москвитин. Святой князь Александр Невский и хан Сартак в Орде. 2002

За прошедшее время никейский император Иоанн Ватац в 1246 г. вернул (завоеванные Асенем II) македонские и фракийские области и в том же году овладел Солу-

нью, на этом история Солунскго государства закончилась. В следующем году Ватацем были завоеваны некоторые фракийские города, принадлежавшие Латинской империи и приблизившие никейского императора к Константинополю. Эпирский деспотат был приведен в зависимость от его власти. Теперь соперников у Ватаца в его стремлении к берегам Босфора более не было[530]. Таким образом, с одной стороны, становится неодолимой для Рима Русь, с другой стороны — поднимается и уже готова сбросить католическое господство на востоке Никея.

Раннее, в 1248 году, папа пытался в борьбе против Никеи прибегнуть к помощи не кого-нибудь, как монголов. Согласно сведениям, рассказанным Матфеем Парижским, двое монгольских посланников были посланы к папскому двору и сердечно приняты Иннокентием IV, папа предлагал войну против Иоанна Ватаца, «грека, зятя Фридриха, схизматика, непокорного сына папской курии», монгольские посланники отказались даже передавать хану такие предложения[531].

Тем не менее, битва в самом разгаре, и Римом давно готовилась следующая провокация, которая, наконец, трансформировалась в единый удар. Здесь нам в принципе неважно, в самом ли деле все стороны западной коалиции как-то особенно корректировали свои действия, либо их поступки диктовались просто ненавистью к православию одних и желанием власти любой ценой других. Даже если все они считали, что действуют каждый сам по себе, во имя личных целей, то мы из будущего, и нам при общем и отстранённом взгляде отчётливо видна такая общая направленность поступков, которая может быть скорректирована только из одного «центра». Уж где был этот «центр», в мире

---

[530] Васильев А. А. История Византийской империи Т. 2. Ч. 2. Никейская империя 1204-1261 гг. Раздел «Значение внешней политики Иоанна Ватаца».

[531] Там же. Раздел «Монгольское вторжение и союз правителей Малой Азии против монголов».

видимом или невидимом, пусть каждый решит для себя сам, но единственно, чем не могли быть те события, так это «случайным стечением обстоятельств». Итак, по Александру Невскому наносится новый удар. Удар хлёсткий, выверенный, болезненный.

Родной брат Андрей объявляет о своем союзе с Даниилом Галицким, а, значит, так же, с Литвой, поляками, немцами, одним словом, со всеми прямыми врагами как лично Александра Невского, так и Ростово-Суздальских и Новгородских земель, словом, Руси вообще. Предал брат. Смог. Этот союз являлся ни чем иным, как восстанием против власти великого князя Александра Невского в пользу римо-католиков и объявлением войны татарам. Последнее, соответственно, неизбежно вызовет ответные действия татар, что в любом случае может кончиться полным разрывом мирных отношений Руси с монголами со всеми вытекающими последствиями. Это будет причиной карательного похода монголов на Русь, так называемого Неврюева нашествия.

Ещё один тяжелый вопрос, который историки описывают разноречиво, либо как-то проскакивают наскоро. Впрочем, смутно сообщая, что или Александр Невский вдруг пожаловался на брата татарам, или сам привел татар на брата, или татары пришли, и он воспользовался этим, чтобы прогнать брата с Владимирского стола. Данных в летописях на этот предмет выбор, мягко говоря, небольшой, и на чём историки строят свои выводы — не понятно. Однако одни уверенно обвиняют, другие как-то неуверенно оправдывают святого. Но. Слишком многим мы обязаны Александру Невскому и не имеем права, взявшись за эту тему, оставлять какую бы то ни было тень на этом, так много значащем для русского человека, светлом имени.

Святого не в чем обвинить, а в оправданиях он тем более не нуждается. В летописях нигде не говорится, что Александр причастен к походу татар, что было бы обязательно отмечено. Наоборот, например в Лаврентьевской стоит: «Того же лета сдумаша Андрей князь Ярославичь съ

своими бояры бегати, нежели служить царем, и побежаша в неведому землю съ княгинею своею и с бояры своими, и погнаша Татарове въслед его…»[532]. То есть делается ударение на «сдумаше» (вздумалось), значит, сам вздумал. То же в Троицкой летописи, а в Ипатьевской этим годом как раз описываются перепетии западноевропейской деятельности всех сторонников союза с Даниилом, где снова, кроме всех западных, указаны половцы[533], что могло только усилить вражду монголов. Однако и там Александр в связи с Неврюем не упоминается.

Чтобы окончить с летописями, приведём выписку из одной интересной работы: «Много потрудился историк и географ И. Д. Беляев (1810-1873), собрав библиотеку и сделав выписки из 12 летописей, в которых говорится о нашествии Неврюя и о путешествии Александра к Сартаку. Он не нашёл там ни одного свидетельства, которое обвиняло бы Александра «в наведении татар». Другие летописи об этом тоже ни чего не говорят»[534]. Не будем упоминать имена историков, пожелавших обвинить святого князя в подобном, достаточно того что это вымысел и чем более маститый учёный этот вымысел использует, тем более это, его порочит. А чтобы не оставлять сомнений, давайте-ка разберёмся как следует в тех событиях.

Мы уже достаточно хорошо знаем Александра Невского, знаем его образ жизни и его отношение к людям, как и людей к нему. Неужели он бы звал татар, если была бы причина выгнать Андрея из Владимира?! Не может быть по многим причинам одновременно, кроме того, что это вообще не в его духе, во-первых, он великий князь, прославленный воин — Александр Невский, и уж у себя дома он в силах справиться хоть с кем, и в таком вопросе татары могли только помешать.

---

[532] ПСРЛ. Т. I. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 449 под «В лето 6760 года».

[533] ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. С. 187 под «В лето 6760 г.».

[534] Соколов А. митроф. прот. Святой витязь земли Русской. Н. Новгород, 2008. С. 131.

Святой благоверный князь Александр Невский, в схиме Алексий. Икона-крышка от гробницы. 1695. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Рака со святыми мощами Александра Невского. Фотография. 2007. Троицкий собор Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, Санкт-Петербург

Связи Андрея с Западом Александра так же не пугали, он воин, которому на тот момент равного не было, это знали все. Литва? Да бил он Литву, шведы? Бил и шведов, «благородные» ливонские рыцари? Он прекрасно знал и их, и их благородство, и бил их нещадно не единожды. А тут вдруг побежал к татарам? Нет, не вяжется, нужно смотреть правде в глаза, даже если это трудно и могут не понять. Рассмотрим события, которые обнажают причины происходящего. А происходило тогда следующее. Пока папская курия призывает римо-католиков на борьбу с греками, русскими («схизматиками», т. е. православными), а теперь татарами и их союзниками, то есть тоже с нами. Как мы говорили, Миндовг, приняв корону и католичество, заключает союз с Ливонским орденом, предварительно совершив нападение на Смоленск, поругавшись и снова помирившись с галицким князем, который вновь с половцами, да и с поляками[535]. Западный официальный источник сообщает, что: «В 1251 г. папа взял под опеку св. Петра Миндовга с владениями, которые тот имеет или приобретёт, поручил его заботам почти всех своих прибалтийских епископов»[536].

В свою очередь Даниил Галицкий в первой половине 1252 г. всё же женил своего сына Романа на австрийской принцессе. В результате чего был оформлен договор, по которому сын русского князя приобретал герцогские права на Австрию. Добился, наконец, австрийского наследства князь Даниил. Хоть и с помощью венгерского Белы, хоть и весьма сомнительные, но закреплённые браком права на Австрию у Данииилова сына теперь были[537]. А добившись своего, он через того же Белу IV возобновил переговоры с

---

[535] ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. С. 187-188 под «В лето 6760 г.» и далее.

[536] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 247.

[537] Там же. С. 255-256. «Даниил Романович встретился с королём Белой IV в Австрии, где, при участии Гертруды, был оформлен договор, по которому сын русского князя — Роман Данилович приобретал герцогские права на Австрию. В первой половине 1252 г. союз был закреплён браком Романа Даниловича с Гертрудой Баденберг, состоявшимся в Гимберге, южнее Вены».

курией, несколько лет эти отношения было затихли, теперь же папская политика в Галиции активизировалась с новой силой[538].

Общую историческую ситуацию того времени, характеризует усиление арабского мира. Там к этому времени пришедшие в себя после Чингиса исламские халифаты отвоевали у франков почти все потерянные территории и ко времени, когда Русь попала под татаро-монгольское иго, арабы сбросили с себя иго иноземцев[539].

Халифаты теперь стали серьёзной и отдельной силой, тем не менее, врагами оказывались не меньшими. То есть, при собственной вражде с коалицией папы, силы ислама были традиционными врагами и Византии, при этом, кроме территорий, важнейшая причина вражды была обязательно сопутствующая, исламским завоеваниям — экспансия магометанства, последнее ставило халифаты в ряд врагов также и Руси.

И вот, глядя на карту, мы снова видим уверенный обхват Руси врагами. Причём усиление халифата заставляло курию спешить. И та спешила, теперь если монголы не вмешаются, то ситуация окажется почти как в домонгольское время, с одним очень коварным отличием: на этот раз папская курия с союзниками прорвались и подняли мятеж в самом центре Северной Руси, а Русь под покровительством Чингисидов. Таким образом, круг замыкался, и Андрей Ярославич превращал Владимиро-Суздальское княжество из союзников монголов в их врагов. То есть единственные, кто мог и должен был помочь, теперь, по мысли курии, автоматически должны были стать врагами. Александр Невский в это время в Орде, невозможно представить его состояние.

---

[538] Там же. С. 254. «Перерыв в отношениях был довольно долгим (1248-1252). Инициатива возобновления переговоров принадлежала курии, действовавшей через посредство венгерского короля Белы IV, который писал папе, что “не пожалел труда”, чтобы склонить князя Даниила к новым переговорам».

[539] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 280.

Но что же происходило с другой стороны? В Орде постоянно присутствуют представители курии, которым военный потенциал Чингисидов очень хорошо известен, и вдруг папа объявляет крестовый поход против всей империи? Нет, безусловно — это политическая авантюра, то есть — предприятие, заранее обреченное на провал. Какова цель сей авантюры? Сейчас увидим. Исходит она от папы Римского, имя он носил в то время Иннокентий IV. Из всей коалиции он, в отличие от других, вполне отдавал себе отчет в происходящем.

Во-первых, и это главное, при походе Батыя на Западную Европу папская власть оказалась бессильна и сколько-нибудь ощутимо себя не проявила, результатом этого стала потеря доверия к курии и утрата её былого влияния. Правители западной окраины материка думали только о том, чтобы не повторился монгольский поход и искали мира с кочевниками. Например, её центральная фигура немецкий Фридрих II был в переписке с монгольскими ханами, причём ранее с Гуюком и теперь, соответственно, с Батыем[540], так что портить отношения с монголами из-за пап (с которым к тому же был во вражде) германский император не собирался. Подобным же образом курии ответили и другие западно-европейские монархи, когда объявлялся то один, то другой призыв папы к борьбе с монголами. Даже за большие деньги и прощение всех грехов погибать они не хотели.

Сам папа насчет монголов иллюзий точно не питал, но был прекрасно осведомлен о мощи империи Чингисидов и никогда не мог претендовать на какие бы то ни было военные действия против них. При этом самое страшное для Запада было, конечно, укрепление Руси, строго говоря, при тогдашнем влиянии Александра Невского вся римокатолическая коалиция должна была в перспективе неизбежно потерять, кроме восточных и византийских завоева-

[540] Гумилёв Л. Н. От Руси до России. С. 195.

ний рыцарства, также свои северные завоевания. А если объективно, то католицизму грозил полнейший крах, и у папской курии не было никаких вариантов спастись, кроме одного единственного — это любыми средствами разорвать мирные отношения Руси с монголами. Таким образом, суть происходящего заключалась в том, что искусно и безжалостно сталкивали Русь и монголов, при этом отрывалась южная часть России от северной. Никто в Западной Европе заведомо не то что не собирался воевать с империей Чингисидов, но никогда даже не имел для этого никаких возможностей.

Папская курия просто и бессовестно пользовалась доверием русских людей, находящихся в тяжелейшем политическом и экономическом положении. Александр Невский к этому времени был самый серьезный государственный деятель на Руси, лучше других знающий возможности и одних, и других, понимая причины и цель происходящего. Именно он, Александр Ярославич Невский, оказывался средоточием всей опасности для римо-католиков. И вся сила удара наносится по Александру, только сейчас намного больней, теперь своим оружием врагам удалось сделать его родного брата. Такого он им не простит.

Андрея Ярославича пока оставим в покое, ему заморочили голову, и он не может осознать роковую реальность происходящего, чуть позже он подтвердит это сам. Пока он явно надеется, что блистательный Даниил Галицкий обладает серьезными силами и реальной поддержкой Европы. А во главе всех сил, конечно, папа, за ним же бесчисленная армада непобедимых рыцарей, которые прибудут с карающим мечом по первому зову Даниила. А уж против такой-то силищи не устоит и империя Чингисидов. Да, велика сила иллюзий. Сам Даниил — фигура скорее трагическая, мы увидим, каков будет его конец, слишком поздно он поймет, как его использовали, поймёт и умрет от горя.

Обратимся теперь к другой стороне — империи Чингисидов. У монгольских ханов с Даниилом старая и взаим-

ная неприязнь. Он был в союзе с Европой, потом с Батыем, однако последний всегда чувствовал готовность Даниила предать его. Поэтому сарайский хан хоть и встречал его, но ярлык на княжение давал, просто соблюдая право престолонаследования, как и везде. Уж зато неприязнь свою не скрывал, даже тогда, когда оказывал почести галицкому князю, и про встречу Батыя с Даниилом последний говорит: «Злее зла — честь татарская» (сам же потом и предаст), Александр Невский же, напротив, пользовался уважением, с ним считались, ему верили, и Батый, как мы помним, не сдержал восхищенного возгласа при их первой встрече.

Следующий участник событий — Сартак. Он бескомпромиссный воин и христианин. Этим объясняется особая их близость с Александром Невским. А кроме всего прочего, это самый спокойный персонаж, он глава самого большого улуса, его отец второй человек в империи, ближайший к великому хану, за ним вся империя Чингисидов. Перевес над всеми, римо-католическими силами имеет настолько подавляющее, что, не говоря об остальной державе, но даже своих сил, всех, использовать ему нет нужды.

Много было сказано о возможностях монгольской разведки, известно, что осведомленность у ханов была полной, послы и разведчики, владеющие грамотой и знанием иностранных языков, отправлялись в любую, интересующую Чингисидов, страну континента. Вспомним рассказ венгерского монаха Юлиана, который встречался с татарским послом, знавшим венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский языки[541]. Так что, у Сартака была исчерпывающая информация, и, вероятно, это как раз он рассказал своему побратиму все детали происходящего. Вероятно тогда же были открыты князю Александру планы империи, о которых мало кто знал и исполнение которых

[541] Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. С. 492. Лев Николаевич даёт ссылку на работу: Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV веков о татарах в Восточной Европе. Исторический архив. Т. III. М. — Л., 1940.

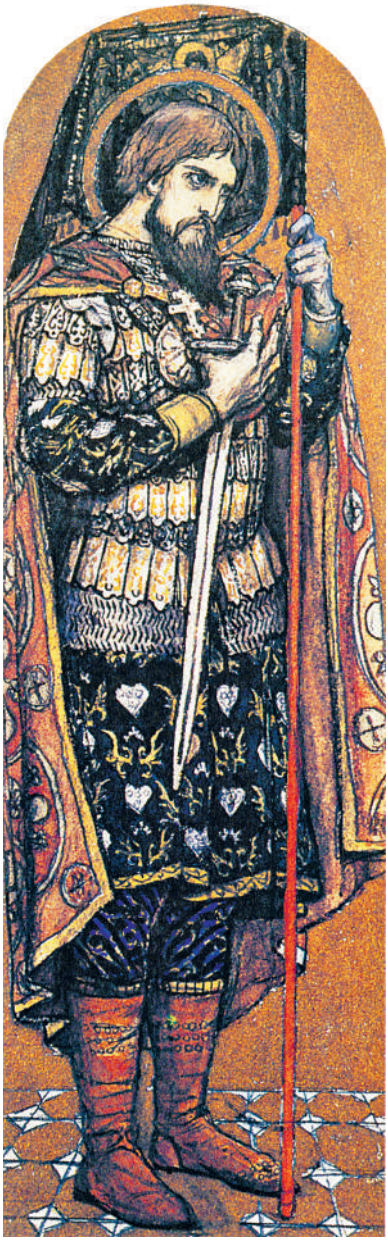
затруднялось, если порядок, установленный Чингисидами нарушался.

При этом союзники владимирского князя Андрея, галицкий князь, его сын с правами на Австрию, поляки, венгры, немецкие рыцари, шведы, литва и какие-то половцы недобитые, все эти перечисленные, в свою очередь — прямые враги Александра Невского. А он глава союзной и подвластной страны Чингисидов, с этой точки зрения, если оставить без наказания мятежников, то северо-восток Руси либо подпадал под контроль Даниила Галицкого (значит, Западной Европы), либо становился очагом крупнейшей междуусобицы, оба этих фактора резко ослабляли Русь, лишая её стабильности и надёжности как союзника. Кроме этого, непозволительно усиливали папскую курию, объявившую крестовый поход против татар.

Важнейшим для Золотой Орды было то, что всё это лишило бы доверия великого хана к Сартаку, как неспособному контролировать подвластные Чингисидам территории, чего не мог допустить ни великий хан, ни Батый, уж не говоря о самом Сартаке. Однако, при всём при том, ни один западноевропейский правитель, включая и нашего Даниила, не сделал пока что ничего впрямую против монголов, наоборот, все заискивали и были в переписке с ханом. Далее, при владении информацией (а монголы ею владели), причастность Западной Европы, как и объявление крестового похода, всерьёз восприниматься монголами не могли, потому что ни один европейский монарх не поддержал в этом папу. Яса, как мы помним, воспрещала обиду любого священника, соответственно к папе было снисходительное отношение как к духовному лицу, тем более он против монголов, в реальности, был бессилен.

Даниил Галицкий спровоцировал войну князя Андрея с Александром, а это было ни что иное как военный переворот в центре самой большой из подвластных монголам стран, то есть прямой вызов монголам. Однако впрямую против монголов выступил только Андрей Ярославич,

Ю. Пантюхин. Александр Невский. Часть триптиха «За землю Русскую»



В. Васнецов. Святой Александр Невский. Эскиз росписи киевского Владимирского собора. Конец XIX в. Государственная Третьяковская галерея, Москва

остальные же являлись просто союзниками в силу родственных браков, не более того. И прямому наказанию от монголов они пока не подлежали, а посему и в бой не рвались. Так что, на военную помощь от этих союзников наши князья рассчитывали, просто исходя из своей личной порядочности. Это постоянная, переходящая из века в век ошибка русских людей. А в силу того, что великий князь на Руси не кто-нибудь, а побратим Сартака, то кроме покушения на безопасность и честь империи здесь была задета и личная честь хана Золотой Орды. Строго говоря, Сартаку просто не было оставлено выбора, все разведданные от хана обязательно передавались в ставку великого хана, там по этой причине также знали всех участников и также были осведомлены о всём происходящем.

Итак, в ставке великого хана ждут действий Сартака, а там, как и в любой ставке, ждать не любят. Мог ли Сартак не отправить войско? Такое было невозможно, за ним наблюдают великий хан, отец и остальные Чингисиды, а это еще три улуса. Наконец, у империи есть хан — хранитель ясы, он никому не подчиняется, его должность — следить за соблюдением закона в державе, и он не позволит поколебать авторитет Чингисидов никому. При таком положении не то что не отправить, а промедление с отправкой войска было недопустимо. Более того, задержка неизбежно вызвала бы карательные действия великого хана, последствия которых были бы трагически непредсказуемы как для Руси, так и для Золотой Орды.

Вот этого Сартак допустить точно не мог. Наисложнейшее положение, снова за интригами и предательством открывается «гроссмейстерское передвижение по доске», создавшее необратимую ситуацию. На Русь идет карательный поход из империи монголов, его возглавляет опытный и безжалостный воевода Неврюй. Монголы правят в самой обширной мировой державе, и для них карательный поход дело обычное, идут они соблюсти закон и наказать нарушителя ради сохранения собственной империи. Каратели

они жестокие и безжалостные. И карать они идут нас, мгновенно мы из их союзников опять превратились во врагов, а вся римская коалиция ожидает сокрушения Руси.

Течение событий остановить невозможно, навстречу Неврюю выходит Андрей с войском, на его удивление помощи от союзников не пришло. Войско владимирцев терпит полное поражение, Андрей убегает к шведам, прямым врагам Руси, и те его принимают радушно. Может быть, думал Андрей, что еще пришлет папа свои непобедимые армады, а он пока подождёт у шведов? Не понятно. Но практически он начал войну и, убежав, оставил Владимирское княжество на разграбление, при этом свою семью увёл, а старшего брата оставил «расхлёбывать кашу».

Александр в это время находился в Орде, куда ранее был вызван Сартаком, и при всём желании обоих вопрос о карательном походе был по вышеизложенным нами причинам вне обсуждения. Судя по всему, именно тогда сарайский хан изложил Александру все подробности действий западной коалиции, которые привели к измене Андрея и карательному походу монголов. Если Александру Невскому и было что-то неизвестно, то теперь всё прояснилось. Кроме этого, чего-чего, а отпустить Александра из Орды до Неврюева похода Сартак точно не мог позволить, даже не как побратим, но просто как разумный человек. В противном случае неизбежно было бы военное вмешательство русского великого князя, что приводило к самым непредсказуемым последствиям.

Тогда же татары освободили рязанского князя Олега[542], освободили его только благодаря стараниям Александра. Здесь уместно сказать, что Рязань, как мы помним, союзником Владимиро-Суздальскому княжеству не была, то есть для Александра Невского основным фактором было не то — союзник или нет князь, а то, что соотечественник. Олег

[542] ПСРЛ. Летопись по Лаврентьевскому списку. Под «В лето 6760 года», с. 450. «Того же лета 6760 (1252 г.) пустиша Татарове Олга, князя Рязанского, в свою землю».

Ингварич долгое время страдал в плену, после возвращения передал престол сыну Роману и, приняв монашество (великую схиму), через 6 лет умер[543]. Огромная заслуга Александра Невского, кроме всего, — спасение множества русичей из татарского плена. Карамзин говорит: «Он, умев заслужить почтение моголов, разными средствами благотворил несчастным согражданам и посылал в Орду множество золота для искупления россиян, бывших там в неволе»[544].

Однако решались там и другие важнейшие вопросы, о которых станет ясно позже. Сейчас же Александру Невскому предстояло ехать на вновь разорённую Родину и по тому, как встретили его, чувствуется, что сами жители понимали происходящее и точно знали, что помочь или что-то изменить князь Александр был не в силах. В летописях запишут: «Того же лета приде Олександр князь великий ис Татар в градъ Володимерь, и усретоша и со кресты у Золотых ворот митрополитъ, и вси игумени и граждане, и посадиша на столе отца его Ярослава, тисящю предержащю Роману Михайловичю и весь ряд, и бысть радость велика в граде Володимире и во всей земли Суждальской»[545].

То есть встречали с крестным ходом, за которым шло боярство и все люди. Радовался народ, потому что, когда приходил Александр Невский, с ним приходил и мир на Русскую землю. Александр остаётся во Владимире, а в Новгороде он оставляет младшего и любимого сына Василия. От Неврюего карательного похода бед и разрушений было не меньше, чем от первого нашествия Батыя. Однако цена измены лежит на изменниках, их возмездие впереди. Пока к ним отправлен монгольский отряд под командованием воеводы Куремсы, у которого нет полномочий для карательных акций, но это пока[546].

---

[543] Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 4, гл. 2.

[544] Там же.

[545] ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская, Суздальская. Вып. 2. Изд. 2. Стлб. 473. То же и в Троицкой у Приселкова.

[546] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 272.

И ВСЁ ЖЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЧТО-ТО ЕЩЁ

И тем не менее всё вышеизложенное не вполне как-то объясняет, почему, с одной стороны, такое активное нападение с Запада, при таком сильнейшем хитросплетении интриг, а с другой — такая жестокость мер Неврюя. Тут должна быть какая-то подоплёка, ещё какая-то причина, при которой эти действия станут вполне объяснимы. Ведь Неврюй лютовал несоразмерно, глушил наперёд любое противодействие, это выглядело не просто как карательная экспедиция. Несомненно также, что только по этой причине, в это же время отправлен был на Юг Руси Куремса со своим отрядом, он начнёт вести военные действия против Даниила, и будет вести их с переменным успехом, но до 1256 года[547]. В этот год его сменит темник Бурундай и с Даниилом, к тому времени уже королём, будет покончено разом. Очевидно, что монголам не составляло труда покончить с галицким противодействием в любое время. Тогда получается, что отряд монголов присутствовал на юге Руси для контроля, он связывал силы Галиции до их своевременного подавления — это было то, что потом назовут: «ввод ограниченного военного контингента». Так поступают, когда есть сила, а объяснять причины нет ни времени, ни желания. Для Чингисидов это не исключительный случай. При этом, по пове-

[547] Годы появления Куремсы и, соответственно, Бурундая у историков разнятся, у одних, например Карамзина, — вообще без конкретного года, у других — от 1259 (у Соловьёва), 1254 — у Гумилёва, до 1252 — у Пашуто (Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 272). В этом случае мы склоняемся к последнему, просто нам исследование Пашуто показалось более глубоким, что будет обосновано дальнейшими событиями.

дению Александра Ярославича в дальнейшем будет видно, что он находится в курсе событий. Так что же происходило, о чём молчала советская и отворачивается постсоветская история? (Вопрос: «Почему молчала?» — мы не ставим.)

Исторической реальностью того временного периода является, то, что именно тогда империя Чингисидов предполагала начать на востоке завоевания, которые некоторые историки назовут «Жёлтым крестовым походом», это военное предприятие подготавливалось монголами много лет. Вне этих событий рассматривать историю того времени будет непростительным заблуждением, и мы в этом убедимся. Среди русских историков наших времён эта тема хорошо исследована Г. В. Вернадским, Савицким, Гумилёвым и некоторыми другими евразистами, а из современных тем событиям восточных историков наиболее привлекательно описание этого похода у Джувейни. Есть, например, и у Рашид-ад-Дина, но скажем словами Стивена Рансимэна: «Среди современных монголам авторов, оставивших их описание, нет более значимого, чем Джувейни. Он был лично знаком со многими действующими лицами изложенных им драматических событий. Он пользовался доверием ильхана Хулагу, монгольского завоевателя Багдада. Он сам был непосредственным участником одного из наиболее интересных эпизодов своего повествования — разгрома центра секты ассасинов в Аламуте. Более того, он был историком, унаследовавшим лучшие мусульманские традиции, человеком разносторонних интересов и литературного дарования»[548].

Теперь внесём ясность. Дело в том, что монголы в это время собирались закончить завоевание, с одной стороны на востоке, это остатки Китайской империи и Корея, с другой — на юго-западе также до конца покорить всё время пытающийся вырваться Багдадский халифат. А вот далее монгольские войска направлялись на завоевание Месо-

[548] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Ч. 1, во вступлении слова 1958 г.

потамии, Сирии, Египта и Палестины. На территориях, которые собирались завоевать Чингисиды, сходились политические и экономические интересы практически всех государств материка. То есть, мгновенно набух и воспалился сложнейший нервный узел эпохи. Курултай, где будет объявлено о начале этого юго-западного[549] похода, назначен на 1253 год.

Пользуясь работами Джувейни, нужно понимать, что тогда на Ближнем Востоке происходило множество судьбоносных для его соотечественников событий, и все мысли и интересы Джувейни только там. Его не интересуют франки (любой национальности), как русские, греки и т. д. Из этой работы мы только узнаём о серьёзности этого похода и его составе, а именно, то, что Мунке «в 650/1252 г. …своему брату — Хулагу поручил завоевание западных областей. И так же …он выделил ему по два человека от каждых десяти воинов восточных и западных армий и велел своему младшему брату, Субетей-Огулу, сопровождать его. Он так же отправил с ним представителей Бату Балагая, сына Сибакана, Тутар-Огула и Кули с войсками, принадлежащими Бату, представителей Чагатая Тегудер-Огула, сына Мочи-Огула, от Чечекен-беки — Бука — Темура с войском ойратов, и от своих зятьев, эмиров и нойонов с каждой стороны столько военачальников, что на перечисление их всех уйдёт слишком много времени»[550]. То есть в походе учавствуют Чингисиды от всех улусов, как и при походе Батыя. Только теперь походом руководит Хулагу, потому, что там область его улуса, и, тем не менее, с войсками Батыя идут четыре хана Чингисида, как бы особая нагрузка на Золотую Орду, особое же и доверие.

Теперь о подготовке похода: «Он послал в земли китаев за людьми, искусными в стрельбе из баллист, и за метателями горшков с горящей нефтью; из земли китаев была

---

[549] Юго-запад имеется в виду по отношению к Монголии.

[550] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Часть 3. С. 441.

доставлена тысяча семей китайских стрелков…»; впереди перед войсками освобождались пастбища и луга, запрещено было пасти скот «от самых Кангайских гор между Каракорумом и Бешбалыком…и во всех странах от Туркестана до Хорасана и самых отдалённых областей Рума и Грузии». Был отдан приказ, чтобы все правители земель заготовили провизию «и разместили своё угощение на всём пути следования войска… эмиры пригнали табуны кобылиц, и каждый по очереди обеспечивал войска кумысом… и были построены мосты через ручьи и реки, и у мест переправы были приготовлены лодки»[551].

Да, серьёзная подготовка, ничего не скажешь, но и цель, пожалуй, серьёзней всех предыдущих. По существу это военный поход, который должен, при удачном завершении, закончиться завоеванием прежних владений Византии, всех владений рыцарей и всей Святой Земли. Давно был в руках у мусульман Иерусалим, на значительной территории Византии расположился Румский султанат, где правил султан Рума (Рум от слова Рим). И рыцари теряли остатки своих завоеваний, всего за год до этого мусульмане отбили у них Дамаск и отняли Дамиэтту, при этом «около тридцати тысяч франков было убито»[552]. Конечно, речь у монголов шла о добыче, о важнейших торговых путях и будущем перераспределении мировых границ под властью Чингисидов. Но этим вольно или невольно полагался так же предел мусульманской экспансии, освобождались христианские святыни и Гроб Господень. По этой причине монголы привлекали к участию в этом походе христианские державы и сами были на стороне христиан.

Примерно в это же время (Первая Софийская летопись и Степенная книга ставят это событие сразу после похода Неврюя) от папы Римского приходит булла нашему великому князю. Написана она была раньше, потому что в

---

[551] Там же. С. 442.

[552] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. С. 151.

ней папа Римский ситуацию расценивает явно неадекватно. В латинском посольстве, которое прибыло во Владимир, священство во главе с двумя кардиналами, всё предельно пышно. Сама булла написана папой в повелительно-покровительственном тоне, то есть явно считают, что Русь после последних событий сломлена. Смысл тот, что нам предлагают принять латинство, а в свою очередь обещают помощь от татар. (Чем же интересно они могли помочь?) Александр Невский составляет им следующий ответ, говорит летопись: «Исписав к нему от Адама и до потопа, от потопа и до разрушения язык и до начала Авраамля, а от Авраама… до Августа Кесаря, а от начала Августа царя до Христова Рождества и до Страсти и до Воскресения Его. От Воскресения же и до Вознесения Его на небеса и до царства Константина Великого и до Первого Вселенского собора святых отец, а от Первого и до Седьмого собора святых отец. Сии вся добре сведаем, сия суть в нас, учения сии целомудрствуем, иже всю землю изыдоше вещание их и в концы вселеныя глаголы их. Яко же проповедашася от святых апостол Христово Евангелие во всем мире, по сих же и предания святых отец седми Собор Вселенских. И сия вся известно храним, а от вас учения не примем и словес ваших не слушаем»[553].

В. В. Бутырский, Л. К. Коков. Святой Александр Невский принимает папских легатов. Эскиз. XX в. Храм Христа Спасителя, Москва

У кардиналов не было слов, чтобы на это ответить, наш князь дал грамотное и

[553] ПСРЛ. Т. XXI. Степенная книга. Л. 483 об. — 484. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись. Стлб. 328-329.

краткое богословское обоснование православию, при этом обнаружил знание как христианских догматов и истории Церкви, а равно и светской истории. Чувствовалось — ответ прочился на фундаменте образованности и эрудиции, от него послами не ожидаемых. С этой стороны все надежды папской курии были мгновенно обрушены. Было очевидно, что Александр Ярославич ведёт свою собственную политику, а именно, укрепляет и развивает отношения с империей монголов, действуя здесь, как на передовом крае, лично, одновременно сохраняя отношения и поддерживая политику Никейской империи, основное сообщение с которой, соответственно, через церковные связи, тут был неоценим опыт митрополита Кирилла[554].

Ф. Моллер. Александр Невский и папские легаты. Фрагмент росписи. XIX в. Александровский зал Большого Кремлевского дворца, Москва

Две основные православные державы при поддержке монголов и так-то не сулили католикам ничего хорошего, теперь же это была гарантированная потеря последними всех завоеваний крестовых походов. Таким образом, обнажалась ложность всей папской политики, которая только что, всецело благодаря Александру Невскому, столько сил потеряла почти напрасно, так и не сумев сломить Русь. Курия пытается найти общий язык с Чингисидами. Срочно, в

[554] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 272.

степную империю едет посольство под руководством Вильгельма де Рубрука, присланное Людовиком IX в 1253-1254 гг. В то же время Иннокентий IV, так в тот момент звали папу, отправил своего посла Иоанна де Поликарпо с посольством из пяти монахов сразу к нескольким ханам Чингисидам, именно к Батыю, Сартаку, Менгу-Тимуру и Бури. Несомненно, папа посылал опытнейших послов, слишком уж серьёзная миссия, однако все эти усилия папы снова наталкиваются на противодействие Александра Невского, и все дипломатические попытки курии разбились вдребезги. Русский князь, конечно, выступал в полном согласии с никейскими дипломатами[555].

Вспомним, что русские дипломаты со времён Ярослава имели особый вес в Золотой Орде, ещё Карпини жаловался папе, что, когда прибыл в Орду, там документы, присланные курией Батыю, переводили «на письмена русские, и сарацинские, и на письмена татар»[556]. Теперь же, чтобы вполне оценить значение действий Александра Невского, нужно учесть, что если со стороны курии действовал целый ряд монархов, то никейский император оказывался едва ли не в одиночестве, поэтому заступление святого князя на самом деле было единственной реальной опорой для никейской политики. И стоял князь Александр на защите этих позиций нерушимо. Однако ситуация постепенно складывалась такая, что папская курия за пределами Западной Европы везде сталкивалась с нашим князем и проигрывала самые, казалось бы, беспроигрышные для курии политические баталии.

Кроме всего этого католикам закрывало глаза собственное высокомерие. Рубрук, например, писал, как Мун-

---

[555] Там же. С. 272-273. Он пишет на основании суворинского издания «Иоанн де Плано Карпини. История монголов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны», с. 98. У Пашуто написано «Поликарно», это неверно, правильно «Поликарпо», так стоит у Рубрука.

[556] Карпини Иоанн де Плано. История монголов. С. 58. Об этом же говорит Пашуто у себя в «Очерках по истории Галицко-Волынской Руси» на с. 273.

кэ и его окружение насмехались над ними, после того как Рубрук со спутниками пытались открыть им некоторые известные христианские истины. Но посланцы папы говорили с монголами, как с неведующими о христианстве людьми, как бы поучая неразумных. Как раз такое поведение и было смешным, соответственно насмешку и заслужило, а причина проста, и они её узнают. У хана Мункэ мать христианка и минимум две жены христианки, которые посещали храм, бывал в христианской церкви и сам хан[557], он покровитель христиан, его брат Батый, старейшина рода Борджигинов (это род Чингисхана), тоже покровитель христиан, его сын Сатрак (племянник Мункэ), правитель самого большого (Джучиева) улуса — сам христианин. Хулагу так же покровитель христиан, и его генерал Кит-Буга христианин[558]. Но сам великий хан мог, в соответствии с Ясой, придерживаться только старой монгольской веры, однако, уважать все религии. Таков был закон. Однако христианство вообще в то время получило широкое распространение в Монголии. «Кроме западных монголов, найхманов, христианами были кераиты на Толе и даже южные монголы, онгуты, у Китайской Великой стены». Это слова профессора Бартольда, одного из самых уважаемых востоковедов[559].

При таком распространении христианства основную роль в организации похода, тем не менее, сыграло вполне этническое качество монголов, то есть их отношение к религии «как к таковой». Они принимали Евангелие, как основу христианства, а в канонических отличиях разных конфессий (при их веротерпимости) разбираться не считали нужным, оставаясь одинаково лояльными ко всем последователям Христа (к союзникам, при этом, вполне по-монгольски, более лояльны, и наоборот). А раз так, то что

[557] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 147.

[558] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отдел 4. § 4. С. 53.

[559] Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 210.

мудрить? Святая Земля — святыня для всех христиан? Так вот, пусть все с нами и идут», это вполне в духе монголов — логично, просто и категорично. Что и подтвердится дальнейшими событиями.

Вернадский вообще говорит, что решение о походе в Персию и Сирию было принято под влиянием французского короля Людовика Святого (посол которого Рубрук был у Мунке в 1254 году) и царя Малой Армении Хетума, который лично ездил в ставку Мунке[560]. Кстати, о Рубруке. Его отчёт Людовику IX подтверждает это и открывает то, что в одно с ним время к монгольским ханам ехали посланники практически со всех христианских стран. Этот монах минорит, например, ещё только по приезду своему в Крым, в Судак, упоминает о «сообщённых ему константинопольскими купцами сведениях о том, что к Сартаку едут так же послы из Святой Земли»[561]. А во время его приёма у Сартака последний говорит, что виделся с Балдуином де Гено, и тот рассказывал ему про Людовика IX[562]. Но и сам Балдуин де Гено рассказывал Рубруку, ещё раньше в Константинополе, о своей предыдущей поездке к Мунке[563].

Про личных послов папы мы говорили выше. Кроме них там уже находился монах из Иерусалима[564] и «брат Бернард из ордена братьев проповедников, который ехал с другим братом из Венгрии к Сартаку», а равно говорится о пятерых послах, которые ехали из Прованса во Франции и один из Сирии, «они имели грамоты господина папы к Сартаку, Мангу-хану и Бури»[565]. Часто видит там Рубрук русских, болгар и греков. Кроме прочего, Рубрук сообщает, что сами монголы трижды писали франкам. Раз папе

---

[560] Вернадский Г. В. Начертания русской истории. С. 99, в сноске № 4.

[561] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 67.

[562] Там же. С. 89-90.

[563] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 133.

[564] Там же. С. 165.

[565] Там же. С. 173-174.

Иннокентию IV и дважды Людовику IX[566]. Армянский царь, о котором мы только говорили чуть выше — Хетум I, мало того, что сам лично будет на курултае, ещё привлёк к союзу с монголами своего зятя (мужа дочери), антиохийского правителя Боэмунда VI[567]. Греки так же заключили союз с Чингисидами, и при дворе Мунке упоминается, про делегацию от никейского императора Вастация[568]. Вышеизложенного достаточно для того, чтобы уяснить, что уже тогда, в той или иной мере, с той либо с другой стороны, но вовлеченность в это предприятие была всех значимых стран континента, это исторический факт, от которого нельзя отвернуться.

В отчёте Рубрука обращает на себя внимание то, что как-то одиноко выглядит представительство Никеи, при этом чувствуется, что особого веса она в Монгольской империи не имеет. То есть, всем вышеперечисленным католическим державам, строго говоря, противостоял только Александр Невский. Как раньше он был почти один на северных рубежах нашей Родины, так теперь он стоял на рубежах Православия, и стоял против множества врагов. Такова суть пути Александрова.

После всего этого спрашивается, могли Батый и Сартак утаить подготовку к такому глобальному событию от Александра Невского? Да нет, конечно. Невозможное дело, чтобы великий князь самой влиятельной Северо-Восточной Руси не был привлечён к подготовке этого похода. Во первых, Александр Невский — это серьёзная военная помощь, потом Русь самая крупная христианская держава, присоединённая к Джучиеву улусу, войско последних, при этом, одно из основных в походе. Соответственно, уж если блюсти интересы христианских держав, невзирая на конфессиональные отличия, то в первую очередь, конечно, самых близких, а ближе всех Сартаку побратим.

---

[566] Там же. С. 178.

[567] Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 224.

[568] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 118.

В свою очередь Александр Невский должен был безоговорочно присоединиться к такому предприятию, хотя бы только потому, что в этом походе должна была решиться судьба Никейской империи. Впервые у русичей появилась возможность спасти свою патриархию, и не то что отказ, но даже нерадение в подготовке к такому походу, для русского князя выглядело бы предательством православия. Русь всегда была верна своей патриархии и не прерывала церковных связей при любых политических кренах и разногласиях светской власти. Для Александра Ярославича, положившего всю свою жизнь на защиту и укрепление православия на Родине, отстранение от похода было немыслимо.

Далее отсюда логически вытекает одно — при реализации этого похода, с такими исходными данными, он очевидно должен будет закончиться потерей папской курией власти и всех своих позиций, окончательным, полным крахом, что в свою очередь означает полное же окончание латинской экспансии. Это отчётливо понимали обе стороны, просто не могли не понимать. Вот при таких причинах и такой расстановке сил вполне понятны поступки всех действующих лиц.

Рассматриваем сложившуюся ситуацию далее. Курултай, на котором должно быть принято решение о начале похода, как упоминалось, назначен на 1253 год. Следовательно, 1252 год неврюевского погрома был годом всеобщей подготовки (мы кратко проиллюстрировали эту подготовку выше), тщательной разведки, переговоров, а так же строгого расчета сил всех участников предприятия. Великий хан Мункэ, Батый, все остальные Чингисиды хорошо понимали грандиозность задуманного похода и неизбежную вовлечённость в него всей Европы и Азии. По сути, начиналась самая серьёзная военная компания Чингисидов, после которой они могли считать себя правителями мира и действительно смогли бы контролировать деятельность всех стран мира (мы не берём во внимание, как несущественные

в тогдашней мировой политике, другие континенты). В такой момент, естественно, любая помеха подавлялась сразу с предельной степенью жёсткости, и не то, что Александр Невский, но и не Сартак, и не Батый не смогли бы смягчить удар, а уж тем более, когда военный мятеж и предательство происходило в самом сердце сопредельной и крупнейшей из подвластных монголам стран. Что и испытала на себе Русь-Матушка во время монгольских карательных походов, на изменниках лежит эта вина и лежит грузом неподъёмным.

Наконец, Чингисиды собирают курултай, на котором принимают решение — о начале завоевательного похода, на страны халифата, Сирию и Палестину. Крайне интересен союзный договор, который киликийский (Армения) правитель заключил с ханом Мункэ. В этом договоре много статей, но особенно интересны, например, такие: «Возвратить Святую Землю христианам, покончить с Багдадским халифатом …креститься со всем народом…».[569] И монголы договор, содержащий такие статьи, заключают. Очень сомнительно, что бы они, в самом деле, собирались крестить весь народ, они чужды подобного, значит, вынуждены пойти на это соглашение, чтобы не потерять помощь христианских держав, так как поход подготовлен с расчетом на войска христиан, и что-то менять было уже поздно.

Киликийцы и антиохийцы должны будут в своё время присоединить свои армии к монголам, в союзе так же французский король Людовик Святой, он должен обеспечить помощь палестинских христиан. Этот поход для монголов считался юго-западным походом, но в отношении Руси его проще называть восточным монгольским походом, чтобы не путать эти события с юго-западными событиями на Руси, которые нам нужно будет параллельно касаться. Вернёмся к монголам, так вот: «После того как были

[569] Гумилёв Л. Н Поиски вымышленного царства. С. 224. Гумилёв пишет на основании работы Галстяна А. Г. «Армянские источники о монголах», с. 67-70.

назначены царевичи и нойоны и были отобраны войска из тысяч и сотен, Кед-Бука, занимавший должность бавурчи (управляющий обеспечением армии), отправился вперёд… весна 650/1252 — 1253 года». 19 октября 1253 года (24 шаабан 658 года) в поход выступил сам Хулагу. И наконец, свидетельствует Джувейни: «Войска снялись со своих мест и тронулись в путь. И от страха, вызванного этим известием, содрогнулась земля, и затрепетали сердца королей»[570]. Так что, отряд Неврюя был каплей в море, а Русь тогда римокатолический блок пытался столкнуть со всей армией монголов и был близок от цели. Близок, да не очень, то, до чего в Европе близко, на Руси ещё очень далеко.

[570] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Т. 2. Ч. 3. С. 442-443.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ...

Северные соседи верны себе и, конечно, в такое время остаться в стороне не могут. В 1253 году Литва врывается в Новгородские земли, а ливонские рыцари нападают на Псков. Но наши начеку. Летопись сообщает: «Въ лето 6761 (1253 г.) повоеваша Литва волость Новогородцькую и поидоша с полономъ прочь». Сын Александра Невского князь Василий Александрович с новгородцами в лучших отцовских традициях догнал их и у Торопца разгромил, освободив всех пленных. Не дремали и псковичи и побили немцев в тот момент, когда последние попытались напасть: «В то же лето прииdоша немци на Псков и пожгоша посадъ, но самихъ многихъ немець биша псковичи». Новгородцы сразу отзываются и выходят на ливонцев со своим полком, немцы, завидев их, бегут. Новгородцы в ответ собираются и вместе с карелами идут на земли ордена: «Новгородци, идоша за Нерову. И створиша волости немецки пусты. И корела такоже много зла створиша волостем их». А ведь это сразу после Неврюего похода, интересно единодушие наших в отношении ордена и Литвы, такое ощущение, что знают люди — кто спровоцировал это монгольское нашествие. И сразу после новгородцев войной на ливонцев идёт псковское войско. Немцы собирают свои полки и выставляют против наших, но русские разгромили рыцарей в очередной раз, сказано: «Креста честною силою победиша их». После этого северные соседи шлют послов во Псков и в Новгород, просят мира. Мир есть мир, и наши, как всегда, соглашаются[571]. Это же в который раз?

---

[571] ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись старшего извода. Вып. 1. 1925 г. Стлб. 330-331. Л. 287-287 об.

На Руси в это время ополчаются, кажется, все сопротивные силы и делают всё возможное для конфликта с татарами и внутреннего раздора на Руси. Именно в это время начинается настоящий разрыв Северной и Южной Руси. Галицкий князь в союзе с папой и, например, «в 1253 г. князь Даниил известил курию о приближении татаро-монгольских войск с востока. В ответ последовала булла от 14 мая 1253 г., призывавшая христиан Польши, Чехии, Моравии, Сербии, Поморья и иных соседних народов к походу против татар»[572]. Опять крестовый поход и опять без отклика, при этом призыв против татар, равно и их союзников, среди коих, естественно, разумелась и Северная Русь.

А почему же не Южная? Да потому, что папа Иннокентий IV, дорожа помощью Даниила, около 1254 года, посылает к нему в Дорогичин пышное посольство во главе с легатом Опизо и там же происходит коронация русского князя, потомка Рюрика — Даниила Галицкого. На церемонии коронации в присутствии польских князей Болеслава, Семовита, брата князя Василько и всей знати, галицкий Рюрикович принял корону и скипетр «из рук» папского легата[573]. Это произошло около 1254 года. Летописцы усердно отмечают, что принял корлевство Даниил нехотя, ради помощи против татар. Очень хочется в это верить, но и тогда непонятно, лучше это или хуже. Однако Даниил стал королём, а Галиция независимым королевством, это означало обязательную унию с католиками, являясь и в первом, и во втором случае прямым откровенным предательством как России, так и православия. Блистательный Даниил, как жалко! Южная Русь в самый трудный момент была оторвана. На сотни лет отдаст себя Украина полякам и Литве, много примет от них горя, а после унии с католиками неизбежно изменится, да так, что сама не сможет считать себя больше Россией… Охо-хо... Но следуем далее.

---

[572] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 259.

[573] Там же. С. 259.

Князь Александр теперь всё время во Владимире, то есть в некотором удалении от Новгородских и Псковских земель, это используют его враги. В том же году, может быть, в ответ на поражение ливонцев и Литвы, может быть, заразителен был пример Даниила, очень вероятно, что просто следуя политическому курсу курии, но вернее всего по совокупности этих причин, но пронемецкие силы втягивают в борьбу против великого князя теперь его младшего брата Ярослава. Метод тот же, его настраивают против брата, и тверской князь в 1254 году бросает свой законный удел Тверь и самовольно переходит, сначала в Ладогу, согласно Троицкой летописи[574], затем «в лето 6762 (1254) на зиму…», по утверждению Софийской летописи, во Псков[575], Ради чего такой откровенный акт самовольства? Летописец записал не «выеха» или «перейде», но «выбеже». Интересно, что Александр не наказывает пока младшего брата, явно даёт ему время одуматься, однако, как мы увидим, безрезультатно, Ярослав уже втянут в политическую борьбу против старшего брата. Вот уж воистину без перерыва нападал враг на святого князя, такое постоянство может сломить, казалось кого угодно.

А тем временем папский престол после присоединения к себе короля Даниила Галицкого перенёс основное внимание на север и принялся за подготовку антирусской агрессии. В 1255 г. папа, теперь его имя Александр IV, поощряя все набеги Литвы на Русь, утвердил за Миндовгом, тоже королём (одни короли со всех сторон), все захваченные им русские земли. Папа скажет, что «завоеванием этих земель он (Миндовг) служил святой вере»[576]. Тут же Александр IV в булле от 19 марта 1255 года предписал рижскому архиепископу Альберту фон Зуербеер принять меры

---

[574] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 324.

[575] ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись старшего извода. Вып. 1. Л. 287 об. «Того же лета (1254) выбеже князь Ярослав Ярославичь на зиму из Низовскои земли, и посадиша его во Пскове…».

[576] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 248.

для обращения «язычников» в христианство, причём там указывалось впрямую о «язычниках» Вотландии, Ингрии и Карелии, куда и назначили отдельного «епископа Карельского» Фридриха Газельдорфа. Но это Водская, Ижорская и Карельская земли, которые были исконными владениями Великого Новгорода и в церковном (да и в любом) отношении папе не подчинялись, но только православной Церкви. Назначение католического епископа в исконные русские области было фактическим указанием рыцарям к захвату этих областей и отторжению их от Руси[577].

В том же году умирает старший брат Александра Константин, князь переносит тело брата во Владимир «и положиша у святей Богородицы въ Володимери». Но даже погоревать Александру не дают возможности, так как обостряется вражда младшего брата и обнажается смысл действий Ярослава Ярославича. А именно — поднимается смута в Новгороде, и там выгоняют сына Александра Невского Василия, а после того, как новгородцы изгнали князя Василия, в Новгороде всё в том же 1255 году садится Ярослав[578]. Вот так, опять, кажется, какое-то уже знакомое передвижение? И снова враг бьёт в самое больное место.

Почему снова такая вспышка противодействия? Ну, создалась крупная пронемецкая оппозиция, ряд бояр там всегда тяготел к Западу, для них главное — торговые возможности, но как-то должны они были убедить и других участвовать в бунте. Чем смутили народ? Причина прежняя, на это указывает уже то, что средства бунтовщики употребляют те же, снова смута в городе, снова натравливают брата на брата, только теперь удар и по сыну. Получше подготовились за два года. Руководят явно опытные в интригах люди, хорошо знающие происходящее. А происходило, вот что.

---

[577] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 208-209.

[578] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 324-325 под «В лето 6763…» (1255).

К этому времени юго-западный поход Чингисидов и союзных им христианских держав набирал силу. Продвигались монголы на этот раз медленно, что было частью стратегии, представьте, по огромной, совершенно необозримой территории, спокойно и неотвратимо надвигались, казалось, несметные силы. Причём, если учесть всеобщее движение, какое создалось тогда в пространстве от Каспия до Китая, то впечатление несметности монгольских сил было полное. Раньше мы говорили, что задействована была вся империя монголов, вспомним: «Был отдан приказ, чтобы все правители земель, заготовили провизию...»,[579] и должны были подвозить на всём пути следования, по всему фронту армии, а это огромные территории, громадные стада коней, рогатого скота, тучи отар баранов и длинные караваны обозов с продовольствием. Ещё Рубрук перед своим отъездом говорил о том, что Сартак из своей ставки (а это от Волги!) двинулся «к Менгу-хану со стадами крупного и мелкого скота»[580]. Да, нужно отдать должное, Мунке очень тонкий стратег, глубоко понимающий и учитывающий «менталитет» тех народов, с которыми воюет. Сам Батый тогда уже был во главе своего войска на военных рубежах, у границ Персии[581].

Итак, в конце осени 1255 года Хулагу со своей ставкой разбили лагерь в лугах у ворот Самарканда, «в месяц шаабан 653 года» (сентябрь — октябрь 1255). А весной «в начале раби», это конец марта — начало апреля 1256 года[582], начались уже серьёзные военные действия. Причём начали монголы с уничтожения крепостей ордена исмаилитов, опаснейшей ереси того времени, секты ассасинов с центром в Аламуте, этот орден держал в страхе правителей Востока, и никто не в силах был с ним покончить. Там были крово-

---

[579] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Т. 2. Ч. 3. С. 442.

[580] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. С. 166.

[581] Там же. С. 171.

[582] Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. Т. 2. Ч. 3. С. 443-446.

пролитные бои чуть ли не за каждую крепость. Джувейни лично участвовал в этой войне, интересующихся данным вопросом отправляем к автору[583]. От себя скажем, что после уничтожения монголами ассасинов и сведения о них затерялись во времени. Однако в те времена эта громадная секта была проклятием Востока, и никто из восточных повелителей уже не дерзал противиться Аламуту, любой, кто восставал против них, бывал уничтожен спецподготовленными сектантами-смертниками. Это образование было влиятельней и богаче многих восточных держав. Продвигаться далее в восточные страны, оставив за спиной ассасинов, было немыслимо. Но даже прославленные Чингисиды одолели их с большим трудом.

Тем временем папская курия, пользуясь всеми создавшимися трудностями на севере Руси, форсирует свои действия и возбуждает против нас кого возможно из римо-католической коалиции. «Последовал прямой призыв к "крестовому походу", буллой от 11 марта 1256 г. папа Александр IV, задумав подготовить общий большой "крестовый поход" против "язычников" Восточной Европы, предписал начать проповедь с призывом крестовому походу во всей Северной и Средней Европе — в Швеции, Норвегии, Дании, на Готланде, в Пруссии, во всей Восточной Германии и в Польше»[584]. Ничего не скажешь, внушительно размахивается папа.

В этом же 1256 году князь Александр наводит порядок в Новгороде и выгоняет Ярослава, казалось бы, сейчас последует жестокое наказание, ведь предал родной брат — тот, кто должен быть верен во что бы то, ни стало и предал в очень трудный момент. Но и здесь Невский герой остаётся на высоте, он прощает брата и, более того, отдаёт ему обратно Тверь. Александр Ярославич точно знает — кто виноват, и наказывает изменников примерно, очередной раз

---

[583] Там же. С. 448 и далее.

[584] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 209.

обнаруживая ясный ум, твёрдую руку и милостивое сердце. Младший брат всё поймёт и никогда более не предаст Александра, всегда и во всём будет ему помогать.

В довершение к этому, с повинной головой возвращается Андрей. Он тоже осознал происходящее и ни к кому кроме брата идти больше не захотел, а летописец запишет под 1256 годом: «В тот же год возвратился князь Андрей от немцев. И принял его Александр с любовию…», причём хотел посадить его в Суздале, но, предотвращая возможный и совершенно неуместный сейчас конфликт с татарами, отправляет его в Нижний: «…Поехал князь Андрей на Городец и в Новгород Нижний княжить»[585].

Однако с Андреем дело не простое, он, согласно Ясе, подлежал казни (нападение на монголов и союз с их врагами). Но Александр собирает посольство к монгольскому хану во главе с ростовским князем Борисом Васильковичем, ставит цель — уговорить татар не мстить Андрею и даёт послам для этого богатые дары. Далее Татищев пишет со слов летописца: «…князь же Борис Василькович ростовский пошёл в татары со многими дарами. А также и князь Александр Ярославич послал послов своих в татары со многими дарами просить за Андрея. Князь Борис Василькович ростовский был у Улавчия и дары отдал, и честь многую принял, и Андрею прощение испросил, и возвратился со многою честию в свою вотчину»[586]. Старший брат поступает так, как должно поступать на Руси старшему брату.

Александр Невский много раз испытывал горечь измены, её трудней всего перенести (и именно поэтому враги так часто прибегают к этому средству), особенно когда предавали близкие. Казалось, всё внутри давно должно сломаться, выгореть от такого, либо вспыхнуть ярость на всех окружающих, но нет, чтобы ни происходило вокруг, он делает то, что должно делать для спасения Родины, остава-

[585] Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 3. С. 23, год 1256.

[586] Там же. С. 23.

ясь примером благочестия. Он стал буквально скалой, о которую с грохотом и вдребезги разбивались новые и новые волны интриг и предательства, каждый раз эти волны били с новой силой и бессильны были против этого удивительного человека. При этом сейчас была очень важная битва — битва за души братьев, и наш герой одержал победу.

Но победа эта стоила дорогого. Вся смута имела более глубокие корни и тяжёлые последствия. Пока Александр Невский восстанавливал законность в своём княжестве, на русские земли напали шведы в союзе с датчанами и какими-то отрядами финских племён еми и суми. Это был отклик на призыв папы к «крестовому походу». Показательно, что основные рыцарские силы, то есть Ливония, помалкивали — рыцарству Северной и Восточной Европы был слишком памятен суровый урок, преподанный им Александром Невским в 1240-1242 годах. Однако и шведские рыцари помнили урок, полученный во время Невского побоища, и потому не рискнули в 1256 году наносить удар на главном стратегическом невском направлении, а избрали для удара второстепенное направление — устье Наровы, куда и подошло объединённое шведско-датское войско[587]. Время действия рыцарского ополчения было выбрано не случайно, но в момент, когда у новгородцев был конфликт с великим князем, причём тогда, когда в самом Новгороде вообще князя не было. Летописец зафиксирует, что в момент шведского нападения в Новгороде «не бяше князя», соответственно, новгородцы, из-за происходящей смуты, были не в состоянии сразу оказать сопротивление[588].

Согласно папской буле, цель похода была — захват Водской, Ижорской и Корельской земель. Рыцари помнили Александра Невского и не посмели напасть сразу, но решили вначале создать опорный пункт на границе Водской земли и, опираясь на эту крепость, начать завоевание наших зе-

---

[587] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 209-213.

[588] Там же. С. 213.

мель, «приидоша Свеи и Емь и Сумь и Дидман (датчанин) со своею волостию и множество рати, и начаша чинить город на Нарове». На реке Нарове перекрещивались водный путь из Пскова в Финский залив и из Новгорода в Таллин по суше, так называемый «путь горой». Там был единственный выход к морю для Пскова, а рядышком по Финскому заливу проходил основной торговый путь из Новгорода на Запад, и новая вражеская крепость могла перекрыть важную жизненную артерию Новгородских земель[589].

Но 1256 год ещё не окончился. Новгородские власти разгадали планы захватчиков и стали принимать свои меры. К Александру Невскому «на низ», в Суздальскую землю, послали гонцов с просьбой прийти и привести «низовские» полки. Великий князь с суздальскими полками двинулся к Новгороду и отдал приказ срочно развернуть в Новгородской земле сбор ополчения. Александр Невский настолько воодушевил народ, что военные приготовления в Новгородском государстве приняли такие широкие размеры, что шведы с датчанами бросили постройку крепости и убежали, не дожидаясь подхода русских войск[590]. Широко задуманная крестоносная агрессия с треском провалилась. Однако сейчас другое время, и просто убежать не получится. Александр Невский объединяет суздальские полки с новгородским войском и продвигается к Копорью. Интересно, что цель похода, князь держит в тайне, значит, предполагал, что возможна утечка информации, при которой рыцари смогли бы сорвать начавшийся поход в самом начале. В Копорье Александр Невский объявляет войску, что поведёт его в поход на захваченные шведами финские земли. Повторяя стратегический приём своего отца Ярослава, Александр ведёт войско по замёрзшему льду Финского залива на территории шведских завоеваний[591].

---

[589] Там же. С. 211.

[590] Там же. С. 214.

[591] Там же. С. 215.

Этот поход Александра Невского был важным в политическом и хорошо продуманным в стратегическом отношении. Удар направлялся не на давние шведские завоевания в юго-западной Финляндии, где была твёрдая власть шведов и прочные укрепления, а на область, где шведское владычество было недавно и ещё не упрочилось, то есть в самое уязвимое место. Зимний поход наших войск 1256 года в истории принято называть «тёмным походом», он описан в ряде наших летописей Новгородской 1, Софийской 1, есть в Никоновской, Троицкой и т. д.[592] подтверждается он и папской буллой 1256-1257 гг.[593] Александр Невский не ставил своей целью завоевание шведских территорий, в его распоряжении находилось войско, достаточное для глубокого набега, но маловато для завоевания больших областей. Тёмным же назван поход из-за зимнего времени года, когда на севере короткие дни и в условиях непогоды практически всё время либо сумерки, либо ночь. Походные условия были крайне неблагоприятными, что подчёркивают все летописи: «и бысть золъ путь, якоже не видели ни дни, ни нощи, и проидоша горы непроходимые…»[594] — суровая зима, метели, постоянные снежные заносы, при полном бездорожье бесконечные леса, снег до пояса и редкие бедные селения.

Однако политическая важность проявляется сразу, когда при вступлении войск Александра Невского в Финляндию местные жители тут же поднимают восстание против своих захватчиков шведов. А наши войска разгромили все приморские опорные пункты шведов, и, невзирая на такие трудные условия, к концу зимы «победоносный князь и его войско со славой возвратились в Новгород»[595]. Очевид-

---

[592] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 217.

[593] Там же. С. 222.

[594] Софийская первая летопись. Т. VI. Вып. 1. Л. 289 об. «В лето 6764».

[595] Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. С. 225.

но, что это была так же мощная «разведка боем» и подготовка (разрушены неприятельские опорные пункты), к намечавшемуся святым князем в дальнейшем отвоеванию у рыцарей бывших подвластных территорий. И вот здесь давайте обратим внимание, что против Александра Невского практически те же силы, которые спровоцировали неврюев поход, только рыцари шведские объединились с датчанами и прочими. Однако князь что-то никаких татар не зовёт, но сам показательно разгоняет врага у себя, после чего совершает труднейший поход вглубь вражеской территории, смиряя этим всех желающих нападать. После этой победы Александр Невский возвращает сына Василия на новгородское княжение[596]. Но как всё было непросто? А завершился этот год событием знаковым — умирает старый Батый. Смерть этого хана — событие, похожее на сигнал тревоги, но пока ханом «Золотой Орды» становится Сартак.

[596] Софийская первая летопись. Т. VI. Вып. 1. Л. 290.

ВОКРУГ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СОБЫТИЙ

Нам теперь необходимо для понимания происходящего следить за событиями на Ближнем Востоке. Тем временем действия ближневосточной военной кампании монголов продвигались с неуклонностью, за прошедшее время они разрушили почти все крепости ассасинов, а это труднодоступные, до сих пор неприступные горные цитадели. К концу октября оставалось уничтожить последние три крепости исмаилитов Аламут, Ламмасар и Лал, личные оплоты правителя ассасинов Рукн ад-Дина и его приближённых. Последние, различными хитростями пока оттягивали полное поражение. Но, наконец, 31 октября 1256 (10 шавваль 654 года) монгольские войска двинулись на их покорение. Ирак к этому времени был так же покорён, и там правили монголы, Джувейни говорит, что оттуда даже пришлось брать подкрепление, но наконец, 8 ноября 1256 года монголы достигли вершин гор у последних оплотов исмаилитов, после чего вскоре эти крепости со столицей ассасинов Аламутом были покорены и разрушены[597]. Аламут был покорён только в декабре того года. Это была серьёзная (сейчас малоупоминаемая) война, придавшая монголам громадный авторитет на Востоке. Нет, в самом деле, монголы тогда оказали неоценимую услугу Востоку. Джувейни в своей книге много места уделяет этой войне как важнейшей, он назовёт Мункэ, «Хан Ханов — Повелитель Земли и Века», а о победе над исмаилитами сказано, что: «До самого сегод-

[597] Джувейни Ала-ал-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. С. 448-450.

няшнего дня ни один глаз не видал такой великой победы, и ни одно ухо о ней не слышало»[598]. В самом конце описания будет сказано: «Этой великой победой в руки монгольского владычества были вложены ключи от государств мира, и запоры тех стран, которые продолжали колебаться...»[599].

Далее, утвердившись в Персии (надо сказать, очень напряжённым был этот 1256 год), Хулагу принялся за подчинение себе Месопотамии и Сирии[600]. Войска армянского царя и антиохийского правителя были готовы и ждали своего времени в надлежащих для присоединения местах. А так как военные действия будут проходить по территориям их стран, либо им сопредельным, то эти правители лично участвуют в походе. Так же обязательно Чингисидами в расчёт принималась помощь Александра Невского, что вполне обоснованно и правомерно с их стороны, он союзник, и правитель самой большой христианской страны подвластной монголам. Лично участвовать в походе Александр Невский, естественно, не мог, ему должно было сдерживать свои как северные, так и западные рубежи, а главное мир внутри Руси, что он и делал с доблестью. Для Чингисидов он был гарантией безопасности с севера. А чтобы устранить любое волнение, на юге Руси, там, в том же 1256 году, монголы прекращают «игры» с галицким князем, и темник Бурундай всего с одним туменом сразу разгромил войска короля Даниила. Но, более того, заставил последнего идти войной с монголами на Литву, а затем и на Польшу, после чего принудил галицкого короля срыть все укрепления у своих крепостей Данилова, Стожка, Кременца, Луцка, Львова[601].

Не получив ни малейшей помощи от союзников и осознав, как вероломно они его использовали, бедный Да-

---

[598] Там же. С. 451.

[599] Там же. О покорении самого Аламута на с. 462, а последние слова — на с. 263.

[600] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отд. 4, §4. С. 52.

[601] Погодин М. Начертания русской истории. С. 83-84.

ниил, пройдя через эти последние испытания, сляжет от позора и нервного срыва, да более уже «не встанет», хотя проживёт ещё около десяти лет. Самое удивительное в жизни этого человека то, что он, при всех его действиях, непостижимым образом оставался искренним патриотом Руси и был самым ярким, самым выдающимся князем Галиции и Волыни.

События ближневосточной войны идут далее, в конце 1257 года армия Чингисидов завоевала Иран, а война с халифатом была в самом разгаре. Здесь мы должны с безусловностью принять то, что дальнейшее развитие военных действий (в любой большой войне, во все времена), предполагает обязательное пополнение военного контингента за счёт армий союзников. Для небольшой военной кампании, можно, например, просто попросить какое-то определённое количество воинов, и союзный князь его по возможности предоставлял. Здесь же ситуация гораздо сложнее, здесь монголы вторгались в такую сферу, внутри которой сходятся интересы всего континента, и это территориально очень обширное пространство.

Джувейни говорит об этом ещё в описании событий конца 1256 года, именно то, что войска растянуты по такой огромной территории, когда не хватает животных, как верховых, так и для пропитания. А когда стало недоставать животных для перевозки зерна, было приказано забирать их «у любого человека, знатного и низкого, турка и таджика, и так обеспечить отправку провианта»[602].

Теперь учтём — Чингисиды в третьем поколении (Сартак, например, правнук Чингисхана) непобедимы, то есть просто не знают поражений, и это целиком заслуга их богатейшего военного опыта и военного искусства, т. е. стратегии, тактики и высочайшего уровня разведки. Они прекрасно отдавали себе отчёт в том, что там, где пересекаются многие интересы, военные действия в любой момент

[602] Джувейни Ала-ал-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. С. 450.

могут принять самый неожиданный оборот. Так могли ли они оставить на волю случая вопрос о военном подкреплении? Уж, наверное, нет. Для этого необходимо было точно знать, на какое количество воинов они могут рассчитывать в действительности. А единственный по-настоящему надёжный способ узнать реальное количество и состав населения — это провести перепись. Что монголы и предприняли, и что вполне понималось нашими князьями.

Весь поход монголов заведомо связан со всеми христианскими странами общими целями, и помощь должна оказываться безоговорочно всеми, иначе это просто предательство. Согласно происходящим событиям, соответственно на 1257 год приходится первый набор воинов для пополнения армии монголов, так называемый набор «числа». Вначале всё решается на высшем уровне и в Орду едут Александр Невский, Андрей Ярославич и ростовский Борис Васильковичь, только после этого приезжают «численники». При переписи люди, причастные к Церкви, не учитывались, что тоже указывает на заведомое утверждение процедуры и особое расположение монголов тогда к Русской Церкви[603].

Собственно, вообще в переписи населения ничего сверхъестественного нет, как монголы, так и другие страны проводили в разное время подобные переписи. И в данном случае не было причины для бунта и предательства, а последнее всегда остаётся только предательством. Кроме общих целей, здесь перспектива освобождения Святой Земли и Гроба Господня — что одно святая и почётная обязанность всех христиан, так же судьба Никеи — это судьба русской патриархии (при любом взгляде на вопрос), это строго интересы России, и действия Александра Невского были освящены Церковью. А под понятием «общие цели» имеется

---

[603] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 326. «В лето 6765 (1257) поехаша князи в Татары, Александр, Андрей, Борис Васильковичь; тоя же зимы приехаша численници и исчетоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую, … только не чтоша игуменов и чернецов, и крилошан, кто зрит на святую Богородицу».

в виду долженствующее быть, при удачном окончании восточной кампании, такое усиление политических позиций Руси, при котором она могла вернуть все ранее подвластные ей территории и покончить с экспансией латинства навсегда. При таких задачах уж, наверное, нельзя было не помочь всем возможным, здесь, уж раз перепись — значит, перепись, и руководит всем процессом сам князь, на глазах у монголов. По-другому поступить он не мог, просто как честный человек.

Но как мы много раз уже убеждались, история прекрасна, удивительна и трагична, однако, по непостижимой для нас воле Божией, она чередует эти состояния, не считаясь с интересами людей, то есть, если трагична — то внезапно трагична. В 1257 году Сартак погибает от руки убийц, ему удалось править одному меньше года. Дружба двух воинов — Александра Невского и Сартака длилась с момента их знакомства и закончилась со смертью последнего. Никогда побратимы не предали друг друга. Александр Невский к этому времени собрал «число» и навел порядок в Ростово-Суздальской земле, при тех волнениях, которые там устраивались, далось ему всё это громадным напряжением сил, но братья теперь были рядом.

В 1258 году в «Золотой Орде» становится ханом дядя Сартака хан Берке, это он подослал убийц племяннику. Всё, держава Чингисидов никогда более не будет прежней. Ясу стали нарушать сами ханы. А без соблюдения Ясы — это просто четыре отдельные, пусть очень крупные орды, и хотя они в союзе между собой и представляют ещё очень мощное соединение, но никогда уже прежнего уровня единства монголы достичь будут не в состоянии. Хотя и существует мнение, что расцвет империи Чингисидов был ещё впереди, но это не расцвет империи Чингисхана. Вопрос —хорошо это или плохо, не ставится[604]. На этом закан-

[604] Хара-Даван. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. С. 209. «Царствование Хубилай-хана (1260-1295) историками признается самым цветущим периодом Монгольской империи».

чивается жизнь Монголов как великой империи, и можно смело перевернуть коротенькую страничку дружбы Александра Невского с монгольскими ханами.

Начиная с этого времени, отношения Руси с монголами кардинально изменились, например, до гибели Сартака Северо-Восточная Русь не облагалась данью, все летописные сведения о дани до этого времени относятся только к Южной Руси. А исследования показали, что вообще «до 1257 года мы не находим никаких следов организации татарского владычества в Северо-Восточной Руси. С 1257 года вслед за исчислением народа (после гибели Сартака, наш курсив) были поставлены на северо-востоке отряды в распоряжении баскаков»[605].

С одной стороны, ухудшилось положение внутри империи монголов, а с другой, конечно, изменилось положение нашего князя, и ухудшилось отношение в Орде к христианам. Хан Берке, младший брат Батыя, был вопреки Сартаку мусульманином, именно из-за этого возник между ним и Сартаком конфликт, который закончился убийством последнего. Нет, Александра Невского уважали и верили ему, он был даже ещё более необходим Орде, но теперь, после убийства побратима, у него не осталось дружественных чувств к монголам. Исключение составлял, может быть только хан Мунке. Друзья монголы или враги, но они кочевники, живущие интересами только своей державы, как единственно приемлемой для их существования и их образа жизни. Поэтому считались они только с безоговорочными союзниками, а ханы очень тонко чувствуют ситуацию, и любое охлаждение отношений мгновенно ими учитывается. Самое плохое, что все эти события губительно отразились на делах восточного похода, монголы стали терять интерес к намеченным завоеваниям. Но пока правил империей Мунке, остановить этот поход было невозможно.

---

[605] Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). С. 22-23.

Более того, эта война по мере нарастания, благодаря подавляющему количеству христиан в войске, в самом деле стала походить на христианскую освободительную войну. Но посмотрим, что происходило в этом 1258 году. В этом году, армией монголов завоёвана Персия, разгромлен халифат, взят Багдад, а сам халиф казнён. «…Вслед за тем монгольский генерал Кит-Буга (христианин несторианин, найман родом) вошел в Сирию, отобрал у мамлюков Алеппо, а 1 марта 1260 г. Кит-Буга вступил в Дамаск во главе монгольской армии. Вместе с ним ехали царь Армении и князь Антиохийский. Впервые за шесть веков три христианских государя ехали с триумфом по улицам древней столицы халифата[606]. Далее были освобождены от мусульманской власти Сирия и Палестина. И существует мнение учёных, что монгольский поход на Сирию являлся как бы крестовым походом против мусульман, только шедшим с Востока, а не с Запада[607]. Рухнула мощная империя, основная цитадель мусульманства. Падение Багдада было воспринято восточными христианами как небесное возмездие угнетателям за века унижения и произвола. Хулагу запретил убивать и грабить христиан всех исповеданий, а дворец халифа был отдан несторианскому патриарху под резиденцию[608]. В походе на равных объединённые силы христиан, патриарх Армянский благословил киликийскую армию на этот поход, там же остальные христианские силы, например армия Антиохии во главе со своим правителем Боэмундом IV. Строго говоря, выполнена первая часть задачи, и армия стояла на территории прямых христианских интересов.

С этого времени в подвластных Александру Ярославичу землях начинается сбор дани. Здесь тоже — как быть Александру? При таком нарастающем успехе восточной войны и общей пользе для христиан, а главное, учитывая все

---

[606] Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской православной церкви. С. 705.

[607] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отд. 4, § 4. С. 53.

[608] Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 224-225.

политические факторы того времени, как например то, что дань и исчисление было одним общеимперским мероприятием при великом хане Мунке и, соответственно, Русь не могла отказаться. Однако в отношении дани не хотелось бы излишне драматизировать события, давно собиралась дань в Южной Руси, Китае, других странах, а, например, «в Трансоксиании и Иране, как известно, налог был поголовным…»[609]. На Руси, например, дань бралась со двора (с дома или с плуга (сохи, рала)).

Кажется удивительным, но вопрос о дани, которую Русь платила монголам, так же остаётся каким-то очень мутным вопросом. А при наличии различных документов о выплате дани, то есть наличии возможности хоть как-то освятить эту тему, общее умолчание выглядит как сохранение некой тайны. Простите, ну что это за секреты?! Ведь это же очень важный, много раскрывающий вопрос, которому не грех посвятить хоть и небольшую, но отдельную главу.

[609] Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). С. 12-13.

ТАК КАКУЮ ЖЕ ДАНЬ ПЛАТИЛИ МОНГОЛАМ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Вопрос о дани очень много муссируемый, при этом очень мало исследованный, и было трудно найти что-нибудь конкретное по этому вопросу. На удивление часто приводятся слова Карпини о непосильной дани, на них скрупулёзно ссылается подавляющее большинство историков, однако почему-то сами эти слова либо не приводят, либо приводят в сокращённом виде. Почему? Неизвестно. Однако мы приведём целиком сообщение этого папского легата: «Татарский наместник у всякого человека, имевшего трёх сыновей, брал одного, вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жён, и точно также поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя (у Карпини стоит именно белого), одного чёрного бобра, одного чёрного соболя, одну чёрную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по латыни, а по-немецки оно называется ильтис, поляки же и русские называют этого зверя дохор, и одну чёрную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведён к татарам и обращён в их раба»[610].

---

[610] Карпини Иоанн де Плано. История монголов. С. 33-34.

Первое впечатление, что Карпини просто перечислил все, какие знал, названия пушных зверей. А потом, ну где, скажите мне, в Киеве, или пусть даже в Рязани, взять белого медведя?! Это не говоря, что на каждого человека. Если бы подобное каким-то немыслимым образом могло иметь место, то простите за каламбур, но тогда на Руси не осталось бы ни людей, ни зверей. Тут не нужно вдаваться в объяснения, но с чистой совестью отнести это к одной из необъяснимых странностей, присутствующих (в немалом количестве) в «Истории» этого папского легата, оставляя это на совести последнего.

Однако, для желания внести хоть какую-то долю ясности, подобно противовесу, приведем слова В. В. Кожинова: «Обращу внимание на одно очень важное, но труднодоступное исследование историка В. Н. Павлова «к вопросу о русской дани в Золотую Орду», опубликованного в «учёных записках Красноярского пединститута» в 1958 году. Это, пожалуй, единственная работа, где данный вопрос поставлен серьёзно и конкретно. И выясняется, что в среднем на душу населения годовая дань составляла один-два рубля в современном исчислении! Такая дань не могла быть обременительной для народа, хотя она сильно била по казне собиравших её князей. Но даже при этом, например, Симеон Гордый, сын Ивана Калиты, добровольно жертвовал равную дани сумму денег для поддержания существования Константинопольской патриархии»[611].

Должны сказать, что в наше время загадочнее всего как раз звучит фраза: «в современном исчислении». Если имеется в виду исчисление современное 1958 году, когда вышла статья Павлова, это небольшая сумма, если же имеется в виду исчисление 1991 года, когда вышла статья Кожинова, то это очень мало (что-то порядка 20 руб. в наш 2013 год). То есть стоимость пачки дешёвых сигарет, так как булка хлеба стоит дороже. Соответственно, крайне маловероятно, что-

[611] Кожинов В. В. Поиски будущего (отрывок их интервью) // Наш современник. №3. 1991. С. 127-128.

бы Кожинов имел в виду советские рубли после реформы 1960 года, её просто ещё не было на момент выхода работы Павлова, и в далёком прошлом она была в 1991 году, когда вышла статья Кожинова. В общем, в любом из возможных, для Кожинова исчислений, это всё равно — очень немного, скажем, в сравнении с советским подоходным налогом, уж не говоря о современных нам действительно непомерных государственных налогах. Как мы увидим, такие поборы монголам не снились даже в самых радужных снах.

Однако, честно скажем, что вначале, невзирая на учёную степень Кожинова, нам показалось как-то голословно оставить просто одно, такое радикально противоположное традиционным историкам, мнение. Мы усомнились и разыскали работу В. Н. Павлова в Красноярске. В самом деле, это самая труднодоступная работа из всех тех, которые нам приходилось разыскивать. Даже как её нашли, очень занимательный был бы рассказ. Это небольшая работа, советского учёного, и мы из неё приведём небольшой ряд данных, которые дают пусть общее, но, тем не менее, документальное научное представление об этом вопросе по существу.

Павлов вначале оговаривает то же, на что указывали и мы, — что Северо-Восточная Русь оказалась в постоянной даннической зависимости от монгольских ханов с 1257 года. А в первые годы великого княжения Александра Невского, север Руси едва ли даже номинально зависел от Монгольской империи[612]. Выплата дани началась вместе с переписью 1257 года, причём сама перепись была новостью на Руси[613], но мы объяснять это смертью Батыя не будем, потому что после него был Сартак, и точно не было ухудшения отношений последнего с Александром Невским. Перепись диктовалась в тот момент военной необходимостью

[612] Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 77. Павлов согласует с летописями и приводит слова Грекова, о том что такая дата начала даннической зависимости полностью установлена.

[613] Там же. С. 79.

ближневосточного монгольского похода, сбор дани так же вклад Руси в это военное предприятие. Кроме этого важно, что «дань с русских земель, по крайней мере большая её часть, выплачивалась с 1257 года в Каракорум, а не в Золотую Орду». Пока их отношения не будут прерваны, о чём будет сказано в своём месте. Вначале дань отдавалась на откуп баскакам, но потом эта система была ликвидирована, и князья стали сами отвозить дань в Орду.

В Новгороде и в других городах они производили подворную перепись «по полугривне с сохи», в другом документе — «з двух сох рубль». Ничего нового в организацию обложения населения данью татары не внесли[614]. Татары во всём сторонники стабильности. Кроме этого, есть указания на то, что стабильность дани поддерживалась обеими сторонами. Мамай, например, писал Дмитрию Ивановичу «просити выхода, как было при цесари Чжанибеке, а не по своему докончанью», по другому известию — при Узбеке и Джанибеке. Так же приводится грамота, где наши князья говорят о необходимости платить дань «по старым свёрткам». В некоторых документах писано: «по старым дефтерем»[615]. Церковь, как помним, не облагалась монголами данью ни в одной стране.

Из доступных договоров — есть договор, где с Тверского княжества передавали великому князю Юрию 2000 рублей (1321 г.). Есть сообщение о выплате новгородцами дани, так же 2000 рублей (это при Узбеке). Далее автор говорит: «Если, очень предположительно, считать, что и Московское, и Нижегородско-Суздальское и Рязанское княжества платили по 2000 рублей, то дань с Северо-Восточной Руси должна была составить около 13-14 тысяч рублей[616].

---

[614] Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 90. Указывает на Татищева: «Привёз хану по полугривне с сохи», во втором случае слова принадлежат золотоордынскому хану.

[615] Там же. Где по «старым свёрткам» — с. 96, где по «дефтерем» — с. 107.

[616] Там же. С. 96-97.

Впервые точная сумма ежегодной дани с великого княжения — 5000 рублей — обозначена в договоре Дмитрия Донского от 25 марта 1389 года[617]. Есть данные о внесении дани за треть удела с княгини Ульяны — 320 рублей. У сыновей Дмитрия Донского «общая сумма, которую они должны внести, «в тысячу рублей», составляет 960 рублей. Общая дань московских князей составляла 1500 рублей. Так же 1500 рублей составляла дань великого княжества Нижегородско-Суздальского[618].

Автор делает замечание, что «пятитысячная дань с великого княжения названа в первой договорной грамоте Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем (1390 г.), но во второй договорной грамоте тех же князей около 1401-1402 гг. нет ни 320 рублей серпуховской дани, ни 5000 рублей дани великокняжеской. Владимир Андреевич обязывался вносить «с Углеча поля "в семь тысяч рублей" 105 рублей и с Городца и приданных к нему волостей "в полторы тысячи рублей" 160 рублей». Так же в грамоте, написанной чуть позже «по-прежнему говорится о пятитысячной дани с великого княжения и о тех же 320 рублях дани с уделов наследников, кроме Углича и Городца». А с Углича 105 рублей и с Городца 160 рублей. После ликвидации великого княжения Нижегородского-Суздальского, его полуторатысячная дань присоединялась к пятитысячной дани великокняжеской Владимирской. Таким образом общая великокняжеская дань составляла 7000 рублей. «Дань в 7000 рублей называется и много поздне в 1433 году».

В общем, добросовестно исследовав этот вопрос, Павлов утверждает: «Номинальные размеры дани не менялись. Три раза называется серпуховская дань в 320 рублей, трижды великокняжеская дань, без нижегородской, муромской и мещерской — 5000 рублей и два раза великокняжеская вместе с этими городами — 7000 рублей. Ни разу не назы-

[617] Там же. С. 100.

[618] Там же. С. 101.

вается какая-нибудь другая сумма». Там же приведены суммы дани со Звенигорода это — 272 рубля, за Дмитров 111 рублей, за Вятку 128 рублей, а за Галич 511рублей[619].

Для сравнения скажем, что просто различные выкупы у себя и в других местах были не меньше. Например, только с Москвы в великокняжескую казну должны были выплачивать несколько тысяч рублей, а в 1471 году новгородцы «добили челом» Ивану III — 16000 тысяч новгородских (самых тяжёлых) рублей, не считая подарков князьям и боярам. А литовскому Витовту новгородцы как-то выплатили 15000 тысяч рублей. Или выкуп за тверского князя в Орду отдал московский князь 10000 тысяч рублей серебром[620]. Известно, думается, всем, кто изучал историю, множество подобных и больших выкупов, и эти выкупы пусть были тяжелы, но и они не разорили ни одного из упомянутых князей, не говоря о городах.

Теперь, для большей наглядности, отвлечённо, что называется гипотетически, просто соотнесём приведённые цифры дани с любым возможно вероятным количеством жителей любого из названных городов. Известно, что в этих городах были свои рати, где счёт воинам шёл выше тысячи, соответственно этому количество гражданского населения как минимум в несколько раз больше. Даже притом, что князь собирал больше, чем отдавал в Орду, должно признать, что это «больше» могло быть разумно допустимым, иначе это был бы гнёт князей, чего бы не позволили монголы. Да и сами князья не допустили бы, ведь узнай монголы, что князья собирают намного больше, и сами сразу же увеличат дань в империю. При подобных денежных отношениях, возможен только замкнутый круг. Следующая деталь — это исследование Тихомирова, а именно то, что на Руси к монгольскому пришествию было как минимум около 300 городов, цифра, по словам самого профессора, приумень-

[619] Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 102-103.
[620] Там же. С. 110.

шенная, и там же указываются города (так же не все), возникшие после Батыева похода[621]. То есть, с одной стороны монголами в Северо-Восточной Руси было разрушено около 20 городов, указанных в документах, с другой — они возникали, и тоже не один, не два.

Далее, из тех трёхсот городов, которые, вне сомнений, уже были на Руси, половину (а их было заведомо больше), можно смело отнести к северо-восточным княжествам. После чего общую сумму дани принять самую большую из указанных у Павлова, причём сумма эта не документальная, а, по его же словам, «очень предположительная», это 13-14 тысяч рублей[622], то и тогда мы не смогли бы получить дань, хоть отдалённо напоминающую наши современные государственные налоги, не говоря уж о словах Карпини. И здесь не удивительно сообщение, написанное в совершенно скорбном духе: «…бысть велика дань тяжела по всему великому княженью, всякому без отдатка со всякые деревни по полтине…»[623]. То есть по полтине с каждой деревни, надо отдать должное, что где с дома, там с дома, где с сохи, там с сохи, но здесь с деревни, то есть и такое имело место.

Теперь последнее сомнение, которое внёс сам Павлов в своей работе, видимо пытаясь всё же как то отобразить «тяжесть» дани, указал на то, что новгородский рубль весил 200 граммов серебра[624]. Но таким образом люди вправе понимать, что выплаты дани производились именно такими рублями. Это не верно. Речь идёт о данных Спасского, на чью работу ссылается Павлов, конечно, мы просмотрели и эту работу. Да, там сказано, что с XIII до середины XV века на смену новгородской гривне пришло слово «рубль», речь, однако, о том, что новгородская гривна на протяжении этого периода называлась «новго-

[621] Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 52.

[622] Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 96-97.

[623] Там же. С. 102.

[624] Там же. С. 111, в сноске.

родский рубль», оставаясь по весу и форме той же самой гривной[625].

Потом 200 граммов серебра весила только новгородская гривна, а гривна киевская весила 160 граммов серебра. И вообще гривна — это сложный комплекс понятий, были: гривна — вес, гривна серебра, гривна кун[626]. Кроме этого: «различают, например, древнейшие русские счётные гривны в 68,22 граммов серебра. В середине X века возникают денежно-весовые системы, особые для Северной и Южной Руси. Северная счётная гривна равна 51, 19 гр., южная 81, 86 гр. серебра». Были и гривны золота. И всегда при расчёте указывалось, на какие гривны счёт. При всём этом: «Вопрос происхождения гривны, её отношения к фунту, весовое содержание серебра в ней, несмотря на значительное количество исследований, ещё недостаточно ясен»[627]. Рубли же, хотя также недостаточно разъяснённое для древности понятие, тем не менее более обобщённое, и опять исключение составляли только новгородские рубли, с XIII до половины XV века, так как это была собственно новгородская гривна, и поэтому, если плата произвелась новгородскими рублями, на это обязательно указывалось.

Тем не менее, оставляя всё сказанное в стороне, можно ориентироваться по тому, что в тех документах у Павлова, где указаны точные суммы выплат — везде стоят рубли. А документы при этом разных периодов, есть и позже середины XV века, когда уже не существовало понятия новгородский рубль, и это не меняло денежных категорий дани, то есть везде примерно один денежный эквивалент.

Однако, не вдаваясь в анализ этого вопроса более глубоко, а просто на основании соотношения данных о суммах дани, приведённых Павловым, и количества городов, выявленных Тихомировым, и самом, что ни на есть, отдалённом

---

[625] Спасский И. Г. Русская монетная система. Л., 1962. С. 49.

[626] Там же. С. 44.

[627] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 406.

представлении о количестве жителей в них — мы вынуждены согласиться с мнением Кожинова. То есть признать — стонать от непосильной дани народ явно не мог, другое дело, что платить дань кому-то для русского человека морально очень трудно, скажем, просто обидно, а это, как и другие качества нашего характера, очень часто используют враги России и по сию пору. Но это другой вопрос и как раз тот, который относится к теме нашего скромного исследования.

БЛИЗОК ЛОКОТЬ, ДА...

Тем временем противники Руси продолжают действовать, но теперь политическое положение совершенно другое. Нет больше Батыя, нет Сартака, Мунке уже стар, в Орде всё больше разногласий и вообще не ясная ситуация. А присланные на Русь с баскаками отряды хоть и немногочисленны[628], тем не менее являются новостью на Руси и выглядят как выражение недоверия и народу, и князю. До этого дань бралась только с юга, но справедливости ради надо сказать, что и Южная Русь не бедствовала, судя по интенсивности непрекращающихся усобно-международных войн за то или иное преобладание. На что там, судя по поведению князей, не обращали внимания тогда, так это на татар, пока последние сами о себе не заявляли военным вторжением. Тем не менее, Северо-Восточная Русь едва ли даже номинально зависела от Монгольской империи[629].

При таком положении подобное новшество вызывает естественную тревогу в народе, и здесь, при незнании одними всех событий и конечной цели, а у других — настойчивом желании навредить, эти последние могут любой процесс извратить «до наоборот». Великий князь оказался в очень опасной ситуации, когда малейшая политическая ошибка может мгновенно обернуться гибелью для Руси. Именно в этот момент и наносится удар, они не могли упустить такой случай и разжигают смуту в Новгороде.

---

[628] Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду. С. 80.

[629] Там же. С. 78.

Опять Новгород. Смута в такой момент является прямым предательством князя, посудите сами, ведь до этого дань монголам с народа не собиралась, то есть князья разбирались как-то сами, и если сейчас сам великий князь приехал для этого, значит, существует в этом крайняя необходимость. Теперь на секундочку перенесём события на современные нам мерки, именно для этого писалась предыдущая глава. Если, скажем, в наш 2112 год обложить народ данью, при этом одно дело, когда дань, скажем, по 2000 рублей, то есть примерно 10 часть месячной зарплаты обыкновенного труженика, тут можно понять возмущение, нет — предательство и здесь понять невозможно, ведь положение наполовину военное, но возмущение ещё ладно. И совсем другое дело, когда эта дань, скажем, по нашим ценам 25 рублей, то есть, просто стоимость одного проезда на метро. В таком случае к бунтовщикам будет совершенно другое отношение, ведь здесь — бунт ради бунта, а не из-за тяжести дани. Поэтому можно представить обиду великого князя, но не в этом была основная боль удара предателей, а в том, что теперь им удаётся настроить против Александра Невского его младшего и любимого сына Василия, князя Новгородского. Так что, вполне естественно, князь Александр, как человек, на которого возложена ответственность за судьбу Родины, принимает крутые меры, которые должны убедить других, что пощады больше за измену не будет никому.

Не собирая никаких войск, он просто сам с «численниками» въезжает в Новгород. Василий убегает во Псков, но князь быстро восстанавливает порядок, а Василия из Пскова возвращает. Снова великий князь внимательно разбирается в причинах, много раз его предавали новгородцы, и опыт в этом у князя богатый. Василия он отправляет в Суздаль, на этом ограничив своё наказание. Известно, что сын любил отца, был добрым и послушным, но очень искусны были заговорщики, что ж — тем большему подлежали наказанию.

Александр Невский поступает с ними в духе времени и отдаёт их татарам, но только зачинщиков — некоего Александра с дружиной, их татары показательно и жестоко накажут, причём различно, в зависимости, видимо, от степени участия. Летописец запишет: «…а Александра (по видимому, новгородца (так у Насонова)) и дружину его казни: овому носа урезаша, а иному очи выимаша, кто Василия на зло повел»[630]. Насонов в скобках делает уточнение, что татары казнили, а не князь, как это часто представляют. Хотя на самом деле: ну сколько можно предавать?!

Далее следует история по дорогам времени, на пути своём меняя облик людей и событий. Перемены последних лет меняют и политику Орды, и её приоритеты, соответственно Александра снова зовут в Орду, но пока правит великий хан Мунке, русскому князю ничего там не грозит. Золотоордынский хан Берке так же дорожит союзом с Русью, и Александру пока необходим этот союз. А значение восточного похода, благодаря успешным действиям армии Чингисидов, к этому времени для великого князя должно было возрасти, ведь его духовник митрополит Кирилл приехал к нему в своё время из Никеи. Он особенно должен переживать за нашу патриархию, а как человек, поживший там, конечно и за людей, с которыми там находился. Кто-то о нём там заботился в своё время, с кем-то он был дружен, и прочие обязательные для людей узы, и князю эта забота должна была передаваться неизбежно.

Очень важный момент, на который следует опираться, давая оценку действиям Александра Ярославича, это отношение к его действиям Церкви. На Руси Церковь была серьёзнейшим и непререкаемым авторитетом, менее зависимым от влияния властей, чем это пытались представить советские, либо другие внецерковные ученые, которые неизбежно невежественны в отношении вопросов православия именно в силу своей внецерковности. Так вот, всегда

[630] Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). С. 22.

Александр Невский был на стороне Церкви (а не наоборот), он по сути являлся человеком Церкви, и важнейший факт истории состоит в том, что все серьёзные политические решения князя были освещены Церковью.

Другой же важнейший фактор состоит в том, что никогда церковные иерархи, начиная с первого русского митрополита, не были малограмотны и не были малосведущими в вопросах как внешней, так и внутренней политики — невозможно сие. Сомнения в уровне образования священства прививали людям советского воспитания, но молодое поколение уже открывает для себя высший уровень образованности иерархов православия, для последующего поколения это будет естественным и само собой разумеющимся положением. Просто в силу истинности последнего. Именно самый высший уровень образованности церковных руководителей был всегда важнейшим фактором доверия русичей к православной Церкви в общем.

Таким образом, действия Александра Невского выражали общую политику Церкви, то есть необходимость объединения Руси, как единственного способа её выживания в тот исторический момент, только единство Северо-Восточной Руси могло спасти не только нашу Родину, но само православие. Именно так стоял вопрос, и только так понимал его наш великий князь. Такой взгляд отражает существующую тогда историческую реальность. Эта позиция подтверждена всей жизнью князя Александра, этим объясняется и суровость мер, принимаемых им по отношению к изменникам, любая лояльность к настоящим предателям была губительна, уж кто-кто, а Александр Невский множество раз испытывал на себе измену и теперь мгновенно видел истинные её причины.

Во время его правления междуусобицы в прежнем смысле перестали существовать, место имели только, пусть иногда вооружённые, но смуты, причина которых объяснялась тем уже, что из себя представляли зачинщики. Исключения из этого не представляли и события 1252 года,

повлекшие за собой Неврюево нашествие. Когда его брат Андрей поверил Даниилу Галицкому и обещаниям папы, встал на сторону настоящих врагов Руси - папской курии, не Александр пошёл против него, но татары, против которых и был якобы заключён союз. Как невозможно было избежать ответного удара татар, так же невозможно было присоединение князя Александра Невского к силам папской курии, в любом контексте. То есть — вы на стороне католиков? Но я за ними не пойду и ни под каким видом не отступлю от Православия. Вы поверили папе и Западу? Тогда узнайте их честность. Хотите идти против татар? Тогда попробуйте сами справиться хотя бы с одним их отрядом. Пошли на то, чтобы предать Православие, Родину и брата? Вот за это будете наказаны! В таких словах можно описать суть позиции Александра Ярославича, и только благодаря такой позиции Русь тогда не погибла, зато обнажились истинные намерения всех участников событий.

То, что все смуты создавались одними и теми же силами, видно из того, что зарождаются смуты в одних и тех же местах, и постоянные союзники мятежников — всегда участники римо-католической коалиции, и это неизбежно выяснялось при разоблачении. Предваряла все их действия ненависть, рождённая ересью, отсюда неистребимое желание погубить нашу Родину, которая на тот момент уже являлась оплотом православия. А все действия врагов были направлены на создание вражды между правящими князьями, им была необходима настоящая усобица, которая бы развалила ослабевшую Русь. Но Господь поставил там Александра Невского, который множество раз, как опытный лоцман в бурю среди скал, в безвыходной, казалось бы, ситуации, умудрялся выправить в безопасное место, весь в пробоинах и с разорванными парусами, но всё равно удивительно красивый корабль — нашу Родину. И так на протяжении всей его жизни.

Имя князя Александра уже было давно известно всем — от рыцарей до папы и от простого кочевника до великого

хана, признанный всеми, и покрывший себя славой многих побед с ранней юности, князь к этому времени стал опытным политиком. Давно понял он, что политика — это тоже битва, в которой при поражении жертв оказывается ещё больше, чем в открытом бою. После каждой такой битвы Александр Невский действует с учетом прошлого опыта. И когда в 1258 снова зовут в Орду, великий князь осведомлён о причине вызова и берёт с собой братьев, чтобы сами всё узнали из «первых уст», не поддаваясь больше на обман. «Поехали в татары» князья Борис Ростовский, Александр Невский с братьями Андреем и Ярославом Тверским, возвращаются к осени, а в зиму снова приезжают численники[631].

Что теперь за причина? Только та же — военные действия на Ближнем Востоке, другой причины быть не могло, потому что после прекращения восточной компании таких наборов «числа» не будет. Если кто-нибудь говорит, что для набора наших воинов были другие цели, пусть скажет какие, устройство дорог в империи? обеспечение ямской службы? служба в охране ханов и т. д.? На удивление, такие и подобные причины называют ряд историков, тогда как другие обходят этот вопрос молчанием, намёками давая повод для какого-то произвольного осуждения (в чём?). Но говорить, что монголы могли отправлять воинов, рекрутируемых в Руси, на хозяйственные или любые другие внутриимперские службы, а сами воевать на передовой, уж очень неправдоподобно.

Нет, не могли наши воины тогда направляться в другое место, либо надо вычёркивать из истории сам факт ближневосточного монгольского похода, что будет историческим подлогом, и в нашем случае неприемлемо. Причину, по которой этот поход мало освящён в истории, мы увидим позже, а тогда это завоевание было прямым исполнением завещания Чингисхана о мировом господстве, при

[631] Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 326, под «В лето 6766».

этом Чингисиды тогда были недалеки от цели и сил ради достижения оной, ни своих, ни чужих, не жалели.

Таким образом, с 1258 по 1259 год начинается новый, вполне оправданный военной необходимостью, набор «числа», то есть воинского подкрепления в соединённую армию монголов. В Новгороде снова пытаются разжечь смуту, но никто кроме действительно не знающих людей «черни» не поддался, а к утру одумалась и «чернь». На этот раз все на стороне великого князя, с ним оба брата и боярство. Летописец сообщает, что «чернь», упорно не хотела дать числа, и начался «мятежъ великъ», даже татары испугались и великий князь «повеле… стречи ихъ сыну посадничю и всем детям боярскымъ по ночемъ». То есть князь заставил боярских детей во главе с сыном посадника самим стеречь своих подчинённых, при этом автоматически отсекались любые недовольства новгородской верхушки, ведь их дети на стороне князя — очень грамотное решение проблемы. Соответственно «заутра» новгородцы «яшася по число», им было сказано, что если не явятся, то придут полки, которые уже стоят «…на Низовьской земли»[632].

Однако и здесь не обошлось без наших соседей. По привычному уже для нас совпадению, только что описанные события предварило литовское нападение: «В лето 6766 (1258 год). Приидоша Литва с полочаны к Смоленску и взяша Воищину на щит. Тоя же осени приходиша Литва к Торжку и новоторжцам…», князь Александр был связан новгородскими событиями и соответственно не мог сразу выступить к Торжку, а там Литва одолела наших: «овых избиша, а инех руками изъимаша, а инии одва убежаша, и много зла бысть в Торжку». Но отреагировали монголы и пошли военным набегом на Литву: «Тоя же зимы взяша Татарове всю землю Литовскую, а самех избиша»[633]. Сразу

[632] Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). С. 22.

[633] ПСРЛ. Т. III. Новгородская летопись старшего извода. С. 82. Л. 136 об.

откликнулись монголы и сразу в бой, какие бы ни были, но как им помогли русичи с воинами, так и те по первому призыву ответили своими войсками. Своевременная помощь монголов склонила сомневающихся на сторону Александра Невского и показала ещё одно существенное различие между союзом с монголами и с папой.

Однако мы как-то давно не вспоминали папскую курию, ведь объединённые силы нескольких христианских стран в составе монгольской армии, так же в значительной мере христианской, разгромили к этому времени халифат — давнего и заклятого врага римской коалиции, теперь уже Палестина освобождена от мусульманской угрозы. Это же долгожданная помощь, остался, буквально один дружный натиск, и экспансия ислама будет упразднена, а Святая Земля отдана христианам, по договору.

Кажется, если позиция папы хотя бы общехристианская, то вот он небывалый момент, когда можно избавиться от общего и страшного врага христиан, а после победы войти в Святую Землю и встать пред Святым Гробом Господним. А там, хотя бы сказать друг другу: «Все мы христиане, давайте для начала перестанем убивать друг друга, и пусть Господь рассудит, кто из нас прав, по образу жизни каждого, по тому, как мы соблюдаем заповеди Божии, насколько искренна вера и чиста наша молитва. Как слуги Божии, простим друг друга, а канонические вопросы пусть, как в древности, решат Вселенские соборы», Честное слово, когда читаешь буллы папы, то кажется, что только так он и может отреагировать.

Но, к сожалению, рассмотрение времени Александрова подготовило нас не удивиться совершенно противоположному поведению римского понтифика. И папа Римский объявляет крестовый поход против монголов, а соответственно и их союзников, при этом отлучает от Церкви Боэмунда IV. И это не сыграло бы какой-то серьёзной роли, как раньше не могли помешать монголо-христианскому союзу в его завоевании прежние противодействия римо-ка-

толиков, а на эти папины буллы монголы даже не обратили внимания, все были уверены, что сейчас… Но.

Сейчас, очередной раз История вдруг спокойно развернулась и пошла своим, неведомым современникам, путём, совершенно не считаясь со стремлением людей, «ни во что» вменяя всё человеческое, подчиняясь единственно воле Божией, которая даже самой Истории не известна, вот уж воистину — «пути Господни кто разумеет?». И в 1259 году в самый разгар военных действий на Востоке умирает во время военных действий в Китае великий хан Мунке. Смерть Мунке по восточным источникам наступила в 1257 году, а по китайским — в 1259 году. Мы придерживаемся последней даты. Во первых, Мунке умер в Китае, и их известие кажется более достоверным, но главное, так согласуются исторические события, которые при восточных данных оказываются целиком противоречивы, чего История не допускает. Конечно, это мнение ряда самых уважаемых учёных, а мы лишь полностью его поддерживаем[634]. По закону монголов, как мы помним, в случае смерти великого хана прекращаются все военные действия, и Чингисиды отовсюду собираются на курултай для выборов великого

[634] Ряд историков относят смерть Мунке на 1257 год. Так стоит у Джувейни, так же и у Рашид-ад-дина, хотя последний указывает время царствования этого хана — 8 лет, утверждён же был Мунке на курултае 4 июля в1251 году, здесь дата одна у всех. Кроме этого, сами авторы перевода Сборника летописей Рашид-ад-дина, а это целая группа виднейших советских профессоров и академиков Института востоковедения АН СССР, в двух местах своей работы уточняют дату смерти Мунке, то есть 1259 год. Сначала на с. 14 указывается дата правления Мунке — 1251-1259 года. Далее, на с. 55 дают пояснение: «Мункэ (иначе Монкэ, Менгу) правил с 646 [1248] по 658 [1259] г. Р. Х. (по Лен-Пулю, с.179, а по Zambaur — с 647 [1249] по 659 [1259] г. Р. Х. Рашид-ад-дин, очевидно, имеет в виду утверждение курултаем Мункэ в звании «великого каана», что имело место 9 раби 2649 г. р. х. (4 июля 1251 г.). В таком случае, время его правления будет действительно 8 лет». (Рашид-ад-дин. Сборник летописей. С. 14 и с. 55.) Кроме этого, академик Бартольд в работе «Туркестан под владычеством монголов (1227-1269 гг.) на с. 573 дословно говорит следующее: «Мункэ умер во время войны с Китаем, по Рашид-ад-дину, в 1257 г. (год Змеи), по китайским известиям, в 1259 г. Последнее, кажется, вернее; сам Рашид-ад-дин говорит, что Мункэ умер в восьмом году своего царствования».

хана. Однако монголы уже не те, между наследниками отношения очень напряжённые, курултай собирают быстро, не дожидаясь всех наследников, в нарушение закона не в Каракоруме, а прямо в Китае, этим же летом[635].

А ближневосточная армия монголов подошла под стены Газы, полная победа была близким и в общем решённым делом. Но закон есть закон, к тому же глава похода хан Хулагу, один из претендентов на великое ханство. Обстановка внутри империи монголов нестабильная и очень тревожная, медлить нельзя, и Хулагу уходит с войском, оставляя у границ Святой Земли два тумена, только 20 тысяч солдат. Определённо хан намеревался вернуться, иначе не оставил бы против мусульман и крестоносцев такие небольшие силы. Глава оставшегося на границе Святой Земли войска, монгольский воевода Кит-Бука, тот самый — христианин-несторианин. Вот так-то.

Не так всё просто, вероятно, не должно быть «правителей мира» на земле, какова бы ни была держава, претендующая на подобное, и на этом масштабные военные действия прекращаются, а восточный поход, не достигнув своей цели, сворачивается. Именно по этой причине его не любят упоминать историки, считая, что не имеет смысла уделять особого внимания провалившейся военной кампании, даже такой крупномасштабной. Парадокс в том, что такая позиция «удобна» как противникам империи Чингисидов, так и самим Чингисидам, ведь это первая их военная кампания, потерпевшая неудачу. Рашид-ад-дин в подобных случаях заканчивает свои главы словами — вот и всё!

---

[635] Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. С. 160. «В год Обезьяны, соответствующий от 18 декабря 1259 года по 5 декабря 1260 года в середине лета, в городе Кай-Минг-фу», даты таких монументальных событий у всех одни.

МАЛАЯ АЗИЯ И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

При новом расположении сил палестинские рыцари объявляют врагами монгольскую армию, где большинство, включая монголов, христиане, и заключают союз ни с кем-нибудь, а с египетскими мусульманами, мамлюками (исламская армия из солдат-рабов), теми самыми, которые отвоевали у них Иерусалим. Крестоносцы, которые обещали помочь, предают, на них рассчитывал Людовик IX Святой, а по вере ему и монголы. Последние предвидели много, но не могли представить, что крестоносцы предадут и Людовика IX. Но тамплиеры и иоанниты, как только поняли, что монголов осталось небольшое войско, предают с готовностью.

Воюют рыцари тоже по-предательски, вначале тамплиер «Жюльен, граф Сидона, без повода и предупреждения напал на монгольский патруль. В числе убитых оказался племянник Кит-Буки. Разъяренные монголы разгромили Сидон». После чего на театр выступают те, на кого и рассчитывали рыцари, собственно главные силы тамплиеров — исламская армия. И 26 июля 1260 г. мамлюкский авангард вышел из Египта без обозов, на рысях миновал Синайскую пустыню, уничтожил малочисленный монгольский заслон у Газы, а затем вступил на землю франков и под стенами Акры получил необходимое войску продовольствие. Там мамлюки отдохнули, перегруппировались и через территорию Иерусалимского королевства вышли в Галилею, в тыл монгольской армии. При Айн-Джалуде 3 сентября 1260 г. монгольско-армянское войско было раз-

бито, а сам Кит-Бука попал в плен. Этот последний, подлинный паладин креста, вел себя предельно мужественно. Он не просил пощады, но обвинил победоносного Куттуза в убийстве законного султана, противопоставив предательству мамлюков монгольскую верность. Тут ему, не медля, отрубили голову.

Куттуз ознаменовал свой триумфальный въезд в Дамаск расправой над жившими там христианами. Хулагу попытался оказать помощь союзникам и бросил на Сирию новую армию, которая взяла было Алеппо, но через несколько дней, 10 декабря 1260 г., была разбита мамлюками при Хомсе и откатилась за Евфрат. Эту победу одержал новый мамлюкский султан, Бейбарс, только что зарезавший своего лучшего друга и соратника Куттуза в октябре того же, богатого событиями, 1260 г. Победитель Кит-Буки пережил своего пленника всего на два месяца»[636]. Историки говорят, что крестоносцы заплатили за свое предательство сполна. Может быть, так «как мамлюки взяли все крепости христиан в Палестине и убили всех сдавшихся в плен, вырезали восточных христиан в Сирии и Армении, а феллахов Египта и Нубии обратили в ислам»[637]. Да, но крестоносцы именно заплатили должное, а вот страдания и страшную смерть приняли ни в чём не повинные христиане, да и все остальные, настолько же неповинные люди.

Благодаря ордену тамплиеров было уничтожено христианское население Сирии, убиты врагами пришедшие к ним на помощь союзники, но самое страшное, благодаря этому всему навсегда потеряна цель крестовых походов — Святая Земля. Тамплиеры и иоаниты предали дело, служить которому дали обет пред Богом. Тамплиеры к этому

---

[636] Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 225-230. Мы приводим Льва Николаевича просто потому, что у него написано кратко и легко — удобно и для чтения, и для понимания. Всё согласуется с историческими данными, кому интересно — перепроверьте. Мы, например, проверяли и в этом конкретном случае вполне согласны с автором.

[637] Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. С. 432-433.

времени уже далеко отступили от Христа, и их не интересовало, кого и с кем грабить. Особенно это обнажится позже, когда крестоносцев всё же выгонят из Палестины. Как маленькую иллюстрацию этому, приведём отрывок из жизни Афонской горы, здесь речь о хиландарском игумене Даниле: «…Игуменствовать святому пришлось в то тяжелейшее для Святой Горы время, когда изгнанные из Палестины крестоносцы, смешавшись с арабами, расхищали и грабили афонские монастыри, «не щадя никакой святыни»[638].

Никуда тамплиеры не денутся от кары Божией, но это будет позже, а сейчас, после смерти Мунке, Чингисиды потеряли интерес к палестинскому завоеванию и целиком поглощены внутриимперскими проблемами. «Идея основания христианского царства на Ближнем Востоке была утрачена, так как населенные христианами земли попали в руки врага. Одновременно Бейбарс завел сношения со своими соплеменниками в Золотой Орде и склонил на свою сторону Берке-хана. Между Хулагу и Берке давно тлела вражда из-за разных культурно-политических приоритетов». Еще около 1256 г., когда начался монголо-христианский поход, Берке возмущался, что Мунке нападает на халифа, который был союзником Берке, и теперь «…после поражения Кит-Буки Берке послал своим командирам предписание покинуть армию Хулагу и, если не удастся вернуться домой, уходить в Египет. Так те и поступили, умножив войска мамлюков (1261 г.)»[639].

Однако далеко не впустую для православия прошёл ближневосточный поход, и не зря наши воины рисковали на полях сражений. Кроме общей и своевременной приостановки исламской экспансии, очень важной, для всех христиан, наибольшую пользу сумели извлечь православные христиане. Бурное время требовало от никейцев сильной власти, и такой человек нашёлся — «буйный интриган и

---

[638] Минея — Декабрь. День 20-й. Житие святителя Даниила Сербского.

[639] Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 231.

бесчестный лицемер, но способный офицер» родственник Иоанна Ватаца Михаил Палеолог, сумел воспользоваться обстоятельствами и в 1259 году был коронован в императоры. Пока силы рыцарей были связаны действиями монгольской армии, непобедимая Никея бросается в бой, одерживает победу над эпирцами, разбивает ахайских рыцарей и разгоняет рыцарей (латников) Манфреда при Пелагонии. Сразу же заняв, в военном отношении, господствующее положение[640], которое предрешило высвобождение Византии от порабощения рыцарями папы, а, освободившись, Византия проживёт ещё два очень важных века.

Но вернёмся к монголам, что тут можно сказать? Да, монголо-христианский поход прекращён. И тем не менее — это была крупнейшая военная акция той эпохи, движение, которое всколыхнуло весь мир и несколько лет доминировало над всеми другими событиями на континенте. Все тогда так или иначе были зависимы от происходящего на Ближнем Востоке и в Передней Азии. Другое дело, что не было воли Божией на мировое господство монголов, и слава Богу, так как после смерти Мунке монголы отошли от христианства, а без Христа монголы могли нести только горе и разрушения. Там разлад перешёл в необратимую форму, разрушен цемент, основа и причина единства Чингисидов — закон. В империи впервые Яса нарушена, на уровне государственном. Хубилай провозгласил себя великим ханом, не считаясь с остальными, как мы говорили, в китайском городке, который сам же и основал. Там его территория и его власть, он просто собрал на курултай своих воинов и при их согласии провозгласил себя великим ханом. Это было прямое нарушение закона, за которое полагалась смертная казнь.

На этом закончилась история империи Чингисидов как единой державы. Великим ханом большинство всё-таки

---

[640] Васильев А. А. История Византийской империи. Т. 2. Ч. 2. Никейская империя (1204-1261 гг.). Раздел: «Фёдор и Иоанн Ласкариды и восстановление Византийской империи».

признало Хубилая, сына Мункэ, может быть, из-за уважения к последнему. Великий хан перенёс столицу из Каракорума в Пекин и стал основателем династии Юань. Это высокообразованный и культурный хан, но очень увлечённый культурой Китая, что делало его крайне невнимательным к нуждам кочевников, а перенос столицы в Пекин отдалял великого хана, от процессов, происходящих внутри империи. При этом прежние завоевания уже не интересовали Хубилая, у нового правительства были другие взгляды на политическую географию (если можно так выразиться) своей империи.

Эта неудача, впрочем, нисколько не пошатнула власти Хулагу в Иране. Ильхан из Чингисидов сделался основателем монгольской династии в Персии[641]. Именно между ханом Хулагу и ханом Золотой Орды Берке, вспыхивает первая серьёзная вражда в империи монголов. Из ненависти как к христианам, так и к Хулагу, Берке устраивает резню христиан в Самарканде, где во время восточного похода христиане были под защитой войска Хулагу. Но, несмотря на всю злобу Берке, положение у него очень шаткое. Русь он не трогает, с Александром ласков и приветлив, при его положении, Русь необходима Золотой Орде как воздух.

Тем не менее, как ни посмотри, а враги христианства были естественными врагами Руси, а значит опять Русь в кольце врагов. Только Александр Невский теперь готов вступить на любое поле боя, он сразу же оценивает ситуацию, мгновенно ориентируется и начинает свою самую серьёзную политическую войну.

Во-первых, Александру стало ясно, что продолжения Восточной кампании не будет, и он как-то убеждает Берке убрать русских воинов из Сирии. Берке, желая, с одной стороны, угодить Александру Невскому, а с другой навредить Хулагу, переводит наших воинов в Китай к великому хану Хубилаю. Нет конкретного документального под-

[641] Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Отд. 4, § 4. С. 53.

тверждения тому, что это заслуга святого князя, только больше некому было тогда такой документ составить. И факт, что русичей тогда спасли от верной гибели и в Сирию не отправили, а отправили в Китай, к великому хану, что могло произойти только по инициативе Александра Невского.

Наши выводы основываются на том, что Берке, который сам организовывал резню христиан, жизни русских людей были не дороги. Кроме Александра Невского тогда этим вопросом заниматься было некому, а по инициативе одного Берке Хулагу не отпустил бы от себя воинов, прежде всего по той же причине, что они враги с ханом Берке. Великий хан Хубилай признаёт авторитет, как и родственные связи Хулагу в империи, а данный последнему титул «ильхан» означает — «повелитель народов», политическое положение и династические связи у Хулагу были на порядок выше, чем у Берке, следовательно, последний не имел возможности реализовать просьбу, которая нарушала интересы ильхана. И только просьба русского великого князя, Александра Невского, имевшего безупречную репутацию и уважение среди монголов, могла стать решающей и повлиять на перевод наших воинов.

Дальнейшие действия русского великого князя указывают, что его стремление разрушить силы римо-католиков, как самую серьёзную угрозу православию, оставалось неизменным. При этом, стратегический план князь выстраивал, учитывая все политические особенности исторического момента. Конечно, он надеялся покончить с врагами православия и возвысить Русь с помощью монгольского похода, который, в самом деле, по мере приближения к границам Святой Земли, всё более напоминал собою крестовый поход. Поэтому на северных границах Александр Невский ожидал финальных действий монголов, для того чтобы ударить с севера. Тогда, кстати, «на своё место» становятся события «Тёмного похода», как подготовки решающего натиска с севера (в противном случае трудности похода пре-

вышали бы его результат, терялся смысл). Сам Александр Невский за это время установил мирные отношения с литовским правителем Миндовгом, на тот момент имевшим очень прочные военно-политические позиции.

Пусть палестинский поход прекращён, зато Никейская империя вернула часть прежних византийских территорий и уверенно сбрасывала с себя иго рыцарей, силы которых были на исходе. Таким образом, союз римо-католиков терял опору рыцарей с юга, а в Малой Азии доминировать стала Никейская империя, страна, где наша патриархия, а, соответственно, нам союзная. В то же время у Руси договор о взаимопомощи с Золотой Ордой, которая недавно (когда во время новгородских событий безоговорочно вступили в войну с Литвой) продемонстрировала свою верность этому договору. Таким образом, на Востоке у Руси тоже прочные позиции, и князь Александр, никого больше не ожидая, заключает с Миндовгом военный союз против рыцарей. Литовский правитель отрекается от католичества, нападает на ливонских рыцарей и разбивает их. Запад не имеет сил противостоять. В результате союз Руси с Литвой образовал мощнейший военный блок, который охватывал силы паской курии с севера и мгновенно стал ни чем иным, как смертельным приговором католическому союзу, при этом сразу, как минимум, полностью упразднил влияние римской коалиции на северо-балтийских территориях. Какой красивый и мощный политический манёвр!

А великому русскому князю Александру Невскому 40 (уже или всего?) лет, он, овеянный славой многих и разных побед, теперь ведёт самую важную в своей жизни политическую битву. Происходящие военно-политические процессы, тем временем, поставили в трудное положение наших общих врагов и значительно облегчили борьбу Никее. Она соответственно реагирует и в 1261 году сбрасывает с себя остатки рыцарского влияния латинян, возвращая себе Константинополь, что, в свою очередь, явилось мощным

ударом по нашим общим врагам. Это было восстановление Византийской империи[642].

В это время в империи Чингисидов междуусобная вражда начинает разрывать их державу на части, позже этот процесс приведёт к тому, что летописцы назовут «Великая замятня», а пока улусы приобретают значительную независимость, что губительно для державы Чингисидов, но теперь сможет оказаться полезным для Руси. Соответственно Александр Невский переносит всё основное внимание на отношения с Ордой. Хан Берке в трудном положении и дорожит отношениями с русским князем. Александр Невский использует это, Орда нужна пока и России. За дань они беспрекословно высылали военную помощь и были фактором, (монголы всё ещё оставались монголами), который останавливал всех желающих тогда напасть на Русь, за это, согласитесь, и заплатить не грех. Во-первых, как выясняется «платили» по вполне доступным ценам, а потом, они были — эти желающие напасть.

Но теперь князь, пользуясь одновременно трудностями Берке и укреплением собственного положения, выводит отношения с Ордой на новый уровень. Он в 1261 году, настаивает на открытии в Золотой Орде православной епархии, и Берке её открывает. Мусульманин, противник христианства, прибегает к помощи Русской Православной Церкви. В столице Джучиева улуса основывается Сарайская епископия. Митрополит Кирилл поставил туда первого епископа Митрофана, подчинив ему и древнюю епархию Переяславскую[643]. При этом вполне достойны внимания такие факты, как например, то, что епископ Сарайский имел право обращать в православие обитателей Орды, кроме этого имелись и такие полномочия: «Если на Руси начиналась княжеская усобица, хан присылал сарайского епископа с татарским

---

[642] Васильев А. А. История Византийской империи. Т. 2. Ч. 2. Никейская империя (1204-1261 гг.). Раздел: «Фёдор и Иоанн Ласкариды и восстановление Византийской империи».

[643] Макарий Булгаков, митр. История Русской Церкви. В 9 т. Т. 3. С. 18.

беком (обязательно христианином!), и они решали вопросы на княжеских съездах…»[644].

Что ни говори, но и здесь наш князь сложные и напряжённые отношения обратил в благоприятные для России. А если без прикрас посмотреть, то увидим, что дело имел Александр Невский всегда с сильнейшими политическими фигурами тогдашнего мира, при этом твёрдо и уверенно приводил в исполнение свои планы, и эти сильные мира сего, вольно или невольно, но исполняли задуманное Александром Невским. Равных ему, тогда, по влиянию не было, а всё что он хотел – это торжества Православия и спасения нашей Родины.

[644] Соловьев С. М. История России с древнейших времен: сочинение в 18 т. Т. 1. С. 185-186.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

Этот удивительный человек с детства и до 30 с лишним лет провёл в почти непрестанных боях. С юности прикладывая все силы к объединению и сохранению единства Руси, никогда ни на шаг от этой позиции не отступая в самых труднейших политических ситуациях. После этого до 40 лет тяжелейшая борьба с римо-католической экспансией, которая смяла всех православных правителей, кроме святого князя Александра Невского. Каждый раз при этом предотвращая раскол Родины, и это среди постоянных измен внутри и постоянных же нападениях извне.

Далее сложнейшее, постоянно напряжённое и часто непредсказуемое взаимодействие с самой мощной империей мира, совершенным военным гегемоном на всём континенте, а тогда это означало — во всём мире, так как другие материки не были вовлечены в общий мировой процесс. При этом Александр Невский смог эту связь превратить из трагедии во вполне паритетные и спасительные отношения для Родины. А вот теперь таким блистательным политическим манёвром почти одновременно, полностью укрепил и обезопасил север нашей страны, а с Ордой, мало того что укрепил отношения, но принудил тех перейти на путь православного взаимодействия. Вот это да!

Но Александр Невский не собирался ограничиться только этим, и далее он инициирует разрыв (проще сказать отрывает) Золотой Орды с остальной монгольской империей. О происходящем во многом приходится судить, исходя из сути происшедших тогда событий, сам факт которых и его последствия указывают на причины их (события) вы-

звавшие. Кроме этого, немало договоров в политике могли быть реализованы только в том случае, если заключались тайно, а понималось это всегда после того как совершались события, обусловленные договором.

Так же и здесь можно со всей определённостью говорить о том, что князь Александр убеждает Берке, что при общем развале и взаимной вражде в их империи ему выгодней не отдавать дань великому хану в Китай, а получать самому всю сумму. Пекин далеко и на помощь остальных улусов рассчитывать не может, да и неизвестно, сколько продержится Хубилай, которого признают не все улусы. Но если даже из Пекина отправят войско, то, безусловно объединённых сил Золотой Орды и Руси хватит чтобы без труда отразить удар. Зато Берке в этом случае приобретал серьёзный материальный и регулярный доход. Притом военные столкновения между улусами стали постоянными, что заставляло каждого хана самого о себе заботиться. И неважно, этими или иными словами и аргументами убеждает русский князь золотоордынского хана, но Берке соглашается, что со всей очевидностью показали последующие события. А пока Александр Невский возвращается на Родину.

В 1262 году от великого хана приезжают баскаки за данью, и Александр Невский даёт указание своим князьям перебить татарских баскаков. Их с готовностью перебили сразу же во Владимире, городе великого князя Александра, потом Ростове — городе ближайшего помощника Александра Невского, князя Бориса Васильковича (упоминался нами не раз), далее Твери — городе брата Александра Невского Ярослава, Суздале — городе сына Александра Василия, Ярославле — там владения брата Андрея. Пречисленные нами города очень хорошо отображают суть происходящего, это владения самых близких и самых надёжных на тот момент князей, тех, которые недавно вместе с великим князем контролировали сбор дани и усмиряли бунтовщиков. Теперь именно им, как самым надёжным,

было поручено перебить татарских баскаков, и самым показательным в этом отношении выглядел Владимир – стольный город великого князя Александра Ярославича Невского.

Такое могло произойти только в том случае, если делалось по прямому указанию самого великого князя, который в свою очередь никогда не позволил бы этого, не будь у него твёрдой договорённости с Берке. В противном случае, золотоордынский хан был бы вынужден обратиться к великому хану, что неизбежно повлекло бы новое татарское нашествие на Русь и послужило укреплением державы монголов. Но сейчас Александр Невский сразу же собирается и едет в Золотую Орду, всю дань, полагающуюся великому хану, отдаёт Берке. После чего просит простить князей, тот дань принимает и, естественно, «прощает», разрывая тем самым свои узы с остальной империей. Скажем прямо, нелёгкой была эта миссия, ведь дело Александр Невский имел с ханом Берке, прямым Чингисидом.

Хану Золотой Орды в самом деле нечего бояться — его основной враг ильхан Хулагу находится в Иране и без причин против Александра Невского и Золотой Орды выдвигаться точно не станет. А великий хан Хубилай в Пекине, у него междуусобная война с правителем последнего из четырёх — Джагатайского улуса Хайду, которая лишает его возможности пройти с войском до Волги. При всём этом, основным фактором значимости Золотой Орды был её союз с Александром Невским, без Руси Берке был малозначим и не посмел бы пойти на конфликт.

Таким образом, хан Берке становится самостоятельным ханом, но зависимым от Руси. Это сделало его похожим на известного героя русской пословицы, когда в лесу отец зовет сына: «Иди сюда!», тот отвечает: «Не могу, я медведя поймал», отец говорит: «Ну веди его сюда», сын говорит в ответ: «Да он не идёт», отец уже с беспокойством: «Ну дак сам иди», на что тот сообщает последнюю деталь: «Дак он не пускает!»

Но шутка пусть останется шуткой, а факт — фактом, и последний состоит в том, что вся расстановка сил на континенте необратимо изменилась. На Юго-Востоке совершенно ослабленный халифат, экспансия ислама от которого вовремя и надолго заторможена, далее по западной стороне континента — только что восставшая из руин Византия. Далее страны Западной Европы, занятые враждой между собой и императоров с папской курией, потерявшей своё влияние. Они все вместе не представляли теперь для Руси никакой угрозы. Огромное пространство, почти вся Евразия, территория бывшей империи Чингисидов, — превратилось во враждующие попеременно между собой улусы. Они уже мало чтут узы родства и соблюдать Ясу, которая была связующей силой кочевой империи, при таком образе жизни стало невозможно. Ещё будут некоторые ханы предпринимать попытки вернуть времена Чингиса, но прошлого вернуть не смогут. Всё это монгольские, но почти самостоятельные ханства, при этом одно из них — Золотая Орда, имеет прочную независимость, благодаря как раз союзу с Русью, при этом Русь пока подвластна Орде, но они стали взаимозависимы.

Северо-Восточная Русь оказалась защищённой с севера и юга, она полностью отшвырнула последние силы северного крестового похода и избавилась от опасности латинского завоевания. Да и сама Русь переменилась, это не отдельные, попеременно враждующие между собой княжества, как было до Александра Невского, но единое государство. Он объединил Русь под одной властью, упорядочил отношения между князьями. Заложил и привел в движение необратимый процесс «собирания земель Русских», в основе которого православие, тем самым обеспечив будущее России. Будут, конечно, разногласия и раздоры среди его потомков, но этот процесс объединения Руси, запущенный святым великим князем Александром Невским, остановить не сможет никто, словно продолжала действовать его несгибаемая воля, реализуясь в объединении Руси.

Основным, несомненным и всё перекрывающим фактором, обеспечившим будущее Великой России (а как монах я должен сказать правду, что и всего мира), является Православие, которое было сохранено только благодаря усилиям Святого Князя. Никто из существующих тогда политиков не смог бы установить в ту эпоху подобные политические взаимоотношения в мире. А уважение к Русской Церкви, которое утвердилось при святом князе Александре Невском, подтвердит через 8 лет в своём указе 1270 года хан Менгу-Тимур: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных им архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу, и сами они Божьи. Да помолятся они о нас». Пусть наши современные патриоты — православные русские президенты издадут такой указ!.. Вижу горькую улыбку на лице читающего.

Золотые ярлыки, выдававшиеся ханами русским митрополитам, делали их независимыми и от власти местных князей[645]. Это далось не даром, но благочестием Церкви, разительным отличием образа жизни нашего церковноначалия от западного. И здесь под стать иерерхам и паства, наглядным примером которой, был для мира Александр Невский. Только такая, уникальная в своём роде, форма отношений с золотоордынцами, которую с таким трудом удалось установить Александру Невскому, спасла православие и Русь от уничтожения.

Ведь интеллектуально христианство насадить невозможно, во всяком случае православие, только личный, повседневный пример «стояния в вере» может такое. Великий князь Александр, будучи в горниле военных, политических и религиозных катаклизмов, сам целиком стал образом и примером такого «стояния во Христе», не только в

[645] Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. Здесь и выше — титульный лист белгородского издания.

свою эпоху, но и на все века, до нашего времени и, безусловно, далее. Но, как в будущее тянется жизнь святого князя Александра Невского, так же неотделима она оказалась от прошлого, что собственно и заставило нас прибегнуть к такому длительному путешествию во времени.

П. Шамшин. Александр Невский. 1855

Не отвеченным, наверное, останется вопрос: как смог он вопреки всему вывести и сохранить нашу Родину при таких-то бурях? Сразу все говорят, что это, видимо, результат вот такого богатого жизненного опыта, результат, приобретённой вследствие этого мудрости Александра Невского. Но что такое мудрость? Очевидно, что мудрость — это не просто развитый ум или сообразительность, это нечто намного большее, она не приобретается количеством или качеством знаний, либо какого бы то ни было жизненного опыта. Мудростию человек награждается свыше, и только в том случае, если разум, дарованный Творцом от рождения, человек осознаёт и принимает как дар Божий (потому что так оно и есть), а приняв этот дар с благоговением и благодарностью, несёт через жизнь, непрестанно усердствуя в том, чтобы быть достойным такого дара и приумножить его, как библейский талант (чем он и является). Такого человека Господь одарит даром и рассуждения, и прозрения, и ещё многими качествами, совокупность которых можно называть мудростью. Последняя же, если облечётся в духовную чистоту и, преодолевая все трудности, пребудет до конца в служении Христу, названа будет святостью.

Эта жизнь Александра Невского была как нить накаливания, не прекращающаяся битва во славу Божию и на

благо отечества, удивительная преданность воле Божией. Да, два подвига было у Александра Невского: это подвиг ратный — он не проиграл ни одной битвы ни на одном поле боя, второй подвиг — это подвиг твёрдого стояния за веру Христову, хранение и строгое соблюдение на протяжении всей жизни обета, данного в 5 лет, это подвиг духовный, по существу исповеднический. За твёрдое стояние в этом Господь дал ему сил, разума, крепость и устоять, и удержать, и спасти. Достаточно оглянуться на его путь, чтобы понять — без Бога такое человеческому естеству невозможно. А помогает в этом Господь только тому, кто достоин того, за личное сердечное и неуклонное устремление ко Христу. Пример же Христа — это, в первую очередь, жертвенность, то есть только тот может достигнуть подобного, кто, не задумываясь, без прикрас, как должное, кладёт душу свою за «други своя».

РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ!

Святая матушка-Русь стала древней, её ждёт успение, однако государства не умирают, как люди, Господь положил для них иные, неведомые нам пределы. А благоверный князь Александр уврачевал свою Родину и создал такие условия, при которых она, как коконом, будет укрыта до своего возрождения. Только не как бабочка из шёлкового кокона выпорхнет она, но взмоет ввысь удивительной птицей, которая упругими крыльями за несколько широких взмахов достигнет высоты необыкновенной. И возрождение это будет не в роскошных палатах, среди прекрасных садов, а в кровавом тумане, под железный скрежет и треск копий, под

С. П. Присекин. Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет! 1983

дикое ржание коней и душераздирающие крики людей, под оглушительный звон мечей и коварный свист стрел. На поле Куликовом.

Великая Россия вернёт себе южные земли до Чёрного моря, на севере и западе достигнет Балтики, а вверх разольётся до северных морей и Ледовитого океана, на юге и востоке впитает в себя и усвоит всю территорию Золотой Орды и в такой ширине упрётся в Тихий океан. И всё это будет единый столп православия. Ну что?! «Где, смерть, твоё жало?! Где, ад, твоя победа?!»

Но это знаем пока только мы, удивленные и очарованные путешественники из будущего, мы отвлеклись, а в Древней Руси идёт 1263 год, и нам сейчас должно быть возле святого великого князя Александра Невского. Князь едет домой из Орды, по дороге он тяжело заболел, ему хуже и хуже. В Городце у Андрея князь останавливается и дальше ехать не хочет, «слышит» приближение смерти.

Г. Семирадский. Кончина святого Александра Невского. Эскиз росписи храма Христа Спасителя. 1876. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Подозревают отравление, но кто? Татары? Да им сейчас без него нельзя, нет сейчас равного ему. Он достиг такого положения, когда страшен был только одним — папской курии, а опыт у них по тайным убийствам богатый. По обычному совпадению в этом же году предательски убьют литовского князя Миндовга, второго союзника антирыцарского блока. Однако Господь только

знает, что тогда случилось. Я думаю, никто не травил Александра Невского, просто не смог выдержать человеческий организм такого многолетнего напряжения. Наверное «просто» исполнил великий Русский князь всё предназначенное ему свыше. Всё исполнил Александр Невский, так важно ли теперь, от чего произошла смерть?

Г. Семирадский. Погребение святого Александра Невского. Эскиз росписи храма Христа Спасителя, 1876. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Сейчас он один, он спокоен и готовится предстать пред Христом. Однако не хочет Александр Невский появиться перед Богом великим князем, не меч в первую очередь получил он от Христа, но крест. Вот с ним, с крестом только и хочет святой Александр предстать перед Творцом. Над князем совершается монашеский постриг. Постригают в великую схиму, именем при постриге нарекают Алексей. Святой князь в горнице лежит на одре в полном монашеском облачении.

И вот за эту угольную с серебром в рубиновых крестах схиму особенно дорог и мил мне этот Воин Христов. Как светятся блики серебра на чёрном, так же светел и чист его лик. От Александра Невского, теперь инока Алексея, веяло миром. Спокоен был инок, тихо вступая в небесные чертоги, честен пред Богом и свят пред людьми.

Мы же неумолимо и мгновенно переносимся к себе в XXI век. И вот, уже дома, но всё ещё звучит в нас несущийся

из поднебесного пространства вневременной, всё собой заполняющий глас Грядущего:

«БЛАЖЕННИ УМИРАЮЩИЕ О ГОСПОДЕ, ЕЙ ГЛАГОЛЕТ ДУХ, ДА ПОЧИЮТ ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ, ДЕЛА БО ИХ ИДУТ В СЛЕД ИМ».

Аминь.

Святый благоверный княже Александре, моли Бога о мне грешном.

Многорешный монах Варлаам

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М.: АН СССР, Ин-т истории материальной культуры, 1953.

2. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М.: АН СССР, Ин-т истории материальной культуры, 1954.

3. Ал-Джузджани. Насировы разряды. Пер. В. Г. Тизенгаузена. М., 2010.

4. Бартольд В. В. Туркестан под владычеством монголов (1227 — 1269 гг.). Т. 1. М., 1963.

5. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968.

6. Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии (с половины VI века до настоящего времени). Звенья русской культуры. М.: Серия «Сфера Евразии», Товарищество научных изданий КМК, 2005.

7. Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999.

8. Вернадский Г. В. Монгольское иго. (Электронная версия).

9. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. (Электронная версия).

10. Вернадский Г. В. Начертания русской истории. М., 2008.

11. Васильев А. А. История Византийской империи. Т. 1. Время до крестовых походов до 1081 г. Гл. 2. Раздел «Императоры и общество от Константина Великого до начала VI века». СПб., 1923.

12. Васильев А. А. История Византийской империи Т. 2. От начала крестовых походов до падения Константинопо-

ля. Гл. 1. «Византия и крестоносцы», раздел «Первый крестовый поход и Византия». СПб., 1923.

13. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.

14. Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 2004.

15. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2007.

16. Гумилёв Л. Н. От Руси до России М., 2006.

17. Горский А. А. История России с древнейших времен до 1914 г. М., 2008.

18. Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда. М.,1941.

19. Лихачёв Д. С., Дмитриева Л. А. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 598-600.

20. Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. М., 2008.

21. Джувейни Ала-ал-Дин Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004.

22. Жития русских святых. Т. 1. М.: Изд-во «Сибирская благозвонница», 2004. С. 727-736.

23. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2- е изд., переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 г. М.: Языки славянской культуры, 2004.

24. Захаров В. А., Чибисов В. Н. Орден госпитальеров. СПб., 2009.

25. Ибн Фадлан о «двоевластии» у руссов в 20-е гг. X века // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича.

26. Иоакинф [Бичурин Н. Я.], архим. Записки о Монголии, сочинённые монахом Иакинфом. Т. 1. Ч. 1-2. СПб., 1828.

27. Иоакинф [Бичурин Н. Я.], архим. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 ч. Ч. 1. СПб., 1851.

28. Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо- татар и средне-азиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. Ред. кн. Голицына Н. С. СПб., 1875.

29. Карамзин Н. М. История государства Российского.

30. Карпини Иоанн де Плано. История монголов — Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., А. С. Суворин, 1911.

31. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Т. 1. М., 1993.

32. Ключевский В. О. Курс русской истории: соч. в 9 т. Т.1. Ч. 1. М., 1987.

33. Кожинов В. В. Поиски будущего // Наш современник. 1991. № 3. С. 127-128.

34. Лихачёв Д. С. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI — XII вв. СПб., 1997.

35. Лихачёв Д. С. Памятники литературы Древней Руси. XIII вв. СПб., 1981.

36. Лихачёв Д. С. История русской литературы X — XVII вв. М., 1980.

37. Макарий Булгаков, митр. История Русской Церкви: в 9 т. М., 1994.

38. Марсель Лобе. Трагедия ордена тамплиеров; Ги Фо. Дело тамплиеров. М., 2006.

39. Микульский Д. В. Арабский Геродот — Абу-л-Хасана Али ибн ал-Хусейна ал-Масуди. М., 1998.

40. Милов Л. В. История России. Т. 1. С древнейших времён до конца XVII века.

41. Минея — Июнь.

42. Минея — Декабрь. Ч. 1. День 6-й. Житие св. бл. вел. кн. Александра Невского.

43. Нечволодов А. Сказания о Русской земле: в 4 кн. Кн. 1. М., 1992.

44. Нечволодов А. Сказания о Русской земле: в 4 кн. Кн. 2. М., 1992.

45. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006.

46. Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М., 1940.

47. Острогорский Г. А. История Византийского государства (перевод с немецкого). М., 2011.

48. Павлов П. Н. К вопорсу о русской дани в Золотую Орду // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1958.

49. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

50. Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

51. Пашуто В. Т. Тезисы докладов. Москва, 13 — 15 апреля 1992 г.

52. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 2000.

53. Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии. М., 1999. С. 215-216.

54. Приселков М. Д. Троицкая летопись. М., 1950.

55. Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 4. Л.,1972. С. 77-104.

56. Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи / Труды отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л., 1974.

57. ПСРЛ. Т. I. Летопись по списку Лаврентия. Т. I. Древний текст летописи Нестора. Повесть Временных Лет. под «В лето 6368. В лето 6369. В лето 6370».

58. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. (Со столбцами).

59. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. 1843.

60. ПСРЛ. Т. I. Летопись по списку Лаврентия. СПб., 1872.

61. ПСРЛ., Т. I. Лаврентьевская, Суздальская. Вып. 2. 2-е изд. Л., 1927. (Со столбцами).

62. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 1949.

63. ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего

и младшего изводов. М. —Л. 1950. (Под редакцией А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова).

64. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода .

65. ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник. Патриаршая, или Никоновская, летопись. 1885.

66. Погодин М. П. Начертания русской истории (для гимназий). М., 1837.

67. Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей: в 3 т. М. — Л. 1952.

68. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979.

69. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М., 1982.

70. Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964.

71. Сапунов Б. В. Книга в России в XI — XIII вв. Л., 1978. (взято у Л. Гум., Д.Р. и В.С, с. 554).

72. Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси XI — XVII вв. М., 1964.

73. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: соч. в 18 кн. М., 1993.

74. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: соч. в 29 т. 2-е изд. СПб., 1897.

75. Соловьёв С. М. История отношений между Русскими князьями Рюрикова дома. М., 2003.

76. Спасский И. Г. Русская монетная система. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962.

77. Акимбеков С. История степей. Изд-во: Алма-Аты, Центр Азии, 2011.

78. Тальберг Н. Д. История христианской Церкви. М., 2008.

79. Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 1. М., 2005.

80. Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 2. М., 2003.

81. Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 3. М., 2005.

82. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008.

83. Успенский Ф. И. История крестовых походов. СПб., 1900 —1901.

84. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200 — 1304 гг. М., 1989.

85. Житие святого благоверного великого князя Александра Невского.

86. Хара-Даван Эренджен. Чингисхан. Великий завоеватель (Электронный источник.)

87. Хара-Даван Эренджен. Русь монгольская. Чингисхан и монголосфера. М., 2002.

88. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001.

89. Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV — XVI вв. М., 1938.

90. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII — XIII вв. Л., 1978.

91. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997 — 2000 гг.) Т. 11. М.: РАН, Отделение истории, 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВСТРЕЧА, или РУСЬ НЕЗНАЕМАЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Для более полного понимания истории Русской Православной Церкви необходимо как можно внимательнее рассматривать её деятельность с древности. Прочувствовать начало шествия Руси в православии, понять результат воздействия Русской Церкви на самих древних русичей. Будем искать новые исторические факты и, сопоставляя их с тем, что было известно нам раннее, восполнять картину прошлого. Прикасаясь к истории, не нужно высокомерничать — мы, люди, очень мало знаем и ещё меньше понимаем о происходящем в мире вообще. И говоря о таких категориях, как Церковь, всё же будем помнить, что это — устроение Божие и как таковое вполне умом человеческим постигнуто быть не может. Единственное, что нам доступно, — это пытаться каждый раз разглядеть новую грань в бесконечной огранке Создателя, прочесть ещё одну страничку, восполнить ещё один пробел, увидеть что-то, что раньше было от нас сокрыто. В общем, погрузиться в Древнюю Русь и рассматривать оттуда.

Для нас история Древней Руси — это сами русские люди, наши прародители, их чаяния и чувства влекут нас, скажем, их зов побуждает нас к действию. Здесь не любовь к познанию даже, нет, это похоже на желание увидеться с любимой бабушкой, с прославленным дедом, просто увидеться и молча посидеть рядышком, не вмешиваясь ни во что, слышать их голоса, заглянуть в их лица, ощутить дух того времени. По нашему глубокому убеждению, история — это намного больше, чем просто познание. Это осознание себя частью живой череды всех бывших до тебя и будущих

после тебя соотечественников, частью бесконечного промысла Божьего. По Его же Воле, частью живой, мыслящей, чувствующей. И, безусловно, в силу самой бесконечности, равно значимой и неотъемлемой от того, что каждый назовёт «история моей родины». В случае с нами — это Россия.

Для нашего исторического экскурса мало общего взгляда официальной науки, это было бы только сухое узнавание исторических теорий в самых различных интерпретациях, при неизменном борении, так же различных, точек зрения. Нет, нужно живое прикосновение к прошлому, настоящая встреча со своими праотцами. Но как? А вот для этого нам приходится искать и искать те малюсенькие окошки, через которые мы можем заглянуть в своё прошлое. Эти окошки — редкий дар нам, людям, от истории, и мы называем их историческими открытиями. Хотя в большинстве случаев учёные, совершившие то или иное открытие, увлекаются самим фактом открытия как некоторым достижением, зарываются в документах, отчётах, погрязают в полемике, в каких-то докладах, что против воли вовлекает и нас в этот процесс, оттесняя от самого окошка, в которое мы заглянуть так и не удосуживаемся. Но здесь, однако, мы всё же попытаемся протиснуться к одному заветному оконцу и увидеть дорогие лица, услышать их голоса.

При изучении истории мы всё время прибегаем и многим (просто очень многим) обязаны научным работам учёных первой половины, неожиданно ставшего прошлым, двадцатого века. Учёные страшной революционной эпохи и трагических сталинских времён, будучи ещё учениками настоящей русской исторической школы, были люди умные, тонко и глубоко мыслящие, люди интеллигентные, что само по себе в ту эпоху было качеством самым преступным. Однако, может быть, это оказалось горестным стимулом для самой глубокой и добросовестной работы, как тех, кто оказался в изгнании (потому что только так они могли оставаться с Россией), так и тех, кто не смог либо не захотел покинуть Родину. Последние даже в большей степени.

Потому что при своих смертельно преступных, в то время, качествах, то есть вышеупомянутые: образованность, ум и самое страшное — врождённая интеллигентность, они принуждены были жить на волосок от смерти. И это при том, что по-другому эти люди жить были не способны, речь здесь именно об учёных. Не все смогли удержаться на этом волоске, многие погибли. Единственным способом уйти от верной и часто мучительной смерти для себя и родных учёный мог, спрятавшись с головой в место знакомое только ему и неведомое преследователям, место, которым собственно и была наука.

Поэтому, учитывая то, в каких условиях работали эти люди, не нужно строго относиться к коммунистическим лозунгам и цитатам, которыми часто пестрят работы учёных того времени, надо просто помнить, что без этих цитат тогда не могла быть опубликована ни одна научная работа. А задачей любого учёного является именно публикация его работ, иначе ставится под сомнение сам результат, либо вообще теряется весь смысл научного исследования. Смысл жизни учёного.

И самое главное — ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ тем учёным, которые оказались в изгнании, а особенно тем, которые не смогли избежать страшной смерти и ужасов сталинских лагерей. Подавляющее большинство имён этих тогда ещё очень молодых людей мы никогда не узнаем, пользуясь их безымянным и бесценным вкладом в русскую науку, даже не подозревая, кому на самом деле обязаны тем или иным открытием.

ПЕРВЫЕ НАХОДКИ

Теперь о самих открытиях. Одними из самых удивительных и фундаментальных находок (открывших буквально новое понимание истории Древней Руси) должно признать обнаружение берестяных грамот в Новгороде при археологических раскопках в 1951 году. Раскопки эти велись археологической экспедицией МГУ, а руководил исследованиями известный профессор истории и археологии А. В. Арциховский, тогда он являлся членом-корреспондентом АН СССР.

И раньше при раскопках (например, 1947-1948 годов там же в Новгороде) находили различные надписи, которые, по сути, свидетельствовали о грамотности на Руси всех сословий с древности, например, зарубки на венцах срубов в виде букв, которыми плотник метил срубы для того, чтобы его могли потом собрать другие плотники[1], что невозможно, если нет уверенности, что эти другие смогут прочесть. Надписи обнаруживались на гончарных изделиях, стенах, деревянных цилиндрах, туесах, шкатулках и прочих изделиях, сделанных руками самих ремесленников, даже на аршине, днище бочки, деревянной колодке. Странность находок заключалась в том, что все вышеперечисленные надписи обнаруживались в слоях от XIV до X века включительно. Попадались в процессе раскопок во множестве и кусочки бересты, как-то даже обратили внимание, что иногда на бересте что-то процарапано. Вначале этим кусочкам бересты с нацарапанными на них буквами

[1] Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). АН СССР, Институт истории материальной культуры. М., 1953. С. 11.

не предали никакого значения: «ну, кусочки бересты, ну, что-то там на них нацарапано, странно, как эта береста вообще ещё сохранилась» — вот, может быть, и всё первоначальное суждение об этих находках. Никаких серьёзных заключений из этого не делали.

Это естественно при том, что кириллица, которой исписаны грамоты, появилась на Руси только вместе с христианством, то есть в последней четверти X века. Вспомним, что на рубеже VII-VIII веков христианство начало распространяться в Моравии, в IX веке стало государственной религией в Болгарии и проникло в Чехию, в Польше христианизация произошла в 966 году. В Венгрии — в 970-м, после чего примерно в 988 году стала государственной религией в Древней Руси[2]. Также общеизвестно, что христианство не широко, но устойчиво присутствовало на Руси и до этого, были, например, у христиан свои храмы, в частности, в Киеве церковь пр. Ильи. Тем не менее, древнейшая из дошедших до нас, бесспорно древнерусских, рукописных книг — Остромирово Евангелие (заказ новгородского посадника Остромира) было написано в 1056-1057 году. Роскошный «изборник» перевели с болгарского в 1073-м, а Мстиславово Евангелие (заказ новгородского князя Мстислава) — в начале XII века (не позднее 1117 г.)[3]. Кроме упомянутых книг к концу XI века относятся датированные Минеи за 1095-1097 гг. Были грамоты XIII-XIV вв., новгородские летописи, в том числе список 1-й Новгородской летописи, писцовые грамоты и тому подобное[4].

Но всё вышеперечисленное было написано на пергамене и сохранилось в различных архивах. Как правило,

---

[2] История русской литературы XII-XVII веков. Под ред. Д. С. Лихачёва. М., 1979. С. 34 (в сноске).

[3] Там же. С. 35 (в сноске).

[4] Борковский В. И. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. АН СССР, Институт языкознания. М., 1955. С. 3. (В. И. Борковский (1900 — 1982) — российский языковед, русист, академик АН СССР.)

это были официальные документы, о времени написания которых велись, о некоторых и сейчас ведутся, постоянные дискуссии. В принципе, по ним можно было предположить о грамотности в Древней Руси людей не только высших, но и остальных сословий, тем не менее, в официальной науке это оставалось просто предположением энтузиастов, не более того.

Известные же науке русские берестяные рукописи, дошедшие до нас, датировались XVII, XVIII и XIX веками. Имелись сообщения о более ранних рукописных берестяных книгах, например, Иосиф Волоцкий сообщает, что в обители преподобного Сергия Радонежского писали книги на бересте, однако подобные книги до нас не дошли. К тому же, дошедшие до нас к середине XX века берестяные рукописи написаны чернилами, соответственно, надежды на то, что записи сохранятся в культурных слоях грунта, практически не было. Кстати, поэтому маловероятны открытия в земле также очень распространённых в Древней Руси пергаменных грамот, потому что они писаны были чернилами, которые в земле сохраниться не могут.

Так что, наши учёные считали, что при всём желании говорить о серьёзном распространении грамотности в Древней Руси оснований у них не было. Справедливости ради назовём ещё один источник, указывающий на общее состояние грамотности на Руси как минимум с X века. Это монеты, причём: «Древнейшие русские монеты X-XI вв., помимо территории Киевской Руси, находили далеко за ее пределами — в Польше, Прибалтике, Швеции и Германии»[5]. Видимо деньги как таковые, учёными как документ не воспринимались, другие письменные документы, известные науке, мы не нашли.

Однако при упомянутых нами новгородских раскопках 1951 года были обнаружены десять берестяных грамот с достаточно чёткими надписями. К счастью, оказалось, что

[5] Спасский И. Г. Русская монетная система. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. г. С. 12.

в древности надписи на бересте наносились процарапыванием, что обеспечило им сохранность. Кроме всего этого, вообще береста, подобно другим растительным веществам, сохраняется в земле только в двух случаях: если очень сухо и если очень сыро. Соответственно новгородский климат, как сырой, подходил как нельзя лучше.

Археологи трудились в поте лица, при раскопках были вскрыты двадцать пять ярусов древних мостовых (древней Холопьей улицы) от XVI до X века, снято тридцать семь пластов, толщина каждого из которых равна двадцати см., при этом, что касается берестяных свитков, то на несколько сотен находился только один исписанный[6]. Добавим, что грамоты не были целью экспедиции, более того, никто не ожидал подобного результата.

Руководитель раскопок особо подчёркивает, что найденные грамоты ни в коем случае нельзя считать каким бы то ни было архивом, так как слишком далеко они залегали друг от друга, как в ширину, так и в глубину. А неизменное залегание более поздних по форме букв в грамотах вверху и более ранних внизу доказывает, что в землю они попали разновременно и случайно. То есть перед учёными была не отдельная находка собрания документов, нет, здесь было очевидно, что культурный городской слой равномерно насыщен грамотами, которые и сейчас лежат в тех местах, где они были утеряны или выброшены древними новгородцами. Всё было подобно тому, как теперь теряют или выбрасывают ненужные бумаги, это в свою очередь являлось достаточно красноречивым свидетельством, что найденные грамоты являются лишь очень небольшой частью из реально написанных людьми, в соответствующее им время.

---

[6] Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). АН СССР, Институт истории материальной культуры. М., 1953. С. 4-6.

СВЕТ ИЗ ДРЕВНОСТИ

Настало время сказать о самих грамотах, так как именно их содержание, а особенно время, в которое они были написаны, и было основой открытия, переворачивающего все прежние представления о древних русичах. Из десяти найденных в 1951 году берестяных грамот — семь являлись частными письмами. При этом скажем, что само существование в Древней Руси частных писем до этих новгородских раскопок было неизвестно. Две грамоты были хозяйственными документами, а одна — ничем иным, как поэтическим текстом[7]. Что ж — стоит добавить, что поэтический текст и один хозяйственный документ были написаны в XV веке, ещё один хозяйственный документ и три частных письма были из XIV века, одно, также частное письмо, — из века XIII-го, и три частных письма были посланием из XII и XI веков[8]. При таких результатах найденная береста выделилась в отдельную категорию, так как остальные находки данной (1951 г.) археологической экспедиции, а это более сотни срубов, оружие, детали механизмов, орудия труда, произведения искусства, печати, украшения, всевозможные бытовые предметы и т. д.[9], были, безусловно, важными и интересными, однако, вполне ожидемыми находками.

---

[7] Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). АН СССР, Институт истории материальной культуры. М., 1953. С. 8.

[8] Там же. С. 15.

[9] Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). АН СССР, Институт истории материальной культуры. М., 1954. С. 4.

Совсем другая ситуация складывалась с берестяными грамотами. Не знали сначала, к какой категории находок это всё относить, тогда собственно и появился термин — «берестяные грамоты», то есть как некое отдельное явление. Однако налицо были серьёзные странности. Первая странность в том, что в древнем Новгороде не было проблем с писчими принадлежностями, а новгородцы, по летописным свидетельствам, тогда уже все ходили в сапогах, что являлось общепризнанным показателем состоятельности в древние времена. Соответственно они могли использовать, и использовали пергамент, казалось бы, более надёжное, чем береста, средство для записей. В таком случае использование бересты было показателем того, что пишущий был не богат, в случае не важных записей, а в случае записей важных — был откровенно беден.

И то, и другое оказалось верным не вполне, текст же берестяных посланий, безусловно, свидетельствовал о самом важном факте, а именно, что для людей тогда главное было написать какое-то сообщение, или записать для себя — «на память», а это удобнее сделать на бересте, которая всегда под рукой. При этом оказывалось, что как просто переписка, так и самые различные, часто совершенно не важные записи, были тогда делом вполне обычным и повсеместным. К которому, как чётко следует из текстов, были привычны и свободно прибегали все категории жителей Древней Руси, даже самые простые и бедные люди. Самым ярким и безусловным доказательством этому была именно частная переписка.

Таким образом, берестяные грамоты превратились в настойчивый, совершенно новый и неожиданный, но научный факт, которому учёные обязаны были дать объяснение. В самом деле, это что же получается?! Долгие века учёные превозносят как удивительный факт и трясутся над Остромировым Евангелием, Изборником, написанных во второй половине XI-го и Мстиславовым Евангелием начала XII века как чуть ли не единственным доказательством

наличия на Руси в древности кого-то из грамотных людей. И если учесть ту единодушную беспомощность историков объяснить, как могло в середине XI века родиться такое произведение, как « Слово о законе и Благодати» митр. Илариона, то как бы общепринято было считать, что грамотных людей на Руси XI-XII веков предполагались единицы из высшего общества, либо специально обученные, но тоже далеко не многие, переписчики. А создание удивительного по литературной красоте и неповторимому по высоте интеллектуального уровня «Слова о законе и благодати» киевского митрополита 1051 года прочно оставалось в категории исторических тайн.

Теперь же, как бы это не казалось удивительным, но не просто грамота, а повсеместная переписка древних русичей между собой, как дело обычное, стало научно установленным фактом. Подобный результат ставил исследователей нос к носу с другим фактом, а именно то, что «грамоты» очень часто писались простыми людьми и являлись твёрдым доказательством грамотности древних русичей всех слоёв населения до самых бедных включительно. Да… Однако за такие находочки при советской власти, во все времена её правления, «по головке не погладят» уж точно, первое доказательство этому то, что и сейчас, в XXI веке школьные учителя ничего существенного не знают о берестяных грамотах, а тем более разъяснять это ученикам толком не удосуживаются, кроме разве что как о некоем исключении из правил, некоторой исторической экзотике, не более того. Ну, ладно, это результат коммунистического наследия, а все люди старшего поколения, жившие «при Советах», помнят безоговорочное утверждение коммунистов, что только большевики начали просвещение тёмного русского народа. При этом начали коммунисты нас просвещать только после революции 1917 г., соответственно обоснование того, что мы были грамотны с древних времён, объявляло эту политику партии ложной (последнее было чистой правдой).

При Сталине (а именно тогда было совершено это открытие) подобный научный вывод для учёных, сделавших это открытие, был твёрдым смертным приговором. Так что, можно представить себе после радости открытия смущение учёных и понять, что подобные публикации были невозможны до смерти «величайшего из учителей». Последняя по Милости Божией не заставила себя ждать и наступила через два года после первого открытия. Тогда же, в 1953 году, и была опубликована первая работа о берестяных грамотах, обнаруженных в 1951 году. Однако эти исследования более чем гипотезой не считались. К сожалению, проблемными эти исследования считались и позже, а публикации разрешались только для научной среды и по тем же самым вышеописанным причинам. Например, тираж упомянутой нами книги был три тыс. экземпляров (не больше будут и последующие), чего заведомо не может хватить даже на ВУЗы нашей страны, а широкой печати данные исследования вообще не подлежали, не желали власти огласки подобных открытий и всё тут! Отсюда и отсутствие внятных данных об этом, как в школьных государственных программах, так и в официальной истории. Однако история, дама своенравная, никакому официозу не подвластная, продолжала настойчиво и методично представлять учёным всё новые «грамоты».

ГИПОТЕЗА СТАНОВИТСЯ ФАКТОМ

Уже в следующем, 1954-м, году Арциховский издаёт новую книгу о продолжении своих новгородских раскопок 1952 года. На этот раз площадь раскопок была значительно увеличена, и результат превзошёл все ожидания учёных. Теперь было найдено семьдесят три грамоты, а официальные научные отчёты зазвучали восторженно: «Содержание берестяных грамот настолько разнообразно, что невозможно даже приблизительно представить себе, с какими новыми сторонами жизни и быта Новгорода нам ещё предстоит ознакомиться… 73 грамоты, найденные в 1952 году, в большинстве своём являются частными письмами или их отрывками… Тем не менее, целых или почти целых писем довольно много. Самое существование древнерусских частных писем не было до сих пор известно, а они, оказывается, встречаются буквально на каждом шагу…»[10]. После этих раскопок археолог делает вполне обоснованное предположение, которое, забегая вперёд, скажем, полностью подтвердится: «Думаю, что такие грамоты будут найдены и в других городах СССР… В 1952 г. найдена первая древнерусская грамота вне Новгорода, в Смоленске… Это только начало…»[11]. Далее везде в этих работах следует палеографический и лингвистический анализ, его мы опустим, как выходящий за рамки нашей темы, скажем только, что это интереснейшее исследование, а интересующихся отправим

---

[10] Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). АН СССР, Институт истории материальной культуры. М., 1954. С. 3-4.

[11] Там же. С. 6.

к авторам упомянутых трудов. Серьёзнейшие филологи, лингвисты и палеографы погрузились в новый исторический источник, последние, кроме языковых исследований, корректировали датировку берестяных грамот.

Берестяные находки дали неисчерпаемый лингвистический материал, а расхождение в датах оказалось незначительное. И в 1955 году известный филолог доктор В. И. Борковский отдельно издал книгу с этими исследованиями, его выводы с исторической точки зрения мало чем отличались, вот его слова: «Трудно переоценить историческое и общекультурное значение найденных берестяных грамот, представляющих по своему содержанию записи частных лиц, частные письма. Авторы берестяных грамот — «простые люди», мужчины и женщины… Берестяные грамоты драгоценны для историка языка тем, что они отражают живой разговорный язык народа, чего нельзя сказать в такой же мере о традиционной письменности… сохранившись в древнем культурном слое, в течение веков не тронутом человеком, они (берестяные грамоты) не оставляют сомнения в своём новгородском происхождении: перед нами непосредственное свидетельство о живом общенародном языке древнего Новгорода разных эпох. Этим они отличаются от значительной части других письменных памятников, обычно трудно поддающихся точной локализации»[12].

Исследования продолжались, число найденных берестяных грамот пошло уже на сотни, в традиционной же истории в этом отношении всеми силами сохранялось молчание. Однако серьёзные учёные не могли не подключиться к исследованию совершенно нового, неизвестного и не учитываемого никогда раннее исторического источника. Приведём для твёрдости заключения Д. С. Лихачёва, ещё одного признанного в мире академика, при этом нужно добавить, что написал он это уже в 1981 году, после того, как

[12] Борковский В. И. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. АН СССР, Институт языкознания. М., 1955. С. 11.

было издано, пусть в малейших экземплярах, но семь томов, а количество исследованных берестяных грамот перевалило за пятьсот. Мнение академика после изучения этого вопроса многими историками, тем не менее, то же самое: «Берестяные грамоты — исторический источник первостепенной важности. Они значительно дополняют и расширяют летописные сведения об истории древнего Новгорода, о его экономике и торговле, о его судопроизводстве и денежной системе, об особенностях его республиканского строя и так далее. Но, — что самое важное, — в берестяных грамотах в разнообразных формах отразилась частная жизнь древнего новгородца, не только принадлежащего к феодальной верхушке, к окружению князя или посадника, но и простого ремесленника, мелкого торговца, крестьянина. Он озабочен тем, каков будет урожай, как запастись на зиму сеном, как выгоднее продать или купить товар. Он пишет письма, справляясь о здоровье родственников, приглашает их в гости, рассказывает о своих обидах или радостях…»[13].

Для сравнения скажем, что в «просвещённой Европе», например, в середине XVII века не было грамотности среди простого населения, а женщины были грамотны только в высших кругах. Об этом мы имеем свидетельство Павла Алеппского, архидиакона антиохийского патриарха, который оставил путевые заметки о своём путешествии с патриархом в Россию в 1650-1652 годах. А о русских он, в частности, говорил: «Московиты известны своими знаниями, мудростью, проницательностью, ловкостью, сметливостью п глубокомысленными вопросами, которые ставят в тупик ученых и заставляют их краснеть»[14].

---

[13] Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. Сост. и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1981. С. 598-600.

[14] Алеппский Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Пер. с арабск.[и предисл.] Г. Муркоса. (По рукописи Моск. Глав. архива Мин-ва ин. дел). Вып. 2. От Днестра до Москвы. М., 1897. С. 119.

Перед тем, как перейти к главному, к самому источнику, то есть содержанию берестяных грамот, следует добавить, что раскопки ведутся с различной степенью интенсивности до наших дней. Архив берестяных грамот неуклонно возрастает и ещё в 2003 году перевалил за тысячу[15]. После каждых новых находок пишутся соответствующие работы. Последняя из рассмотренных нами работ о находках 2008 года издана была в 2009 году, соответственно к 2013 году появились новые берестяные грамоты, о которых нам не известно.

И хотя речь, как правило, идет о новгородских находках и новгородском диалекте, давно стало научным фактом наличие берестяных грамот, а соответственно и грамотности в совершенно разных городах Древней Руси. Это так же следует, как мы убедимся ниже, из содержания текста некоторых грамот. Так, в частности, упоминаются — Городище, Старая Русса, Псков, Смоленск, Витебск, Киев, Звенигород Галицкий, Тверь, Великие Луки, Суздаль, Волок. В случае последнего не ясно, какой имеется в виду Волок, так как несколько городов носили подобное название, да это и не важно. Важно то, что наличие грамотности в названных городах означает повсеместную грамотность в Древней Руси.

[15] Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997 — 2000 гг.). Т. 11. М.: РАН, Отделение истории, 2004.

У ОКНА

Однако всё сказанное в предыдущих главах хоть и необходимая, но просто официальная часть. Нам же, чтобы приблизиться к пониманию истории России, необходимо обратиться теперь к самому источнику — берестяным грамотам, то есть услышать самих древних русичей. Здесь воистину лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Так что, сначала давайте просмотрим хотя бы несколько грамот, а уж потом будем говорить дальше. Выбрали мы грамоты самых ранних веков как наиболее показательные и актуальные в контексте нашего рассуждения. Это очень немногие грамоты из более чем тысячи известных.

Как основным источником, мы будем пользоваться работой известного филолога, изданной в 2004 году и учитывавшей находки до 2003 года включительно. Во-первых, для нас это достаточный объём, а потом сама работа очень интересная, рекомендуем всем желающим. Это — А. А. Зализняк «Древненовгородский диалект», издание 2004 года. К сожалению, стеснённые рамками нашей работы, мы имеем возможность лишь для краткого обзора, поэтому рассматриваем, преимущественно, раннедревнерусский период как наиболее показательный в нашем случае. А чтобы не возникло мнения, что грамот этого времени — единицы, приведём данные учёных: «Первое издание этой книги, вышедшее в 1995 г., отражало корпус берестяных грамот, составившийся к концу 1994 г. В течение ряда последующих археологических сезонов этот корпус заметно расширился. К концу 2003 г. он насчитывал уже 1043 грамоты (против 810 в 1994 г.). **При этом подавляющее большинство ново-**

найденных берестяных грамот относится к раннедревнерусскому периоду; таким образом, массив ранних грамот вырос чрезвычайно резко: эти грамоты ныне составляют половину всего корпуса»[16]. Раннедревнерусский период — это время до первой четверти XII века, а вообще, во всех затронутых нами научных работах, исследуются берестяные грамоты по XV век включительно, что достаточно показательно само по себе.

При этом, когда у авторов приведены две даты, то есть стратиграфическая, основанная на мнении археологов, и другая — внестратиграфическая, то есть исправленная лингвистами, мы предпочитаем первую. Поверьте, что и археологи при таких находках, ради спокойствия, склоняются к более позднему времени. При этом мы увидим, что лингвисты руководствуются теми методами, которые выработались их наукой вне понятия о таком источнике, как «берестяные грамоты». Последние для лингвистов — совершенно новый и никогда раннее ими не исследованный материал, то есть это их в этом отношении первый опыт. В то время как археологи занимаются тем, чем всегда, и методы их отработаны веками, для них нет особой разницы, что за предмет найден, если он залегает в каком-то временном слое, то это и служит основным ориентиром для датировки. В реальности только более ранние находки могут попасть в более позднее время, но не наоборот, за исключением специально закопанных кладов. То есть мнение археологов, мы считаем более достоверным.

Однако, внимание! Вот сами грамоты. Перед нами документ середины XI века:

... [п]о[клѣ](п)аєт[ь] сего :м̄:ми рѣзанами
а замъкє кѣлє а двьри кѣлѣ а господарь въ нє тажѣ нє дѣє
а продаи клєвєтьника того а оу сего смьрѣда въз[ати] є̄поу
- - - - - - - - - - - - - - смьрьди побити клєвєтьник[а] ...

---

[16] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. Предисловие ко второму изданию.

Перевод: «... обвиняет этого [человека] в ущербе на 40 резан. А замок цел и двери целы, и хозяин по этому поводу иска не предъявляет. Так что накажи штрафом того обвинителя. А с этого смерда епископ должен получить [такую-то сумму]». Далее могли стоять слова со значением типа «если же захотят» или «могут ведь», после чего читается: «... смерды избить обвинителя...».

Смерд, как мы знаем, — это крестьянин или ремесленник, который платит подати непосредственно государству. А резана — полкуны, то есть 1/50 гривны. Далее речь идет о юридическом конфликте, и это фрагмент послания какому-то высокому представителю новгородской администрации, суть в том, что: «Некто был обвинен в краже со взломом, с общим ущербом в 40 резан. Однако сообщение о взломе оказалось ложным, и автор грамоты требует наказания для обвинителя. С участвующего в деле смерда (вероятно, это ложно обвиненный) должна быть взыскана определенная сумма в пользу епископа (как плата за судопроизводство). Здесь строго соблюдён "Устав Ярослава о церковных судах", согласно которому пеня в пользу Церкви должна взиматься также при разборе некоторых судебных дел, не связанных прямо с церковной или семейной сферой, в частности, при поджоге гумна или двора, краже конопли, льна и "всякого жита"»[17].

Перед нами документ, который показывает строгое соблюдение законности к смерду, о которых наша история говорила как о людях бесправных по определению. Сама сумма 40 резан небольшая (меньше гривны), что доказывает соблюдение Ярославова устава в отношении к людям, независимо от их социального состояния. Всё проходит под контролем Церкви, а сам документ составлен толково и беспри-

[17] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2- е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 239. Раннедревнерусский период. Раздел А (XI — перв. четв. XII в.). А 1. Грамота № 247 (стратигр. сер. 20-х — сер. 90-х гг. [предпочт. до сер. 50-х г. XI в., Нерев., мостовая между Д и И).Там же ссылка на Княжеские уставы, с. 87- 88, статьи 14, 32.

страстно, по стилю явно, что это донесение рядовое, ничем не выделяющееся из ряда подобных посланий. И это середина XI века. Мы привели эту грамоту первой потому, что она ясно характеризует социальное положение, правильнее будет сказать — социальную защищённость граждан в Древней Руси. Она даёт очень образное представление об образе жизни наших предков в древности, при этом пресекаются всякие разногласия в отношении времени написания документа, для этого просто указано место в пласте XI века. А место, где была найдена эта грамота, оказалось между настилами древней мостовой, куда точно зарыть невозможно.

Вот другая грамота, тоже о смерде, написанная в то же время — во второй половине XI века. Эта грамота интересна тем, что была найдена по кускам, одна часть через пять лет после другой, а эксперты определили, что это одна грамота. По этой причине у неё даже два номера.

жизнобоудє погоублєнє оу съчєвичь
новъгородьскє смьрдє а за нимь[и и] з[а]-
дьница

Перевод: «Сычевичами (или: [в доме] у Сычевичей) убит Жизнобуд, новгородский смерд. А в их руках и [его] наследство». Очевидно, это так же административное донесение[18].

А здесь ожидают войну, это также первая половина XI века:

...|д[ъ]шиn[ѣ]и - - - - - - -
ати боудє воина а на
ма поуъноу а молитєса
гостатою къ къназю

Перевод: «...Если будет война и на меня нападут, то проситесь через Гостяту к князю». Это письмо воеводы (воз-

[18] Там же. С. 245. А 7. Грамота № 607/562 (вероятно, посл. четв. XI в., Троицк. А).

можно, начальника приграничного гарнизона) к его домочадцам[19]. Очевидно, воевода не особенно значительный, если его родные не могут напрямую обратиться к князю, а должны прибегать к помощи посредника, некоего Гостяты. Факт, что пишет автор домочадцам, которые, соответственно, тоже грамотны, и также чувствуется, что это обычная записка родным.

И снова тревожное послание:

литва въста҃
ла на корѣлоу

Перевод: «Литва пошла войной на карел». Это последняя треть XI века, значит, тогда уже карелы были под защитой Новгорода. Исторически существенная грамота[20].

Представим ещё пример, пусть более поздней, но интересной в историческом отношении грамоты. Чрезвычайный интерес представляет упоминание здесь Кучкова, древнейшего название Москвы.

Внутрення сторона

+ пока[а]

Внешняя сторона

+ покланание ѿто душиль ко на҃
сть шьль ти єсьмъ кучькъву ажь
ти хъта жьдати ади ти нь хъта жьда҃
ти а оу ѳьдокь обруць єє водада а свое възьму

Автор начал письмо на внутренней стороне листа, но, написав полслова, по какой-то причине предпочел начать заново и перешел на внешнюю сторону листа. Перевод: «Поклон от Душилы Нясте (?). Я пошел в Кучков. Хотят ли ждать (не указано, кто) или не хотят (другой вариант: Захо-

[19] Там же. С. 872. (С. 240, разд. А 2. Грамота № 527 (стратигр. 30-е — 60-е гг. XI в., Троицк. Д)).

[20] Там же. С. 244. А 6. Грамота № 590 (стратигр. посл. треть XI в., Нутн.).

чу ли я ждать или нет), а я у Федки, отдав ей браслет, свое возьму»[21].

Снова из Торжка грамота. Вроде бы какие-то торговые заботы, но также чувствуется тревога:

... | любо сѣмо присъли · а · твои п(рип)=
лъıваєть · а·же · оу·сторовѣе · а · съд(еж)=
емъ на товаръ

К сожалению, сохранились только конечные три строки письма: «...либо сюда пришли. А твой приплывает. Если уцелеет, то сгрузим на подводы (или: на стан)». Интересно, что стратиграфическую дату дают прямо до года — 1148 год[22].

А вот пишет явно небогатый человек своему другу, также в первой половине XI века:

грамота ѿ вонѣга къ с[т]ав[ъро](ви) - - - - - - - - - - - - =
и ногатє в[ъ боръзѣ] а добръ сътвори хъчоу и[т]и | ...

Перевод: «Грамота от В(о)нега к Ставру. [Пришли четыре (или: три) (?)] ногаты срочно, сделай милость. Хочу идти...»[23]. Это самая ранняя грамота из исследованных учёными на тот момент. Четыре ногаты (ногата — 1/20 гривны) — небольшая сумма, и показательно, что самая ранняя грамота показывает грамотность человека явно небогатого. И также очевидно, что для писавшего это обычное дело.

А в этой грамоте, похоже, ещё более бедный человек обращается с подобной же просьбой:

---

[21] Там же. С. 355. Разд. Б 48. Грамота № 723 (внестратигр. 40-е — 70-е гг. [предпочт. не ранее 60-х] XII в., Михаилоарханг.).

[22] Зализняк А. А., Малыгин П. Д., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. М., 2002. С. 9-10. Грамота № 19. Найдена на усадьбе В Воздвиженского 4 раскопа. Стратиграфиская дата: нач. XII в. — 1148 г.

[23] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 242-243. А 4. Грамота № 613 (стратигр. 30-е — 50-е гг. XI в., Троицк. Е).

Ѡ акима къ нестьруо
въдаи вѣкъшуо

Перевод: «От Якима к Нестеру. Дай векшу». Векша, самая меньшая из всех денежная единица, она равна (1/6 куны, 1/150 гривны)[24]. Также конец 11 века. Однако бедняки, не задумываясь, пишут своим близким, даже из-за самых ничтожных сумм.

А вот образец, когда на одной грамоте на обеих сторонах разными почерками письма разных людей, где на одной стороне послание и сразу на другой — ответ на него. Также дело обычное, такое не редкость в грамотах на бересте.

Внешняя сторона — № 736 а:

+ отъ ивана къ дрист[ьл]ивоу [а]же то [на]мъ възале еси павьловъ (а)
[н]а прокопьѣ възати а възале ли еси а в[ъзь]ми [и] з[а]--доу -є а възал[є а] (пр)
[и]съ[ли т]акоую же вѣсть сѣмо [ц]и есть саме в[ъ]хоу [ли]хв[оу въд]але

Перевод: «От Ивана к Дристливу. Если ты взял Павловы проценты, то [нужно]взять у Прокопьи. Если же ты [уже] взял, то возьми ... (возможно: также и для Завида). Если же [и это] взял, то пришли сюда весть также о том, отдал ли он сам всю Лихву» (под «он», вероятно, понимается Прокопья, но, может быть, и Завид)[25]. На другой стороне, похоже сразу же, дан ответ:

(о)тъ дристива къ ивановоу не възале есмь ни вѣкъшѣ ни ви=
[д]алъ его толико възалъ есмь ж прокопьѣ възалъ без ног=
атѣ гривьнж

Перевод: «От Дристива к Ивану. Я не взял ни векши и [даже] не видал его. Я взял только у Прокопьи, [а именно], взял без ногаты гривну». (Там же.) Всё вполне понятно, возникла неясность в делах, и тут же люди её разрешили с по-

[24] Там же. С. 261-262. Разд. А 18. Грамота № 120 (стратигр. кон. XI — сер. 10-х гг. XII в., Нерев. А).

[25] Там же. С. 263-264. Грамота № 736 (стратигр. 10-е — 30-е гг. XII в., Троицк. О).

мощью писем, время практически то же, самое начало XII века.

Вот уж приятная сердцу грамота — это один монах пишет другому в конце 80-х годов XI века.

покланание ѿ ефрѣма къ братоу моемоу исоухиѣ
не распрашавъ розгнѣваса мене игоумене не поу=
стиле а а прашалъса нъ посълалъ съ
асафъмь къ посадьникоу медоу дѣла а при=
шьла есвѣ оли звонили а уемоу са гнѣваеши
а а вьсьгда оу тебе а соромъ ми оже ми лихо
мълвлаше и покланаю ти са братьуе мои
то си хота мълви ты еси мои а а твои

Перевод: «Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал [меня] с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы (двое), когда [уже] звонили. Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда у тебя (при тебе). А зазорно мне, что ты злое мне говорил. И [всё же] кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой»[26]. Здесь очень важно, что это послание проникнуто духом монашеским, так же чувствуется, что быт у них вполне устоявшийся и игумен, как игумен. Интересно, что до сих пор мнение бытовало такое, что только возникло монашество на Руси в конце XI начале XII веков, мы же видим 80-е годы XI века и краткий отрывок из нормально текущей, налаженной монашеской жизни. Удивительно, что звон колокольный уже был в обычае.

А здесь кто-то заступается за своего слугу, угрожая штрафом.

ѿ : ро:жнѣ:та : къ : къ:сна:ти:ноу : вь:за=
лъ : є:си : оу : о:тро:{к}ка : мо:є:го : къı:є:вѣ
гри:вь:ноу : се:ре:бра : при:съ:ли : коу:нъı

[26] Там же. С. 271. А 21. Грамота № 605 (стратигр. кон. 80-х гг. XI — 1-я треть XII в., внестратигр. предпочт. первое 20-летие XII в.; Троицк. А).

о:же : ли : не : при:съ:ле:ши то : ти : въ : по:лъı

Перевод: «От Рожнета к Коснятину. Ты взял в Киеве у моего отрока гривну серебра. Пришли деньги. Если же не пришлешь, то [это станет займом] в половину (т. е. под 50% роста)». Иначе говоря, если Коснятин не отдаст долг немедленно, в дальнейшем ему придется отдать в полтора раза больше[27]. Что тут скажешь? А не обманывай отрока! Тем не менее, написано толково, твёрдо и в третьей четверти XI века, а писано в Киев из Новгорода.

А вот долговой списочек, чтобы не забыть ничего:

шидовицихъ на нѣгосѣмѣ на рьжьковѣ за=
ти гр҃вна шидовицихъ ж домана ж тоудорова и=
згоя ї коунъ городьцьскѣ вълъцинѣ на рокъши ѕ҃ коу҃
въ ламѣ

Перевод: «В Шидовичах за Негосемом, Режковым зятем, гривна. В Шидовичах у Домана, Тудорова изгоя, 10 кун. В Городецке (Бежецком) в [волости] Волчине за Рокишем 6 кун в [деревне] Ламе»[28]. Написано в последней четверти XI века, таких списков много, по ним прямо видишь, что тогда имела место очень активная деятельность. И тоже очевидно, что сотни всех реестров и долговых списков — это повседневная деловая аккуратность древних русичей.

Вот какие-то заботы:

грамота ѿ [л]юдьславъ хотѣноу
присъли ми вѣвериуѣ : оже
ти свѣна не поуста : а присъли

Перевод: «Грамота от Людьслава к Хотену. Пришли мне деньги. Даже если не пошлешь Свеня, всё равно

---

[27] Там же. С. 243. Разд. А 5. Грамота № 915 (вероятно, 3 четв. XI в., Троицк. Е).

[28] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 245. А 8. Грамота № 789 (стратигр. посл. четв. XI в., Федоровск).

пришли»[29]. И неважно, что там за ситуация сложилась, важно, что нормально общаются, нормальные люди, просят друг друга о чём-то, надеются, помогают друг другу и это главное, и грамота это тоже само собой разумеющееся дело. Но это тоже середина XI века.

Или вот, то же самое время:

ѿ домагости къ хотѣноу ѣзьскѣ
роздроубили полъ пата десате гривьнъ
да азъ ти тоу сѣжоу а вълъчиноу си по=
съли моужь инъ :

Перевод: «От Домагостя к Хотену. В Езьске разверстали сорок пять гривен. Да я вот сижу тут, а в Волчино-то пошли другого человека»[30]. Конец того же XI века, дела, заботы, проблемы. Как похожа всегда жизнь людей. Так же радует естественность письменных сообщений, очевидно, неотъемлемой части жизни этих людей.

[29] Там же. С. 246-247. Грамота № 912 (стратигр. 50-е — 70-е гг. XI в.).

[30] Там же. С. 247. Грамота № 902 (стратигр. кон. XI — нач. XII в.).

ВСТРЕЧА

Но главное — это не описание чьих-то слов или событий, нет! Это все обычные, повседневные заботы. Главное, что это говорят сами древние русичи своим собственным языком. Вы знаете, когда начинаешь читать берестяные грамоты, невозможно оторваться. Возникает совершенно отчётливое ощущение, что до этого мы, заглядывая в те времена, видели какие-то смутные силуэты, догадываясь и додумывая, что они делали и как жили. И вдруг включили громкость, и заговорили сами люди из древности, причём заговорили просто, обыкновенно, продолжая жить и заниматься своими делами и заботами, общаясь, радуясь, огорчаясь, жалуясь и поддерживая друг друга.

Заговорили, не обращая на нас никакого внимания, даже не подозревая, что «громкость включена». Однако вместе с голосами ожили и сами образы, набрали цвет и объём. Мы оказались среди них… Ни от каких других документов либо исторических свидетельств подобное почувствовать невозможно. Основной, все перекрывающий фактор, благодаря которому смогла произойти такая встреча с нашими прадедами — это беспрекословная достоверность и чистота источника. Но смотрим и слушаем далее.

Вот кто-то доказывает свою правоту: «...[Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город — могу вызваться с тобой на испытание водой».

... | несъдицеви полъ патѣ рѣза[нѣ : а] (мъ)нѣ еси
въдале дъвѣ коунѣ цьто же за м[ъ](но)[ю] твориши

[за] мъною осмь коунъ и гривьна : поиди же въ горо-
(дъ) [мо]гоу са съ тобою ати на водоу

Подобное испытание было вполне законно согласно 22 статье Русской Правды. Только сумма маловата для такого испытания, и пишущий просто немного запугивает[31]. Также конец XI века либо самое начало XII в. Надеюсь, правота была доказана.

А здесь приглашают на свидание: «Будь в субботу ко ржи или подай весть»[32].

боуди въ соуботѫ
къ рѣжи или вѣсть
вѣдае

Ну что ж, в субботу можно. Тоже конец XI века, и также понятно, что переписка для них — в порядке вещей.

А вот домашние заботы: «Вишен, вина, укус и муку, Иванову шубу и сковороду»[33].

отъ нѣжатѣ вишнъ и вина и гароусъ
и моукоу кожоухъ иванъ
и сковородоу

Просят у родных или знакомых нужные продукты, да и шубку Ванину надо бы вернуть. Забыл, может, Иван когда, дело житейское. Конец XI века, нормально живут обычные люди. При этом, мягко говоря, не ленятся древние русичи писать друг другу по самым простым поводам.

Слышим, как сестра укоряет братьев: «От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выко-

---

[31] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 259. А 15. Грамота № 238 (стратигр. кон. XI — сер. 10-х гг. XII в., внестратигр. предочт. первое 20-летие XII в.; Нерев. И).

[32] Там же. С. 254. А 12. Грамота № 566 (стратигр. кон. 80-х гг. XI — 1 четв. XII в., Троицк. Б).

[33] Там же. С. 266. Грамота № 586 (стратигр. кон. 80-х гг. XI — 1 четв. XII в., Троицк. Г (автор рекомендует отнести дату к стратиграфическому интервалу)).

вать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то посылай отрока. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь (то, что я дала выковать), то извести меня. А я вам не сестра, раз вы так поступаете, не исполняете для меня ничего! Так вкуй же [отданный тебе металл] в три колтка; его четыре золотника в тех двух кольцах».

покланание ѿ ефрѣма къ братоу моемоу исоухиѣ
не распрашавъ розгнѣваса мене игоумене не поу=
стиле а а прашалъса нъ посълалъ съ
асафъмь къ посадьникоу медоу дѣла а при=
шьла есвѣ оли звонили а уемоу са гнѣваеши
а а вьсьгда оу тебе а соромъ ми оже ми лихо
мълвлаше и покланаю ти са братьуе мои
то си хота мълви ты еси мои а а твои

Сестра есть сестра, над родственными отношениями время не властно[34]. Ну, ничего, родня, разберутся. Это самое начало XII века.

Кстати, к этому Нежате, который здесь упомянут, найдено шесть писем. Приведём ещё одно, написанное на двух сторонах, на одной — послание и на другой стороне — ответ: «От Тютки к Нежате. Дай Коснятину шесть гривен». Вторая часть: «А ты дай [столько-то] Дрочену»[35].

ѿ тюткы къ нѣжатѣ д[а]------(-)
тиноу :s: гривьнъ : а ты д----(-)
роценови

Это далеко не единственный факт переписки, то есть находок ряда писем с упоминанием одних и тех же имён и написанных одними почерками, как между роднёй, так и между поместьями. И это в одном-то городе, а на бересте, между тем, не чернилами пишут и не пером, там про-

[34] Там же. С. 267. Грамота № 644 (стратигр. сер. 10-х — 20-е гг. XII в., внестратигр. первое 20-летие XII в.; Троицк. Е).

[35] Там же. С. 268. Грамота № 904 (стратигр. 1 четв. 12 в., Троицк. Е).

царапывали специальным инструментом либо ножом, тут потрудиться надо, чтобы вырезать. Так что не просто были грамотны люди, но любили писать письма. Последнее — очень знакомая всем нам черта русского человека.

Внимание! Сейчас одно из самых удивительных писем — это любовное послание. По лингвистическим признакам следует, что пишущий был молод, то есть это молодая девушка, и пишет она в конце XI века. В середине письма несколько строк утеряно, сначала представим перевод: «Я посылала (?) к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю (или: в это воскресенье) ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался...». После большого разрыва: «... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про...». После разрыва в 6-8 слов сохранился конец этой (или, может быть, следующей) фразы: «...[тьбь] хаблю». Здесь возможны лишь вольные предположения, например, «(николи же сь) [тьбь] хаблю» — «никогда тебя не оставлю (не отвергну)» или «(хочеши ли дати сь) [тьбь] хаблю» — «хочешь ли, чтобы я тебя оставила» и т. п. Заключительная фраза: «Буде даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость(-я)».

Начальная часть, в шрифте оригинала:

---------- (к)[ъ] тобѣ тришьдъ а въ сю недѣлю цьтъ до мьнь зъла имеєши оже є[с]и къ мънѣ н[ь при]ходилъ а ѧзъ тѧ єсмѣла акы братъ собѣ ци оуже ти єсмь задѣла
сълюци а то-
бѣ вѣдѣ ѧко єсть не годьнъ аже бы ти годьнъ то [из] оцью бы сѧ въпърьго притькль
| ...

Это заключительная:

... | ... [ны]нѣ к[ъ]дь инодь въспиши жь ми про ... ...
[тьбь] хаблю ци ти боудоу задѣла своимъ бьзоумьемь аже ми сѧ поцьныши насмихати а соу-
дить б҃ъ [и] моѧ хоудость

«По содержанию грамота уникальна. Ее едва ли можно истолковать иначе, как любовное письмо: при других

мыслимых интерпретациях непонятно, как объяснить тему возможной обиды ("задетости") адресата, необходимость укрываться от людских глаз и в особенности страх героини перед тем, что она может стать предметом насмешки. Письмо написано человеком, несомненно, знакомым с литературным языком. **Можно лишь поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI века возлюбленному, не пришедшему на свидание.** Естественность, с которой героиня пишет "въспиши жь ми" — "напиши же мне в ответ", показывает, что как для нее, так и для ее адресата писать и получать письма было делом обычным. По-видимому, и те приглашения, с которыми она уже трижды обращалась к адресату, тоже были письменными»[36]. Достойно удивления также то, что девушка, видимо, волнуясь, допускала грамматические ошибки, однако замечала их и тут же исправляла, и эти исправления хорошо видны, ведь на бересте писали процарапыванием, кроме этого другими исправлениями она в некоторых местах изменила стилистику письма[37]. Да, просто «дух захватывает» от такого.

Вот сын заботится о родителях, а пишет в Новгород из Киева или Смоленска. Самое начало XII века. Здесь очевидным становится тот факт, что древние русичи грамотны были уже не в первом поколении. Перевод: «Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда — в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы»[38].

(г)р[а](мота) ѡ[тъ гю]р[ьг]а к[ъ] о[тъ]цеви и къ матери : продавъше дворъ идите же сѣмо смольньску ли кыевоу ли : дешевѣ ти хлѣбѣ : али не идете а присъте ми грамотицу сторови ли есте

---

[36] Там же. С. 249-251. А 11. Грамота № 752 (стратигр. 1080-е — 1100-е гг. [предпочт. 1080-е]).

[37] Там же.

[38] Там же. С. 272. Разд. А 22. Грамота № 424 (стратигр. 1 четв. XII в., внестратигр. предпочт. Первое 40-летие XII в.; Ильинск).

Здесь, наоборот, мать пишет сыну:

«Поклон Онтану от матери. Мы все живы-здоровы. Если не [доведется (?)]...» окончание не разборчиво, но смысл понятен. И тоже середина XII века[39].

(покланѧни)є к онотанꙋ ото матєри
(ст)[орови] ти єсмє вохє ожє ти нє ꙋго|...

А здесь другая мать сватает своего сына в середине XII века:

«Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего (т. е. того, что ты имеешь, что ты предлагаешь). К празднику её хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие [на то, чтобы было], как ты сказала ему давеча: "Придешь — в тот же день сосватаю". А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе»[40].

покланѧниє ѿ ѧнокѣ со сьлѧтою ко ѧринѣ · хоцьть ти твоєго дѣтѧти-
ць · о свт҃о · жь ти єѣ хо{ц}ць · ажь хоцьши во брозѣ жь сєдь бꙋди · и ѧла є-
смо сѧ ємꙋ по рꙋкꙋ ѧко ты си мловила ємꙋ ты дни придьши томо
дни поимꙋ и нѣ ли ти тамо повоица · а крьвоши присоли
а кодь ти мнѣ хльбь тꙋ и тобѣ

Кроме прочего, это простая женщина пишет другой женщине — свахе, которая тоже не из высшего сословия. Для обеих грамотность — само собой разумеющееся положение вещей.

И невозможно не привести ещё одной берестяной грамоты, написанной по аналогичному поводу, только написавшая его — древнерусская особа, наоборот, с высоким социальным положением. Это целый документ из семи строк. Пишет также одна женщина другой. Время — также середина XII века. Дословный перевод неудобочитаем по причине

[39] Там же. С. 399. Разд. Б 88. Грамота № 670 (стратигр. сер. 50-х гг. XII в. — нач. 1210-х гг. [предпочт.70-е — 80-е гг. XII в.], Троицк. З).

[40] Там же. С. 392. Разд. Б 83. Грамота № 731 (вероятно, 50-е — 70-е гг. XII в.: стратигр. 40-е гг. XII в. — нач. 1210-х гг. [предпочт. сер. 50-х - сер. 90-х гг. XII в.], внестратигр. 40-е — 70-е гг.XII в.; Троицк. П).

того, что одно из слов грамоты, бывшее тогда обычным в народном фольклоре, в нашу эпоху превратилось в слово бранное. Тем не менее, приводим перевод данный филологами:

«От Милуши к Марене. Косе великой (в подлиннике написано именно «косе великой», а в переводе у авторов почему-то стоит «большой косе» — разница очевидна) — пойти бы ей замуж за Сновида. Марёнка! Пусть же напьётся (последняя фраза завуалировала народное словцо) рождающее лоно!». Кроме этого, есть дополнительная часть: «Говорит тебе Милуша: дай две гривны вчерашние».

Это готовое краткое литературное произведение, написанное в роскошном былинном стиле — перед нами экспромт. И всё же это обычная частная переписка. Пишет некая Милуша, которая, между прочим, украсила своё письмо: в трёх местах начальные буквы «От Милуши», «Маренко» и «Рекла» красиво прорисованы, как фигурные инициалы в книгах. При этом письмо после четвёртой строки пишется в два столбца, где один столбец заканчивает основную мысль послания, а другой является отдельной припиской в отношении возврата каких-то двух вчерашних гривен. Эта приписка также очень информативна и удивительна. В самом деле: «При всей простоте этой приписки она рисует довольно яркую сцену из древненовгородского быта. **Видно, с какой удивительной лёгкостью жещины той эпохи прибегали к письменной форме общения.** Милуша виделась с Мареной ещё вчера, когда они обсуждали какое-то дело, связанное с двумя гривнами. А уже на следующий день Милуша об этом пишет»[41].

То самое бранное слово, имеющееся в письме, и тогда было «ядрёным словцом», так как крайне редко подобные слова встречаются в берестяных грамотах, однако именно этот нюанс особенно ярко рисует «игривость» настроения писавшей и интимность послания. Ведь это частное письмо

[41] Зализняк А. А. , Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. М., 2006. С. 8 -12. Грамота № 955. Троицкий раскоп. Середина XII века.

не предусмотрено для широкого разглашения, а мы просто подглядели против «правил приличия». Кроме этого, подобный стилистический оборот подчёркивает отношения между писавшими, то есть что Милуша не меньшая особа, да и называет она в письме подругу Маренка, а эта Марена, как выяснили историки, особа знатная. Обращение в послании от третьего лица также не редкость и в этом случае совершенно соответствует характеру послания.

Марена, к которой обращено письмо, — дама из высших слоёв новгородского общества, к ней обращены либо о ней упоминается в нескольких найденных берестяных грамотах. Приведём несколько таких грамот, чтобы просто охарактеризовать Марену. Кроме этого, приведённые грамоты также показывают жизнь Древней Руси «впрямую» и очень образно характеризуют отношения древних русичей между собой и высших кругах.

В источнике даны только переводы, но этого достаточно. Представим грамоту № 794: «От Петра к Марене. Если станет князь наделять купцов и пришлёт к тебе, то ты ему скажи: "Ты, князь (этим) ведаешь. Кого из мужей мор прошлой зимой унёс, те" (тех, тем)…».

Окончание утрачено, но вполне отчётливо очерчена принадлежность Марены к новгородской знати[42].

Также грамота № 798: «Поклон от Завида к тётке(?). Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене, поскольку я приду, и ты тогда отдашь (очевидно, своему сыну) назад зерном же. Кланяюсь тебе».

И грамоту № 849: «Приветствие от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведя его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам»[43].

---

[42] Зализняк А. А. , Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. М., 2006. С. 8. Грамота № 794 (60-80-е гг. XII в.).

[43] Там же. С. 9. Грамота № 798(то же время) и грамота № 849 (сер. XII в.).

Кроме всего этого, есть и в отношении самой Милуши, писавшей к Марене, один интереснейший момент, о котором мы скажем в своём месте.

А жизнь в Древней Руси течёт своим чередом, наблюдаем и слушаем далее, затаив дыхание, — вот деревенские люди жалуются старосте: «От гобничей (или: гибничей) к старосте. Наложи штраф на Хотьжера: не можем его терпеть...»; после лакуны: «...в селе гривна…». Письмо исходит от жителей села «Гъбьно». Это тот же населенный пункт, который называется Гибно (из раннедревнерусск.: Гыбьно).

отъ гъбъницъ къ старостѣ прадаи хотъжъръ не можемъ его тищат(и) ...
-[в]ъ се[л]ѣ гривън--та... (|...)

Первая четверть XII века[44]. Не всё гладко на селе, но зато есть кому пожаловаться.

Письмо в Волок, также первая четверть XII века, пишущий уверен в грамотности волочан: «От Глебка к волочанам. Выдайте сему дьяку 5 (не указано, чего, — вероятно, гривен) и церковную гривну...»[45].

отъ глѣбъка к[ъ] воло[чѧ](н)[омъ въ]да[ите]
сему диаку :е҃: и гри҃н : цьркъвную стрѣже|...

Так это выглядит в древнерусском шрифте.

А ниже дела торговые, а купцы крепкие: «[От ... к Миляте]. Брат Милята! В Киеве Бог был свидетель между нами: из твоих фофудий девять выговорил я себе. Таким образом, в Луках гривен шесть...». Во 2-й строке можно понять: «...ты утверждаешь, [что] придя (или: пришел) в Суздаль, раздав в

[44] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 386. Разд. Б 3. Грамота № 900 (стратигр. 20-е — 30-е гг. XII в., Троицк. Е).

[45] Там же. С. 291. Разд. Б 8. Грамота Глебка — № 739 (стратигр. 20-е — сер. 50-х гг. XII в., внестратигр.XII в. [предпочт. 20-е — 30-е гг.]; Троицк. И).

долг...». Фофудья — род драгоценной ткани. Луки — ныне Великие Луки. Перед нами документ, свидетельствующий о купеческих операциях большого размаха: они охватили Новгород, Киев, Великие Луки, Суздаль.

... (къ мила)т[ѣ б]рать милато къıевѣ : б҃гъ : мьжи нама послоухо бълъ : фофоудьи бълъ твоихъ :ѳ҃: рьклъ а собѣ то ти на лоукахъ гривьнъ :ѕ҃: | ... ажь ... [тво]риши : при[ш]ь соуж[ь]далоу роздаавъ : въ дълъгъ съ сѣ|...

Первая половина XII века, тут нечего добавить[46].

А следующая грамота хоть и чуть более поздняя, первая треть XIII века (период детства Александра Невского), но интересна тем, что здесь указаны цены, что тоже представляет интересную информацию: «От Панка к Захарье и к Огафону. Я продал Миляте сорок бобров за десять гривен серебра. Когда получишь деньги, тогда отдай бобров. А деньги отдай Захарье»[47].

ѿ панка къ захарьи · и ко ѡгаѳоноу продалъ есмь сорокъ бобровъ милѧте на десѧти гривнъ серьбра олна же · взьмъ серьбро то же даи бобры а да[и] серобро за-харьи

То есть четыре шкуры бобра за гривну. Недёшево стоил бобёр, надо сказать.

Вот оставляет какой-то древний русич в первой половине XII века завещание своему брату: «У Песковны 5 кун и гривна. У Фимы 5 кун. У Завида 5 гривен. В кубышке (в тайнике) 4 гривны серебра. Всё это я даю брату»[48]. Ниже образец написания в древности:

оу пьсоковьнѣ ·е҃: коунъ и гривь-на · оу ѳимѣ е҃· коунъ · оу завида ·е҃· гривьнъ · въ тоулѣ ·д҃· гривь-

[46] Там же. С. 296-297. Разд. Б 14. Грамота № 675 (стратигр. 40-е — нач. 60-х гг. XII в., Троицк. З).

[47] Там же. С. 478. Раздел В 11. Грамота № 420 (стратигр. 30-е — 60-е гг. XIII в., внестратигр. 40-е — 70-е гг.XIII в.; Ильинск).

[48] Там же. С. 367-368. Грамота № 818 (стратигр. 60-е — 70-е гг. XII в., внестратигр. 40-е — 70-е гг. XII в.; Троицк. Е).

нѣ серебра · а се даю въхо братоу

Тоже собирал человек, да потратить не удалось, хорошо — брат есть. Всё как и сейчас.

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Теперь приведём пару примеров, обнаруживающих незнание нами самых обыденных вещей в древности.

Перевод: «Монисто, серьги, две шубы с чехлами, [каких-то женских головных уборов] три с обшивкой, украшенной лентами (или: из лент, разноцветной), и с очельем ... шесть губок, перины (?) и изголовье, плащи (или: плащ), ... пять крашеных в красное и три белых, окованный ларчик медный, ... кувшин (рукомойник), сундук»[49].

монисто оусьрази кожоуха ·в̅(·) сь пьльд...
три отоцька полыпьна и съ цьльцьмо -од...
шьсть гоубиць пьрьни и възогъловие лоудиц...
є̅· роужьнъыхо а три бѣла ков(ьц)ь мѣд[ан]...
гълько ларь

Каких, спрашивается, головных уборов? Мы как-то считали, что уж во что одевались в древности хотя бы известно. Ан нет.

И в следующей грамоте мы не знаем, что за слово, хотя понятно по тексту, что это обычное в ту эпоху слово.

Перевод: «... [за то-то] резана. В среду за рыб 10 (вероятно, резан); в пятницу за рыб 10.» Последующий отрезок остается пока неясным. Конец: «У Радяты не взято две с половиной гривны». В принципе здесь (имеется в виду середина текста) возможно несколько различных интерпретаций,

[49] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 359. Разд. Б 53. Грамота № 429 (стратиграфической даты нет, внестратигр. 2 пол. XII в.; найдена в Славенском конце).

в частности: «За смолу 12 (подразумевается: резан). “Ушек” полагается на куну». Или: «За смолу 12 “ушек”. Отложена куна»[50]. Тайной осталось значение слова «ушек». Внизу — как это выглядит на языке своего времени:

... | рѣзана въ середоу на рыба=
хъ ·і҃: въ пѧтьницоу на
рыбахъ ·і҃ на смолѣ в҃і
оушькъ положена коуна
ж радѧтѣ не възѧто полъ
третьѣ гривьнѣ

А ещё ниже обнаруживается незнание целого народа либо социальной группы, также даём сразу перевод: «От Доброшки к Прокше. Пришли мне гривну: Давыд-то ведь мне не дал, велит взять у вежников»[51]. Кто такие «вежники» — неизвестно.

+ ѿ доброшькѣ къ про=
къшѣ присъли ми гривь=
нꙋ а давыдъ ти ми не
въдалъ велить възѧ=
ти ꙋ вежьникъ

Наши лингвисты говорят по этому поводу: «Вежники (упоминаемые также в грамоте № 550, Б 91) — какая-то особая группа населения…». Далее следуют предположения, пространные и малоосновательные, однако, никуда не денешься — налицо наличие белых пятен, то там, то здесь.

Вот пример берестяной грамоты смоленско-полоцкого происхождения. Обратим внимание, что грамота найдена также между мостовыми. То есть время установлено жёстко — до первой половины XI века.

---

[50] Там же С. 369. Грамота № 799 (стратигр. 60-е — 80-е гг. XII в., внестратигр. 40-е — 90-е гг. XII в.).

[51] Там же. С. 365. Грамота № 664 (стратигр. сер. 50-х гг. XII в. — нач. 1210-х гг., Троицк. 3).

Перевод такой: «От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте (или: взял крест) и не присылаешь мне денег, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром».

ѿ жировита къ стоанови како ты оу мене
и ѹьстьное дрѣво въземъ и вевериць ми не
присълеци то деватое лето а не присълеци
ми полоу патъ гривьнъ а хоцоу ти вѣроути
въ та лоуцьшаго новъгорожанина посъли же
добрѣмь

В самом деле, раз на кресте поклялся — «отдай, не греши». Интересно также заключение филологов: «Как видно из содержания, эта грамота по своему происхождению не новгородская. Город, откуда Жировит прислал свое письмо, не подчинялся Новгороду, так как в противном случае не могло идти речи о конфискации имущества у знатного новгородца. Поскольку в грамоте отражено «цоканье», наиболее вероятны Смоленск, Витебск, Полоцк»[52].

И снова монашеские будни начала XII века. Теперь это женская обитель, причём из этого монастыря тоже найден ряд писем. Даём сразу перевод: «Поклон от игуменьи к Офросении. Пришли привитку и повоев (или повой). Если у тебя повоев много, то пришли их штук до пяти. А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. Поэтому давай-ка разузнай, в монастыре ли Мафей (Матфей)»[53]. Так выглядит эта запись древним шрифтом:

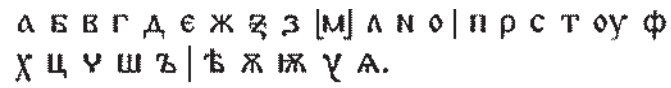
покланание ѿ игоумение къ офросение присли привитъкоу
и повои ци ти многи повои а присли и до ѕ ти повои а а ноу=
гене пецалоуса церницами постригати въ борозе то=
моу дан попытаи есте ли мафеї оу манастъıри

[52] Там же. С. 280. Разд. А 29. Грамота № 246 (стратигр. сер. 20 -х. сер. — 90-х гг. [предпочт. до сер. 50-х] XI в., Нерев., мостовая между Д и Е.).

[53] Там же. С. 396. Разд. Б 85. Грамота № 717 (стратигр. 20-е гг. XII в. — нач. 1210-х гг., внестратигр. 1160-е — 1210-е гг. [предпочт. не позднее 1190-х]; Троицк. И).

И здесь неизвестно нашим учёным, что за элемент одежды «привитка». Для нас же очевидно, что жизнь у монахинь твёрдо устроенная, идут постриги, игуменья занимается своим делом, словом, обычные и для сего дня монашеские заботы.

Вообще церковных документов очень много, имеется в виду именно бытовой аспект, то есть записанные для памяти церковные праздники, тексты различных церковных песнопений, молитвы, иконки, поминальные записки, переписка между монахами, как мужских, так и женских обителей. Кроме этого, во всех официальных документах обязательно упоминаются различные представители Церкви. Очень наглядно становится из обилия берестяных грамот, связанных с Церковью, что гораздо более внушительное значение имела православная Церковь в раннедревнерусском периоде, чем это представлялось раньше. Кажется понятным, что именно РПЦ принесла в Древнюю Русь всеобщую грамотность, и всё равно удивительно, честно говоря, даже таинственно, как могла грамота, а именно письменность, так быстро развиться в Древней Руси?! Однако теперь однозначно, что именно русская православная Церковь была движущим и руководящим органом просвещения, видно это особенно хорошо по детским школьным упражнениям. Вот, пожалуйста, результат — полюбуйтесь школьным письменным упражнением или пособием, написанным уже в самые первые десятилетия после появления кириллицы — то есть 30 годы XI века. Имеется множество берестяных грамот этого же времени с «обычными» текстами. Школьные же упражнения свидетельствуют о уже действующем в то время процессе обучения. Перед нами просто азбука.



Учёные в пояснениях ограничиваются лишь лингвистикой: «Отрезок между «з» и «н» имеет вид «м л» вместо «и ї к л м». Очевидно, писец по ошибке написал после «з»

согласные из названия этой буквы («земля»). Зеркальное «Ѵ» в этой азбуке функционально равно «v» (ижице)»[54]. Вполне понятны пояснения филологов. Но скажите, каким образом через сорок лет после Крещения Руси, после неустановленного времени, но, однако, никак не ранее «крещения» появившейся в Древней Руси кириллицы, просто в земле валяются исписанные этой кириллицей берестяные грамоты, свидетельствующие об уже прочно действующем процессе образования. Что это?! Вышеупомянутая грамота, а она не единственная, написана всего через 15 лет после смерти св. вел. кн. Владимира Святославича — «крестившего Русь» и сделавшего христианство государственной религией. А уже найдены сотни и сотни документов, свидетельствующих, что по всей стране велась активная переписка, даже среди беднейшего населения.

Что-то нам явно не известно в нашей истории, определённо не хватает какого-то звена. А нынешнее положение ставит учёных перед неожиданной проблемой, которую, тем не менее, решать надо. А именно: как соотнести полную и всеобщую грамотность, обнаруженную берестяными грамотами, и повсеместное её распространение по всей территории Древней Руси? При том широком общении и перемещении древних русичей по всей территории Руси теми же грамотами, обнаруженными с летописными свидетельствами о различных племенах, населявших Древнюю Русь. В частности, о всеобщем языковом взаимодействии.

Вот что говорят об этом учёные: «Особую проблему, относящуюся уже не к лингвистике, а к сфере археологии и этногенеза, составляет соотнесение различных восточнославянских идиом с известными из летописи племенами. В работе Зализняк (1988 г.) была предложена гипотеза о соотнесённости древнепсковского диалекта с кривичами (точнее, с их северной группировкой), а восточноновгородских

[54] Там же. С. 275. Грамота № 591 (30-е гг. XI в., Нутн.).

говоров — с ильменскими словенами…»[55]. Идиома, согласно словарю Даля — «от греч. отличительность или особенность языка; местное наречие, говор»[56]. Слова «диалект» у Даля уже нет, но есть у Ожегова: «диалект — местная или социальная разновидность языка»[57]. То есть термины разные, а значение одно. Налицо непроизвольная игра словами, это, кстати, первый признак тупикового направления в рассуждении. Действительно, диалектов на Руси слишком много и не притянешь здесь все племена и наречия, нет — здесь также белое пятно. Причём пятно значительных размеров.

Учёные пытаются как-то разобраться, соответственно появляются новые термины, как например — «наддиалектная форма древнерусского языка». Выражение совершенно загадочное и направляющее дальнейшее рассуждение в бесконечность. Это, очевидно, созданная филологами форма для возможности обобщения. Однако, как твёрдо понимают историки, решить эти проблемы может как раз археология, а не филология, и обязательно совместно с изучением этногенеза. А пока ситуация примерно такова — работать филологам надо, однако удаление белых пятен, с которыми им приходится иметь дело, находится не в их компетенции. Здесь и приходят на помощь подобные обобщающие термины, которые помогают как бы переступить через эти белые пятна. Что тут поделаешь? Работать учёным как-то надо. Не так всё просто, не все свои тайны спешит открыть нам история, далеко не все.

Тем не менее, ряд берестяных грамот наши лингвисты спокойно распределили по принадлежности к местам их написания, руководствуясь как раз тем, что написаны они

---

[55] Там же. С. 6 и далее.

[56] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. «И — О». М., 2007. С. 8.

[57] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. РАН, Инст. русского языка им. В. В. Виноградова; издание дополненное. М., 2007. С. 164.

соответственно местным языковым особенностям. Нужно учесть, что славянская грамота, собственно кириллица, была принесена на Русь всего два-три десятка лет до повсеместного уже её применения. А как можно заключить по текстам грамот, особенно школьных упражнений и церковных текстов, записанных для «домашнего» пользования, единая грамматика сохранялась только в церковно-славянской письменности. Это необходимо для соблюдения единства церковных текстов, Священного Писания, богослужебных и других канонических документов, церковнославянскую грамматику обязательно изучали в школах. В то же самое время бытовые записи, которых большинство, как, например, частная переписка, различные долговые списки, реестры и литературные тексты, не применяли единых правил написания. Более того, писали так, как говорили, сообразовываясь каждый со своим местным наречием, а по широте распространения и временным параметрам очевидно, что во всех местах грамота была принята практически одновременно.

Из всего этого можно с чистой совестью заключить, что древние русичи стали использовать кириллицу просто сразу, как только она появилась, при этом каждый применительно к своему наречию. Однако, если человек не имел представления о том, как практически пользоваться письменностью «как таковой», то такое быстрое и повсеместное её применение во всех слоях населения Древней Руси неосуществимо в принципе.

Есть в этом тайна? Есть. Тем не менее, сейчас является научным фактом то, что до принятия кириллицы уже имелась практика письма и чтения. Просто существовавшая до кириллицы письменность была неудобной как раз для написания в разговорном стиле, громоздкой, чужой и неспособной выразить такой красивый язык, как наш. А кириллица, созданная святым Кириллом специально для славянских народов, как идеально подходящая для самовыражения русичей, получила мгновенное распространение.

То есть, очевидно — принятие кириллицы было переходом с одной, неудобной и невозможной в повседневном применении письменности, на другую — удобную и специально для этого, по воле Божией, созданную.

Это как человек, имевший тяжёлый и неудобный инструмент, не приспособленный для нужных ему работ, хоть и делает им какую-то работу, но вынужденно и только при большой необходимости. А получив лёгкий, универсальный и удобный инструмент, сразу его полюбит и будет делать им всё, что только возможно, просто не выпуская его из рук. При этом добавим, что о старом инструменте он сразу забудет и никогда не будет о нём вспоминать. Зачем мы об этом говорим? Нет, мы не отклоняемся от нашей темы, и все эти рассуждения нам необходимы для того, чтобы приступить к следующему, важному для нас, вопросу.

А ЧТО БЫЛО ДО КИРИЛЛИЦЫ?

Здесь уместно вспомнить о Евангелии, найденном свв. Кириллом и Мефодием, которое было написано задолго до них, и написано, по их словам, — «русскими письменами». Этим фактом пренебречь невозможно, о нём есть документальное свидетельство самих равноапостольных святых. Так в «Житии св. Кирилла» упоминается о посещении им в 861 году, то есть еще до создания кириллицы, Корсуни (Херсонеса Таврического), где говорится: «Нашел же здесь Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы, гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать, и многие удивлялись ему, хваля Бога»[58]. Что это были за «русские письмена» — это другой вопрос, который как раз и должны решить археологи совместно с этнологами. Но точно известно, что жили Кирилл и Мефодий в славяноязычной местности, и славянские языки были им родные, говорили они на греческом и латыни, знали хазарский язык, знакомы были с арабским и еврейским. И если они сказали, что это были какие-то «русские письмена», значит, точно знали, что эта письменность имела хождение в Древней Руси, однако, сама письменность была им незнакома.

Кроме свидетельства равноапостольных Мефодия и Кирилла, есть рассказ араба Ибн-ан-Надима, которого на-

[58] Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых. Месяц май, день одиннадцатый. Издание Введенской Оптиной пустыни. М., 1992.

зывают «отцом истории литературы арабов». Он писал это воспоминание в 987-988 годах: «Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк (Кавказских гор) послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезываемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, не знаю, были ли они слова или отдельные буквы, подобно этому (рядом автор нарисовал, как пример, какие-то знаки)»[59]. Автор писал это в том месте своей работы, которая называется «Книга росписи наукам», где говорится о том, какая письменность ему известна и у каких народов. Есть более ранний рассказ другого араба Ибн-Фадлана, где он был очевидцем и свидетельствует, что на памятнике, поставленном русами одному покойнику, «они написали имя умершего человека и имя Русского царя»[60]. Но какого рода и что означают письмена или знаки, приведённые Ан-Надимом и другими очевидцами, учёные не разъяснили.

Такой письменностью могла быть только руническая письменность. Мы не можем претендовать на возможность входить в серьёзное обсуждение этой тёмной темы, однако, внимательно просмотрели ряд работ, исследующих рунические письмо, прослушали несколько лекций просто для обозначения, так сказать, «ближайшего горизонта» в вопросе письма, бывшего до кириллицы.

Из множества работ по этой, ставшей, очевидно, модной тематике, к сожалению, с большим трудом можно отобрать что-либо вразумительное, так как большинство авторов этих книг находится под влиянием и имеет интерес либо напрямую относится к сфере оккультизма, то есть — язычества. Научными, на наш взгляд, из современных отечественных (интересны и старые работы, например, Тиха-

[59] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X века по Р. Х. С. 240.

[60] Там же. С. 243.

новой[61]) показались работы Е. А. Мельниковой из серии, которую в своё время основал ещё Пашуто (это, во всяком случае, Российская академия наук)[62]. Интересны также работы академика Чудинова. Интересны они прежде всего демонстрацией археологических экспонатов, а вот трактовка, как и само прочтение некоторых совершенно удивительных, мягко говоря, мест, кажется фантастической. Тем не менее, это учёный, академик и, может быть, один из опытнейших специалистов в отношении переводов древних текстов. Просто нужно понимать, что его взгляд — это результат религиозных воззрений (в отношении православия — отсутствия таковых). Пользовались мы данными и из других работ. Из всего этого для себя мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, есть ряд археологических находок, на которых обнаружены образцы различных стилей дохристианского письма, так называемых «писал». В частности, указывают на находки древних славянских писал (стилей для письма) X — XI веков и описывают одну из самых любопытных таких находок из Преслава (Болгария): «Преславское четырехгранное писало»[63].

Однако в славянской письменности известно три разновидности, характерные особенности которых отражены в их названиях: кириллица, глаголица и буквица. Каждое из них отражает определённое свойство письма, как то: имя создателя, то есть кириллица — «письмо Кирилла», глаголица — «письмо, передающее устную речь», и буквица — «письмо на буке, древесное письмо»[64]. Но, во-вторых, со временем создан ряд европейских алфавитов, и им вез-

---

[61] Тиханова М. А. Следы рунической письменности в черняховской культуре //Лихачёв Д. С. Средневековая Русь. М., 1976. С. 13.

[62] Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

[63] Платов А., Таранов Н. Руны славян и глаголица М., 2010. С. 7-8. Там ссылка на работу: Бычков А. А., Громов Д. В. Славянские руны: факты и домыслы. М., 2005.

[64] Чудинов В. А. Русские руны. С. 28-29.

де предшествовало руническое письмо. В наше время различают руны скандинавские и германские, руны скифов и руны этрусков, различны руны славянские и азиатские, отличают даже руны чувашские.

В-третьих, минуя всё это, совершенно бесспорно очевидное сходство множества знаков рунического письма с буквами различных алфавитов. Так, рунические знаки: C, D, F, H, I, K, L, M, N, O, P, T, U, Y, V, W, X соответствуют латинскому шрифту, а знаки: Г, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ь, Ъ, Ы соответствуют буквам кириллицы и, соответственно, многие из них — греческому алфавиту. Какие-то знаки похожи на математические и прочие символы[65]. Кроме этого, различные знаки из различных рунических рядов схожи между собой. Учтём, что руны — это слоговое письмо, имеющее самые необычные и загадочные приёмы написания. Последнее, к сожалению, даёт исследователям излишнюю свободу для трактовки переводов. Подобное положение заставляет учёных до изнеможения ломать голову над переводами текстов, которые всё равно обязательно оказываются спорными. Так что для нас пока бесспорно значим только приведённый выше пример, в отношении сходства рунических знаков с буквами разных алфавитов, так как это свидетельствует в пользу того, что руны явились прописьмом для всех европейских алфавитов. Сами же рунические знаки простираются в немыслимую древность. И в той же работе Чудинова указан пример использования рун в палеолите[66] (???). Вот такой академик. Так далеко простираться мыслью нам не стоит. Однако, для нас интересны примеры, приведённые там же из археологических находок, относящихся к интересующим нас вре-

[65] Там же. С. 20.

[66] Чудинов В. А. Русские руны. М., 2006. С. 20-25. (В. А. Чудинов — профессор ГУУ, академик, председатель Комиссии РАН по культуре Древней и Средневековой Руси, директор Института древнеславянской и древнеевразийской цивилизации общественной организации «РАЕН».)

менам, где одновременно с кириллицей используются и руны в XI-XII веках и позже.

Но вернёмся к нашей теме. Итак, хотя считается, что кириллица наследовала 24 буквы из греческого алфавита, тем не менее, в графическом смысле порядка 20 знаков из общего числа букв славянского алфавита были из более древнего рунического письма. При этом св. Кирилл добавил к ним ещё 18 знаков, так как монах Храбр говорит, что Кирилл создал «тридцать письмен и осемь», т. е. 30 + 8 = 38 букв. После чего св. Кирилл Философ ещё расширил алфавит до 42 букв и оснастил его атрибутикой греческого письма, в частности, перенёс на них «цифирь» из греческого алфавита. Всё это создало новую буквенную письменность, известную как «кириллица». Вот такая азбука уже могла, в необходимой мере, выразить русскую речь. Однако же мы говорим, что св. Кирилл «добавил к буквам, похожим на руны», а не ко греческим буквам потому, что руническое письмо имело хождение на Руси до кириллицы, а греческое — нет, хотя последнее было хорошо знакомо в православных кругах, а равно и в среде образованных современников.

При этом, отношение православия к рунам выразил тот же монах Храбр, что даже обидело нашего академика. По его словам: «совершенно не применима к рунам характеристика черноризца Храбра, назвавшего их “чертами и резами”, ибо так можно назвать и пиктографию, и современное алфавитное письмо. Это — насмешка Храбра, а не название шрифта»[67]. Мы, не взирая ни на какие разногласия, всерьёз разделяем патриотические чувства академика Чудинова, выражаемые в его работах, однако, «насмешка» монаха Храбра эти чувства не задевает, а относится именно к рунической письменности как таковой. Более того, нам как раз понятно отношение монаха Храбра к рунам, и именно здесь мы подходим к сути нашего затянувшегося рассуждения о письме до кириллицы.

[67] Чудинов В. А Русские руны. С. 31.

Дело в том, что руны изначально были созданы как сакральные знаки, то есть знаки, несущие тайный магический смысл, и как таковые отражали различные сакральные аспекты языческих религий. Соответственно, по сути своей, неизбежно оставаясь в ведении жрецов, являлись неотделимой частью их оккультного служения. В самом деле, любое написание руническими знаками, даже из самых обычных текстов, при тайном значении самих знаков всегда будет иметь двойной смысл. То есть, кроме собственно текста, обязательно будет следовать отдельное толкование самих знаков, которое, естественно, как древнее и тайное, будет преподноситься — как истинное и владеть умами людей.

Нужно очень хорошо осознать не столько то, что письменность на Руси была распространена до кириллицы, но то, что всё, в любых контекстах относящееся к этой письменности, то есть — рунам, целиком принадлежало к оккультной сфере язычества. Так, руны, а равно и те, кто их использует, были неотделимой и зависимой от язычества частью, превращая использующих эту письменность в людей, которые вольно или невольно становились укреплением тёмного, оккультного покрывала язычества. Это служение волхвов есть служение печально известным силам зла, и оно неистребимо, так как тот, кому принадлежит это служение — диавол, который будет существовать до конца времён, до конца же и будет продолжаться борьба человека со злом. Таков Промысл Творца. Только этим объясняется существование язычества вообще и неоязычества в частности. Далее в эту тематику нам углубляться бессмысленно.

Зато именно в этот момент во всём своём величии открывается служение Русской Православной Церкви, которая сразу повела непримиримую борьбу с волхвами. При этом освоение славянской грамоты было важнейшим фактором и вместе инструментом отторжения русичей от язычества, буквально переходом на новый уровень мышления. Именно кириллица образовала глубокую пропасть между сутью древних рунических знаков и буквенного славянско-

го алфавита, давая возможность русским людям нормального письменного общения, без всякой магической подоплёки. При этом, новый удобный, сразу ставший родным алфавит был как языком народа, так и языком Церкви. Произошло важнейшее событие в жизни Древней Руси — Церковь заговорила языком народа и заговорила с самого начала. При этом, если заглянуть и здесь в сакральную суть, то окажется, что это древние русичи, не меняя своего родного языка, тем не менее заговорили языком Церкви. Слияние языка Церкви с языком народа неизбежно повлекло и слияние образа мыслей, что трудно обосновать теоретически, однако, бесспорно свидетельствуется словами самих древних русичей. И как раз берестяные грамоты являются научным фактом и яркой иллюстрацией того, как единодушно принято было Православие на Руси и роли в этом собственно Русской Православной Церкви.

Характерно, что в те века в Западной Европе для населявших её народов не было принято подобной письменности. Первосвященство же там придерживалось взглядов, которые были названы «ересью триязычества», то есть Церковь признавала пригодными для службы только латынь, греческий и еврейский языки, язык же собственно Западной Церкви был латынь. То есть Церковь говорила чужим и непонятным для своего народа языком, при этом все так называемые «центры просвещения» в Западной Европе также были церковными образованиями. Пример тому — те же Оксфорд и Гарвард, которые изначально были монастырями, до сего времени сохранив в своей традиции монашеское облачение — мантию и восьмиугольный клобук. И обучение там велось также на латыни, чужой и непонятной местному населению. Таким образом, народ отдалялся от самих церковнослужителей и ещё более отталкивался от Церкви, от понимания самой сути христианства.

Надо понимать, что по Европе тоже издревле имели хождение руны и в самых разных вариантах, а с началом великого переселения народов, может быть, к середине II века

н. э., были окончательно сформированы в классический общегерманский рунический строй «Футарк»[68]. Теперь же, из за отсутствия единого языка у народа и Церкви, руническое письмо как минимум сохранялось. Последнее было серьёзным фактором не только сохранения, но и усиления на Западе различных оккультных движений гностиков и, наконец, откровенного сатанизма. Наиболее яркий пример тому — сам германский император Генрих IV (конец XI — начало XII века), который был дважды отлучён от Церкви за сатанизм (секта николаитов)[69], но от взглядов своих при всём том не отрёкся. Всё это поставило Римскую Церковь перед необходимостью создания инквизиции, со всеми сопутствующими этому и общеизвестными трагедиями.

Прямая противоположность этому — Русская Православная Церковь. Только задумаемся, ведь мы рассматриваем документы, датируемые первой половиной XI века, и видим в первые десятилетия торжества Православия на Руси повсеместную и общенародную грамотность. И это не повести о прошлом, не записи летописцев даже, нет! Это прямые свидетельства древних русичей о самих себе, свидетельства современников, безусловно, достоверные и непредвзятые (просто нечаянные и случайные). И счёт этим документам пошёл на тысячи, и ни у кого из учёных нет возможности усомниться или отвернуться от сего научного факта. В нашем случае самое главное в этом то, что чувствуется основательное утверждение Православия среди людей в самые первые десятилетия после «крещения Руси». Особенно мощным свидетельством этому является большое количество в раннедревнерусском периоде писем церковного характера и переписки между действующими и обустроенными монастырями. Повторимся, что все грамоты — это случайно оброненные или выброшенные письма, то есть малая часть от реально тогда написанных. При этом, по

---

[68] Платов А., Таранов Н. Руны славян и глаголица. М. 2010. С. 18.

[69] Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 125 и далее.

частным письмам также твёрдо чувствуется Православие в людях, и мы в этом, чуть ниже, ещё раз убедимся. Что же может быть больше того, что все берестяные грамоты написаны славянской грамотой — кириллицей — языком Церкви?

В связи с этим интересен и важен тот факт, что знали на Руси славянское письмо задолго до его появления на Родине. Ещё в середине XIX века И. И. Срезневский доказал, что договоры Олега с греками в 907 и в 911 годах были написаны по-славянски.

Кроме этого, во втором Олеговм договоре ясно говорится о писании: «Аще ли сотворитъ образенье, таковый възьметъ уряженое, кому будетъ писать наследити именье». В договоре Игоря упоминается о грамоте послам и гостям русским: «Ныне же увидел же увидал есть князь ваш посылати грамоту к цесареству нашему. Иже посылаемы бывают от них послы (по др. спис. — Сли) и гостье, да приносят грамоту. Пишюче сице»[70].

Да, конечно, задолго до этого, со времён скифов, с проповеди ап. Андрея Первозванного, было христианство на территориях Древней Руси. Однако, погружена была Русь-матушка в язычество, пусть, как теперь видится, не так глубоко, но была, это факт. И всё вышесказанное о содержании берестяных грамот говорит, что Церковь, приложив все свои силы, буквально вырвала русский народ из тьмы язычества. По тому, что находят (кстати, очень редко) рунические знаки и после принятия православия на Руси[71], понятно, что не было уничтожено язычество. Это подтверждают летописи и другие документы. Да, не были уничтожены все служители тьмы, по уже названным ранее причинам, но были загнаны в свои норы. А чем грозила

[70] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X века по Р. Х.). С. 242-243. На с. 242 Гаркави даёт ссылку на Известия 2-го Отдела Императорской академии наук, т. 1, с. 309-314; т. 3, с. 257 и след,; ср. его же: Древние памятники русского письма и языка, 1863.

[71] Чудинов В. А. Русские руны. С. 24.

Руси деятельность язычества, можно судить по событиям на Западе, которых мы коснулись чуть выше.

Однако нам теперь должно, по «закону справедливости», вспомнить церковный догмат о свободной воле человека, что, по-простому говоря, выражается народной фразой: «Бог против воли не спасает». То есть основным фактором всегда является желание самих людей вырваться из пут суеверий и многобожия. Что же, и здесь очевидно повсеместное и бесспорное единодушие всех слоёв населения Древней Руси, общий отклик на зов Церкви Христовой. Можно отставить в сторону все поиски и оценить уже имеющееся. А именно: невзирая ни на что, самое главное — это уже имеющиеся факты, которые поставили наших прародителей в такое положение, что никакие исторические тайны и неясности не смогут отнять у нас светлой гордости за своих предков, за свою Родину. Просим обратить внимание, что любые новые открытия только утверждают нас в этом и разоблачают очередное умаление исторических реалий Руси. Поэтому, историки дорогие, трудитесь Христа ради на благо Отечества. Пусть вас согревает в ваших трудах признательность и любовь всех нас — русских людей. Но пора нам снова, к сожалению, ненадолго, вернуться к «берестяным грамотам».

ЕЩЁ ГЛОТОК ОТ СОСУДА ДРЕВНОСТИ

Приведём напоследок несколько необычных грамот. Среди ряда берестяных грамот первой трети XI века — необычна грамота-иконка, очевидно, носимая владельцем на груди. Эта икона интересна тем, что она датирована. На одной её стороне изображение святой Варвары с двумя надписями: вверху — «Варвара», внизу — дата, с трудом, но идентифицированная филологами. Это — 6537 г., т. е. 1029 г., что вполне соответствует стратиграфической дате. На другой стороне — изображение Господа Иисуса Христа[72].

Есть грамота на свинце, написана она в конце XI века. Казалось бы, почему её внесли в ряд берестяных грамот — непонятно, но, оказывается, этому есть вполне логическое пояснение. «Письмо написано на свинцовой пластинке, по способу нанесения букв и по жанру столь сходно с берестяными грамотами, что мы считаем возможным рассматривать его в одном ряду с ними (в издании это письмо помещено после берестяной грамоты № 318 - НГБ V: 154-155).

ѿ носъка къ мѣ=
статѣ заложериуъ
отрокъ лони крили
соужъдалъцъ ходоу:
тиниуъ възъми до=
вѣ гривъиѣ на на=
мъ

[72] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2- е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276. Грамота № 915-И (1 треть XI в., Троицк. Е).

Кроме вышесказанного, интересно, что её долго не могли разгадать, да и по сию пору перевод остаётся спорным, хотя содержание «обычное». Как видим, много тем для размышления преподнесли грамотки самым разным учёным. Об этой, например, говорят: «В разгадывании этой исключительно трудной грамоты участвовало много исследователей; история ее изучения подробно рассмотрена в статье Мароевич (1996). Там же предложена если и не совершенно бесспорная, то, во всяком случае, наиболее успешная, с нашей точки зрения, из многочисленных конкурирующих интерпретаций этой грамоты (которой мы и следуем ниже). В ней использованы наиболее надежные элементы предшествующих решений и предложена новая трактовка заключительной фразы.

Перевод: «От Носка к Местяте. Заозерского отрока в прошлом году купили. Суздалец Ходутинич пусть возьмет две гривны в качестве процентов». О других возможных интерпретациях см. указанную статью[73]. В самом деле, текст самый обычный, а прочитать не могут. Вот вам и знание языка!

Приведем для примера надпись на «цере». Цера — это деревянная табличка с углублением, которое заливалось воском. При необходимости, воск можно было заливать заново и, соответственно, такая доска могла использоваться много раз. Цера наиболее удобна для упражнений в письме, на ней и здесь были образцы школьных упражнений. Воск сохранился небольшими фрагментами, на одном таком фрагменте остатки надписи, это часть утраченного и неоднократно встречаемого упражнения: «я тиун…»:

АЗЪ ТИОУN[Ѣ].

А на оборотной стороне на самом дереве написано всё упражнение: «А я, тиун, дань взял»[74]:

---

[73] Там же. С. 261. Разд. А 17. Свинцовая грамота № 1 (стратигр. кон. XI — 1 треть XII в., внестратигр. предпочт. первое 20-летие XII в.; Нерев. Е).

[74] Там же. С. 342. Разд. Б 38. Надпись на цере, в 1992 г. на усадьбе П Тро-

а ѧзъ тиоунѣ
данѣ жѣ оуѧлѣ

Вообще письменные упражнения детей Древней Руси — это одни из самых интересных находок. Для начала приведём более позднюю грамоту — рубежа XIII и XIV вв. Судите сами, чего стоит такая берестяная грамота:

н в ж п с н д м к з а [т] с [ц] т ...
є ѣ ѧ и а є у а а а х о є и а ...

Такое разгадаешь не сразу, не сразу и филологи разгадали, тем не менее это детская шутка, просто записанная столбцами, и читать её надо столбец за столбцом, шутка гласит: «невежа писа недума каза а х[т]о се [ц]ита ...» (конец грамотки оторван, по вполне понятным причинам). Конечно, подобные шутки бытовали и у нас в школах, но, честно говоря, мы писали такие дразнилки по-простому — в ряд (интересно, современная детвора сохранила интерес к подобным шуткам?). Так же шутили и люди прежнего поколения, к которым относятся авторы Д.Н.Д: «Это школьная шутка, построенная по модели, сохраняющейся веками: невежда написал, пустомеля (букв.: бездумный) сказал, а кто это прочитал, тот ... (далее шло ругательство, которое школьник, ставший жертвой этой забавы, от обиды или от стыдливости оторвал)»[75]. При этом, кстати, филологи считают, что также вероятно, что цитата просто не окончена. Предпочитаем согласиться с ними и добавить, что это шутка-вопрос, которая читается, как:

нєвѣжѧ писа нєдума каза а х[т]о сє [ц]ита ..

То, что записана шутка у детей столбцами, является фактом, указывающим, что дети уже владели церковно-славянской грамматикой. Такая практика написания — часть

ицкого раскопа в слоях 20-х — 50-х гг. XII в.

[75] Там же. С. 542. Разд. Г 16. Грамота № 46 (стратигр. 10-е — 30-е гг. XIV в., Нерев., мостовая между Б и В).

грамматики церковно-славянского языка, в этой же книге и там же приводится пример подобного написания:

Б А Є Ь Ѵ Ь

Л Ж N М Ж

Написано, так же столбцами: «Блажен муж». Это фраза из Псалтири — начальные слова первой кафизмы, однако примеров подобного написания в церковно-славянском — на каждом шагу. Очевидно, что дети обучались как так называемому бытовому письму, так одновременно овладевали и более сложной церковной грамматикой. При этом, последней научались раньше. Ребятишки и применили её в своей шутке, наверное, для большей «заковыристости». Вот такие были дети на рубеже XIII и XIV веков.

Теперь же вернёмся почти на сотню лет назад и представим интереснейший блок берестяных грамот того времени. Большинство из них написано одним почерком — мальчика по имени Онфим. Филологи утверждают, что по характеру рисунков ребёнку 6-7 лет. Грамоты мальчика Онфима — это не только письменные упражнения, здесь в разных комбинациях рисунки, азбуки, склады и короткие тексты. Есть среди них грамотка, написанная другим почерком, то есть другим мальчиком (грамота № 201). Видимо, это школьный друг Онфима, раз их берестяные грамотки оказались вместе. Эти грамоты написаны примерно в тридцатых годах XIII века, время отрочества Александра Невского. К сожалению, в доступных нам работах не представлены сами рисунки, лишь только подписи под ними, а жаль. Но, смотрим то, что есть.

№ 199. Внутренняя сторона: а б в г д | є ж ѕ з и | и к л м н | о п р с т у | ѳ х ѿ ц ч ш | щ ъ ы [ь] ѣ ѵ | ю ѧ а | ба | ва га да | жа за ка | ла ма на | па ра са | та ѳа ха | ца ча ша | ща бє вє | ге дє жє зе | кє лє ме | нє пє ре се | тє ѳє хє це | че ше ще : Далее на другой полосе бересты: би ви ги | ди жи зи | ки ли ми | ни пи {ир} | ри си

Внешняя сторона: поклоно ѿ ѳ|нѳима ко да|нилѣ

То есть: «поклон от Онфима к Даниле» — передаёт 6-7-летний ребёнок.

Кроме того, подпись к рисунку зверя: ѧ звѣрє

№ 200: а б в г д є ж | ꙁ з и і к

Кроме того, подпись к рисунку всадника, поражающего врага: ѻнѳимє

Подпись гласит: «Онфим», и мы бы, в том возрасте, под таким рисунком поставили своё имя.

№ 201: а б : в г : дє : ж ꙁ : | з и : і к : л м : | н о : п р : с т : у ѳ | х ѿ : ц ч : ш щ : | ъ ы : ь ѣ : ꙋ ю : | ѫ ѧ : ба : ва га : | да : жа : за : ка : | ла : ма : на : па : | ра : са : та : ѳа : ᵃх | ца : ча : ша ща :

№ 202: на до|митрѣ во|зѧти | доложзи|кѣ. Перевод: 'На Дмитре взять должки (?)'.

№ 204: ѧко же бє вє гє дє жє зє | кє лє мє нє пє рє сє тє ѳє | хє цє чє шє щє

№ 205: а б в г д є ж ꙁ з и і к л м н о п р с т у ѳ х оᵀъ ц ч ш | щ ъ ы ь ѣ ꙋ ю ѫ ѧ

Кроме того, мелкими буквами: он[ѳ]

№ 206: иже во ѕ҃ѵса҃ насо ба ва г|га да жа за ка а ра са ка ра

№ 208: ... |гвоз... ... |хы н...

№ 210 — подпись к рисунку человека: (п)авлє

Стоит: «Павел». Вероятнее всего — это имя апостола, потому что редко встречаются в ту пору подобные имена на Руси. Хотя можно допустить имя того самого друга, чья грамотка нашлась вместе с грамотами Онфима.

№ 331: ... |го слово пло[щ]... | гю аще на нє азо | г҃и нє ѧростию ·

№ 207: ѧко со нами б҃о | ꙋслъшитє | до посл ꙋ ѧко|ко жє мо ли|чє твоє на ра|ба твоєго б҃о

№ 203: ги помози рабу св|оєму онѳиму :

Два предпоследних текста — это фразы и слова из разных мест Св. Писания, в частности, Псалтири, а последняя грамота является краткой молитвой. При этом, если в предпоследних грамотах просто отрывки от слов и фраз, то есть упражнения в церковной грамматике, то молитва записана полностью и без ошибок. Так что, кроме того, что уже был знаком и мог правильно написать священные тексты, но уже и молился 6-7-летний мальчик из первой половины XIII века. И снова скажем, что это не домашняя подборка школьных упражнений отличника, нет, дорогие мои! Это потерянные, может быть, по рассеянности, либо выбро-

шенные как несущественные записи не очень-то о них радеющего, то есть «нормального» школьника. Причём, по возрасту, в нашем понимании, первоклассника. Да… Удивительное дело — послания из древности. Честно говоря, до этих грамот мы как-то лучше думали о себе.

А вот что говорят о самом уровне обучения, лингвисты: «Очень интересно то, что Онфим в текстовой части грамот не употребляет букв «ъ» и «ь» (заменяя их соответственно на «о» и «е»), хотя в записанных им азбуках буквы «ъ» и «ь» содержатся. Ясно, что Онфим был еще слишком мал, чтобы самостоятельно экспериментировать в области графики; он писал именно так, как его учили. Таким образом, перед нами свидетельство того, что существовала такая ступень первоначального обучения грамоте, на которой ученик должен был усвоить весь набор букв книжной системы (что позволяло ему читать книги), но при этом сам привыкал писать по бытовой системе. Из упражнений Онфима (№ 199 и 203) видно также, что предметом обучения были, в числе прочего, стандартные формулы — эпистолярные и иные»[76].

Ну что ж, теперь самое время вернуться ещё почти на сотню лет назад, к одной из грамот середины XII века, к той самой, к которой мы собирались вернуться. Это грамота № 955, она написана знатной древнерусской женщиной, та, что от Милуши к Марене, помните: «Косе великой — пойти бы замуж за Сновида…». Так вот, при всей литературной красоте, игривости и фольклорной «ядрёности» текста, там есть одна малозаметная, но значительная особенность, очень характерная для истинно русского человека вообще. Особенность эта состоит в том, что «грамота написана на втором слое листа бересты, на первом слое которого был сделан рисунок: двое святых и большой шестиконечный крест между ними. Рисунок довольно чётко пропечатался

[76] Там же. С. 475, 476, 477. Разд. В 9. Грамоты мальчика Онфима (вероятно, 2 треть XIII в.: о стратиграфии см. ниже, внестратигр. 40-е — 50-е гг. XIII в.; Нерев. И).

и на втором слое (в особенности левая фигура и крест); но, разумеется, его линии всё же гораздо слабее, чем в буквах письма. Писавший, очевидно, принимал во внимание это изображение: текст письма не затрагивает его. При этом, не исключено также, что рисунок делался просто на другом листе бересты, который лежал в этот момент в стопке запасённой бересты поверх нашего листа»[77]. Так что, какое бы не имела положение древнерусская женщина и в каком бы расположении духа не пребывала в момент написания своего письма, однако при написании она обратила внимание на нечаянный слабый оттиск (может быть, от рисунка ребёнка на другом листе) изображения святых и креста и не посмела их коснуться. Мы хотим сказать об очень строгом внутреннем барьере, уже тогда утвердившемся в душе древнерусского человека, а имя этому барьеру — богобоязненность. Данный пример ценен и приведён нами как непроизвольный. Примеров богобоязненности и богоугодной жизни как идеала русского человека множество во всех древнерусских источниках, и любой желающий обнаружит их там как характерную черту древнего русича. Но берестяные грамоты по достоверности — самый чистый исторический источник, при этом, частная переписка, как информация конфиденциальная и предназначенная только для адресата, открывает как бы тайные уголки жизни древних русичей, те, в которых у человека хранится сокровенное, а обнаруживается подобное лучшим образом в непроизвольных словах и поступках. Однако и в этих уголках русской души (которые история приоткрыла нам, может быть, как раз для этого познания) мы видим непроизвольное и естественное благоговение перед святостью. Это не просто пределы богопочитания, это движение русской души, и направление этому движению указала наша Русская Православная Церковь с самых ранних времён.

---

[77] Зализняк А. А. , Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. М., 2006. С. 8. Грамота № 955. Троицкий раскоп. Середина XII века).

НУ, ВРОДЕ БЫ, ВСЁ

Думается, мы давно исчерпали терпение рискнувших прочесть нашу работу и двинемся к ее окончанию. Однако, для большего понимания уровня церковности древних русичей, приведём ещё только парочку грамот того же времени. Вот, например, берестяная грамота начала второй половины XI века: «Запись представляет собой перечень важнейших церковных праздников и дней памяти святых, приходящихся на осень и начало зимы: Рождество Богородицы — 8 сентября; Воздвиженье Креста — 14 сентября; память св. апостола и евангелиста Луки — 18 октября; св. Димитрия Солунского — 26 октября; св. Космы и Дамияна — 1 ноября; Собор архангела Михаила — 8 ноября; память св. апостола Филиппа — 14 ноября; свв. Варвары — 4 декабря; Рождество Христово — 25 декабря; Обрезание Господне — 1 января; Крещение — 6 января». Авторы ДНД обращают внимание, что «почерк каллиграфический. Берестяной лист обрезан необычно: он приближается по форме к четверти круга. Автор писал на бересте с той же тщательностью и эстетизмом, что при переписке церковной книги. Внешний вид текста сходен, например, с календарными записями в составе Остромирова Евангелия»[78].

на ржьство бц҃ѣ : на въ=
звиженьє кр҃ста : лоу=
кы : дьмитрью : коу=
змы дьмьѧ : миха=

[78] Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2- е издание, переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 280. Разд. А 30. Грамота № 913 (стратигр. сер. 3 четв. XI в., Троицк. Е).

ила и гаври : фили-
па : врръварѣ : на
рожьство х҃во : на о-
брѣзаньє :
на кр҃щ҃ньє

Записано тоже необычно, но столбиком, может, так удобнее прочесть при быстром взгляде. Часто, кстати, грамоты памятки записаны столбиками.

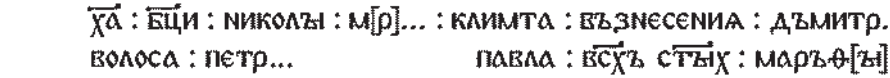
Следующая, очень интересная грамота того же времени (то есть вторая половина XI века). Здесь, вероятнее всего, священник записывал для себя имена святых, которых нужно упомянуть в конце службы на отпусте. Тут всё ясно и без перевода: «Христа, Богородицу, Петра, Павла, Козьму и Дамиана, отца Василия, и Бориса и Глеба, и всех святых». Ниже приведём запись в старославянском шрифте, как на грамоте:

х҃а : бц҃ѣ : петра п҃ла
козмадьмьѧна : оч҃а
васильѧ : и бориса и глѣ-
ба : и свѣхъ ст҃хъ

«Исключительный интерес представляет упоминание Бориса и Глеба. Это самый ранний ныне известный подлинный документ с их именами, и они уже выступают в перечне святых. Борис и Глеб были канонизованы в 1071 г.». Таким образом, судя по возрасту грамоты, Бориса и Глеба стали почитать сразу. А кроме этого, текст свидетельствует о твёрдом соблюдении церковного устава, то есть записали, чтобы не перепутать ничего в заключительных словах богослужения. И также специально указывается авторами, что «грамота написана безупречно каллиграфическим книжным почерком. Под отцом Василием здесь, согласно Б. А. Успенскому, следует понимать отца Бориса и Глеба — Владимира, в крещении Василия»[79].

[79] Там же. С. 282. Разд. А 31. Грамота № 906 (стратигр. 50-е — 70-е гг. XI в., Троицк. Е).

И ещё одну грамотку приведём, не можем удержаться от этого примера, потому что здесь сами авторы заострили внимание на одной интересной для церковного человека детали. Эта грамота датируется также серединой XI века и имеет подобное же содержание: это, по-видимому, памятка для отпуста. Вот ее текст: «Христа. Богородицу, Николу М(ирликийского), Климента, Вознесения. Димитрия, Волоса, Петра, Павла, всех святых; Марфу»:



Та самая «интересная деталь» состоит в следующем: «В данном случае, помимо имен святых, в перечень входит также слово Възнесениь (Вознесение), т. е. название одного из двунадесятых праздников. Ныне включение названия праздника в формулу отпуста составляет одну из особенностей старообрядческого богослужения, тогда как в официальном православном богослужении оно не допускается. Грамота № 914 демонстрирует, таким образом, глубокую древность этой литургической особенности». А имя Марфы писавший, очевидно, пропустил, и ему пришлось добавить его в самом конце, уже после слов «вс′х»ъ ст′ы»х» (всех святых). «Особый интерес представляет включенное в этот перечень святых имя Волоса. Грамота № 914 показывает, что уже в XI в. это языческое имя стало признанным эквивалентом имени святого Власия»[80].

Можно сказать, что это всё не очень значительные детали. Быть может, и так, но они говорят о твёрдом и единообразном соблюдении церковного устава в середине XI века. А отмеченный всеми авторами строгий каллиграфический почерк (попробуй-ка, вырежи на бересте!) при написании богослужебных текстов на берестяных грамотах указывает, как минимум, на особенно почтительное к ним отношение.

---

[80] Там же. С. 283. Разд. А 32. Грамота № 914 (стратигр. 50-е — 70-е гг. XI в., Троицк. Е).

В заключение приведём написанную древним русичем чуть более позднюю (XII век), но принадлежащую той же эпохе берестяную грамоту. Грамота эта из Торжка и принадлежит к числу самых больших берестяных документов: ее длина 55,5 см, ширина 9 см. Несмотря на свои огромные размеры, береста лежала не свернутой в рулон, а в горизонтальном положении со сложенными краями. Это целый документ из семи строк:

мацешини же дети се соуте гордосте : непокорение : прекословее : пре-
зоресво : хоула : кевета : зломъслие : глево : вражда пеанесво : игръ не-
приазнинъ и всакаа злобе : а кало есте клевета хоула · гнево осоужение
прекословее : сваро : бои : зависте : вражда злопоминание : непокорение
злосердее : злии помъсли : смехотворение : и вса игръ бесовескъıа : та же
пакъı запоисво : резоимание : грабление : разбои : татба · дшегоубление
потвори поклепо отрава блоуди прелюбодеание царотворение

Перевод такой: «Мачехины же дети — это гордыня, непокорность, переченье, высокомерие, хула, клевета, злоумышление, гнев, вражда, пьянство, сатанинские игрища и всякое зло. А грязь — это клевета, хула, гнев, осуждение, переченье, ссора, драка, зависть, вражда, злопамятство, непокорность, злобность, злые помыслы, забавы со смехом и все игрища бесовские; также упивание, ростовщичество, грабеж, разбой, воровство, убийство, напускание порчи, поклеп, отравление, блуд, прелюбодеяние, колдовство». В грамоте есть описки: кевета, глево (вместо клевета, гнево). Необычность грамоты состоит в том, что, в отличие от подавляющего большинства берестяных документов, это не письмо и не деловая запись, а литературный текст.

Перед нами извлечение из литературного произведения, а именно «Слова о премудрости» знаменитого писателя и проповедника XII века Кирилла Туровского. Кирилл Туровский использовал в свою очередь одно из слов Иоанна Златоуста [Сл. XI-XVII, 9: 50]. Филологи приводят для удобного сравнения соответствующий текст Кирилла Туровского, но в нашем случае это излишне, кому нужно, сам найдёт и убедится. Суть здесь в том, что, списывая

«Слово о премудрости», наш переписчик изменил его в соответствии со своим желанием. Вполне возможно, что его цель состояла в том, чтобы с помощью Кирилла Туровского создать текст, который непосредственно помогал бы ему готовить к исповеди и покаянию паству, в таком случае это был священник.

«Это первый случай, когда до нас дошел записанный на бересте полностью сохранившийся собственно литературный текст заметной длины. Находка новоторжской грамоты № 17 решительно подтвердила предположение о том, что в Древней Руси на бересте иногда записывались и литературные тексты»[81]. Естественно предполагать, что в отличие от писем и записок, посвященных текущим делам, берестяные документы этой категории сохранялись дольше и тщательнее. Есть подобная же, только новгородская, грамота (№ 893). Обе эти грамоты, как новоторжская грамота № 17, так и новгородская № 893, написаны на очень длинных (55 и 62 см) берестяных листах, которые, насколько можно судить, хранились не в виде рулонов, а в развернутом состоянии. Чтобы удержать упругие листы в таком состоянии, их необходимо было при хранении прижимать каким-нибудь пресс-папье (у авторов написано: «прижать дощечкой»). Разумеется, таким способом можно было хранить и не одиночный берестяной лист, а несколько листов (возможно, даже целую кипу).

«Текст грамоты № 17 записан по бытовой орфографии, причем применен совершенно последовательный ее вариант… Грамота являет собой, таким образом, чрезвычайно чистый и выразительный пример того, как церковно-литературный текст, проникая в бытовую среду, переписывается по бытовой орфографии. До находки этой грамоты столь бесспорных примеров такого рода еще не было. В пергаменных или бумажных рукописях мы ни-

[81] Зализняк А. А., Малыгин П. Д., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. М.: 2002 г. С. 6-8. Грамота № 17. Стратиграфическая дата: 1171-1195 гг.

когда не встретим подобного сочинения, написанного целиком по бытовой орфографии (возможны только единичные отклонения в сторону такой орфографии). Таким образом, оригинал, с которого списывал наш переписчик, был написан по-книжному. Мы знаем теперь, что, списывая для домашнего употребления подобный нравоучительный текст, древний русич считал допустимым и даже уместным не копировать книжную орфографию, а писать "по-домашнему". Важно еще, что почерк здесь очень тверд и устойчив — он исключает всякую мысль о том, что дело тут в неумелости писца… Язык — церковно-славянский; но в записи отражено цоканье (мацешини, цяротворение)»[82]. Что целиком подтверждает высказанные нами раннее предположения.

При таком общем отношении к религии, естественно, всем на Руси в середине XI века было понятно и близко «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, а слова, им сказанные, — просты и своевременны. Наоборот, было бы удивительно и в самом деле похоже на тщеславие со стороны владыки, если бы он не сделал общеизвестную оговорку: «Поминать же в писании сем и пророческую проповедь о Христе, и апостольское учение о жизни будущего века излишне было бы и похоже на тщеславие. Ведь излагать здесь то, что в иных книгах написано и вам ведомо, есть признак дерзости и славолюбия. Ибо не несведущим мы пишем, но с преизбытком насытившимся книжной сладости, не враждующим с Богом иноверным, но истинным сынам Его, не чуждым, но наследникам царства небесного»[83]. Это сам митрополит Киевский Иларион говорит своим современникам. Это исторический документ, и

---

[82] Зализняк А. А., Малыгин П. Д., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. М., 2002 г. С. 6-8. Грамота № 17. Стратиграфическая дата: 1171-1195 гг.

[83] Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI-XII века.

неопровержимым научным фактом было то, что это сказал владыка своим современникам в середине XI века. Однако, только теперь неопровержимым научным фактом стало то, что эти слова отражали реально существующее тогда положение как в отношении грамотности в Древней Руси, так же истинное духовное состояние самих древних русичей.

Можно сделать смелый вывод о том, что древние русичи были людьми, которые осознанно стремились к богоугодной жизни. Всё остальное за нас сказал их современник Блаженный Иларион. Безусловно, он знал своих современников намного лучше, чем мы. А с такой пышностью «вдруг» возникшая литература Древней Руси теперь представляет вполне закономерное и своевременное самовыражение древних русичей. Очень хорошо сформулировал свою мысль о причине возникновения древнерусской литературы С. Д. Лихачёв: «**Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни**»[84].

Вот оно! Здесь Лихачёв раскрыл внутреннее устремление, вектор движения самой мысли древнего Русича. В самом деле, это внутреннее устремление веками созревало в русичах, не имея до времени просвещения верой христианской обоснованной причины для раскрытия себя, не находя истины, на которую можно опереться, которая вполне обосновала бы смысл существования человека. И только христианство смогло эту истину им открыть. И только в этой истине русский человек сразу смог самореализоваться. То есть тот образ мыслей, то мировосприятие и мироощущение русского человека, которые выражались ранее в устном народном эпосе, былинном и песенном творчестве, та культура речи и форма выражения мысли, обнаруживающая себя в неповторимом разговорном языке, всё это, как неотъемлемые составляющие русской души, теперь нашло

[84] История русской литературы X-XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачёва. М., 1979. С. 36.

твёрдую основу для своего мировоззрения, приняло истину и осознало себя в ней (в истине).

Христианство, приняв в себя Русь, растопило внутри русского человека плотину, которая сдерживала многоценный поток наших чувств. Кроме этого, христианство же и дало кириллицу — практическое средство для полного самовыражения русских людей. Почти мгновенно русичи освоили сразу ставшую родной грамоту, а давно созревшее «слово» просто и свободно заструилось из русской души. Этот поток русского слова проявлял себя повсеместно и одновременно во всех слоях населения, выражаясь во всём, начиная от церковной литературы, летописей, официальных документов, заканчивая частной перепиской или, наоборот, начиная ею. Причём частная переписка, повторим, имела самое широкое распространение во всех сословиях, включая бедных крестьян, простых ремесленников-плотников, гончаров, кузнецов и т. д. И это с самых первых лет появления на Руси христианства и принесённой им грамоты!

Литература появилась на Руси раньше, чем в Англии, Франции, Германии, причём появилась сразу зрелой. Вообще, надо сказать, что внезапное возникновение русской литературы относят к такому давно существующему понятию, как «тайна русской души».

Весь выше предпринятый нами труд имел своей целью приблизиться к пониманию этого понятия. Самое же удивительное, что, внимательно рассмотрев все вышеупомянутые документы, мы узнали и признали как научно установленный факт необыкновенную грамотность и образованность наших прародителей в Древней Руси. Благодаря берестяным грамотам мы даже удостоились встречи с древними русичами и насладились настоящей древнерусской речью. Но мы так и не приблизились к разгадке «тайны русской души». Не приблизились ни на миллиметр.

Результатом такого осознания стала — радость. Да, огромную радость для нас составляет то, что эту тайну невозможно открыть, однако каждый из русских, если при-

слушается к себе, то почувствует её внутри себя как неотъемлемую составляющую духовной сути русского человека.

И, наконец, последнее и, наверное, самое главное: наши взгляды и рассуждения не имеют точек соприкосновения с чем бы то ни было, связанным с понятием «национальный вопрос». Мы трудимся ради иной сферы, ничем не замутняя своего исследования как более высокого. Трудимся ради осознания ещё одной части пути нашей Родины. Самим Богом установленного пути. Нашего пути. Пути к Нему, к Богу.

Боже, милостив буди нам грешным!

Многогрешный монах Варлаам

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеппский Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Пер. с арабск. [и предисл.] Г. Муркоса. (По рукописи Моск. Глав. архива Мин-ва ин. дел.) Вып. 2. От Днестра до Москвы. М., 1897.

2. Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 года). М.: АН СССР, Институт истории материальной культуры, 1953.

3. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М.: АН СССР, Институт истории материальной культуры, 1954.

4. Борковский В. И. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.: АН СССР, Институт языкознания, 1955.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2007.

6. Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский. Жития святых. М.: Издание Введенской Оптиной пустыни, 1992.

7. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учётом материала находок 1995 — 2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

8. Зализняк А. А., Малыгин П. Д., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских и новоторжских раскопок 2001 г. М., 2002.

9. Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. М., 2006.

10. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI-XII века.

11. Лихачёв Д. С. История русской литературы XII-XVII веков. М., 1979.

12. Лихачёв Д. С., Дмитриев Л. А. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.

13. Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 496 с. (серия «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»).

14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., дополненное. М.: РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2007.

15. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

16. Платов А., Таранов Н. Руны славян и глаголица. М., 2010. С. 7-8 — ссылка на работу: Бычков А. А., Громов Д. В. Славянские руны: факты и домыслы. М., 2005.

17. Спасский И. Г. Русская монетная система. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962.

18. Тиханова М. А. Следы рунической письменности в черняховской культуре // Лихачёв Д. С. Средневековая Русь. М., 1976.

19. Чудинов В. А., профессор, академик. Русские руны. М.: РАН, Научный совет по истории мировой культуры, Комиссия по истории культуры Древней и Средневековой Руси. Евразийское отделение РАЕН. Академия фундаментальных наук. Институт древнеславянской и древнеевразийской цивилизации, 2006.

20. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997 — 2000 гг.). Т. 11. М.: РАН, Отделение истории, 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

ЧАСТЬ 1

Краткий обзор, или продолжение введения 12
Движение началось 24
Новый этап развития 30
Варяги 34
Времена летописные 44
Рюрик и Олег — доблесть и верность 50
Мать и сын — мудрость и честь 57
Крещение Руси 69
Ярослав Мудрый и Русь незнаемая 75
Переход на север
(От Мономаха до Андрея Боголюбского) 85
Рок Киева и Андрея Боголюбского 89
К веку тринадцатому 95
Уровень грамотности — показатель развития 102
Западный образ жизни и княгиня Евпраксия 107
Блеск рыцарских доспехов 112
Крестоносцы на севере 119

ЧАСТЬ 2

Вот и XIII век 130
А что в это время происходит дома? 136
Время Александрово. Начало 142
Что вокруг? 146
У острова варягов 152
Круг замыкается 159
Атмосфера детства Александра Невского 164
И перед бурей нет затишья 172

Окончание старого мироустроения 179
Чингисиды в первом приближении 189
Народ — монголы 195
Чингисхан 203
Закон 208

ЧАСТЬ 3

Маловероятно, но предположим 218
Война. Начало. Рязань 226
Война. Продолжение. Владимир 235
Война. Окончание. Великий Новгород 241
Реакция римо-католиков 254
Вторжение. Шведы 263
Теперь немцы 284
Запад. Наказание 297
Гибель отца и начало большой политики 306
Жизнь в новых условиях 323
Север и юг. Ещё вместе 333
Интриги. Измена. Неврюй 347
И всё же должно быть что-то ещё 366
И вечный бой 379
Вокруг ближневосточных событий 390
Так какую же дань платили монголам на самом деле? ...398
Близок локоть, да... 407
Малая Азия и большая политика Александра Невского 417
За други своя 426
Русь святая, храни веру православную! 433

Список литературы 437

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВСТРЕЧА, или РУСЬ НЕЗНАЕМАЯ

Вместо предисловия 444
Первые находки 447
Свет из древности 451
Гипотеза становится фактом 455

У окна 459
Встреча 469
Знакомство продолжается 480
А что было до кириллицы? 488
Ещё глоток от сосуда древности 498
Ну, вроде бы, всё 505

Список литературы 514

Монах Варлаам (Карабашев)

НИТЬ АРИАДНЫ ОТ ВРЕМЕНИ СВЯТОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО